

Никита Леонтьев
*Усташские лагеря смерти в Независимом
государстве Хорватия в 1941–1945 гг.*



Никита Леонтьев

**Усташские лагеря смерти
в Независимом государстве
Хорватия в 1941–1945 гг.**

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 9
ББК 63
Л47

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Леонтьев Никита

Л47 Усташские лагеря смерти в Независимом государстве Хорватия в 1941–1945 гг. / Никита Леонтьев. — [б. м.] : Издательские решения, 2020. — 450 с.
ISBN 978-5-4498-8589-0

Перед Вами — вторая книга балканиста-любителя Н. Леонтьева, в которой автор рассказывает об усташских лагерях смерти в одном из сателлитов гитлеровской Германии — Независимом государстве Хорватии — в годы Второй мировой войны.

**УДК 9
ББК 63**

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4498-8589-0

© Никита Леонтьев, 2020

ВСТУПЛЕНИЕ

Дорогой читатель!

О Второй мировой войне написано огромное множество книг. В этом нет ничего удивительного, так как эта тема остается актуальной и по сей день. Историческая и художественная литература по этой тематике регулярно дополняется и расширяется за счет новых произведений, которые пишутся авторами во многих странах мира. Особый интерес Вторая мировая война и все, что с ней связано, вызывала и вызывает у российских читателей. И кажется, словно уже не осталось такого явления или эпизода из этого периода истории, о котором бы не рассказывалось подробно на страницах учебников и романов, в газетах или научных статьях. Но они есть. Эта книга — рассказ об одном из таких явлений.

Наверное, каждый из нас знает о том, как в годы Второй мировой войны фашисты устраивали концентрационные лагеря для своих пленников. Там их заставляли работать в нечеловеческих условиях, там их пытали, морили голодом, массово уничтожали. Такие названия, как Бухенвальд, Освенцим, Дахау, Трешлинка по праву наводят ужас на любого, кто когда-либо читал или слышал о них. Но мало кто знает, что в те годы существовала страна, в которой также устраивались лагеря смерти, ужасы которых не уступали, а то и превосходили ужасы немецких лагерей. Имя этой стране — Независимое Государство Хорватия.

Это государство образовалось весной 1941 года на развалинах бывшего Королевства Югославия, оккупированного немцами и итальянцами. Независимое государство Хорватия, или НГХ, с одобрения Гитлера и Муссолини основали хорватские националисты-радикалы — усташи — во главе с вождем («поглавником») Анте Павеличем. В состав НГХ, помимо собственно хорватских земель, входила практически вся Босния и Герцеговина. Таким образом, в новообразованной

стране проживали представители сразу трех народов (и одновременно конфессий): хорваты-католики, бошняки-мусульмане и православные сербы. Ни один народ не был в явном большинстве в целом по стране. Так, сербы жили и в хорватских регионах, и в Боснии и Герцеговине; там же, в Боснии, жили (и живут до сих пор) боснийские хорваты.

Лидеры усташского движения во главе с Павеличем разработали и приняли государственную программу, одно из важнейших мест в которой занимало решение национального вопроса. Бошняков решено было причислить к хорватскому народу, их даже называли «цветами хорватства». Сербов же, считавшихся усташами «низшей расой», планировалось разделить на три части: одну треть обратить в католичество, вторую изгнать, третью — уничтожить. Таким образом, геноцид сербов стал неотъемлемой частью государственной программы НГХ.

Для этих целей в стране начали открывать распределительные и концентрационные лагеря. Впрочем, сами власти называли их «рабочими». Туда отправляли сербов, евреев, цыган, бошняков и даже хорватов, недовольных режимом Анте Павелича. Отправляли и просто всех, считавшихся «нежелательными элементами» — коммунистов, антифашистов и им сочувствующих. Национальная принадлежность в этом случае не играла роли — пленными лагерей НГХ были русские, белорусы, чехи, словаки и даже немцы.

Некоторые лагеря открывали немцы и итальянцы, полностью их контролируя. Такие лагеря по своему укладу и распорядку ничем не отличались от лагерей Германии и Италии. Другое дело — лагеря, основанные усташским правительством НГХ. И внешне, и даже по структуре управления они могли напоминать немецкие (по образцу которых, в общем-то, и создавались). Но реальное положение дел в них было совсем другим.

В усташских лагерях не было ни немцев, ни итальянцев — весь управленческий аппарат был представлен усташами.

Поскольку многим усташам, особенно молодежи, с детских лет внушали ненависть к сербам и вменяли в обязанность уничтожать их любыми способами, жизнь пленных усташских лагерей была настоящим адом. Усташки соревновались друг с другом в том, кто убьет больше пленных в день, или в том, кто придумает больше способов пытки или убийства. От зверств и мучительной смерти не были избавлены ни женщины, ни дети — даже новорожденные и грудные младенцы. Известны случаи, когда немецкие или итальянские солдаты и офицеры спасали пленных от усташей, не в силах наблюдать подобное обращение с людьми.

...К сожалению, тема усташских лагерей в нашей стране не получила широкого распространения. Тому есть минимум две причины. Первая — советских военнопленных туда не отправляли. Вторая — в послевоенной социалистической Югославии эта тема оказалась под запретом в рамках тогдашней политики «братства и единства». Считалось, что упоминания о лагерях смерти, устроенных усташами, могут нарушить хрупкое равновесие и помешать строительству дружбы между хорватами и сербами. После распада Югославии в 1991 году говорить и писать об этом начали только в Сербии, куда переехали на постоянное проживание и многие сербы — бывшие пленные усташских лагерей. В новой независимой Хорватии после 1991 года начал процветать ревизионизм, восхваление усташского движения, появились его последователи — их можно назвать неоусташами. О лагерях смерти начали говорить как о «рабочих», а число их жертв — сводить к минимуму.

Работая над этой книгой, я поставил себе задачу — показать российскому читателю по возможности широ-

кую и достоверную картину, описывающую усташские лагеря. Информации такого рода на русском языке практически нет. Насколько мне известно, в русскоязычной литературе в принципе нет книги, в которой бы систематически описывались усташские лагеря. Подчеркну, что предлагаемую мной книгу нельзя считать учебником истории — по причине того, что факты в ней разбавлены значительным количеством допущений и гипотез. При этом как-либо подтвердить или опровергнуть их в наши дни попросту невозможно. Дело в том, что усташа старались не оставлять следов своих преступлений: так, ямы в горах Велебита, куда сбрасывали еще живых узников, потом бетонировались или закидывались камнями, что сделало невозможным извлечение останков и их подсчет. В последние месяцы войны, когда поражение Гитлера уже было лишь вопросом времени, усташа расформировывали лагеря, уничтожая всю документацию, стирая бараки с лица земли. Пленных же массово уничтожали, а затем либо сжигали, либо сбрасывали в реки.

...В мае 2018 года мы с другом посетили мемориальный комплекс на территории некогда крупнейшей системы усташских лагерей смерти — Ясеновца. День был солнечный и теплый, почти жаркий. К мемориалу вел широкий дощатый настил. Слева от нас, возле озера, располагалась плита-путеводитель по территории бывшего лагеря: она словно бы повторяла форму окрестностей в миниатюре. В глаза бросалось явное стремление строителей комплекса скрыть как можно больше следов былой деятельности лагеря. Кроме плиты (которую тоже еще нужно было найти) — ни таблички, ни указателя. Только мемориал и зеленый холм с букетами цветов у подножия. И сонная тишина весеннего дня.

Когда мы вошли под каменные своды мемориала, изнутри повеяло прохладой и... гнилью. Дощатый настил, ведущий к мемориалу, заходил и внутрь, но там его доски

из-за отсутствия солнца и высокой влажности почти совершенно прогнили. Они с мягким скрипом пружинили под ногами, и ходить по ним было откровенно неприятно. На противоположной от входа стороне, на дощатом сгибе, была установлена табличка с четверостишием из поэмы хорватского поэта-антифашиста Ивана Горана Ковачича «Яма». Я перевел его на русский язык:

«Где же блеск стекла, куда же счастье дели,
где ласточки гнездо? И что же сад затих?
Где же стук знакомый колыбели,
и в луче солнца рой пылинок золотых?»

Рядом лежали памятные венки, многие — с национальными флагами, так что было видно, приезжие из каких стран их возложили. Тут были венки из Нидерландов, Германии, Испании, Австрии, Хорватии, Сербии, России...

Возвращаясь обратно, мы направились в сторону музея. Где-то на полпути нам встретился любопытный экспонат — поезд, очевидно из тех, которыми перевозили пленных. Окна вагонов были забраны колючей проволокой.

В своей книге «Ветер с Балкан» я достаточно подробно описал наш визит в Ясеновац. По итогам осмотра мемориала, музея и окрестностей у меня создалось впечатление, что власти очень хотят полностью скрыть все следы лагеря — но не могут этого сделать. И это понятно. Невозможно стереть память о месте, где за четыре года были уничтожены сотни тысяч людей.

...Как я уже писал выше, в современной Хорватии набирают популярность ревизионизм и новые последователи усташского движения. Чтобы получить представление о текущем положении дел в этом смысле, в апреле 2019 года я начал переписку с Игором Вукичем — хорват-

ским историком-ревизионистом, основателем локального Товарищества «Ясеновац», автором книги «Рабочий лагерь Ясеновац».

Позицию И. Вукича полностью характеризует одна-единственная фраза из его ответа, который он прислал мне по электронной почте:

«Наши исследования направлены на то, чтобы получить картину событий, происходивших в лагере в Ясеновце, при этом количество жертв для нас сугубо вторично».

Чтобы понять, насколько популярна сейчас в Хорватии такого рода позиция, я вступил в переписку с Хрвое Класичем, профессором Загребского университета. Он известен своими антифашистскими взглядами, его даже приглашали в Сербию, в Нови-Сад, читать лекцию по Второй мировой войне — что само по себе является удивительным случаем.

На мой вопрос о Вукиче профессор Класич ответил следующее:

«Он непопулярен. Игор Вукич и его соратники — ревизионисты, отрицающие холокост и геноцид. Таких „ученых“ достаточно в каждой стране. Просто здесь их голоса слышны чуть лучше».

Продолжая тему Ясеновца, я не мог не спросить профессора Класича о количестве жертв лагеря. Его ответ практически полностью совпал с моим собственным мнением:

«Думаю, эта цифра — от 80 до 130 тысяч. Точнее мы уже никогда не узнаем».

...В апреле 2019 года я написал письмо посольству Сербии в России с просьбой о встрече. Мне было интересно понять, что думают об усташских лагерях официальные представители страны, которая приютила значительную часть выживших пленных лагерей. Спустя пару недель мне позвонили: «Добрый день! Это посольство

Республики Сербия, мы звоним по вашему запросу. Когда вы сможете к нам подъехать? Господин посол хочет с вами встретиться».

Третьего мая меня принял в своем кабинете тогдашний чрезвычайный и полномочный посол Сербии в России — господин Славенко Терзич. Он смог уделить мне около 20 минут, живо интересуясь предложенной мной темой. Ниже — отрывки из нашей беседы.

Автор: У нас в России практически никто не знает об усташских лагерях смерти. О немецких знают все. Поэтому я и пишу книгу для российских читателей, чтобы они узнали.

Славенко Терзич: Да! Об этом мало говорится. Это был ужасный геноцид. Если в немецких лагерях все было автоматически, как на заводе, то там был ужас.

А.: И об этом у нас никто не пишет.

С.Т.: У нас во время Югославии тоже почти никто не писал. Было запрещено. Тито строил идеи «братства и единства», чтобы мы подружились. Поэтому и у нас молчали.

А.: Я хочу это показать. Не только Ясеновац, но и другие лагеря, например, на острове Паг.

С.Т.: Был еще лагерь для детей...

А.: Даже несколько.

С.Т.: Да, несколько... Очень хорошо, что Вы об этом хотите писать. Вы читаете книги на сербском?

А.: И на сербском, и на хорватском. Сейчас у меня первый этап работы — я перевожу на русский то, что считаю нужным. Когда это будет сделано, я добавлю свои мысли по этому поводу...

С.Т.: Да-да! Я скоро улетаю в Белград, возможно, я смогу там найти для Вас еще какую-то интересную литературу.

То, что государственный чиновник столь высокого ранга открыто оперирует понятием «геноцид», говорит

о многом. Как и то, что мой аналогичный запрос в посольство Хорватии остался без ответа...

...Уже в процессе работы над этой книгой я поставил перед собой еще одну задачу — лично встретиться и пообщаться с выжившими пленными усташских лагерей. Узнав о существовании ряда организаций, которые в теории могли бы мне помочь, попробовал им написать. Писал, например, в Сербский народный совет Загреба, Музей жертв геноцида в Белграде и некоторые другие организации.

Один из сотрудников Музея жертв геноцида откликнулся на мою просьбу и направил мне контакты Милинко Чекича, почетного президента Товарищества пленных Ясеновца. Я отправил господину Чекичу сообщение, а уже на следующий день от него пришел ответ на электронную почту. В ответе было приглашение в Белград на презентацию книги о бывших пленных и уверения в том, что там я наверняка увижу кого-то из них и смогу с ними пообщаться.

Это было 23 мая. А уже 28 я стоял у входа в Дом армии Сербии, что в Белграде по улице Французской, и ждал господина Чекича. Поскольку он писал, что ему 83 года, я ожидал увидеть дряхлого старца с клюкой, а то и вовсе в инвалидной коляске. Было около половины двенадцатого, а ровно в полдень должна была начаться презентация книги «Узники лагерей — сборник воспоминаний». День был солнечный и жаркий — у нас в Москве и в июле-то такие выпадают не часто.

Ко мне подошел пожилой мужчина невысокого роста, плотно сложенный, с ясным и острым взглядом. Твердая поступь, опрятно одет. Ему можно было бы дать лет шестьдесят, максимум шестьдесят пять. Внешне ничего необычного. Вот только глаза... Умный, острый и одновременно добрый взгляд.

— Простите, вы Никита?

— Добрый день. Да.

— Добрый. Я Милинко. Пошли? — и он махнул рукой в сторону входной двери.

Так вот и началось мое знакомство с бывшими пленными усташских лагерей. Внутри Милинко познакомил меня с президентом Товарищества Славко Милановичем. Как выяснилось, в Товариществе есть президент (Славко), почетный президент (Милинко), главный Одбор (управляющий орган из опытных членов), секретарь, а также рядовые члены Товарищества — это и бывшие пленные, и их дети, родственники и даже просто посторонние люди, которым интересны дела Товарищества.

Презентация книги прошла замечательно. Оказывается, в этом (2019) году Товарищество праздновало юбилей — 60 лет непрерывной работы. Славко и Милинко рассказывали присутствующим, что все эти годы члены Товарищества собирали информацию о таких же, как они сами, бывших пленных лагерей — причем не только усташских, но и немецких, австрийских и прочих. Кроме этого, они записывали все рассказы своих товарищей, собирая их в единую базу. С недавних пор они начали ее оцифровывать. Но и это не все — члены Товарищества регулярно проводят совместные занятия в школах на уроках истории, а также выступают на собраниях и конференциях, в том числе и международных.

Когда официальная часть мероприятия закончилась, Милинко познакомил меня с Еленой Радойчич, членом Одбора. Родилась она в 1934 году в местечке Ябланац в общине Новска. Усташи убили ее деда, бабу, отца и четырехлетнего брата, а ее саму отправили в концентрационный лагерь Стара-Градишка. К сожалению, в ходе нашей беседы ее куда-то срочно позвали, и она вынуждена была уйти.

Откуда-то из толпы, то уходившей, то возвращавшейся, вынырнул Милинко, ведя за собой молодую

женщину, почти девушку, с веселым и задорным взглядом.

— Елена еще вернется. Мы сейчас пойдем в ресторан. Познакомься, это Ясмينا Тутунович-Трифунув. Она историк, работает в Музее жертв геноцида. Пообщайтесь, пока Славко все там готовит, а я пока отойду.

И практически убежал куда-то с энергией, невысказанной для человека своего возраста.

Общаться с Ясминой было одно удовольствие. Когда мы уже собрались идти в ресторан, задал ей вопрос, о котором чуть не забыл ранее:

— На сайте музея Жертв геноцида я видел цифру — 130 тысяч жертв Ясеновца. Это в самом деле ваша официальная позиция?

— Это список тех, чьи личности подтверждены. О ком мы смогли найти хоть какую-то информацию. Конечно же, это неполный список. Мы по мере возможности его дополняем.

...В ноябре того же года я снова поехал в Белград. Меня пригласили на рабочую встречу Товарищества, которая должна была пройти в ближайшую пятницу. А днем ранее у меня была запланирована встреча со Славко. «Выпьем кофе, поболтаем» — выразился он. Я был только «за», ведь в мае мне так и не удалось найти время для обстоятельной беседы.

Седьмое ноября, Белград, квартал Скадарлия. Скрученные безжалостной осенью листья уже устилают улицы и перекатываются под порывами ветерка. Но погода отличная: солнце и тепло, некоторые прохожие — в легких майках и рубашках. Мы со Славко сидим в кафе, пьем домашний кофе и не спеша общаемся. Часть нашего диалога мне удалось записать.

— Когда и где Вы родились?

— Фактически я родился 12 октября 1936 года. Но почему-то по документам у меня написана дата рожде-

ния — 10 сентября. Так уж получилось. Мама говорила мне, что на самом деле я родился 12 октября.

Родился я в деревне Млечаница около Меджуводья, община Козарска-Дубица. (Тогда она называлась Босанска-Дубица).

— Как Вы пережили начало войны и попали в лагерь?

— Начну с отца. Мой отец был солдатом королевской югославской армии. Когда началась война, четники настойчиво звали его к себе. Он отказался. Тогда они сняли с него все обмундирование и отпустили на все четыре стороны. Отец в итоге уехал в Славонски-Брод. Там его арестовали и отправили в Германию, откуда он вернулся после войны в родную деревню.

Остальные члены семьи — моя мать, тетка, сестра в возрасте полутора лет и я — летом 1942 года бежали на Козару. Сестра умерла в дороге — не выдержала тяжелых условий в столь нежном возрасте.

Тогда немцы вместе с усташами организовали мощное наступательное движение в этом направлении (знаменитое Козарское наступление). Огромное количество сербских семей, как и моя, бежали на гору Козара, чтобы там хоть как-то укрыться от врага и попытаться уйти на не занятые им территории. Немецко-усташские отряды взяли Козару в кольцо. В окружении оказалось, наверное, тысяч семьдесят... нет, тысяч шестьдесят восемь — шестьдесят девять.

Там, на Козаре, нас защищала Пятая Козарская партизанская бригада. Дважды — в ночь с третьего на четвертое и с четвертого на пятое июля 1942 года — они пытались прорвать осаду. Обе попытки провалились: бежать удалось лишь очень немногим, а потери среди партизан были очень значительны.

Пятого июля нас взяли в плен и отправили в распределительный лагерь Церовляни, оттуда нас отправили в Ясеновац.

— На чем Вы туда ехали?

— Шли пешком. Благо, это было недалеко. В том месте, куда нас привели, не было почти никаких построек. Мы жили на голой земле. Иногда я, любопытный мальчишка, бегал в сторону печально известной Цигланы — лагеря Ясеновац №3.

— А что Вы ели?

— С едой было плохо. У матери в сумке было немного кукурузного зерна. Какое-то время оно выручало, потом ели чью-то фасоль. Когда же и она закончилась, мы ели траву и корни.

Некоторые из нас, деревенских жителей, имели при себе сделанные собственными руками предметы быта, украшения и так далее. Они делались с душой, были очень красивыми и изящными. Нам разрешали обменивать их на еду. Пленных подводили к ограждению из колючей проволоки, там они менялись с местными жителями.

— При Вас умирали пленные?

— Конечно. Когда кто-то умирал, его не хоронили. Все тела оставались лежать на месте. Шел такой запах... Теперь я не могу видеть даже мертвую крысу или птицу на улице — сразу начинает тошнить.

— Сколько времени Вы провели в Ясеновце?

— Чуть больше месяца. Да, немногим больше.

— А что потом?

— Потом нас отправили в местечко Банова-Яруга, там мы жили до 1943 года. Затем нам разрешили вернуться в родное село. Конечно, нашего дома уже не было — как и соседних домов. Все Междуводье в руинах. Поэтому мы копали землянки и жили там. Иногда на нас совершали набеги усташи, иногда — конные черкесы. Черкесов мы все очень боялись — они были жестокими кровопийцами.

— Когда Вашу деревню освободили?

— Освобождения, в общем-то, и не было. Тут не было боев за село, не пролежала линия фронта. Просто в конце 1944 года усташи и немцы как-то покинули эти края. Вот так мы и освободились.

— Что Вы думаете о количестве жертв Ясеновца? — Этого мы никогда уже не узнаем. Можем говорить, например, о миллионе, но это не истина. Это мысли. — Знаете, из того, что я читал и что сам видел в Ясеновце, я пришел к выводу, что всего за 4 года существования количество жертв было от 100 до 200 тысяч, не больше. — Если брать сам лагерь — может быть. Может быть! Почему нет? Но если брать окрестные места массовых ликвидаций, уничтоженные соседние села...

— Довелось читать у некоторых авторов, что хорваты-домобраны не были жестоки.. — Это правда! Домобраны были чем-то вроде регулярной армии. Они были нормальными людьми по большей части. Могли помогать беженцам. Усташи же были чем-то вроде особых подразделений, там все было совсем иначе.

...Мы расплатились и собрались уходить. Славко передал мне бумажку с адресом Товарищества: Савская площадь, 9/IV.

— Четыре — это же номер здания? — спросил я, не сомневаясь в ответе.

— Нет, здание там одно. А четыре — это этаж! — шокировал меня Славко.

На следующий день мы собрались в кабинете, который в самом деле был на четвертом этаже. Как мне пояснили, Товарищество только арендует его у СУБНОР-а (Союза товариществ борцов народно-освободительной войны). Вдоль стен стояли шкафы с книгами и документами — все они принадлежали СУБНОР-у. На мой вопрос, есть ли здесь что-то, принадлежащее Товариществу, Славко кивнул на одинокую книжную полку возле окна, плотно забитую документами.

Собравшихся было человек пятнадцать. Из уже знакомых мне — Славко, Милинко и Елена. Была еще незнакомая девушка примерно моего возраста, остальным собравшимся можно было дать от сорока до семидесяти лет. Главной темой для обсуждения была поездка делегации Товарищества в Загреб на детское кладбище Мирогой, которая должна была состояться завтра. Там похоронены дети, умершие в детских лагерях НГХ, а также в городских приютах и больницах после спасения из лагерей. Члены главного Одбора торопливо проверяли документы, уточняли информацию о автобусе, месте встречи, количестве и составе делегации...

Нашлось время и для других дел. Так, например, незнакомую девушку и меня приняли в ряды Товарищества. Я стал первым членом-иностранцем из дальнего зарубежья за все время работы Товарищества. Также нам немного рассказали о том, как прошло заседание Международного комитета по вопросам беженцев и жертв фашизма, состоявшееся 20 и 21 сентября в столице Словении — Любляне. Товарищество на этой встрече представляли, конечно же, Милинко и Славко.

Подводя итог вышесказанному, отмечу вот что. Я представляю на суд читателей книгу, которую, будь я ученым-историком, можно было бы написать совсем иначе. Ее нельзя считать учебником, так как она написана не специалистом, а любителем, и вопросов в ней больше, чем ответов. Но ее нельзя считать и художественной литературой, поскольку она повествует о реальных событиях и раскрывает истории и судьбы реально существовавших людей.

Право отнести эту книгу к какому-то жанру — или же не относить — я оставляю читателям. Гораздо важнее, чтобы она вызвала у людей интерес.

В таком случае я буду знать, что писал ее не напрасно.

**ФОРМИРОВАНИЕ
И РАЗВИТИЕ УСТАШСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

Как появилось усташское движение? Принято считать, что его основоположником стал хорватский политик и публицист Анте Старчевич. В 1861 году он вместе с Эугеном Кватерником основал хорватскую националистическую Партию права. Самоназвания «усташа» в том смысле, который стал известен в двадцатом веке, при жизни Старчевича еще не существовало. Но идеология Старчевича, безусловно, является предтечей усташской идеологии, которую распространял его последователь и лидер НГХ — Анте Павелич.

Немецкий историк Карлхайнц Дешнер считал, что главным идейным вдохновителем усташского движения был именно Анте Старчевич.

«Их духовный лидер, Анте Старчевич, придерживался мнения, что сербов как народа вообще не существует, а все то, что зовется сербским — подлежит уничтожению.» (К. Deschner: *Abermals Kraehte der Hahn*, Stuttgart 1962).

Хорватский историк Йосип Хорват: «Старчевич являл собой пример хорватского национал-империалиста. Он растянул хорватское влияние далеко за границы страны: по его мнению, и сам Душан Сильный — представитель хорватской династии Неманичей...»

Антисербская риторика Старчевича, вся его расистская идеология опирается на три основных постулата: 1) сербы — расово и человечески неполноценные существа, оскверняющие своим присутствием хорватские земли; 2) прогресс и развитие хорватского народа тормозятся по вине сербов; 3) хорваты имеют право и даже обязанность очистить свои земли от сербов — любым пригодным для этого способом.

Чтобы оправдать свои идеи, Старчевич намеренно в своих речах и документах лишал сербов права на любую идентичность, представляя их то «помесью цыган и греков», то «искусственным творением Вены и Пешта,

созданным с целью воспрепятствования созданию хорватского государства». И далее он заключал: сербы, как существа, по своим умственным и культурным характеристикам уступающие даже животным, не могут быть приравнены к человеку. И их уничтожение не может быть грехом: напротив, очищение родной хорватской земли от их присутствия — прямой долг любого хорвата-патриота.

Однако подобное отношение к сербам в хорватской среде родилось еще задолго до Старчевича. Сербский историк и исследователь Срджа Трифкович в своей книге «Усташи — балканское сердце тьмы» писал:

«В 1690 году состоялось так называемое Великое переселение сербов. Австрийские войска вынуждены были отступить из Южной Сербии, Косова и Метохии, тем самым фактически возвращая их туркам. Местные сербы, опасаясь турецкой мести, начали уходить на север вслед за австрийцами. От 50 до 80 тысяч сербов, покинув южные окраины своей земли, поселились на землях к северу от Савы и Дуная. Австрийский император Леопольд I взял сербских беженцев под защиту короны.

В 1699 году прошла еще одна, менее значительная, волна переселения. Хорватские и венгерские магнаты, а также представители их католической верхушки потребовали, чтобы «схизматиков» перевели в состояние феодальной зависимости, а заодно и покатоличили. Амброз Кузмич, священник Загребской епархии, в докладе от 13 ноября 1700 года пишет: «...лучше валахов перебить, нежели разрешить им поселиться, так как от них более вреда, нежели пользы: ни царь, ни держава никогда не будет жить с ними в мире». Это — первый известный нам пример предложения радикального окончательного решения «сербского вопроса» в Хорватии».

Последователи Анте Старчевича — Йосип Франк, Доминик Мандич, Иван Пилар, Керубин Шегвич и сам

Анте Павелич — продолжали распространять по территории Хорватии идею расизма и шовинизма, готовя почву для геноцида сербов. «Партия права», основанная Анте Старчевичем, позже преобразовалась в еще более антисербскую «Чистую партию права», которую возглавил Йосип Франко. Начиная с 1890 года, эта партия регулярно претворяла в жизнь радикально антисербскую политику.

Хорваты-националисты, проводившие антисербскую политику, считавшие своим долгом создать этнически чистую Хорватию, начали организованно регулировать и развивать свое движение. Назвав сами себя усташами, а свое движение — усташским, они впервые сформировали свою организацию в Италии. Одним из первых шагов новооснованной организации стало создание тренировочных лагерей — как на территории Италии, так и в Венгрии — в Янка-Пусте.

С. Трифкович: «Хорватский сепаратизм родился одновременно с Югославией. Уже 2 декабря 1918 года франковцы начали активно призывать хорватов принять участие в акции против объединения. А 5 декабря в Загребе, на площади бана Елачича, произошло столкновение противников объединения с силами Народного совета. Хорватские националисты потеряли в этом столкновении 13 человек. Этот день потом занял почетное место в усташском календаре, став государственным праздником в НГХ. Таким образом, один, по сути, внутрехорватский конфликт превратился в миф о массовом народном отпоре сербской оккупации».

Когда и как усташское движение получило свое название? Это можно узнать, например, из карточки Государственного архива Хорватии. Ее можно найти в интернете в открытом доступе (1. fond/ HR-HDA-249 Ustaša. Hrvatski oslobodilački pokret; HR-HDA/S — 1594; ISAAR (CPF) Međunarodni standard arhivističkog normiranog

zapisa za pravne i fizičke osobe i obitelji, 2. izdanje, Zagreb, Hrvatski državni arhiv, 2006.).

Что же записано в этой архивной карточке? Например, то, что у усташского движения было сразу два полных названия. В период с 1932 по 1933 годы оно называлось «Усташ — хорватская революционная организация» (сокращенно «Усташ — ХРО» или УХРО), а с 1933 по 1945 годы было известно как «Усташ — Хорватское освободительное движение» (сокращенно «Усташ — ХОД»). Впрочем, последнее сокращенное название в русскоязычной литературе нередко пишется как ХОП — прямой транслитерацией с хорватского (НОР — Hrvatski oslobodilački pokret).

Любопытно, что впервые в истории слово «усташ» относилось к... сербам. Правда, тогда оно имело совсем другой, первоначальный смысл — «повстанец», «восставший» независимо от национальности человека, его политических и религиозных взглядов. Так, об этом свидетельствуют воспоминания Петра Карагеоргиевича «Дневные записи одного усташа о боснийско-герцеговинском восстании 1875—1876 годов». В промежутке между двумя мировыми войнами слово «усташ» появляется в учебнике истории для младших классов средних школ в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) за 1924 год. В этом учебнике есть такие строчки: «Петар Карагеоргиевич вступает в ряды усташей и борется за народ сербский. Уйдя в усташа, он взял себе другое имя — Петар Мркониц».

С первых же дней существования организации ее руководящим органом являлся Главный усташский штаб во главе с вождем («поглавником») Анте Павеличем. До 1941 года усташская организация вела свою деятельность за пределами Хорватии. В 1941 году, после провозглашения НГХ, было принято решение интегрировать усташское движение в государственный аппарат. То-

гда же, в 1941 году, была основана новая усташская организация — «Усташская молодежь», включавшая в себя мальчиков и девочек, юношей и девушек в возрасте от 7 лет до 21 года. В 1942 году был выпущен документ, утверждавший список членов усташского движения: помимо усташей-мужчин, это были и женщины (Женский отдел ХОД), «Усташская молодежь», а также все сочувствующие усташскому движению, в том числе и члены Усташской воиницы.

Главные задачи новоиспеченной организации: свержение короля Александра, выход всех хорватских земель из состава Королевства Югославия и создание независимого хорватского государства.

После основания УХРО Павелич вместе с группой своих ближайших приспешников бежал из Югославии. Павелич посетил Австрию, Германию и Болгарию, а позже переехал в Италию. Здесь, а также в Германии и Венгрии, основатели усташского движения открыли целый ряд усташских центров. В них они обучали бойцов, которые должны были составить ядро повстанческой армии и освободить Хорватию от власти официального Белграда.

В 1932 году был опубликован первый программный документ усташского движения — Конституция УХРО. Годом позже его дополнил еще один важный документ (по некоторым данным — заменивший собой Конституцию) — так называемые «Принципы усташского движения».

Ниже — некоторые параграфы «Принципов» (из редакции документа уже после создания НГХ):

«§8.

Отбросив восстанием чужие силы со своих народных и исторических территорий, хорватский народ претворил в жизнь свое право на верховную (суверенную) власть, на полностью самостоятельное и НЕЗАВИСИ-

МОЕ ГОСУДАРСТВО ХОРВАТИЯ. Он имеет право распространить свою верховную власть на все свои народные и исторические территории. Хорватский народ не связан никакими международными или иными другими обязательствами из прошлого, которые бы не находились в полном согласии с данными принципами, и подобные обязательства в нашем Независимом Государстве Хорватия не следует брать в расчет.

«§11.

В хорватских государственных и народных делах в Независимом Государстве Хорватия лишено права голоса любое лицо, не являющееся частью хорватского народа по происхождению и крови. Также ни один чужой народ и ни одно государство не может принимать решения о судьбе хорватского народа и хорватского государства.

«§12.

КРЕСТЬЯНСТВО — ОСНОВА И ИСТОЧНИК ЛЮБОЙ ЖИЗНИ, И, БУДУЧИ ТАКОВЫМ — ЯВЛЯЕТСЯ ПЕРВЫМ НОСИТЕЛЕМ ЛЮБОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ХОРВАТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ... Кто в Хорватии не имеет сельских корней — тот в девяноста случаях из ста не является хорватом ни по происхождению, ни по крови...»

...Итак, вскоре после основания усташского движения его лидеры, находившиеся в эмиграции, начали организовывать учебно-тренировочные базы. С этой целью Павелич сформировал орган, контролировавший создание и работу таких баз. Итальянское правительство официально признало его в 1932 году. С тех пор он упоминается в итальянских документах как «усташское военное ядро». Попытки Павелича набрать в свой лагерь как можно больше рекрутов-военных нельзя назвать успешными: на первых порах в лагере проходили подготовку около 40—50 человек. В конце 1935 года был достигнут

максимум — около 550 человек. В основном это были выходцы из крестьянских семей Лики, Далмации и Западной Герцеговины. Большинство из них не имело никакого образования, они эмигрировали из родных краев в поисках работы.

Одним из самых известных тренировочных лагерей был Янка-Пуста (Янковац) — усташский тренировочный лагерь в Венгрии, неподалеку от государственной границы с Королевством сербов, хорватов и словенцев, рядом с современными местечками Мурски-Крстур и Белезна. В 1931 году эту землю взял в аренду усташ Густав Перчек, прошедший в документах под вымышленным именем — Эмиль Хорват. С разрешения венгерских властей он организовал там усташский центр.

В середине мая 1933 года Анте Павелич назначил на должность временного управляющего лагеря усташского офицера Векослава Серватци. Едва заступив на новую должность, Серватци основал новый, чуть меньший по размерам тренировочный лагерь — База-Пусту в 25 км от границы. Это было сделано из соображений осторожности, так как лагерь Янка-Пуста располагался чересчур близко к границе и уже был известен. Позже Серватци основал еще один небольшой лагерь в местечке Велика-Канижа.

В конце марта 1934 года, после неожиданного предательства Степана Петровича, тренировочные лагеря близ венгерской границы перестали быть безопасным местом для усташей. И уже в апреле того же года Серватци перевез своих людей в более безопасное место. На этом работа Янка-Пусты как усташского тренировочного центра была прекращена, а в конце 1934 года он был полностью покинут и заброшен.

Чтобы понять, почему дальнейшие отношения Павелича с итальянцами развивались определенным образом, нужно иметь в виду важный момент: уже во время осно-

вания «военного ядра» в 1931–1932 годах Павелич во всех своих действиях был полностью зависим от Рима. Итальянская полиция передавала ему деньги и помогала во всех организационных моментах: снабжала амуницией и оружием, едой, одеждой и обувью. Посредником между Павеличем и Муссолини выступал инспектор Этторе Конти, который был ответственным по делам усташской группы вплоть до ее отъезда из Италии. Содержание усташей обходилось итальянскому правительству почти в 100 000 лир ежемесячно.

Летом 1933 года в ряды усташей был принят некто Петар Ореб. После прохождения обучения в усташском лагере на территории Италии он с венгерским паспортом был отправлен в Югославию с заданием убить короля Александра. (Было известно, что король прибудет в Загреб 17 декабря, где отпразднует свой день рождения). Покушение провалилось, Ореба и его помощника арестовали фактически в последний момент, когда они уже готовились совершить убийство. Арест оказался возможен благодаря информированности Владеты Миличевича, эксперта Министерства внутренних дел по вопросам усташского движения.

Незадолго до прибытия Ореба Муссолини направил в Югославию одного из своих дипломатов с целью наладить контакт с королем Александром и постараться улучшить отношения с Югославией. Обе стороны были готовы к общению, и единственной преградой к «потеплению» отношений тогда было лишь требование Муссолини признать итальянское доминирование в Албании. Возможно, эту преграду удалось бы как-то преодолеть, но тут королю Александру сообщили об аресте Ореба и всех обстоятельствах готовившегося покушения. Король пришел в бешенство от двуличности официального Рима и в одностороннем порядке прервал с ним все контакты.

Король Александр был убит в Марселе 9 октября 1934 года. В организации и исполнении убийства приняли непосредственное участие и усташи. Международная реакция на его смерть вынудила Венгрию ликвидировать усташские тренировочные базы и перебросить оставшийся десяток усташей в Италию. Дошло до того, что Павелич стал изгоем в большинстве стран Европы; все организации, хоть как-то (пусть даже косвенно) связанные с Павеличем, расформировывались и запрещались. Особенно выделялась в этом смысле Бельгия, где был распущен целый ряд «общественных» и «гуманитарных» организаций, на самом деле также бывших усташскими. Под давлением международных сил Муссолини выселил всех усташей на Липарские острова — за исключением самого Павелича и его молодого помощника Эугена Дидо Кватерника. Итальянские власти отказались выдать их как французам, так и югославам, после чего посадили их в туринскую тюрьму.

После марсельского убийства короля Александра, а именно 25 октября 1934 года, МИД Германии направил предписания всем представителям Рейха за рубежом. Они содержали жесткое требование: в любом диалоге с официальными лицами стран-хозяек выражать явное осуждение усташей. Тем самым Рейх стремился показать Европе, что не только не имеет никакой связи с марсельским убийством, но и считает усташское движение однозначно негативным явлением. Немецким дипломатам было поручено ссылаться на факт запрета печати двух хорватско-эмигрантских газет и на то, что по запросу посольства Югославии все живущие в Германии хорваты, которых можно было бы подозревать в связи с усташами, находятся под постоянным надзором. Кроме того, дипломаты Рейха могли ссылаться и на помощь, которую Германия оказала Югославии в расследовании марсельского убийства.

Сотрудничество же Югославии и Рейха продолжало расти и развиваться. Дальнейшие требования югославской стороны усилить надзор над живущими в Германии хорватами направлялись непосредственно в гестапо. Связь Павелича, весь 1935 год проведенного в туринской тюрьме, с остальными членами усташского движения была практически полностью прервана. Усташи во всей Европе затаились, свернув свою деятельность — это был так называемый период «великого молчания». Германия начала проводить беспрецедентно жесткие меры по отношению к местным хорватам: все они находились под постоянным надзором полиции. Кроме того, она практиковала превентивные аресты подозрительных хорватов: например, целая волна таких арестов прошла перед визитом главы правительства Югославии Милана Стоядиновича в 1937 году. Таким образом, вскоре после марсельского убийства положение усташских эмигрантов стало крайне незавидным: их деятельность была под запретом, их лидеры могли быть в любой момент арестованы, неоткуда было ждать ни политической, ни финансовой помощи.

Несмотря на все это, Павелич попытался обратиться непосредственно к немецкому правительству. В 1936 году он составил объемный меморандум «О хорватском вопросе», который адресовал Министерству иностранных дел в Берлине. В меморандуме Павелич сделал акцент на собственной приверженности идеям национал-социализма, а также вновь вернулся к тезисам о противоположности сербов и хорватов. Подчеркивая, что хорваты, в отличие от сербов — «готы», то есть не славяне, а германцы, Павелич также объяснил суть единой Югославии. По его мнению, югославское государство было создано нелегально, без какой-либо поддержки хорватского народа. Большую часть территории Югославии Павелич назвал «этнически, исторически и культурно

хорватскими землями, крайне важными для Европы». В числе главных врагов хорватов Павелич, помимо сербов, приводил «международное масонское сообщество, еврейство и коммунизм».

«В хаосе национальностей — царство евреев. Хорватское национальное государство было бы нежелательно евреям, так как отец современного хорватского национализма — Анте Старчевич — был враг еврейства и антисемит. И в самом деле, Югославия развилась именно так, как это и предвидели евреи — как настоящее Эльдорадо для еврейства...»

Особенно Павелич отметил то, что «в еврейско-масонских руках находится вся хорватская печать». Именно это, по мнению Павелича, объясняет наличие «хорватских» текстов, направленных против Германии и национал-социализма.

Меморандум Павелича, однако, не возымел никакого эффекта. Официальная позиция Берлина по усташам осталась прежней. В Германии вспомнили о меморандуме только после того, как было принято решение о нападении на Югославию. Что же касается Италии, судя по всему, она и вовсе не узнала о существовании этого документа.

Период с 1934 по 1937 годы стал самым тяжелым для усташского движения. Оно повсеместно было под запретом, осуждалось и критиковалось, а его лидеры были разбросаны по ссылкам и тюрьмам. Казалось, существованию усташей вот-вот наступит конец.

Но 25 марта 1937 года в Белграде был подписан Договор о ненападении и дружбе между Италией и Королевством Югославия. Согласно Договору, «на определенных условиях Королевство Югославия амнистировало эмигрантов-усташей и позволяло им легальный въезд на свою территорию» (Д. Затезало «Ядовно — комплекс усташских лагерей 1941»). В самом Договоре упомина-

ний об этом нет; возможно, эта договоренность была отражена в каком-то из дополнительных договоров, подписание которых было предусмотрено пунктом 5 Договора. В свою очередь, итальянская сторона дала обязательства — запретить усташскую деятельность на своей территории, оповещать югославское правительство о состоянии усташской эмиграции и обеспечить возможность возвращения в Югославию всем желающим усташам-эмигрантам.

Естественно, что по возвращении на родину такие видные усташские лидеры, как Миле Будак, Младен Лоркович, Юре Францетич и прочие немедленно начали разворачивать широкую сеть усташской пропаганды. Так, в начале февраля 1939 года был основан ежедневник «Хорватский народ», который был абсолютно легальным усташским СМИ.

Усташское движение опиралось и на католическую церковь. Клерикализм помогал воспитывать новых членов движения в духе экстремистского национализма, шовинизма, расизма, национальной и религиозной ненависти, сепаратизма и стремления к мести. Такого рода воспитание проводилось специально созданными в этих целях обществами: «Крестовое братство», «Мариина конгрегация», «Домагой» и прочих.

Особенно следует выделить «Крестовое братство», которое, будучи зарегистрировано как сугубо религиозная организация, фактически являлось полувоенным институтом усташства. С 1937 года это общество начало функционировать в Госпиче под руководством Степана Патка и Анте Брклячича. «Крестовое братство» воспитало самых кровавых палачей и убийц. Члены братства приветствовали друг друга поднятой правой рукой и возгласом «Да здравствует Анте Павелич!».

Еще одно общество из Госпича — «Мариина конгрегация» — было основано жупником Николой Машичем

и воспитывало преимущественно девочек и девушек — учащихся средних школ.

Клеро-националистическую концепцию в своих речах выражали многие усташские лидеры. Сотрудничество усташства с католической церковью подчеркивал, например, Миле Будак, который в своем выступлении, состоявшемся 13 июля 1941 года в Карловце, заявил: «Братья и сестры! На нашей преданности церкви и католической вере основана вся наша работа, ведь история научила нас, что не будь мы католиками — мы бы давно прекратили существование. На них-то, братья и сестры, на наши величайшие святыни — церковь, веру и семью — нападают наши главные враги: православные и большевики. Они всегда ищут самое чувствительное место, чтобы ударить по нему. Но именно тут мы дадим им сильнейший отпор, ведь на этих святынях базируется идеология усташского движения».

Можно понять и принять тот факт, что усташаи создали образ внешнего врага (точнее, двух — сербов и коммунистов всех национальностей). В этом нет ничего необычного. Необычно другое — то, с какой нечеловеческой свирепостью усташаи обращались со своими пленными. пытки и казни в исполнении усташей приводили в ужас как итальянских, так и немецких солдат и офицеров. И это при том, что усташское движение всегда черпало силу в народе — иначе оно бы не смогло просуществовать так долго. Неужели целый народ можно считать геноцидным, неужели в те годы вся хорватская нация была нацией изуверов и жаждущих крови зверей?

Разумеется, нет. Ответ кроется в том, из каких именно слоев народа пополняли свои ряды усташаи, а также в том, каким образом они этого добивались.

Лидеры усташского движения обращали свои взгляды не только на Лику и Далмацию (хотя Лику в принципе можно считать колыбелью усташства), но и вообще

на бедные деревни и села, на районы с низким уровнем жизни. Бедные, неграмотные, но любящие свою Родину крестьяне — вот кто был основным «сырьевым ресурсом» для Павелича и его приближенных. Повлиять на мировоззрение этих людей таким образом, чтобы они поверили в идею этнически чистой Хорватии, Хорватии без сербов и евреев, было не так уж сложно.

А вот научить этих людей убивать — сложнее. Тут в ход шли разные инструменты убеждения, в зависимости от конкретного человека. Например, молодым ставили в пример старших — уже состоявшихся убийц. Дальше все зависело от крепости психики «обрабатываемого» новичка и дара убеждения его более опытных товарищей.

Как это выглядело в жизни — то есть как проходило первое «боевое крещение» усташей — можно понять из рассказа усташа Йосипа Орешковича. Ему было всего 19 лет, когда в 1942 году его схватили партизаны. На вопрос, как он, такой юный, мог совершать все эти страшные злодеяния, Орешкович рассказал целую историю, которая наглядно демонстрирует нам, как Павелич воспитывал своих палачей.

«Еще будучи учеником 6 класса госпичской гимназии, я в 1939 году вступил в ряды религиозной организации «Крижары». Там нас воспитывали в усташском духе. Наши встречи посещали Юрица Фркович и Юцо Руквина, они читали нам лекции антисербского толка. Наш пароль был: «Во имя Христа — убей антихриста!» Антихристами для нас были сербы, евреи и коммунисты. Мы организовали ударную группу, которая по ночам нападала на всех «левых». Когда началась война и армия Югославии рассыпалась, мы участвовали в ее разоружении. Мы сразу же вступили в ряды усташей, поскольку считали это своим национальным долгом. Меня и еще некоторых из Госпича направили в лагерь Слана на острове Паг.

К нам приводили девушек-пленниц, раздевали их догола и говорили, что мы можем взять любую из них, но с условием: после полового акта их нужно будет убить. Некоторые из молодежи, опьяненные вином и желанием, легко убивали тех, кого выбрали. Я так не мог. Мне было это противно, о чем я заявил публично. Спустя пару дней в лагерь прибыл какой-то высокий чиновник из Загреба по фамилии Лубурич. Прибыл он, чтобы познакомиться с работой лагеря. И вот тогда-то, с его приездом, и началась настоящая мясорубка. Все море около острова Паг было красно от крови. Лубуричу доложили, что я и еще некоторые усташы не хотят принимать в этом участие.

Узнав об этом, Лубурич созвал всех усташей, построил нас и выступил перед нами с речью. Он сказал, что те, кто не способны убивать сербов, евреев и коммунистов — предатели усташства. После чего спросил — кто же тот усташ, который отказывается убивать пленных? Вперед шагнули я и еще несколько людей. Поскольку я шагнул первым, Лубурич подозвал меня к себе, поставил перед строем и спросил, какой же из меня усташ, если я не могу убивать сербов и евреев.

Я ответил ему, что готов в любой момент отдать жизнь за Поглавника, и что я могу легко убить врага в сражении — но не могу убивать беззащитных, а особенно женщин и детей. Услышав это, Лубурич рассмеялся и ответил, что и это — тоже борьба. Также он добавил, что сербы, евреи и коммунисты — не люди, а животные, и что наш долг — очистить Хорватию от этой чумы. Тот же, кто отказывается это делать — враг Поглавника и Хорватии. После этого он подозвал к себе человека из своего сопровождения и что-то шепнул ему. Тот ушел и через какое-то время вернулся с двумя маленькими (на мой взгляд, им было года два) еврейскими детьми.

Лубурич дал мне одного ребенка и сказал, чтобы я зарезал его. Я ответил, что не могу. Все усташы около меня

приснули от смеха, а затем начали меня дразнить и кричать, что я «усраш», а не «ушташ». Тогда Лубурич достал нож и передо мной зарезал ребенка со словами «Вот как это делается». Когда ребенок закричал и брызнула кровь, я чуть не потерял сознание. Кто-то поддержал меня, не дав упасть. Когда я немного пришел в себя, Лубурич сказал мне поднять правую ногу. Я выполнил приказ, а он положил мне под ногу второго ребенка и приказал: «Ударь!» Я ударил ногой и, похоже, разбил голову ребенку. Лубурич подошел ко мне, похлопал по плечу и сказал: «Браво! Ты будешь хорошим усташем!»

Так я впервые убил ребенка. После этого я напился до полусмерти. Помню, что уже будучи пьяным, вместе с другими насильвовал еврейских девушек — потом мы их всех убили. Прошло еще какое-то время, и мне уже не нужен был алкоголь, чтобы убивать. Позже, когда лагерь Слана был ликвидирован и все его пленники уничтожены, я был отправлен в Кореницу — очищать эти края от сербов. Что я тут делал, вы знаете...»

Отдельного внимания заслуживает усташский лозунг-приветствие: «За дом — готовы!» Откуда он взялся и что означает?

Как только стало очевидно, что гитлеровский режим падет, Павелич бежал в Аргентину (к слову, пределы Хорватии он покинул еще осенью 1944 года). Там, по договоренности с другими лидерами НГХ, он указом от 8 июня 1956 года основал так называемое Хорватское освободительное движение (ХОД). Помимо прочего, эта организация имела и свою газету. В одном из номеров этой газеты — за январь 1968 года — на второй странице была опубликована небольшая статья, в которой приводился разговор с Павеличем. Разговор этот состоялся летом 1957 года в Аргентине. В ходе беседы тогда уже бывший «поглавник» не просто утверждал факт изобретения

ушташского лозунга, но и достаточно подробно рассказывал, что же сподвигло его на это, каким образом «За дом — готовы!» появился на свет. Ниже — отрывок из его рассказа.

«К сожалению, некоторые эмигрантские газеты полагают, будто этот лозунг имеет сходство и даже прямое происхождение от итальянско-фашистского лозунга «Готовы!». Тот лозунг, который был придуман мной, не имеет ничего общего с какими бы то ни было итальянскими или иными иностранными лозунгами, приветствиями и так далее. Когда мы создавали новую Хорватию, возникла потребность в некоем ушташском приветствии, которое было бы не только военным, но и общенациональным. И с этой целью я принялся изучать нашу историю, начиная с самых давних времен.

И однажды, листая архивы, я натолкнулся на интересное высказывание в тексте приказа короля Петра Крешимира IV, изданного в городе Нин в 1069 году. Помимо прочего, король писал: «Как наш всемогущий Господь наше королевство по суше и морю распространил, мы Нашей волей решаем и с готовым сердцем повелеваем...»

Во время правления Крешимира Великого наша страна распространила свою власть так широко, как никогда более — вся Босния была нашей. В том же приказе король писал о «нашем далматинском море». Для меня это было крайне символично: ушташ никогда не отдаст ни хорватскую Боснию, ни наше море!»

«Я прекратил дальнейшие поиски» — продолжал Павелич. «Было ясно, что вот она — та основа, которая затем станет нашим приветствием. Готовы! Готовы отдать все, даже жизнь — за что? За то, что из земного нашего существования является для нас самым святым — за дом! В понятие „дом“ я вкладываю не только территорию нашей Родины: это еще и то, что понятно

и близко каждому — домашний очаг, вообще все родное...»

...С 1935 по 1942 годы в хорватском городке Винковцы издавался ежедневник, ставший с первых дней войны проушташским. В номере ежедневника за 14 ноября 1941 года можно найти обращение (вероятно, одного из лидеров НГХ) к усташам.

«Дорогие усташские герои! Каждый день — будь то в школе, при встрече, на улице или дома — мы приветствуем друг друга нашим красивым усташским приветствием «За дом — готовы!» Это приветствие прекрасно, полно смысла и содержания. Чтобы мы могли еще сильнее полюбить это приветствие, чтобы мы произносили его с еще большим пониманием и уважением, я расскажу вам о том, что оно значит и почему мы, усташи, приветствуем друг друга именно таким образом.

Когда мы говорим «за дом», конечно, имеем в виду не какой-то конкретный дом, то или иное здание — мы имеем в виду общий дом для всех нас, хорватов. Мы имеем в виду нашу прекрасную хорватскую родину. Так же, как отдельный дом служит обиталищем для одной семьи, так и наша родина — один общий дом для всей нашей огромной семьи, имя которой — народ.

Но обратите внимание: не просто так слово «родина» («domovina») происходит от слова «дом». Когда мы еще маленькие дети — наш дом для нас и является родиной. Когда мы вырастаем — мы узнаем, что наша родина — нечто гораздо большее. И чем старше мы становимся, тем шире для нас становится понятие родины. Его конечное значение — вся наша страна, весь наш народ.

Народ — группа людей, которые имеют нечто общее: то, что они могут называть своим. То, чем они могут гордиться: например, как гордимся мы такими великими нашими личностями, как король Томислав, Крешимир, или Зриньские, Старчевич и другие. Как и наш поглав-

ник, в том числе. Вы никогда не встретите представителя другого народа, например, серба, который бы назвал этих людей своими. Который бы гордился ими так же, как гордитесь вы.

А мы гордо говорим: они — наши! Они прославили имя хорватского народа на весь мир. Вы знаете, что нас, хорватов-католиков, везде в Европе называли «оплотом христианства». А хорваты-мусульмане в то же время были достойными представителями нашего народа во дворцах турецкого султана.

Когда нужно было защищать нашу землю, наши предки делали это. Мы были народом воинов и борцов за святой крест и золотую свободу. Но, кроме того, наш народ был богат и на тех, кто брал в руки не только меч, но и перо. На тех, кто описывал наши подвиги и тем доказывал, что мы — не только народ воинов, но и культурный народ писателей, мастеров искусства и науки.

И вот что важно, дорогие усташские герои: все то, что наши предки оставили нам — это и есть наш дом, это и есть наша родина.

Они, наши предки, защищали наши прекрасные края своей кровью. Мы должны быть им благодарны за то, что чудесное Адриатическое море мы можем называть нашим. Они оставили нам славу борцов и воинов, славу мастеров и писателей.

В нашей народной песне «Родина» отец спрашивает сына: «Готов ли ты, сынок, пойти по пути наших дедов?» И сын отвечает ему, что готов работать, учиться, сражаться — делать все, чтобы прославить свою родину.

Видите, дорогие усташские герои, этот ребенок показал, что же нам нужно понимать под словом «готов».

Готов! — работать, учиться, быть умным, готовым ко всякому труду, быть способным послужить во благо родины.

Готов! — быть дисциплинированным всегда, на каждом шагу — ведь без дисциплины невозможно ничего достичь.

Готов! — жертвовать своими личными интересами, ведь только на жертвах основывается величие хорватского дома.

Поэтому, дорогие усташские герои, произносите наше приветствие с уважением, чтобы показать всем: вы знаете, что оно значит.

Покажите в жизни, что вы поняли всю суть нашего приветствия. Произносите его не только словами, но и действиями. Покажите, что вы за дом — готовы!»

**ОБРАЗОВАНИЕ
НЕЗАВИСИМОГО
ГОСУДАРСТВА ХОРВАТИЯ**

...Неизвестно, по какому сценарию развивались бы в дальнейшем отношения Югославии и сил Оси, если бы не одно ключевое событие. Неожиданно для всех (в том числе и для Гитлера) князь Павел Карагеоргиевич, управлявший Югославией после смерти короля Александра, 5 февраля 1939 года сместил Милана Стоядиновича с должности главы правительства. Прежде всего эта отставка ударила по перспективам дальнейших отношений между Белградом и Римом. Будучи превосходным дипломатом, Стоядинович смог наладить отношения с Италией. Он добился того, что между Италией и Югославией возникло взаимопонимание, основанное на примерно равном тогда политическом весе двух стран. Одним из ключевых успехов Стоядиновича стал фактический отказ Италии от территориальных притязаний на Адриатике и в Албании. Устойчивое политическое равновесие и регулярные двусторонние контакты позволяют нам говорить о существовании «малой Оси»: Рим — Белград. После отставки Стоядиновича Италия немедленно вернулась к прежним территориальным вопросам.

Тем не менее, отставка Стоядиновича случилась не вдруг, как это могло бы показаться. Стоядинович, человек крайне талантливый и успешный, имел неосторожность недооценивать тех, кто его окружает. За четыре года на посту главы правительства он нажил немало внутренних врагов. Среди его политических противников были и хорваты, видевшие в нем убежденного «великосерба» и поборника белградского централизма. Между тем, едва заступив на должность главы правительства в 1935 году, Стоядинович начал делать все возможное для ослабления установленной еще королем Александром диктатуры. Доходило до того, что в печати вновь появились критические и оппозиционные материалы, открытая критика правительства. Но если сербская оппозиция к тому моменту была разрознена, этого нельзя было ска-

зять об оппозиции хорватской. Особенно крепкой и единой показала себя Хорватская крестьянская партия во главе с Владко Мачеком.

Силу и единство ХКП во многом определяли личные взгляды Мачека: с одной стороны, он требовал от официального Белграда как минимум статуса автономии для всех хорватских земель; с другой, он не был ярким радикалом и всегда был сторонником диалога с властями Югославии. «Я признаю только Корону и государство» — говорил Мачек, имея в виду правящую Югославией династию Карагеоргиевичей и единое (по крайней мере, формально) югославское государство. Это политическое равновесие, нежелание бросаться в крайности, и помогло Мачеку сохранить свою партию и свой политический вес вплоть до начала нападения на Югославию.

Хотя Стоядинович и обещал Мачеку решить «хорватский вопрос», этого так и не было сделано. Конституция королевства 1931 года не давала такой возможности, а менять ее не хотел князь Павел. Единственная известная встреча Стоядиновича и Мачека состоялась в январе 1937 года и не дала никаких результатов.

Тем временем в 1937–1938 годах почти половина всех членов усташской организации вернулась из Италии в Югославию. Тем самым и центр их деятельности оказался перенесен в Хорватию. Вернувшиеся усташки взяли на себя обязательство воздерживаться от какой-либо политической деятельности. Но лидеры усташского движения — Миле Будак, Славко Кватерник, Иво Оршанич и другие — не согласились на роль пассивных наблюдателей и продолжили работу, прикрываясь членством в сторонних организациях.

В связи с этим в рядах ХКП стало появляться все больше и больше сторонников радикального решения «хорватского вопроса». Чтобы уберечь партию от приближающегося раскола, Мачек время от времени высту-

пал с более резкими заявлениями в адрес Белграда, чем обычно. Но радикальное крыло партии продолжало расти.

Стоядинович же, взявший курс на либерализацию, вместе с тем взял курс и на сближение Югославии с Германией и Италией. Логика была понятна: налаживая связи с двумя центрами «новой Европы», он старался отвести от Югославии возможный удар сил Оси. Но тем самым он полностью подорвал к себе доверие значительной части простого сербского народа: ведь еще совсем недавно сербы выдержали кровавую войну с немцами. Курс на сближение с Германией многие сербы воспринимали едва ли не как предательство, измену родине.

Резкое, казавшееся тогда неудержимым сближение Югославии с силами Оси испугало князя Павла. Он не был готов к такой роли Югославии в европейской политике, поэтому и принял решение о снятии Стоядиновича с должности. Официально озвученная причина — так и не решенный «хорватский вопрос» — на самом деле не имела никакого отношения к реальному мотиву, побудившему князя Павла так поступить.

Для реального решения «хорватского вопроса» князю Павлу была нужна фигура иного типа — менее самостоятельная, чем Стоядинович, и более зависимая от королевского двора. Выбор пал на Драгишу Цветковича, министра здравоохранения и социальной политики: его политическое влияние было весьма невелико.

В это же время хорваты, а прежде всего — ХКП, поняв, что с уходом Стоядиновича наступил перелом, начали активно искать внешнюю поддержку. Мечта не только об автономии, но и о полностью независимом от Белграда хорватском государстве казалась теперь вполне реализуемой. Уже 12 февраля 1939 года неизвестный, представившийся доверенным лицом Мачека, по-

сетил рейхсканцелярию в Берлине с просьбой о помощи в решении «хорватского вопроса». В предоставленном им документе было отмечено, например, что «независимая Хорватия присоединится к Оси и Пакту против Коминтерна». Но, как и меморандум Павелича тремя годами ранее, эта просьба осталась без ответа.

18 мая 1939 года положение дел для Югославии резко ухудшилось — Италия оккупировала Албанию. Князь Павел посетил Рим, где ему четко дали понять: от Югославии ожидают ясно выраженного приближения к Оси. Резко изменилась и позиция прежде мягкого и дипломатичного Мачека: он выразил нежелание заключать какие бы то ни было договоры с Белградом, потребовал от Италии займ в размере 20 миллионов динаров и сообщил итальянской стороне о готовности начать сепаратистскую деятельность — не исключая и возможность вооруженного восстания.

В итоге уже 26 мая Мачек подписал договор из шести пунктов:

- 1) Италия профинансирует восстание Мачека в размере 20 миллионов динаров;
- 2) Мачек обязуется подготовить восстание в течение 4 — 6 месяцев;
- 3) После победы повстанцев Мачек пригласит в Хорватию итальянские войска, чтобы они обеспечили в стране мир и порядок;
- 4) Хорватия провозгласит независимость в составе Итальянской конфедерации. Она будет иметь свое правительство, но министерства иностранных дел и обороны будут конфедеративными — общими с итальянскими;
- 5) Италия получит право постоянно содержать в Хорватии свои войска, а также право назначить там своего вице-губернатора, как и в Албании;
- 6) Позже обе стороны смогут обсудить возможность создания персональной унии.

Почти два года, с марта 1937 до смещения с поста Стоядиновича в феврале 1939, Италия видела в Югославии союзника, реагируя на все важные просьбы королевства: например, пресекла активность усташского движения. Но уход Стоядиновича развернул итальянскую позицию по Югославии в противоположную сторону. Муссолини и все итальянское правительство было в хороших отношениях со Стоядиновичем — не только дипломатических, но и человеческих; Стоядинович смог найти с итальянцами общий язык и снискал их полное к себе доверие. После того, как этого человека не стало на политической карте Югославии и Европы в целом, порвались и все узы итальянско-югославского приятельства.

Новый премьер Драгиша Цветкович на заседании Скупщины 10 марта 1939 года выразил желание вступить в переговоры с Мачеком. Уже 3 апреля он прибыл в Загреб. Переговоры проходили неожиданно плодотворно, и 22 апреля князю Павлу направили на рассмотрение примерный вариант договора. Суть договора, который также стал известен как «договор Цветковича — Мачека», была проста: провозглашалось бы создание автономной Бановины хорватской, в состав которой вошли бы Савская и Приморская бановины, а также Дубровник. Договор предполагал широкую автономию для Бановины хорватской: лишь министерства иностранных дел и обороны оставались бы в Белграде, все прочие социальные и политические институты были бы от него независимы.

К удивлению и Цветковича, и Мачека князь Павел отказался принять этот вариант договора. Находясь под сильным давлением с разных сторон — не только сербских политических элит, но и сил Оси — он не был готов подписать договор в такой форме, в которой он был предложен. В начале мая переговоры Цветковича и Ма-

чека были приостановлены в ожидании окончательного решения князя Павла.

Министр иностранных дел Александар Цинцар-Маркович во время своего визита в Рим пообещал итальянцам, что в случае войны в Европе Югославия будет соблюдать нейтралитет. То же самое он повторил и позже в Берлине, где 25 и 26 апреля 1939 года разговаривал с Риббентропом и Гитлером. Эти обещания возымели эффект: на встрече в Милане итальянские и немецкие дипломаты договорились о том, что будут стремиться сохранять военный нейтралитет Югославии.

То, что война неизбежна, князь Павел и Цинцар-Маркович поняли в июне 1939 года, во время совместного посещения Берлина. Желая продемонстрировать свою лояльность Югославии, Гитлер устроил перед князем и министром поразившую их демонстрацию немецкой военной мощи. Перед ними колонна за колонной проходили ряды солдат.

Потрясенный увиденным в Берлине, князь Павел по возвращении в Югославию решил немедленно возобновить переговоры с Мачеком. Он не только принял исходный вариант договора Цветковича-Мачека, но даже предложил Хорватской бановине еще более широкие границы. Окончательный вариант договора был передан князю 24 августа 1939 года, и князь сразу же его подписал. Тут же Мачек организовал создание единого правительства: его главой стал Цветкович, заместителем — сам Мачек. Баном новосозданной Хорватской бановины был избран член ХКП Иван Шубашич, известный своей проюгославской позицией. То, чего хорваты ожидали еще в 1918 году, они получили лишь два десятилетия спустя — и в совершенно иной внешнеполитической ситуации.

На тот момент усташская организация в Хорватии была в явной тени; ее вес в хорватской политике был ничтожен. Договор Цветковича-Мачека и создание Хорват-

ской бановины усташа восприняли в штыки, говоря об этом решении как о «капитуляции перед Белградом». Усташа критиковали не сам договор как таковой — они в принципе считали недопустимым любое решение, которое бы оставляло Хорватию в составе Югославии, пусть даже в статусе автономии. Мачека обвиняли в том, что он не сумел использовать все преимущества сложившейся международной ситуации и не присоединил хорватские территории к «победоносным силам Оси».

Когда началась война, Югославия сразу же провозгласила нейтралитет. В первые месяцы войны это решение устраивало всех. Германии было важно поддерживать мирные отношения с Югославией, чтобы продолжать с ней торговлю: еще до войны Югославия была крупным поставщиком сельскохозяйственной продукции, руды и прочего сырья.

Что же касается Италии, она рассматривала возможность одновременного нападения на Грецию и Югославию, но так и не решилась на этот шаг. Было принято решение вновь попытаться расколоть Югославию через восстание в Хорватии. Мачек, разумеется, для этих целей уже не подходил, и выбор Муссолини пал на Павелича. Была достигнута договоренность о том, что Павелич в нужный момент организует восстание, после чего итальянские войска вошли бы в Хорватию, а также — с другой стороны — на Косово с целью «расширить суверенитет королевства Албания». Словенские земли было решено присоединить к Хорватии. Италия же получила бы новые территории на адриатическом побережье, включая ряд островов на Адриатическом море.

Переговоры с Павеличем вел министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано. Их вторая встреча 10 мая 1940 года была достаточно плодотворной: был решен целый ряд организационных вопросов, касавшихся восстания. Не определились лишь с одним — датой его на-

чала. Но для Павелича как лидера усташского движения эти встречи мало что значили: в Италии деятельность усташей все так же оставалась под запретом, вне зависимости от итогов переговоров Павелича с Чиано. Что же касается усташей, вернувшихся в Хорватию, они признавали Павелича своим лидером, но он никак не мог контролировать их деятельность.

В конце 1940 года положение дел для Югославии вновь изменилось. Германия начала оказывать все растущее политическое давление на Югославию, тогда как влияние Италии стало ослабевать. Муссолини отказался от идеи проведения какой бы то ни было военной акции против королевства, во многом из-за провала операции в Греции. Роль Павелича в контексте отношений с Югославией для итальянской стороны стала вновь незначительной и малоинтересной.

Используя недипломатические каналы связи, Югославии удалось организовать внеочередную встречу Цинцар-Марковича с Гитлером. Она состоялась 28 ноября. Без долгих предисловий Гитлер предложил подписать пакт о взаимном ненападении между Югославией, Германией и Италией — как дополнение к Тройственному пакту. Югославское правительство 7 декабря ответило согласием на подписание такого документа. Но неожиданно для Белграда Гитлер выдвинул новое требование — присоединение Югославии к Тройственному пакту.

Немецкое давление на князя Павла росло еще и потому, что к Пакту один за другим присоединялись страны — соседи Югославии: 20 ноября 1940 года — Венгрия, 23 ноября — Румыния, 24 ноября — Словакия, а 1 марта 1941 года к ним добавилась и Болгария. Зимой 1941 года Югославия встретила в своеобразной политической блокаде. На следующей встрече Цинцар-Марковича с Гитлером, состоявшейся 14 февраля 1941 года, вождем Рейха

снова ясно дал понять, что ожидает от Югославии присоединения к Тройственному пакту. Когда князь Павел 4 марта лично прибыл в Германию на очередные переговоры, он подвергся пятичасовому давлению со стороны Гитлера. Ему удалось уйти от прямого ответа, объяснив, что столь важное решение, как присоединение к Пакту, он не может принять единолично. Вернувшись в Белград, князь на заседании Совета правительства одобрил итоговое решение о подготовке к присоединению Югославии к Пакту.

Решение о присоединении Югославии к Тройственному пакту было принято на заседании Королевского совета 20 марта 1941 года, а уже на следующий день вступило в силу по итогам заседания Совета министров. Венский протокол, подписанный Драгишей Цветковичем и Александром Цинцар-Марковичем 25 марта, положил конец эпохе «военного нейтралитета» Югославии.

Рано утром 27 марта в королевстве произошел военный переворот. К власти пришло правительство Душана Симовича, признавшее присоединение к Тройственному пакту недействительным и отказавшееся сотрудничать с Германией. В Берлине эта новость вызвала шок. Сложившаяся ситуация заставила Гитлера принять новое быстрое решение. Несмотря на то, что у Гитлера не было никаких планов по проведению операций на территории Югославии (поскольку в этом и не было необходимости), он все же принял решение об уничтожении королевства.

После госпереворота лидер ХКП Владко Мачек занял выжидательную позицию. Перед ним стоял вопрос: войти ли в состав нового кабинета министров или отказаться от такого решения. Будучи политиком крайне осторожным и осмотрительным, Мачек направил Риббентропу просьбу сообщить ему позицию Берлина по Югославии и особенно по Хорватской бановине. От-

вет Риббентропа был недвусмысленным и предельно ясным: он рекомендовал Мачеку (и другим лидерам ХКП) избегать любого сотрудничества с новым белградским правительством и укреплять контакты с Германией. В тот же день, 31 марта 1941 года, Мачеку сообщили о том, что в случае распада Югославии немецкая сторона обязуется создать все условия для единой независимой Хорватии в рамках нового европейского порядка.

Тем не менее, Мачек выразил готовность войти в состав нового правительства при выполнении им ряда условий — прежде всего, признания им документа о присоединении к Тройственному пакту. Видя, что Мачек колеблется и положиться на него будет сложно, немецкая сторона была вынуждена прибегнуть к запасному варианту и установить контакты с усташами. Речь, разумеется, шла о тех усташах, которые на тот момент проживали в Хорватии — поскольку усташа, все еще находившиеся в Италии, были связаны в своей деятельности, что называется, по рукам и ногам. Первым из хорватских усташей (как называли их сами немецкие политики — «радикалов»), с которым был установлен контакт — их лидер Славко Кватерник. Штандартенфюрер СС Эдмунд Веезенмайер встретился с Кватерником 3 апреля. На этой встрече Веезенмайер не скрывал своего презрения к Павеличу, говоря о нем в недипломатических выражениях. По его словам, Павелич — не более чем пешка в руках Муссолини; к тому же под вопросом его психическое здоровье. Веезенмайер всячески давал понять Кватернику, что Германия хотела бы видеть союзника в нем лично, и что Кватерник вполне мог бы действовать независимо от Павелича.

Разговор с Кватерником убедил Веезенмайера в том, что между «радикалами» и Мачеком царит взаимное недоверие, что «радикалы» видят в главе ХКП предателя. Учитывая то обстоятельство, что Мачек отверг предло-

жение Берлина прервать связи с Белградом, Веенземайер заявил Риббентропу, что дальнейшее сотрудничество с Мачеком бессмысленно. Затем он попросил разрешения организовать акцию по объединению всех хорватских националистических сил, противных Мачеку. Разрешение было получено.

Правительство Симовича (включая и Мачека) покинуло Белград 6 апреля 1941 года. Для подготовки к ожидаемому прибытию в Загреб немецких войск 8 апреля состоялась встреча, на которой присутствовал Славко Кватерник, представители праворадикального крыла ХКП и несколько немецких политиков, включая Веенземайера. Встреча прошла бурно, в спорах и даже открытых конфликтах. Веенземайер и представители ХКП были против Павелича как возможного лидера новой Хорватии. После длительных споров и выражений взаимного недоверия Веенземайер в итоге согласился на то, что Славко Кватерник провозгласит независимость Хорватии от имени Анте Павелича. Эта несогласованность и неготовность к решению проблемы лишней раз подчеркивала то, что Гитлер просто-напросто не знал, что же ему делать с Югославией, так как ее завоевание не входило в его планы. А 9 апреля Югославия была оккупирована силами вермахта.

10 апреля после полудня немецкие войска вошли в Загреб, не встречая никакого сопротивления. Еще утром того дня Славко Кватерник сформировал временный штаб нового хорватского государства. По распоряжению Кватерника усташа взяли под контроль радиостанции Загреба и местечка Велика-Горица, почту, телефон, телеграф, железнодорожные станции и другие объекты инфраструктуры. После этого Кватерник отправился на Маркову площадь, где примерно в час дня зачитал документ о провозглашении Независимого государства Хорватия. Его выступление, однако, не возымело никакого эффек-

та: его слышали только случайные прохожие, оказавшиеся в то время на площади.

Затем Кватерник приказал начальнику полиции Враговичу догнать час назад покинувшего Загреб бана Шубашича и вернуть его в город. Автомобиль Шубашича догнали, но оказалось, что его сопровождал грузовик с вооруженными жандармами, в основном сербами из Лики. Полицейские вынуждены были вернуться с пустыми руками.

Примерно в 15.30 Веенземайер встретился с Мачеком, их разговор длился около получаса. В результате была достигнута договоренность: Мачек согласился отказаться от власти, передав ее Кватернику. Об этом он написал письменное заявление, оригинал которого забрал себе Веенземайер.

В 17.45 в здании радиостанции на улице Влашской Славко Кватерник зачитал свое объявление, ставшее затем широко известным:

«Божьим провидением, волей наших союзников и мученической многовековой борьбой хорватского народа, самопожертвованием нашего Поглавника доктора Анте Павелича и усташским движением в стране и вне ее постановляем: сегодня, за день до Воскрешения Сына Божьего, воскреснет и наше независимое хорватское государство. Призываем всех хорватов, где бы они ни находились, а особенно сотрудников вооруженных сил и сил охраны правопорядка сохранять порядок и сообщить о своем местонахождении командованию вооруженными силами в Загребе, а также немедленно принести клятву верности Независимому государству Хорватия и ее Поглавнику. Общую власть и командование вооруженными силами я сегодня беру на себя, как уполномоченный Поглавника. Бог и хорваты — ЗА ДОМ ГОТОВЫ!»

После этого там же было зачитано и заявление Владко Мачека:

«Хорватский народ! Полковник Славко Кватерник, вождь националистического движения в стране, провозгласил сегодня свободное и независимое хорватское государство на всей исторической и этнографической территории Хорватии, и взял власть в свои руки. Призываю весь хорватский народ покориться новой власти. Призываю всех лидеров ХКП, котарских и общинных начальников к искреннему сотрудничеству с новым народным правительством».

События, произошедшие в Загребе в первой половине апреля 1941 года, обошлись без участия в них как Анте Павелича, так и 220 его соратников, оставшихся в Италии. Скучные новости о положении дел на родине, долетавшие иногда до Павелича, давали ему понять, что его сотоварищи теперь в большей степени опираются на Германию, чем на Италию. Тому было сразу две причины: как военная несостоятельность Италии на европейской арене, так и ее никуда не девшиеся территориальные притязания, желание получить контроль над восточным побережьем Адриатики. В ответ на эти новости Павелич восклицал, имея в виду усташей на родине: «Что они знают? Мы принадлежим итальянской сфере!»

28 марта, узнав о намерении Гитлера напасть на Югославию, Муссолини решил возобновить переговоры с Павеличем — до того всеми забытым, жившим фактически в изгнании. Встреча Павелича с Муссолини состоялась уже на следующий день. На ней Павелич подтвердил свою готовность выполнять данные ранее обязательства перед итальянской стороной.

Вопрос получения абсолютной власти над хорватскими землями был важнейшим для Павелича. Ради получения власти в новосозданном государстве он был готов пойти на практически любые уступки. Например, обсуждая вопрос Далмации как того самого «камня преткновения», как предмета территориальных споров, Павелич

предложил Муссолини идею хорватско-итальянской унии. В итоге стороны пришли к соглашению: Италия и Хорватия будут планомерно подготавливать почву для создания унии, а ряд далматинских городов будет передан Италии.

Новость о провозглашении НГХ Славко Кватерником и входе немецких войск в Загреб стала для Павелича большой неожиданностью. Павелич тотчас же попросил о новой встрече с Муссолини. Эта встреча состоялась 11 апреля, и на ней Павелич еще раз выразил согласие передать Италии все «далматинские города итальянского характера», а также заявил, что ему надо как можно скорее прибыть в Загреб.

Вечером того же дня Павелич со своими соратниками прибыл в Триест. Там для них подготовили автобусы, на которых они и отбыли в сторону итальянско-югославской границы. Покинув Триест 12 апреля примерно в 22.00, Павелич с усташами в два часа ночи пересекли границу возле местечка Сушак. Утро они встретили, проезжая по региону Горски-Котар. На одной из остановок Павелич позвонил Славко Кватернику и договорился с ним о встрече — она должна была состояться в Карловце в четыре часа дня. В местечке Дуга-Реса колонну остановил немецкий офицер, который подозвал к себе Павелича и пригласил его сесть в автомобиль, который довезет его до Карловца. Павелич прибыл в Карловац уже при наступлении сумерек; там его ждал Славко Кватерник. Первым делом Кватерник спросил Павелича: давал ли он какие-либо обещания итальянской стороне? Без тени сомнения усташский вождь ответил, что никаких обязательств по отношению к итальянцам не существует, и что итальянцы не претендуют на какие-либо хорватские территории.

Насколько спонтанно Павелич решил вернуться в Загреб, настолько же запланированным и отрежиссирован-

ным было все то, что с ним случилось потом. 16 апреля он дал торжественную клятву над своеобразным вариантом конституции нового государства — «Усташскими принципами». Было сформировано первое правительство:

1) глава правительства и одновременно министр иностранных дел — Анте Павелич;

2) заместитель главы правительства — Осман Куленович;

3) министр домобранства и командующий вооруженными силами — Славко Кватерник;

4) министр правосудия — Мирко Пук;

5) министр внутренних дел — Андрия Артукович;

6) министр здравоохранения — Иван Петрич;

7) министр экономики — Ловро Сушич;

8) министр по делам религии и просвещения — Миле Будак;

9) министр природных ресурсов — Ивица Фркович;

10) министр труда — Йозо Думанджич;

11) министр юстиции — Милован Жанич.

Необходимо отметить, что полномочия нового правительства имели известные ограничения. Фактически вся законодательная, исполнительная и судебная власть сосредоточилась в руках Павелича. Его мечта исполнилась.

**ОБЩЕЕ ОБ УСТАШСКИХ
ЛАГЕРЯХ:
КЛАССИФИКАЦИЯ,
УСТРОЙСТВО, ПРИНЦИПЫ
РАБОТЫ**

Прежде чем приступить к описанию конкретных лагерей, важно сначала разобраться в законах и принципах их работы, которые были общими для всех. Кем и как принимались решения по их открытию, какие задачи они выполняли, как были организованы изнутри?

Российский историк Олег Валентинович Романько в своей книге «За фюрера и поглавника. Вооруженные силы Независимого государства Хорватия (1941—1945)» писал:

«Указом от 17 мая 1941 г. министр внутренних дел НГХ Андрия Артукович учредил Управление общественного порядка и безопасности, руководство которым поручил Эугену «Дидо» Кватернику, сыну войскового Кватерника. В соответствии с инструкцией Артуковича, Кватерник начал создавать Службу надзора (Ustaška Nadzorna Služba) — политическую полицию (аналог немецкого Гестапо). Она просуществовала с 1941 по 1943 г., когда была упразднена, а ее сотрудники влились в Управление общественного порядка и безопасности (РАВСИГУР). Первым руководителем службы надзора был Владо Сингер. Организационно служба надзора состояла из следующих секторов:

- I-b, о характере деятельности которого нет данных;
- II-a — служба безопасности поглавника;
- II-b — борьба с партизанами;
- II-c — надзор за концлагерями.

Из деятельности последнего сектора логически вытекало второе направление деятельности усташей. Еще при встрече в Бергхофе Гитлер советовал Павеличу «в течение 50 лет проводить политику национальной нетерпимости». Естественно, что после такого совета основными орудиями национальной политики в НГХ стали выездные полевые суды, расстрелы заложников и заключение в концлагерь. «Именно они определяли законодательство

в НГХ по этому вопросу», — писал югославский исследователь Бранимир Станоевич.

За короткий срок было создано 24 концлагеря (самый страшный из них в Ясеноваце), а за годы правления усташей в НГХ погибло 800 тыс. человек из 6,3 млн. — каждый восьмой. В первую очередь террор обрушился на сербов, евреев, цыган и несогласных с режимом хорватов».

Об этом же еще до О. В. Романько писал сербский исследователь Джуро Затезало, к трудам которого мы еще не раз обратимся:

«Сразу после образования НГХ в Загребе основана Усташская надзорная служба (УНС). Одно из ее отделений — Третье управление — должно было организовать открытие концентрационных лагерей по образцу нацистской Германии. Возглавлял Третье управление Эуген Дидо Кватерник, который с мая 1941 года возглавил особое управление по вопросам общественного порядка и безопасности (так называемое РАВСИГУР). Был создан масштабный полицейский аппарат, состоявший из целого ряда узкоспециализированных служб, у каждой из которых были свои функции и задачи. Только УНС и РАВСИГУР имели право основывать лагеря».

А вот хорватская исследовательница истории НГХ Наташа Матаушич не согласна с Д. Затезало в том, что УНС была организована «сразу после образования НГХ». В своем труде «Фотомонография Ясеновац» она писала:

«16 августа 1941 года была сформирована Усташская надзорная служба, возглавлял которую также Кватерник. Она состояла из четырех (формально — пяти) отделов. Третий отдел, Усташская оборона, как раз и отвечал за концентрационные лагеря: их организацию, работу, обеспечение их безопасности и так далее. После смерти Мийо Бабича в июле 1941 года начальником Усташской

обороны был назначен Векослав Макс Лубурич — и тем самым де-факто (поскольку юридически подобного звания или должности никогда не существовало) стал начальником всех концентрационных лагерей НГХ. В январе 1943 года Усташская надзорная служба прекратила свое существование, а все ее подразделения и функции перешли в зону ответственности Дирекции по общественному порядку. Вскоре после этого Анте Павелич распространил обязанность направлять пленных в лагерь и на командиров военных частей в тех районах, безопасности которых угрожала активная деятельность партизан».

Как известно, НГХ было провозглашено 10 апреля 1941 года. А УНС, по Матаушич, была создана только 16 августа. Под категорию «сразу после» такая разница во времени подпадает вряд ли.

Зигфрид Каше, посол Германии в НГХ, в феврале 1942 года отправил в Берлин служебную записку, в которой было упомянуто следующее: «Планы по созданию лагерей вынашивал капитан Лубурич, находясь в эмиграции. После посещения немецких лагерей эти планы были им усовершенствованы».

Любо Милош, комендант Ясеновца, отмечал: «Идея устройства концентрационного лагеря прорабатывалась нами еще в первой эмиграции. Знаю, что Павелич и многие другие заранее обсуждали друг с другом способы реализации планов ликвидации сербского населения в Хорватии. Образование НГХ дало нам возможность все эти идеи претворить в жизнь». Далее Милош подтверждал слова З. Каше: «...примерно в это же время Лубурич отправился в Германию, чтобы лучше познакомиться с организацией тамошних концентрационных лагерей».

Первый усташский лагерь был создан спустя всего лишь 5 дней после образования Независимого государства Хорватия. С этой целью было использовано здание

бывшего химзавода «Даница» в 3 км от хорватского городка Копривница. Еще четырьмя днями позже, 19 апреля 1941 года, был основан лагерь Керестинец.

Все лагеря по типу своего функционирования, по своим задачам делились на две довольно условные группы: распределительные и концентрационные.

Распределительные лагеря использовались как места временного содержания пленных. Они не были рассчитаны на длительное пребывание пленных. Это были, по сути, «перевалочные пункты», откуда пленных переправляли либо в концентрационные лагеря, либо на ликвидацию. Типичный пример распределительного лагеря — Госпич.

Концентрационные лагеря — места длительного содержания пленных. Условия проживания пленных там могли быть как лучше, чем в распределительных лагерях, так и отсутствовать вовсе. Как правило, они охранялись гораздо строже распределительных. Там могли создавать условия для принудительного труда пленных, а также для пыток и убийств. Попавшие в концентрационный лагерь пленные могли рассчитывать в лучшем случае на перевод в другой лагерь. За четыре года существования НГХ известны всего несколько случаев (подробно описан только один), когда пленным из концентрационного лагеря возвращали свободу. Типичный пример концентрационного лагеря — Лепоглава.

Некоторые лагеря совмещали в себе черты и распределительных, и концентрационных лагерей. Это значит, что в какой-то период их существования пленные содержались в лагере долгое время, но затем отправлялись в другой лагерь. Типичный пример лагеря смешанного типа — Даница.

Достаточно условно разделение лагерей на мужские, женские и детские. «Классическим» мужским лагерем можно считать Слану на острове Паг, женским — Метай-

ну (там же), детским — Ястребарско. Но в большинстве лагерей в определенные периоды времени находились одновременно и мужчины, и женщины с детьми — просто их соотношение часто менялось.

Что касается разделения по национальному признаку, провести более или менее четкие границы не представляется возможным. Большинство (иногда — абсолютное) лагерного «контингента» почти везде составляли сербы; в существенно меньших, но тоже заметных количествах присутствовали евреи; и, вероятно, во всех относительно крупных и долго существовавших лагерях было некоторое количество хорватов, бошняков, цыган и представителей других национальностей.

Безусловно, геноцид сербов был наиболее монструозным по своим масштабам и методам реализации. Государственная программа, призванная решить «сербский вопрос» (треть сербов изгнать, треть перевести в католицизм и треть уничтожить) добилась наибольших успехов именно по последнему пункту. Сербских детей (в том числе грудных младенцев) отрывали от матерей и отправляли в лагеря смерти; самых старших и физически крепких «перевоспитывали» в усташском духе, тогда как большинство остальных было обречено на медленное угасание и смерть от голода, болезней или побоев. Взрослых же сербов чаще всего отправляли в лагеря, а в последние месяцы существования НГХ — сразу на места массовой ликвидации.

Отдельного разговора заслуживает отношение усташских властей к бошнякам-мусульманам. Как известно, в состав НГХ вошла вся Босния и Герцеговина. Отношение же новой Хорватии к бошнякам было совсем иным, нежели к сербам. Формально, на декларативном уровне, бошняки-мусульмане считались полноправными гражданами НГХ. Более того, лидеры усташского движения называли бошняков «цветами хорватства», говоря о них

как об элите хорватской нации. Бошняки могли вступать в ряды усташей.

Тем не менее, и бошняки-мусульмане также подвергались репрессиям и уничтожению. Об этом свидетельствует множество публикаций и показаний очевидцев. Так, 4 мая 2014 года на бошняцком интернет-портале SAFF была опубликована статья публициста Саладина Ковачевича, в которой описывались такие случаи.

Вот один из них. Бакир Изетбегович, бывший Председатель Президиума Боснии и Герцеговины, интересовался судьбой двух братьев своей матери — Мухаммеда и Бакира Реповац. Он был в курсе того, что оба стали жертвами усташского террора, но не знал, как и где они погибли. В семье Мухаммеда полагали, что он был убит в Ясеновце, про Бакира же знали лишь то, что он был убит.

Отец братьев, Исмет Реповац, в своем заявлении от 4 мая 1946 года предположил, что оба его сына убиты в Ясеновце. Но позже судьба Мухаммеда и Бакира все же выяснилась. О ней мы можем узнать из анкеты Союза борцов народно-освободительной войны (сербскохорв. Savez udruženja boraca Narodnooslobodilačkog rata — SUBNOR), хранящейся в Архиве Боснии и Герцеговины:

«Фамилия, имя отца, имя: Реповац Исмет Мухаммед

Год рождения: 1921

Место рождения: Острожац

Арестован и интернирован в лагерь Ясеновац
01.01.1942

Убит 01.03.1943 в лагере Ясеновац

Фамилия, имя отца, имя: Реповац Исмет Бакир

Год рождения: 1920

Место рождения: Острожац

Арестован в Сараеве 07.08.1944, интернирован в лагерь Лепоглава

Убит 31.10.1944 в лагере Лепоглава»

Таких случаев было множество. О своей семейной трагедии рассказал известный бошняцкий академик Абдулла Сидран, режиссер, писатель и журналист: «Мой дядя по отцу, Абдулла, был весьма известен и уважаем. Мы все его любили. Кстати, и имя мне дали в его честь. В душе он был убежденным антифашистом и ярким противником НГХ. Усташи его арестовали и депортировали в лагерь Ясеновац. Там они подвергали его жутким мучениям, а затем убили».

Из анкеты СУБНОР-а:

«**Фамилия, имя отца, имя:** Сидран Хасан Абдулла

Год рождения: 1909

Место рождения: Сараево

Арестован и депортирован в лагерь Ясеновац 20.01.1942

Убит в лагере Ясеновац 01.09.1942»

Поскольку усташские власти считали бошняков представителями хорватского народа, то и в личных карточках пленных, и вообще в официальных документах о них писали как о хорватах, исповедующих ислам. Это резко отличало их от сербов, которые считались «низшей расой» и проходили по всем документам именно как сербы.

Для наглядности ниже приведена выдержка из списка пленнных, отправленных в концентрационный лагерь Госпич. Документ, получивший регистрационный номер №448/41, увидел свет в боснийском городе Яйце 26 июля 1941 года. Первой идет карточка бошняка, второй — серба.

«- Ирфан Филипович, сын Фахринбега, Езеро, община Езеро, котар Яйце, род деятельности — ученик 7 класса гимназии, возраст — 19 лет, не женат, веры исламской, народности хорватской, материальный достаток средний, грамотен, до настоящего времени не судим.

— Лазар Бабич, сын Петра, Езеро, община Езеро, котар Яйце, веры греко-восточной, народности сербской...»

Поскольку эта книга адресована прежде всего русскоязычным читателям, нельзя обойти стороной вопрос о гражданах СССР и русских эмигрантах, попавших в усташские лагеря. К сожалению, доступная нам информация не просто недостаточна — она практически отсутствует. Судите сами.

В музее Ясеновца есть таблица жертв, разделенных по национальному признаку. Есть там и русские — всего 14 человек. Украинцев существенно больше — 61 человек. Есть даже один грузин. Если среди жертв Ясеновца и есть представители других республик СССР, они в таблице не указаны — или входят в раздел «Неизвестно», который включает в себя 207 человек.

Известно также, что трое русских были пленными в лагере Керестинец. Установить их личности мне не удалось.

Более или менее цельную информацию (о достоверности говорить уже не приходится) мне удалось найти по четырем людям.

1. Из списка арестованных коммунистов и четников, отправленных в концентрационный лагерь в Ясеновце 16.11.1941 (источник: Arhiv VII, a. NDH, k. 179, reg. br. 45/4.):

№: 28

Фамилия, имя: Иваншицов Сергей

Год рождения: 1911

Место рождения: Петроград

Причина ареста: коммунист
Профессия: чиновник
Вероисповедание: греко-восточное

(Разумеется, под «греко-восточной» верой подразумевалась православная. Католическая верхушка НГХ часто презрительно называла православных «схизматиками», но в официальных документах православная вера проходила как «греко-восточная»).

2. Из списка 543 заключенных Стара-Градишки, писавших письма на свободу, от 09.04.1942 (источник: Еврейский исторический музей, Белград, регистрационный номер 2505):

Регистрационный номер письма: 238-V
Получено от: Коновлев Виктор

3. Карточка пленного, составленная на основе информации о пленных комплекса лагерей Госпич — Ядовно — Паг (источник: Д. Затезало «Ядовно — комплекс усташских лагерей 1941»):

Попевский ... (имя и отчество неизвестны), профессор, русский, г. Огулин (НГХ). Арестован в мае 1941 года и отправлен в лагерь Даница. Убит в лагере Ядовно в июле того же года.

4. Из списка от 11.09.1942 из 24 лиц, отправляемых в Стара-Градишку, документ №1653/42 (источник: Arhiv VII, a. NDH, k. 168, reg. br. 21/6.):

10. Сегулин Антон (прочие данные неизвестны).

Сколько всего граждан СССР и представителей русской эмиграции в итоге стали узниками усташских лаге-

рей? Разумеется, совсем немного, если сравнивать с сербами или евреями. Можно допустить, что их было несколько сотен.

...Еще одно возможное деление лагерей — по «известности», по их упоминаемости в периодике, объему доступной информации. Любопытно, что «известность» — назовем это так — далеко не всегда коррелирует с продолжительностью существования лагеря или с количеством прошедших через него людей. Простой пример: при желании можно найти довольно много информации по уже упомянутому лагерю Керестинец, хотя он просуществовал всего четыре месяца. А вот узнать хоть что-то о лагере Вилла «Лубурич», который функционировал четыре года — крайне сложно...

На просторах НГХ в разные времена существовал целый ряд таких «неизвестных» лагерей, описания которых нет в книге по причине крайней скудости достоверной информации о них. Некоторые из них перечислены для общего ознакомления (Таблица №1).

Как выглядела внутренняя иерархия в лагерях? Несмотря на некоторые отличия (в зависимости от типа лагеря и конкретных условий), общая структура была везде примерно одинаковой. Вот как описывала Н. Матаушич схему управления комплексом лагерей Ясеновац:

«Высшее положение в лагерной иерархии занимал начальник лагеря. Он контролировал все происходившие в лагере процессы, управлял всеми рабочими группами. Начальник лагеря получал приказы непосредственно от усташского командования — больше над ним никого не было.

Ступенькой ниже располагались бригады рабочих групп и коменданты барачных. Каждый бригадир был непосредственным начальником своей рабочей группы. В исключительных случаях бригады и коменданты барачных избирались голосованием пленных, чаще всего их

Название лагеря	Местонахождение	Когда функционировал	Для кого предназначался
Драганич	к югу от Ястребарско	июнь 1941 – июнь 1942	евреи
Горня-Риека	Крижевац	середина ноября 1941 – середина мая 1942	сербки, еврейки, хорватки, дети
Писаровина	Писаровина, Ласиня, Доња-Купчина	апрель 1941 – март 1942	евреи, в том числе женщины и дети
Самобор	Самобор	13.09.1942 – 30.09.1942	хорваты (мужчины, женщины), сербские дети
Славетич	около Ястребарско	июнь 1941 – 06.11.1941	евреи
Велика-Горица	Велика-Горица	18.08.1942 – январь 1943	национальность неясна; мужчины и женщины
Завртница	Загреб	август 1941 – сентябрь 1941	евреи
Загребачки-збор	Загреб	июнь 1941 – август 1941	евреи

Таблица №1

назначал начальник лагеря или другие представители усташского командования.

На последней, третьей иерархической ступеньке располагались рядовые заключенные. Но и они не представляли собой единое равноправное общество. Заключенные также имели свою иерархию. Выше всех стояли квалифицированные рабочие, занятые на сложном производстве или на складе. Но и тут выделялась особая каста, «элита элит» — те, кого помещали в лагеря за «гражданские» преступления и кто, отсидев свои сроки, остались в лагере на своей работе. По сути, они уже не были заключенными — просто свободно нанятыми лагерными сотрудниками. За ними закреплялась их ра-

бочая группа, даже рабочие места, они могли свободно перемещаться по лагерю и даже выезжать за его пределы в другие города страны. Главное же отличие — они получали плату за свой труд. Естественно, ни о каких ликвидациях или даже физических наказаниях среди этой подгруппы не могло идти и речи.

В первую, «элитную» группу, помимо бывших заключенных — свободных рабочих, входили и настоящие узники, которые также обладали высокой квалификацией, были мастерами своего дела. Их тоже берегли, но все же их статус был намного ниже: они не могли перемещаться без сопровождения усташей, их труд не оплачивался (то есть был принудительным), и иногда (в порядке исключения, но тем не менее) — представители этой подгруппы подвергались насилию и убийствам.

Вторая группа была самой обширной по численности — в нее входили обычные пленники без какой-либо специальности, иногда и вовсе люди без образования. Это были люди без каких-либо прав, с которыми обращались зачастую хуже, чем со скотом. Их распределяли на самые тяжелые работы, сопровождавшиеся голодом, истощением, регулярными побоями, пытками и массовыми ликвидациями.

Наконец, третья группа — примерно такого же социального статуса, как и вторая: это старики и дети, а также политические заключенные, осужденные на небольшие сроки (до 3-х лет). Они составляли явное меньшинство».

А вот как описывал иерархическую структуру Ясеновца его бывший пленник, сербский писатель Драго Чолакович:

- «Внутренняя управа (избирались самими пленными):
- начальник лагеря;
- начальник работ;
- надзиратель;
- сотник (управлял группой в 100 человек);

- пятидесятник;
- десятник;
- старший начальник барачков (в его подчинении были все бараки);
- начальник барака (управлял только своим барачком);

И другие.

Внешняя управа (выбиралась устахами из числа свободных евреев, работающих за плату):

- начальник лагеря;
- заместитель начальника лагеря;
- завхоз».

Жизнь пленных, приводимых в лагерь, также подчинялась неким общим правилам.

Сразу же по прибытии в лагерь у пленных изымались все личные вещи: от ценных (деньги, драгоценности) до таких, которые не представляли вовсе никакой ценности для усташей (лекарства, документы, фотографии). Соккрытие любых личных вещей в случае обнаружения означало верную смерть. Единственное, что пленники могли взять с собой — та одежда и обувь, в которой они прибыли в лагерь. Пленники старались ухаживать за своей одеждой, как только могли, потому что лагерное управление не выдавало им никакой одежды. Единственный способ получить новую одежду — втайне (зачастую в обмен на еду и сигареты) выпросить ее у гробовщиков, закапывавших умерших пленников.

Принудительный труд занимал большую часть дня у пленных. Все выполняемые работы можно разделить на две группы: внутренние (те, что проводились на территории лагеря) и внешние (за его пределами).

Конкретно у пленников Ясеновца рабочий день начинался в 6 часов утра. С 12 до 13 часов длился обеденный перерыв, а заканчивался рабочий день в 18 часов вечера. Работы проводились в любых погодных условиях —

и в дождь, и в снег. Любые ошибки, задержки или недостаточное усердие наказывались ударами палок (нередко такие наказания заканчивались смертью). Выходной день по воскресеньям был введен только в 1943 году. В других лагерях (да и в самом комплексе Ясеновац в разные периоды его существования) эти условия могли несущественно отличаться.

Продукция, производимая в лагерях, шла не только на нужды самих лагерей — она использовалась по всей стране. Например, цепной завод в Ясеновце был единственным в НГХ. Поэтому значительная часть лагерной продукции шла на общий рынок — как на нужды «гражданского» населения, так и силовых структур.

ДЕТИ В УСТАШСКИХ ЛАГЕРЯХ СМЕРТИ

Если задуматься о том, какая же из черт НГХ как государства была самой ужасной, чудовишной и бесчеловечной, то первое, что приходит на ум — создание концентрационных лагерей для детей. Геноцид сербского (и в значительно меньшей степени — еврейского) народов начинался, можно сказать, с пленок. И это не форма речи, а факт: в детские лагеря попадали и грудные младенцы! Возможно, Независимое государство Хорватия было единственной страной Европы, имевшей детские лагеря.

Первый лагерь для детей был основан в местечке Горня-Риека около Крижевца. Лагерь был основан при непосредственном участии усташского правительства НГХ. Первая группа детей была доставлена в лагерь 24 июня 1942 года. Это было около сотни детей, переброшенных из лагеря Уштице. В течение последующих 20 дней в лагерь были направлены еще три группы. Лагерь для детей в Горня-Риеке просуществовал до 14 августа все того же 1942 года. Общее количество жертв Горня-Риеки неизвестно.

Милица Хасанец-Галаш, выжившая пленница лагеря Горня-Риека: «Детей в лагере было много. Сколько именно — никому не известно. Мой брат Звонко говорил мне, что дети умирают от болезней или голода, и когда их бросают в колодец или закапывают, то на грузовиках привозят новые партии. Колодец, в который бросали детей чаще всего, заливали известью. Когда же он наполнился трупами до краев, детей закапывали во дворе лагеря, на столь малой глубине, что зачастую их кости виднелись на земле».

Третьего августа 1942 года в хорватском городе Сисак был организован крупнейший в НГХ детский концентрационный лагерь. Даже по сведениям самих усташей (которые чудовишно занижали любые данные по количеству пленных) в лагере Сисак умерло 1152 ребенка. Более

реальной кажется другая цифра, названная немногими выжившими и бывшими работниками лагеря — пять тысяч детей...

Незадолго до этого, 12 июля того же года, в местечке Ястребарско был основан, наверное, самый известный детский лагерь смерти. По крайней мере, в странах бывшей Югославии про лагерь Ястребарско знают даже неспециалисты. Он отнял жизни примерно у тысячи детей.

Что же подтолкнуло усташское правительство к созданию детских лагерей?..

...Десятого июня 1942 года объединенные немецко-хорватские войска начали наступление на районы около горы Козара и в Подкозарье в рамках операции «Западная Босния». Это наступление вошло в историю под названием «Битва на Козаре», а в народе его до сих пор называют «Козарским наступлением». Спасаясь от немцев и усташей, целые деревни Подкозарья опустевали — семьи с детьми, скотом и всем скарбом уходили на Козару, к партизанам. Но немецко-усташские отряды взяли Козару в кольцо вместе с семьями беженцев. Дважды партизаны пытались пойти на прорыв, и обе попытки закончились неудачей и огромными людскими потерями. Только примерно 10 тысяч беженцев (из почти 70 тысяч) смогли прорваться из окружения. Немцы и усташки провели массовые аресты оставшихся в окружении беженцев — арестовывали их целыми семьями.

В плену оказалось огромное количество детей — от грудных младенцев до 14-летних (дети от 15 лет и старше у немцев и усташей чаще всего проходили по документам, как взрослые). Их нужно было куда-то девать. Так и возникла «необходимость» в открытии детских лагерей.

О Козарском наступлении очень ярко и эмоционально писал Драгое Лукич — сербский писатель, уроженец

Подкозарья, ребенком прошедший лагерь Ястребарско и затем участвовавший в народно-освободительной войне. В своей книге «Война и дети Козары» он воспевал героизм защитников родного края:

«На Козару и ее отряд из 3 500 партизан, вооруженных 3 000 винтовок и 170 пулеметами, четырьмя минометами и двумя гаубицами, двумя танками и одним самолетом, на народ Подкозарья и хижины из прутьев, разбросанным около Грачаницы и Млечаницы, Буковицы и Раковицы — на такую Козару была брошена сила из 11 000 офицеров и солдат Вермахта, 20 000 усташско-домобранских сил, 2 000 четников Дражи Михайловича, что в совокупности с усиленными гарнизонами и вспомогательными отрядами составляло около 35 000 солдат, экипированных и вооруженных по последнему слову техники...

Битва, которой не нашлось места в нашей памяти, длилась двадцать пять дней и ночей. В ней растаяли партизанские силы, из списка живых вычеркивались целые отряды.

Но Козара не пала.

«Наши позиции погрузились во мрак, у нас остановилось дыхание от ураганного огня. Первая волна нападавших смогла пробраться к нашим рядам. Партизаны появились неслышно, неожиданно. И тогда началось то самое страшное, отчего у каждого из нас кровь стыла в жилах. Мужчины, женщины и дети с непонятным упорством бросились на наши позиции. Это был настоящий ад и я удивляюсь, как мы его выдержали» — Курт Нехер, 714-я немецкая пехотная дивизия».

После войны Д. Лукич занялся поисками переживших, как и он сам, ад Козарского наступления. Он записывал их рассказы, собирал по крупицам любую информацию о детях Козары и Подкозарья, об их дальнейшей судьбе. Впрочем, его интересовали не только козарские

дети: он собирал данные вообще по всем детям, попавшим в лагерь. Так и родилась уже упомянутая книга «Война и дети Козары», фрагменты которой приведены ниже.

«Радован Крагуль: «Мне было 8 лет, когда моя семья оказалась в плену во время Козарского наступления. Пока мы были в Церовлянах и Ясеновце, у нас получалось держать связь друг с другом. Но из лагеря Сисак мать увезли в Германию.

Я пробыл в Сисаке уже месяц, когда в лагерь пришла какая-то женщина и забрала себе нашего четырехлетнего брата Манойло. Нам было жаль, что она не взяла и нас. Мы плакали. Тогда пришел домобранский офицер, чтобы нас утешить. Он обещал нам, что освободит и нас. И правда, однажды после полудня он вывел нас не только из лагеря, но и из города и показал дорогу на Козару».

Драган Жигич: «В дни Козарского наступления мне было всего 7 лет. Нас схватили, всю семью держали в лагере около Приедора. Несколько дней спустя меня отделили от родных и вместе с еще сотней детей посадили в поезд.

Сисак 1942 года, большое здание около Купы. На воротах часовой, двор огорожен переплетенной проволокой. Редкие прохожие тайком, чтобы не заметили усташы, бросали нам через ограду фрукты. Потом нас переселили в дощатый барак. Мы спали группами по двое-трое. Ночи были холодные. Однажды ночью умер мальчик, лежавший возле меня. Сбор мертвых проходил ежедневно».

Драго Шормаз в 11 лет был вместе с матерью и братом захвачен немцами во время Козарского наступления 1942 года и передан в руки усташей. В распределительных лагерях Церовляни и Уштице они были вместе, но в Ясеновце им пришлось разделиться. Их мать, Сто-

янку, отправили вместе с другими молодыми женщинами на принудительные работы в Германию, а брата Сретко увели в детский лагерь Сисак.

Жестоко страдая от голода и быстро теряя силы, Драго провел в Ясеновце месяц. Он был уже на грани жизни и смерти, когда к нему неожиданно пришло спасение. Омер Муичич, занимавшийся в лагере сбором и транспортировкой трупов, забрал в повозку и Драго, прикрыв его, словно мертвеца, и так, пройдя усташскую стражу, вывез его с территории лагеря. Для Омера это была уже не первая спасенная жизнь: ранее он смог забрать из колонны козарских детей, которых гнали в Церовляни и Ясеновац, тридцать человек. Все эти тридцать детей нашли временный приют в домах друзей и знакомых Омера. Так же он поступил и с Драго Шормазом.

Богдана Беловук была санитаркой в партизанском отряде, которым командовал ее муж, комиссар Миро Юришич. В одном из сражений он был ранен. Борцы вынесли его из боя, протащили на себе по трудным военным тропам, перешли через реки Неретву и Сутьеску... Богдана отходила от комиссара лишь затем, чтобы перевязать очередного раненого. В местечке Вучево комиссар с женой попали в руки немцев, которые отдали их усташам. Сначала Миро и Богдану привезли в Сараево, а оттуда вместе с другими пленными поездом вывезли в Ясеновац.

Богдана была беременна, но первое время никто, кроме нее, об этом не знал. Она оставалась в живых день за днем, месяц за месяцем. Осталась в живых она и тогда, когда группу женщин увели на Граник — на ликвидацию. Самым счастливым доставалась «милосердная» смерть от удара молотом, остальных ждал мучительный конец — им вспарывали животы и еще живыми бросали в Саву. Богдану вывели из строя, но не для того, чтобы ее спа-

сти, а чтобы насладиться ее мучениями, когда ее ребенок будет умирать от голода у нее на глазах.

В одну из лагерных ночей, похожих одна на другую, усташа повесили на старом тополе тридцать человек, в том числе Миро Юришича. И в эту же самую ночь, уже после казни, Богдана родила сына, которого назвала в честь отца.

Пока маленький Миро плакал от голода, не находя в материнской груди ни капли молока, партизанский отряд, руководимый ранее комиссаром Юришичем, вступил в тяжелые бои с группой немецких войск. Партизанам удалось взять в плен нескольких солдат и офицера высокого ранга. Их всех партизаны обменяли на Богдану и маленького Миро.

Народный герой Бошко Шилегович: «Вы видите эти колыбели, видите эти перья, которые носит ветер? В этих колыбелях лежали наши дети. Враг убил их или отправил в лагеря смерти. Объявляем ему войну до истребления. Козара не уничтожена, остался отряд. Мы свидетели».

Владимир Миятович: «Мне было 12 лет, когда меня с мамой и семилетней сестрой привели в Стара-Градишку. Усташ Анте Врбан приказал нам отдать все ценное, что у нас есть с собой, деньги и драгоценности. У одной женщины в ботинках оказались спрятаны деньги. Врбан пристрелил ее на месте, заявив, что так поступит с каждым, кто вздумает скрыть какие-либо ценности».

Мара Вейнович-Смилянич, юной девушкой оказавшаяся в Стара-Градишке в июне 1942: «Сначала усташа предлагали матерям добровольно расстаться с детьми, а когда получали отказ, отнимали детей силой. Некоторые матери прыгали на штыки... Детей заталкивали в отдельное здание, иногда по 50 детей в одну комнату.

Несколько сестер милосердия совершали обход комнат, неся в руках емкости с какой-то жидкостью и кисти. Они смачивали кисти и смазывали детям губы. Говорили, будто эта жидкость уменьшает жажду. Но вскоре после этого детей начинали мучить боли, они кричали и звали родителей. Они извивались от боли, дергались и падали, а их губы превращались в сплошную открытую рану. Через некоторое время дети умирали в мучениях».

Антун Найжер, врач и управляющий лагеря Сисак, массово ликвидировал сербских детей, вводя им инъекции с ядом.

Дети с Козары и Подкозарья, умершие в усташских лагерях:

Стара-Градишка, Ябланац, Млака, Уштице, Ясеновац — 5 683 ребенка;

Детские лагеря (Горня-Риека, Ястребарско, Сисак), а также транспорты, приюты и больницы — 3 254 ребенка.

Всего же в Ясеновце погибли 10 340 детей — почти половину из них составляли козарские дети.

В 1950 году неизвестная молодая учительница пришла в новую школу под Козарой, чтобы провести свой первый урок у первоклассников. Но ни один первоклассник в школу не пришел! Она пошла по селу, от дома к дому, выискивая детей. Но так и не смогла найти. В 1943 году в Подкозарье не рождались дети».

...Что же это была за жидкость, которой мазали губы детям в Стара-Градишке? Возможно, речь шла о цианиде. Косвенное подтверждение этому можно найти в статье Владимира Куковякина «Двенадцать победных залпов», опубликованной 19 апреля 2008 года. Там есть такие строки:

«Участь остальных оказалась страшной. Людям приказывали раздеться, ставили у кромки обрыва и расстреливали из пулемета. Детям мазали губы цианидом и бросали вслед, этим занимались солдаты зондеркоманды».

Лагерь, предназначенные исключительно для детей, должны были выполнять две ключевые функции. Первая — воспитание помещенных туда детей «в усташском духе», чтобы получить «новых янычар» (по аналогии со средневековыми янычарами, воспитывавшихся из захваченных сербских детей). Детей одевали в усташскую униформу и обучали «новому порядку», в том числе заставляя петь усташские песни.

Вторая функция, разумеется — физическая ликвидация тех детей, которые не захотели «перевоспитываться». Так, комендант Ясеновца Векослав Лубурич заметил, что в лагере находится более 400 детей. Он приказал составить список этих детей и воспитать их в усташском духе. Когда стало ясно, что дети не слишком усердно «перевоспитываются», Лубурич отдал приказ об их ликвидации.

Католический священник, а по совместительству — усташский офицер и палач Дионисие Юрчевич заявил однажды: «В этой стране не смеет жить никто, кроме хорватов. Если кто-то не согласится принять эти правила — мы знаем, что с ними делать. Сейчас не является грехом убить даже семилетнего ребенка, если он мешает нашему усташскому порядку. Не думайте, будто бы я не могу этим заниматься лишь потому, что я священник. Когда нужно, я готов уничтожить вплоть до колыбели все то, что противно усташской власти и государству».

Усташи уничтожали детей (как правило, сербских) разными способами — резали холодным оружием, варили в котлах, бросали живьем в колодцы и ямы, травили ядами, доводили до смерти от голода, жажды и холода.

Подкладывали в колыбель с ребенком солому и поджигали, уничтожая и ребенка, и колыбель. Известен случай, когда в окрестностях местечка Глина усташа схватили 25 сербских детей, связали им руки проволокой, разложили вокруг стога сена, ногами внутрь, и подожгли стог. После того, как ноги детей сторели до колен, усташа выкинули их на ближайшую дорогу и оставили там умирать в страшных мучениях.

В усташском лагере в Грачаце у детей заживо вырезали внутренности, жарили их и давали есть их матерям. А в местечке Дивосело в 1941 году усташа заживо изжарили двух детей целиком, после чего заставили сербов съесть их.

Усташские лагеря, поселки и домохозяйства по обоим берегам Савы, меж лесов Кошутарицы, по Ябланцу, в Стара-Градишке, Ясеновце, Гранике, Скеле, лагере № ССС — лишь малая часть тех мест, где и поныне лежат кости зверски уничтоженных детей.

В местечке Доня-Градина, где проходили массовые ликвидации пленных, сейчас находится одно из крупнейших детских кладбищ в мире. Территория кладбища занимает 117 гектар, полностью раскопано на данный момент около 130 могил. Средний возраст найденных там детей — около 7 лет.

Говоря о судьбе детей в лагерях смерти НГХ, нельзя пройти мимо еще одного автора, собравшего немало уникального материала на эту тему. Это сербский писатель Душан Бурсач, ниже приведены отрывки из его книги «Ангелы в аду».

«Кажется, что массовые убийства детей — тот случай, когда человек отрекся от своего разума и перешел не только человеческие, но и животные границы. Это характерно для тех, кто не знает, что и зачем делает; а также для тех, кто механически выполняет чужие приказы...

Сербских детей одевали в униформу хорватской армии, пошитую специально для них, и пытались воспитывать «в хорватском духе». С этой целью и были основаны детские лагеря. Про один такой лагерь, в Горня-Риеке, Любо Милош на судебном слушании рассказал следующее: «Не могу точно сказать, когда этот лагерь был организован, но я уверен, что это произошло ранней весной 1942 года. Кажется, идею создания этого лагеря предложил Дидо Кватерник. Цель же лагеря была такова — воспитать в усташском духе маленьких сербских детей, чтобы, как сам Кватерник выражался, они стали „янычарами“. Думаю, оттуда детей перевезли в лагерь Стара-Градишка... Что с этими детьми случилось потом, я не знаю».

Гойко Кнежевич (родился 22 декабря 1934 года в селе Ушивац, община Козарска-Дубица, на момент публикации книги проживал в Баня-Луке, Босния и Герцеговина):

«Я помню наш сельский дом в козарском краю. В 1942 году у меня было восемь братьев, мать и отец. Помню, как наши детские игры были прерваны призывом ко всеобщему бегству. Говорили, что усташы жгут села и убивают народ. На скорую руку мать упаковала все, что можно было унести, и мы вместе с остальными сельчанами отправились к горе Козара. Там, на Козаре, я впервые понял, что люди умирают от каких-то доселе неизвестных мне пуль и гранат. Я никогда раньше о них не знал. Мы блуждали по склонам Козары, чтобы нас не схватили. Мать моя была беременна, и в один из таких дней она родила нам сестру, которую назвали Лепосавой.

Некоторые из тех, кто бежал вместе с нами, смогли прорваться к горе Грмеч, понеся при этом огромные потери. Прочие же, в том числе и мы, остались в кольце окружения немецко-хорватских войск. В этом всеобщем

хаосе я вскоре потерял своих родных. Меня схватили какие-то солдаты — таких я видел впервые в жизни. Группу пленных, включая и меня, отвели пешком в лагерь Стара-Градишка.

В Стара-Градишке нас разместили в каком-то здании, туда набилось огромное количество мирных жителей. Теснота была такой, что нельзя было ни сесть, ни лечь. Однажды меня и других детей вывели во двор, построили в ряд и у каждого спрашивали имя и фамилию, вероисповедание, имена отца и матери, а также место рождения. В итоге детей разделили на две группы. По какому признаку нас разделяли, мне было непонятно. Я был помещен в первую группу. Когда усташ спрашивал меня и я назвал имя отца, он сказал — «Я его знаю!» После этого он и направил меня в первую группу. Помню, какого-то мальчишку примерно моего возраста усташа оставили во второй группе. Затем вторую группу вывели с территории лагеря в сторону реки Савы. Меня жгло любопытство: почему же именно их вывели из лагеря? Не в силах ему противостоять, я тихонько выбрался (это было не так и сложно — территория охранялась не слишком усердно) и пошел вслед за второй группой. Я видел, как их отвели на берег Савы и построили перед двумя солдатами. Солдаты начали стрелять по детям. Меня ужаснула мысль, что на месте того мальчишки мог бы быть и я сам.

В один ничем не примечательный день к нам на территорию въехали грузовики. Нас побросали в них и повезли вдоль берега Савы. Когда нас высадили перед воротами и повели на территорию лагеря, я еще не знал, что попал в Ясеновац. Я увидел рядом с собой множество людей, одетых преимущественно в сельские одежды, по которым я понял, что почти все они из моего края. Я начал расспрашивать их, не видели ли они моих родных. Спустя несколько дней я случайно увидел мать в группе пленников. Мы встретились — тут же оказались

и несколько моих братьев (но не все). Ежедневно в лагере слышалась стрельба, а также крики и стоны пытаемых пленников. Одной из главных забав усташей было отнимать детей у матерей, чаще всего это делалось насильно. Это случилось и с моей матерью. Усташа попытались отнять у нее мою сестру, Лепосаву. А надо сказать, что моя мать была физически крепкой и очень храброй женщиной. Когда усташа попытались отнять у нее дочь, она, держа ребенка одной рукой, другой сшибла их с ног, и они упали в грязь. Это привело в бешенство целую группу усташей, находившихся рядом. Они набросились на нее всем скопом и отняли дочь. Один усташ подбросил мою сестру в воздух, а другой поймал ее штыком своей винтовки. Так и завершилась короткая жизнь моей сестры. Остальные усташа держали мою мать, пока не пришел еще один с ножом, наклонился над матерью и отсек ей одну из грудей. Те же пленные, что в этот момент случайно находились рядом (в том числе и я) должны были на это смотреть. Несколько усташей наблюдало за нашей группой, видимо, ожидая, что там есть кто-то из родственников моей матери. Несомненно, если бы я выдал себя вскриком или другим образом, меня бы уничтожили тут же. По счастью, один из пленников знал, что я — сын истязаемой. Он закрыл ладонью мне рот, что и спасло мне жизнь в тот момент.

Я понимал, что мне нужно избегать любых сборищ, любой ценой не быть среди толпы пленников. Поэтому я целыми днями ходил по лагерю, стараясь не попадаться на глаза усташам. Перед моими глазами проходили сцены из жизни лагеря. Видел я, например, как люди, и стар и млад, работают на савской насыпи. Они носили землю и камни прямо в руках. Когда кто-либо терял силы, он падал под тяжестью переносимого груза. Таких немедленно убивали, не давая им даже подняться. Оставшиеся в живых вкапывали тела убитых в насыпь. Когда вы се-

годня гуляете по насыпи — знайте, что ее каркас составляют кости, бесчисленное число костей павших узников.

Также я видел, как паром перевозил огромное число пленников с нашей стороны на противоположный берег Савы. Когда паром возвращался, он всегда был пуст, что меня удивляло. Уже позже я узнал, что те, кого перевозили на другой берег, были там уничтожены. Их закапывали в общие могилы в местечке Доня-Градина.

Кормили нас отбросами, остававшимися после работы полевых кухонь. Однажды усташи собрали всех детей в одном месте и сказали нам, чтобы, начиная с этого момента, мы не смели ничего говорить, и не отвечать ни на какие вопросы. Нарушителя приказа ждала бы мгновенная смерть. Нам не нужно было говорить дважды, мы и без того были перепуганы. На следующий день нас снова собрали на том же самом месте. Тогда в лагерь вошла группа мужчин и женщин в белых халатах. Они начали осматривать нас и задавать всевозможные вопросы. Мы же молчали. Вновь прибывшие осмотрели нас, некоторым перевязали раны. Как я узнал много позже, это были представители международного Красного креста, которые прибыли в Ясеновац, узнав о том, что тут есть и дети...

...Наступил день, когда меня и еще тридцать детей, уж не знаю, по каким причинам, посадили в грузовик и увезли в Загреб. Нас поместили в лагерь только для тех детей, которых усташи разрешали усыновлять или удочерять жителям Загреба. Тот горожанин, который хотел бы взять ребенка на воспитание, должен был подписать заявление, в котором он давал обещание изменить ребенку имя и фамилию и воспитывать его в католическом духе.

Власть называла этот лагерь «Приют для детей бандитского террора». В нем я познакомился со своим сверстником, которого звали Бошко. Мы подружились и заботились друг о друге. Когда я тяжело заболел

и не мог ходить за едой, Бошко делил свою порцию со мной.

Осенним днем 1944 года я сидел во дворе и грелся на солнце. Когда меня накрыла тень, я поднял голову и увидел красивую женщину, чья голова была покрыта шелковым платком. Она смотрела на меня. Я же в результате тяжелой болезни был настолько слаб, что еле-еле смог прошептать женщине, чтобы она взяла меня с собой, или я здесь умру. Она взяла меня на руки, так как сам ходить я не мог, и донесла меня до ворот. Там она должна была подписать заявление о том, что взяла ребенка. Усташ спросил меня: «Хочешь ли ты пойти с этой тетей?» Я сказал, что не пойду, если она не возьмет и Бошко.

Усташ обратился к женщине: «Малец имеет на это право. Он все равно умрет через какой-нибудь час, и у вас будут проблемы с его похоронами. Вернитесь и возьмите здорового ребенка!»

Она понесла меня обратно и спросила, кто из детей Бошко. Я указал ей. Она взяла его за руку, по-прежнему держа меня на руках, и вывела нас обоих из лагеря. Бошко она отдала на воспитание своей подруге, а меня оставила у себя. Она вызвала врачей, чтобы попытаться меня спасти. Как я узнал, ее муж, Степан Новакович, был инженер по профессии, а родом из Новски. Ее саму же звали Бланка. Позже я узнал, что она, помимо нас двоих, взяла из лагеря еще семь детей и отдала их на воспитание своим подругам. Сами же Степан и Бланка не имели своих детей, поэтому они официально усыновили меня. Они дали мне имя Войко. По их словам, Войко — в большей степени хорватское имя, тогда как мое прежнее имя Гойко — более сербское. Я получил обещание, что, когда не будет усташей, они вернут мне мое прежнее имя. Благодаря усилиям врачей и непрерывной заботе своих новых «родителей» я пошел

на поправку и быстро выздоровел. И 8 мая 1945 года я выбежал на улицу, встречая освобождающую Загреб нашу армию. В том же году я пошел в основную школу-четырёхлетку, потом перешел в гимназию, а закончив ее — поступил в техническое училище».

Одним из крупнейших событий, повлиявших на судьбу узников детских лагерей, стала деятельность по их освобождению, проводимая Дианой Будисавлевич.

Диана Будисавлевич (девичья фамилия — Обексер) родилась в Инсбруке в 1891 году. Там она вышла замуж за серба Юлия Будисавлевича, работавшего ассистентом в хирургической клинике. В 1917 году они поженились, а спустя два года переехали в Загреб. Здесь они вместе с большой группой единомышленников организовали и начали претворять в жизнь акцию по спасению детей из усташских лагерей — в народе ее называли «Акцией Дианы Будисавлевич». Организуя работу по вызволению детей из лагерей Ясеновца, Диане Будисавлевич удалось привлечь на свою сторону Хорватский Красный крест. Поскольку вывезти детей из лагерей можно было только легально, Диане пришлось обращаться за разрешением к немецкому офицеру Альберту фон Кетцену. Разрешение в итоге было получено. Она дважды ездила за детьми в лагерь Стара-Градишка, трижды — в Ябланац и однажды — в Млаку. Всех собранных там детей она перевезла в Загреб, где их разместили по больницам. Несмотря на военное время и связанную с ним нехватку практически всего необходимого, в больницах столицы дети все же получали достойный уход. Когда же они выздоровели, их перевели в детские приюты в Ястребарско, Сисаке и других местах. Только в августе 1942 усташские власти разрешили хорватским семьям забирать детей к себе на воспитание. Большую роль в получении этого разрешения сыграла благотворитель-

ная организация «Каритас» и Загребское архиепископство.

Акция Дианы Будисавлевич продолжалась до последних дней войны. Всего ей удалось спасти более 15 тысяч детей, из них более 12 тысяч смогли дожить до конца войны. После освобождения Хорватии в мае 1945 года она была вынуждена передать всю накопленную ей уникальную картотеку с данными по десяткам тысяч спасенных детей в Министерство социальной политики. После этого она покончила с общественной деятельностью. В 1978 году она скончалась в родном Инсбруке.

Помимо картотеки, Диана Будисавлевич оставила после себя еще одно сокровище — ее дневник. И в наши дни прочитать его может любой желающий. Ниже — отрывки из дневника.

«23.10.1941

Мира Кушевич, жена моего брата, узнала от Марии Ладжевич о существовании большого концентрационного лагеря, в котором, помимо евреек, находятся и православные женщины с детьми. Мы решили попробовать помочь им. Сначала мы собирались просто посылать им какие-то деньги через Еврейскую общину. Но нам не смогли ответить, можем ли мы таким образом помогать не еврейкам.

27.10.1941

Стало известно, что мы можем помогать и православным женщинам. Тотчас же мы начали собирать для них одежду. Дни напролет ко мне приходили и уходили незнакомые женщины, запасы одежды постоянно росли. Поскольку мы могли действовать только скрытно, а круг моих знакомых был невелик, я советовала всем использовать принцип снежного кома: пусть каждый расскажет о нас своим знакомым (разумеется, тем из них, кому можно полностью доверять), они — своим и так далее. Обе моих дочери, взяв в помощь подруг, занялись ши-

тъем. Все готовые вещи мы сортировали и упаковывали в моем гараже.

Те, кто дарил нам одежду, чтобы мы затем отправили ее в лагерь, ставили одно условие: чтобы мы нигде и никому не раскрывали их имен. Это было вызвано страхом перед возможными репрессиями.

Занимались мы и покупками. В нашей общей кассе уже были кое-какие средства. Прежде всего мы покупали мешки для соломы — как пояснили нам в Еврейской общине, нужно будет собрать очень много соломы, чтобы узники не спали на голом полу. (И солому, и одеяла, которые мы также закупали в первую очередь, лагерное начальство так и не передало пленным).

Сначала мы планировали собрать индивидуальный пакет для каждой пленницы, но затем были вынуждены отказаться от этой идеи. Мы собирали общие посылки с тем, чтобы уже по получении женщины сами делили бы между собой их содержимое — кому что нужнее. В Еврейской общине нас уверяли, что все посылки обязательно дойдут до пленных. Они рекомендовали нам отправлять одежду, обувь, мешки для соломы и покрывала — а вот от пересылки продуктов и табака советовали отказаться.

06.11 — 09.11.1941

В период с 6 по 9 ноября мы передали пленным через общину 25 набитых вещами мешков и еще 10 личных пакетов. Кроме того, 8 ноября я узнала, что из лагеря Лоборград была отпущена на свободу г-жа Ковачевич с детьми, и что они сейчас находятся в Загребе. Я посетила ее и узнала кое-что важное об этом лагере. Например, то, что православные женщины находятся в полно изоляции от евреек. В итоге они выбрали старшей Радойку Васильевич, которая заботится об остальных по мере возможностей. Узнав это, мы отправили через Еврейскую общину еще несколько пакетов для

православных женщин, адресовав их Радойке Васильевич.

01.12.1941

Мой первый прием у архиепископа Степинаца. Результат разговора — полностью негативный. Архиепископ заявил мне, что не имеет никакого влияния на правительство и ничего не может сделать. Он готов взяться за дело, но наперед знает, что у него ничего не выйдет.

09.02.1942

Меня посетил г-н Райчевич. Он выразил желание сотрудничать с нами от имени сербского Красного креста из Белграда.

27.02.1942

Получаю письменное разрешение на проведение своей акции помощи узникам лагерей. Сразу же отнесла его фотографу, чтобы он сделал несколько копий. Зная, что в ряде случаев это разрешение не будет значить ровным счетом ничего (меня предупредили, что каждое усташское отделение придерживается только своих собственных правил и не признает силу документов других), я все же решила продолжать акцию.

Еще до того, как мне выдали разрешение, я несколько раз убеждала доктора Видаковича взять на себя руководящие функции наравне со мной. Ведь именно он с самого начала нашей работы был нашим казначеем, ответственным за общую кассу. Я же не хотела распоряжаться чужими деньгами. Но всякий раз он решительно отвергал мои предложения, опасаясь преследования со стороны властей. Таким образом, я оказалась единственной ответственной за всю акцию, все работы велись от моего имени, и только я принимала на себя все возможные риски. Было понятно, что мой муж не одобрял моей работы, боясь за меня и за себя. Но я хотела помочь, насколько это вообще было в моих силах. Я была убеждена в том, что моя жизнь не ценнее жизней тех

невинных, которых подвергали гонениям, и если я могу помочь — в первую очередь я думала о детях — то я должна просто принимать вещи такими, какие они есть.

15.04.1942

Доктор Стерн передает мне список интернированных из лагеря Дзяково. В последнее время там находятся и православные, в том числе дети. Он предлагает мне отправлять посылки и туда. Считает, что это важнее отправки посылок в Лоборград — лагерем Дзяково управляют усташи.

20.04.1942

В усташском полицейском участке я просила отправить на карантин православных женщин из Лоборграда и Горня-Риеки: чтобы они, истощенные голодом и болезнями, могли бы отдохнуть и набраться сил перед возвращением домой. Просьба была удовлетворена. На мой вопрос о том, будут ли освобождены и женщины из лагеря Дзяково, мне также ответили утвердительно.

01.05.1942

Разговариваю с освобожденными женщинами и узнаю, что 20 кг мармелада, которые мы послали им 26 марта, так им и не достались. Женщины видели, как все эти припасы погрузили в машину коменданта и отвезли в Загреб.

04.05.1942

Лагерь Дзяково еще не освобожден. Узнала, что женщинам там приходится очень тяжело. Мы готовим им посылку из 15 пакетов. Передавая эту посылку через Общину, узнаю, что они получили список мужчин-пленников Стара-Градишки, и что туда также можно отправлять посылки.

22.05.1942

Во второй половине дня в канцелярию заходят два железнодорожника и женщина из Ясеновца. Она сооб-

щает, что из Ясеновца куда-то увели ее старых родителей и спрашивает, можем ли мы узнать, куда именно.

26.05.1942

Вторая аудиенция у архиепископа Степинаца. Он не хочет интересоваться тем, о чем я говорю. Заявляет, что у него нет никакого влияния на правительство. Рассказал мне, что был у какого-то министра по вопросу места проживания какой-то еврейки. Министр обещал ему, что еврейка может остаться жить в своей квартире, а сейчас власти хотят ее все-таки выселить. Я говорю ему, что пришла, дабы спасти целый народ, а он мне рассказывает о какой-то квартире. Тогда он начал критиковать немцев, нацизм, Гитлера — мол, во всем виноваты они. Я возражаю, что немецкие священники беспокоятся о своем народе и даже противостоят Гитлеру. Множество изгнанных со своих родных мест перешли здесь в католицизм, и его обязанность — беспокоиться о них. В конце концов он обещает мне, что займется этим. Не верю этим обещаниям.

30.05.1942

Вечером мне звонит сестра Хабазин. Сообщает, что пройдет транспорт с детьми из Сербии в Швейцарию. Тут их обеспечат продуктами. Сестра хочет это видеть. Я, конечно, тоже — еду на железнодорожную станцию. Отличные вагоны, детей сопровождают сестры, все перво-классно. Это чистая пропаганда. Резкий контраст с теми вагонами для скота, в которых мы позже вывозили детей из лагерей.

05.06.1942

В 04.30 утра мне звонят из миссии Красного креста: вот-вот на станцию прибудет транспорт из Стара-Градишки — с мужчинами, посылаемыми на работы в Германию. В транспорте около 400 мужчин. После полудня решаем купить им готовые порции еды, поскольку у них сильнейшая нехватка посуды. Покупаем несколько сотен

порций, отправляем их Красному кресту, а его сотрудники отвозят их на станцию и передают пленным.

08.06.1942

В 11 часов приходит еще один транспорт, там женщины с детьми. Встречаю господина Хеккера, руководящего перевозкой людей и грузов в Германию. Прошу его оставить детей тут. Он соглашается, но предупреждает, что матери не захотят расстаться с детьми. Получаю от него разрешение поговорить с женщинами. Те не хотят расставаться с детьми, но говорят мне, что они едут из Стара-Градишки, а там еще осталось много детей без родителей. Их матери или отправлены предыдущими транспортами, или умерли. Просят меня освободить этих детей — которых, по их оценкам, там более тысячи. Мне становится ясно, что это те самые дети, которых мы искали ранее: изгнанные с Кордуна и близлежащих районов. Я должна сделать все, чтобы спасти этих детей.

11.06.1942

Мне сообщили по телефону, что весь лагерь Дзяково будет эвакуирован. Поскольку православным женщинам и детям уже обещали освобождение, я попыталась добиться, чтобы их освободили немедленно. Это не удалось. Из скудных сообщений, получаемых из Дзякова, можно было прийти к выводу, что это был большой лагерь смерти.

14.06.1942

Звонит Хеккер: 80 детей и 200 женщин из прошлого транспорта из-за болезней и истощения не были приняты в Мариборе и возвращаются обратно в лагерь, где их ждет неминуемая смерть. Говорит мне, что если я хочу, он может сделать так, чтобы они остались в Загребе. Я отвечаю, что детей заберу любой ценой, а что касается взрослых — сначала нужно найти, где их разместить. Он дал мне номер телефона с просьбой сообщить ему о готовности как можно скорее. Это был самый драгоценный

подарок, который я когда-либо получала в жизни — возможность спасти людей от смерти.

Пришел транспорт, там 220 детей, 124 женщины и 6 мужчин. К сожалению, узнаю, что профессор Бресслер уехал в Сараево — он мог бы найти быстрое решение вопроса по размещению взрослых. Тем не менее, мы приняли решение. Сообщила Хеккеру, что забираю всех.

16.06.1942

Размещение взрослых все еще под вопросом. Всю ночь я провела на станции, а утром иду к архиепископу. Он тут же вызвал директора своего «Каритаса», господина Думича, и попросил его решить вопрос. Вскоре нашли здание, куда и направили взрослых еще до полудня.

08.07.1942

Собираюсь посетить лагерь в Стара-Градишке. Изначально планировали пробыть там восемь дней, но затем сократили время пребывания до двух.

09.07.1942

В первой половине дня мне звонит профессор Бресслер и сообщает, что к поездке все готово. Отправляюсь на станцию и узнаю, что отправление в 15.30. Скорым поездом мы доехали до Окучан, а оттуда — автобусом до местечка Босанска-Градишка. Прибываем туда в 18.30 и планируем там переночевать. Договариваемся, что завтра обсудим с комендантом лагеря возможность забрать детей.

В лагерь прибываем в 17.30. Ждем перед зданием управы. Прямо перед нашим прибытием в лагерь приехала машина с какими-то людьми. Позже я узнала, что это были министр здравоохранения, министр по делам концентрационных лагерей и несколько немецких офицеров. Наблюдаем за тем, как уже тогда известный своими зверствами комендант Лубурич отводит их на беглый осмотр лагеря. Несколько раз Лубурич проходил мимо нас, но даже не повернул в нашу сторону головы. Ждем,

ждем дальше. Господа уходят в какое-то здание. Мы все еще ждем.

Уже начало смеркаться, когда к нам вышел Лубурич. Он был словно удивлен нашим присутствием, спросил, чего мы ждем. Договорились, что придем на следующее утро.

10.07.1942

Утром мы сходили в магазин, купили бумаги и карандашей, чтобы вести список отобранных детей. Когда мы прибыли в лагерь, снова пришлось долго ждать: не было коменданта, а без него нам бы не позволили начинать. Когда же он прибыл, выделил нам врача. Врач должен был осматривать каждого ребенка и решать, выдержит ли он переезд. Врач уже отбирал самых крепких, сильных и здоровых детей для усташской колонии в Горня-Риеке, и думал, что и сейчас от него требуется то же самое. Но он быстро понял, что речь идет об акции спасения, и разрешил поехать практически всем.

Затем мы отправились в так называемую детскую больницу. Сначала мы посетили несколько комнат, которые были оборудованы койками. Тех детей, которые могли выдержать дорогу, мы временно поместили в отдельную комнату.

А потом мы увидели настоящий ужас. Комнаты без каких-либо предметов мебели, только с ночными горшками. На полу сидели или лежали дети в таком состоянии, которое я не берусь описать. Многие из них уже умирали. Что с ними делать? Врач заявил, что им уже слишком поздно оказывать какую-либо медицинскую помощь. Водитель решил произвести отбор детей: их ставили на ноги — тех, кто хоть как-то держался на ногах, мы забирали, а тех, кто падал от истощения, пришлось оставить здесь. (Как выяснилось позже, большинство из них умерло уже в тот же день). В комнату, где находились больные дифтерией, обреченные

на смерть дети, мы не пошли — чтобы не разносить заразу.

На каждого ребенка мы заводили карточку с индивидуальным номером, именем и фамилией. Имя и фамилию удавалось узнать не всегда — некоторые дети были истощены до такой степени, что не могли произнести ни слова.

Мы находились в лагере с семи часов утра до восьми вечера. Водитель рейсового автобуса до Окучан согласился перевезти отобранных нами детей несколькими рейсами. Решили, что сначала поедут самые слабые и больные дети, чтобы им успели оказать помощь. Женщины из лагеря дали нам немного ткани, своей одежды, даже платки — чтобы мы использовали их для пеленания самых маленьких детей, а также чтобы не испортить салон автобуса, ведь у многих детей был ужасный понос. Немудрено, если учесть, что кормили их всех, независимо от возраста, только плохо проваренной фасолью...

Еще в первой половине дня в лагерь прибыл Лубурич. Он был в ярости из-за того, что у него уводят детей. Заявил нам, что в Загребе хватает детей католиков, которые растут в беде и нужде, так пусть мы заботимся о них. Начал сыпать угрозами — мол, только от его доброй воли зависит, покинем мы пределы лагеря или нет. Может нас спрятать здесь так, что никто и никогда больше нас не увидит. Ему плевать, говорит он, что там решили министры: пусть они приезжают сюда — он и для них найдет тут место. Здесь, в лагере, только он — власть, и только его приказы имеют силу.

Во второй половине дня прибыла съемочная группа — делали какой-то пропагандистский фильм. Детей одели в усташскую униформу, отвели в небольшой парк и построили так, как при выдаче пайка. Пока шли съемки, дети были вынуждены стоять под жарким солнцем. Конечно, никакого пайка они на самом деле не получили.

В Окучанах наши больные дети разместились в вагоне поезда. Я была одна с 62 детьми, лежавшими на голлом полу в вагоне для перевозки скота. Возле станции я купила минеральной воды, чтобы попытаться напоить детей. Дорога до Загреба была ужасной. Стоны и плач детей длились всю ночь. Поезд шел очень медленно, часто и подолгу останавливался, иногда даже возвращался назад. Дети страдали жестоким поносом, вскоре весь пол превратился в настоящее болото. Когда остановки длились долго, мы выпускали более крепких детей на свежий воздух. Сестры вымотались до предела, постоянно спуская детей на перрон и затем поднимая их обратно в вагон перед отправлением. Когда кто-то из детей окончательно терял силы, вместе с очередной порцией кала из него выходили и глисты. Мне казалось это признаком того, что ребенок скоро умрет.

27.07.1942

Профессор Бресслер уезжает в Ястребарско и приглашает меня присоединиться. С нами едет и одна из сестер Красного креста, работающая в этом лагере. Мне показали больницу в старом дворце. После обеда едем в село Река, где размещены маленькие дети, почти все они без одежды. Также я увидела бараки для старших детей, парк и кладбище. На кладбище у каждого ребенка отдельная могила, за могилами хорошо ухаживают. Благодарю профессора Бресслера, что показал мне все это.

04.08.1942

Приехала в село Млака, забираем детей, записываем их имена. Усташи уводят в Ясеновац около 1000 женщин. С одним из них мы вчера договорились, что они предоставят нам столько машин для перевозки детей, сколько смогут. Сейчас усташи обещают нам, что вернут нам машины сразу же, как только доvezут женщин до Ясеновца. Женщины видят, что их сейчас уведут, многие в последний момент отдают своих детей

нам. Мы должны их записать поименно как можно скорее.

Наступил вечер, а машины все еще не вернулись. Нужно чем-то накормить детей. На лугу паслись несколько коров; по моей просьбе несколько сестер и старших детей отправились их доить. Молоко тотчас кипятим, чтобы накормить им грудничков. Потом мы приготовили ужин для старших детей. Около девяти часов вечера, когда дети ужинали, вернулись машины. Тотчас все забыли о еде и бросились к ним, стремясь успеть занять места. Некоторые сестры требуют отправиться в путь немедленно. Я сомневалась — машины в плохом состоянии, дорога со множеством ям опасна и днем, а дети слабые и больные. Советуюсь с врачом и в итоге принимаю решение остаться на ночь в селе.

28.02.1943

Разговариваю с доктором Малойичем и узнаю, что доктор Чернозубов должен был организовать все для карантина эвакуированных людей. Однако это не получилось сделать, так как нет ни бараков, ни других свободных помещений, где можно было бы их разместить.

01.04.1943

Узнаю, что профессора Бресслера исключили из Красного креста. Помимо прочего, в вину ему вменяется и связь со мной — будто бы он передавал мне информацию. На самом деле я узнавала о детях все новости без его помощи.

23.08.1943

Получила от католического священника из местечка Хрватска-Дубица список с именами детей, которых там разыскивают. Не смогли найти ни одного. Позже я узнала, что их ликвидировали в Ясеновце — утопили в реке.

01.09.1943

Доктор Видакович узнает об освобождении детей из лагеря Стара-Градишка. Выражаю желание отпра-

виться в лагерь за детьми вместе с директором («Каритаса») Думичем. В итоге он уехал туда один.

10.09.1943

После долгих переговоров директор Думич все же разрешил мне переписать его картотеки, где хранятся данные о детях, которых приютил «Каритас».

12.10.1943

Получили список детей, находящихся в Ясеновце. Показала его профессору Бресслеру. Он звонит делегату Международного Красного креста и просит освободить этих детей. Но делегат в этом не заинтересован. Просьба об освобождении детей Ясеновца дошла до РАВСИГУР-а.

11.01.1944

В полдень иду в «Каритас». Думич показывает мне письменное разрешение на вывоз детей из Ясеновца. Ему неохота этим заниматься, он не знает, где можно разместить этих детей.

09.02.1944

Думич вернулся из лагеря без детей. Оказывается, комендант лагеря заявил, что на каждого ребенка из Ясеновца требуется предъявить отдельное разрешение на освобождение с подписью РАВСИГУР-а.

24.03.1944

Ко мне приходит профессор Бресслер. Говорит, что помогал группе детей, больных воспалением легких. Соглашается со мной в том, что надо помочь женщинам с Кордуна. Обсуждаем с ним, какую помощь в наших силах им оказать.

10.04.1944

Узнаю, что наконец-то прибыла давно заказанная партия молока из Швейцарии.

13.04.1944

Советуюсь с проф. Бресслером, как лучше организовать выдачу полученного молока. Лучше всего — как

продолжение акции Международного Красного креста. Профессор истратил почти все свои запасы, и существовал риск, что загребские груднички останутся без молока. Решая, каким детям направить это молоко прежде всего, включаю в список и слабых детей из лагерей, размещенных в Загребе.

02.05.1945

Задержали партию текстиля, который я хотела направить пленным. Пришлось купить запасы готовой одежды.

08.05.1945

Освобождение.

09.05.1945

Нас лишили автомобиля.

Все больше рабочих и солдат приходят ко мне и спрашивают о своих детях — они слышали, что моя картотека наиболее точная.

25.05.1945

Министерство социальной политики потребовало от меня передать им альбомы с фотографиями детей. Получила письмо от профессора Бресслера. Он предупреждает, что мою картотеку хотят уничтожить. В тот же день мне сообщили об изъятии копии картотеки.

28.05.1945

Профессор Бресслер сообщает, что сегодня господин Мадьер из министерства придет ко мне, чтобы изъять оригинал картотеки. Около 10.30 он приходит и спрашивает, хочу ли я отдать ему картотеку. Отвечаю, что добровольно я ее не отдам — только если у него есть разрешение на изъятие. Показывает мне бумажку из министерства, подписанную начальницей Татьяной Маринич. Говорю ему, что в этом случае я вынуждена отдать картотеку. Добавляю, что это ужасное оскорбление, и пусть тогда они забирают вообще все. Передаю ему картотеку, все заметки и списки детей, оставшиеся фотографии и так далее.

14.06.1945

Излишки одежды, которые у нас образовались, решаю направить на Кордун в окрестности Вргинмоста — тамошние жители особенно сильно пострадали в войне, и им одежда очень пригодится.

13.08.1945

Меня позвали на заседание городского Красного креста. Отклоняю предложение — раз уж моя деятельность пришлось не по нраву высшим государственным структурам.

07.02.1947

Представители АФЖ (Антифашистского фронта женщин) потребовали от меня предоставить им письменный доклад о моей Акции. С согласия профессора Бресслера я написала этот доклад и передала в АФЖ».

Однако Диана Будисавлевич была не единственным человеком, пытавшимся спасти пленных детей или как-то иначе облегчить их участь. Немалый вклад в это дело внес упоминавшийся в ее дневнике доктор Чернозубов. Он заслуживает того, чтобы рассказать о нем подробнее — несмотря на то, что достоверной информации об этом человеке крайне мало.

Врач-эпидемиолог Никтополион Чернозубов родился в 1890 году в Нижнем Новгороде. В 1921 году эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС). В 1922 — 1930 годах он работал начальником бактериологической станции в сербском городке Нови-Пазар. В 1941 году доктор был назначен руководителем Отдела эпидемиологии в Центре гигиены в Загребе. В мае 1943 года он добровольно ушел в партизанский отряд.

В сентябре 1944 года доктор Чернозубов возглавил Отдел эпидемиологии Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии. На должности главного



*Доктор Чернозубов и Перица, детский лагерь Ястребарско,
1942 год*

эпидемиолога при НОАЮ (позже — Югославской народной армии, ЮНА) он проработал до 1952 года.

Помимо административной деятельности, Н. Чернозубов занимался и научной работой. Он — автор нескольких учебников по эпидемиологии, получивших в Югославии достаточно широкую известность.

Активно участвуя в акции Дианы Будисавлевич, док-

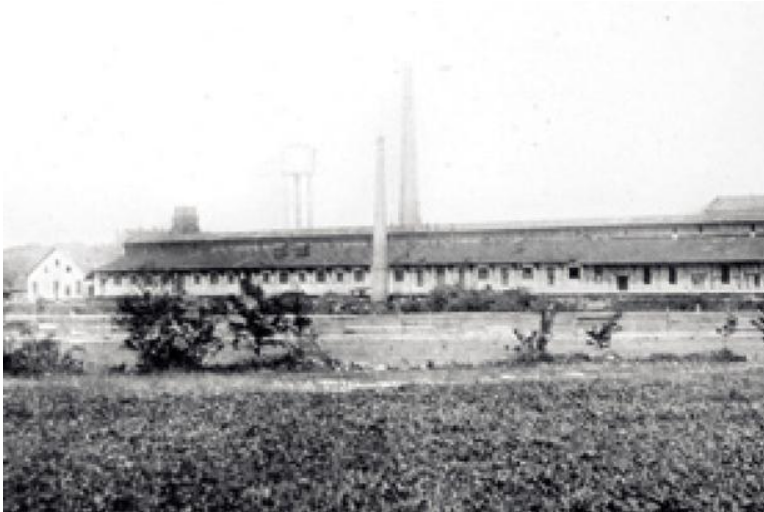
тор Чернозубов часто посещал детские лагеря. Достоверно известно о его поездке в лагерь Ястребарско, где он провел некоторое время, ухаживая за детьми. Одного из них, мальчика по имени Перица, он даже усыновил.

В 1967 году доктор Чернозубов скончался в Белграде.

...Нет возможности узнать, сколько всего детей умерло в застенках Горня-Риеки, Сисака, Ястребарско и других лагерей. Можно лишь исходить из предположения, что их было не менее 16 000.

ОТДЕЛЬНЫЕ УСТАШСКИЕ ЛАГЕРЯ СМЕРТИ

ДАНИЦА



Даница в 1941 году

Основан: 15.04.1941

Расформирован: 01.09.1942

Количество жертв:?

Тип лагеря: смешанный (распределительный, концентрационный)

Решение об основании лагеря было принято Министерством внутренних дел НГХ в день, когда усташи под началом Анте Павелича вернулись из Италии в Загреб. Для его основания было выбрано место в трех километрах от городка Копривница, в здании бывшего химзавода, который прекратил работу незадолго до начала Второй ми-

ровой войны. Таким образом, Даница стала первым усташским концентрационным лагерем в Независимом государстве Хорватия.

Из книги Джуро Затезало «Ядовно — комплекс усташских лагерей 1941»:

«...Первым организованным усташским концентрационным лагерем был лагерь Даница, основанный 15 апреля. Первые пленные прибыли в лагерь 18 апреля. Функционировал и как распределительный, и как концентрационный лагерь. Первая крупная группа пленных — 510 сербов из окрестностей Грубишно-Поля — была приведена в Даницу из Загреба 29 апреля около 17.00.

26 апреля в 20.00 на железнодорожную станцию Грубишно-Поля прибыл особый поезд. В нем ехали полицейские из Загреба, группа усташей, усташский офицер лейтенант Шарич и несколько гражданских лиц. Этим же вечером они встретились с католическим священником Перо Сивьяновичем. На встрече было решено, пользуясь поддержкой местных усташей, сразу же начать аресты сербов. Об этом рассказывает Бранко Бойичич, который был арестован в эту же ночь с 26 на 27 апреля и провел в лагере Даница полгода, после чего был выпущен на свободу во многом благодаря супруге — хорватке: «В 8 вечера прибывает на станцию особый поезд. Час спустя ко мне в дом — он рядом со станцией — врываются загребские полицейские и какие-то незнакомые усташши, начинают рыскать по дому, раскидывать все вещи налево и направо, ищут оружие, сыпят оскорблениями и в конце концов связывают меня цепью и выводят из дома, спрашивая, являюсь ли я четником. Меня отвели к поезду и приказали зайти в вагон. В вагоне я обнаружил связанными Божо Кляича и Марко Йовича. Тут мы пробыли около часа, потом нас отвели в школу, где уже было полно народу — все сербы из Грубишно-Поля.

Прибывали новые и новые люди. Где-то около полуночи к нам пришел усташ Шарич, который заявил, что мы все четники и нам нет места в Независимом государстве Хорватия... Утром нас снова отправили на станцию, посадили по вагонам и заперли. Около полудня к нам присоединилась группа людей из местечка Доня-Рашеница, а час спустя — еще две группы. Всего нас было 510. Наши жены и дети просили усташей разрешить им передать нам продукты, но им запретили.

Вечером субботы поезд тронулся. Мы прибыли в Загреб, там снова нас посадили на поезд и мы выехали в Копривницу. В 17 часов 29 апреля мы прибыли в этот городок, где нас сразу же поселили в здании завода «Даница». Оказалось, мы были тут первыми пленными. В девять часов вечера к нам пришли усташы и страшно нас избили. Милану Инджичу из Грубишно-Поля сломали четыре ребра, Алексе Босанцу — правую ногу, Бранко Дражичу — левую ногу в двух местах... Еду нам дали только на третий день. Усташы объясняли свои зверские побои тем, что, дескать, мы были арестованы с оружием в руках, как четники. Кормили нас один раз в день: в 17 часов мы получали немного воды и 2–3 вареных картофелины. Письма от родных до нас не доходили — их содержимое делили между собой усташы. Каждую ночь они избивали нас».

Позднее в Даницу направляли и пленных из других регионов — сербов, евреев и антиусташески настроенных хорватов из Беловара, Крижевца, Гарешницы, Дарувара, Пакраца, Винковца, Сремска-Митровицы, Копривницы, Глины, Вараждина, Загреба, Карловца, Огулина, Дервенты, Сараева, Баня-Луки, Биелины, Тузлы и других мест.

Всего через месяц после основания лагеря в нем уже находилось 1007 пленных. Максимальное число пленных Даницы точно неизвестно и колеблется между цифрами в 5600 и 8000 человек.

Несмотря на то, что в Данице не практиковались массовые убийства, жизнь пленных в лагере была крайне тяжелой. Их постоянно жестоко избивали — так, что у многих узников спустя какое-то время все тело представляло собой одну сплошную огромную гематому. Те, кого избивали сильнее и чаще прочих, вскоре теряли способность самостоятельно ходить. Известны случаи и смерти от побоев.

Хорватов-коммунистов мучили так же жестоко, как и сербов с евреями. Но самые дикие зверства устали чинили над православными священниками — специально для них в Данице был построен так называемый «барак смерти».

Как уже писалось выше, Даница функционировала не только как концентрационный, но и как распределительный лагерь. Одним из основных пунктов назначения был лагерь Ядовно в горах Велебита. За время с 30 июня до 21 июля из Даницы в Ядовно было переброшено, по разным оценкам, от 2500 до 2700 сербов и евреев. Также пленных отправляли в Госпич и лагерь Слана на острове Паг...»

К 30 мая 1941 года в Данице были размещены 2175 пленных. Максимальное количество узников, содержащихся в лагере одновременно, было зарегистрировано 15 июля того же года — 2656 человек.

Национальная структура пленников Даницы была примерно такой: более 3 тысяч сербов, около 1 тысячи хорватов, более 600 евреев и неуточненное количество цыган (по разным данным — от 10 до 400 человек). Незначительную долю составляли представители других национальностей (мусульмане, черногорцы, словенцы, венгры, украинцы, по 1 македонцу, румыну и русскому). По политической принадлежности узники Даницы делились на несколько в известной степени условных групп — часть сочувствовала радикальным партиям,

а часть — «правым», монархистским и четническим. В общей сложности приверженцев этих взглядов было около двух тысяч. Еще около полутысячи человек относили себя к коммунистам. Абсолютное меньшинство составляли усташи, ссылаемые в лагерь за различные преступления.

Если сербов помещали в лагерь после предъявления обвинений (обычно — пособничество четникам или коммунистам), то евреев нередко отправляли в Даницу вообще без видимых причин (достаточной причиной была сама их национальная принадлежность). Марин Немец, уполномоченный Главного усташского штаба по городу и округу Копривница, последовательно претворял в жизнь расовые законы — так, евреям запрещалось выходить на улицу с 19 часов вечера до 7 часов утра; в дневное время им был запрещен вход на территорию городского парка, а также в нееврейские кварталы. Кроме того, активно использовался принудительный труд: евреев заставляли подметать городские улицы, а вместо того, чтобы косить траву, они должны были выщипывать ее руками. Первое время копривницкие евреи носили в качестве знака отличия желтые нарукавные повязки. Позже их сменили желтые тканевые нашивки на грудь и спину — на каждой нашивке была вышита буква «Ž» и звезда Давида. Евреям запрещалось занимать административные должности, принимать активное участие в жизни города, а их детям — ходить в школу.

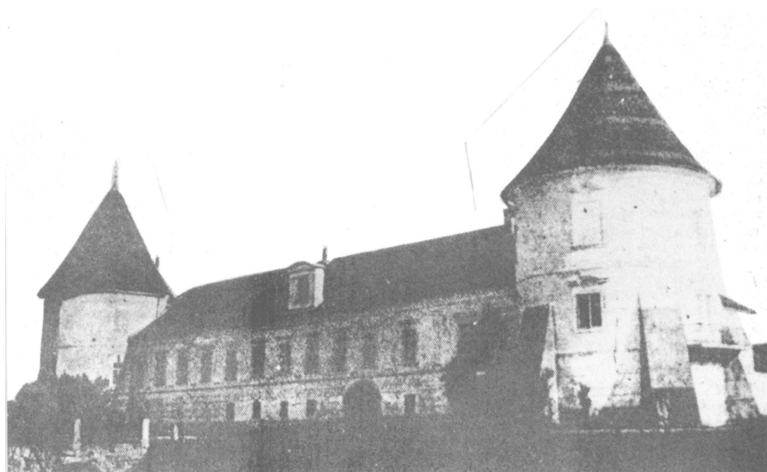
Жизнь в лагере Даница была чрезвычайно трудной. Новоприбывших встречали оскорблениями и ударами палок, после которых люди зачастую не могли самостоятельно ходить. Спать приходилось или на бетоне, или на земле с тонкой соломенной подстилкой. У всех пленников сразу по прибытии изымались личные вещи, причем не только деньги и драгоценности, но и все прочее, что пленники имели с собой на момент поступления в Даницу. Особенно жестоко лагерная стража издевалась

над представителями интеллигенции и священнослужителями. Пережившие Даницу говорили о расположенном в центре лагеря бараке, который пленные называли не иначе как «дом ужасов» — туда отводились пленные для особо жестоких пыток. Стоит ли говорить, что ни о какой медицинской помощи узники Даницы не могли и мечтать?

Когда Даница принимала первые партии пленных, их относительно неплохо кормили. Была также у них возможность и покупать еду у крестьян из окрестных сел. Но чем дальше, тем хуже и меньше становилась кормежка. Дошло до того, что пленные получали еду всего раз в день, и в лучшем случае это был картофель или фасоль. Пакеты с продуктами, которые присылали пленным их родные и близкие, изымались охраной лагеря. Бывали и случаи, когда от невыносимого голода заключенным приходилось есть траву.

Подсчитать хотя бы примерно количество жертв лагеря не представляется возможным. Логично предположить, что большинство узников Даницы умерли или были убиты уже после пересылки в «профильные» лагеря смерти — Ясеновац или Ядовно. Что же касается смертей в стенах самого бывшего химзавода, оно вряд ли велико. Можно предположить, что речь идет о десятках (в крайнем случае — сотнях) человек. Это были как те, кто умер от голода, так и те, кто не выдерживал регулярных жестоких побоев и мучений.

КЕРЕСТИНЕЦ



Лагерь Керестинец, дата снимка неизвестна

Основан: 19.04.1941

Расформирован: 16.08.1941

Количество жертв:?

Тип лагеря: смешанный (распределительный, концентрационный)

Вторым после Даницы — 19 апреля 1941 года — был основан лагерь Керестинец. Он располагался в здании замка бывшего бана Михаловича под Самобором, в 18 км от Загреба. Лагерь Керестинец был основан по приказу Йосипа Враговича и изначально предназначался для содержания сербов из Загреба и его окраин. Командиром лагеря был назначен Младен Хорватин. Обеспечить ла-

герь охраной было поручено Оскару Рейнеру. Рейнер предоставил в распоряжение Хорватина 20 человек.

Здравко Диздар в книге «Лагерь Керестинец» писал о дате основания лагеря:

«Когда был основан лагерь Керестинец? На этот счет есть расхождение во взглядах. Одни считают, что он был основан еще правительством Хорватской бановины до начала войны, другие — что его основали усташи в мае 1941 года. Оба этих мнения неверны. Лагерь Керестинец был основан 19 апреля 1941 года. Эта дата подтверждается целым рядом документов, в том числе докладами от 28.04.1941 и 03.05.1941, направленных Министерству внутренних дел НГХ. В них Теодор Тюрк, чиновник районного масштаба, писал о том, что 19.04.1941 ««в Керестинце основан лагерь для нежелательных элементов»».

Поскольку замок не был предназначен для содержания пленных, Теодор Тюрк практически ежедневно ездил в Керестинец для контроля ремонтно-строительных работ. В дело пошли и деньги, отнятые им у пленных — более 176 тысяч динаров. При этом он вернул женам пяти заключенных часть ранее отобранных денег — всего 7 100 динаров. А на нужды стражи и пленных он выделил командиру Хорватину всего 700 динаров.

Иван Йелич в книге «Трагедия в Керестинце» так описывал положение дел в лагере:

«В концентрационный лагерь Керестинец первые коммунисты прибыли в середине мая 1941 года. Туда перемещали и тех коммунистов, которые были арестованы полицией еще Хорватской бановины, и тех, кого арестовывали уже усташи НГХ. В первые дни своего существования лагерь содержал около 50 коммунистов и антифашистов, размещенных в центральном здании бывшего замка. Вскоре в лагерь начали прибывать группы арестованных коммунистов из Загреба и других котаров НГХ — Травника, Винковцев, Биелины. В начале

июля 1941 в лагере было уже более сотни заключенных. Среди них было немало партийных и профсоюзных руководителей, интеллигентов, известных общественных и культурных деятелей.

Кроме того, уже со второй половины апреля в Керестинец начали приводить и представителей так называемых «нежелательных лиц», в основном сербов и евреев. В начале мая их было около 300. Затем их переводили в другие усташские лагеря, прежде всего — в Госпич и Даницу. Оттуда, в свою очередь, некоторых из них переводили в Ясеновац, где и ликвидировали.

Важным рубежом, разделившим жизнь узников Керестинца на «до» и «после», стало нападение Третьего рейха на Советский Союз. До этого дня положение пленных было относительно терпимым. Так, некоторым даже разрешалось навещать свои семьи и друзей. Также пленные получали регулярный паек и даже книги. Родственники пленных — в основном, их жены — могли получать пропуска в лагерь, чтобы встречаться с ними. Некоторым выписывали даже бессрочные пропуска — они могли навещать родных практически в любой день по своему желанию.

Нападение Германии на СССР резко изменило положение дел в Керестинце. Об этом говорит узник Звонимир Комарица: «Новость о нападении была нами принята с надеждой на скорую победу Красной армии. Мы верили, что это — начало конца для фашистов. Особенно оптимистичны были мы, молодые. Наши старшие товарищи вели себя более сдержанно. Мы же, представители молодежи, с удивлением и недоверием восприняли слова одного из пленных: «Товарищи, это будет долгая и трудная борьба!»

Наша жизнь становилась все хуже и хуже. Сменились сторожа — с прежними у нас были установлены достаточно хорошие отношения. Запретили выходить из ком-

наты — только в строго определенное время, которое отводилось для прогулок. Введен куда более строгий режим посещений родных, получения посылок и так далее. Родственникам теперь запрещалось посещать лагерь, когда вздумается — только за плату сторожам. Платить им теперь приходилось и за передачи».

В субботу, 5 июля, из лагеря увели группу из десяти коммунистов: Божидар Аджия, Альфред Бергман, Симо Црногорац, Оттокар Кершовани, Иван Корски, Иван Крндель, Иво Кунн, Огнен Прича, Звонимир Рихтман и Сигизмунд Краус. В тот же день Крнделя вернули в лагерь, а вместо него увели Виктора Розенцвейга. Остальные пленные надеялись, что их просто переводят в другой лагерь — было общеизвестно, что такое часто случается. Но в четверг, 10 июля, они узнали о том, что все десять коммунистов были расстреляны».

Несмотря на то, что первоначально в Керестинце предполагалось размещать только сербов, позднее туда стали направлять и других представителей «нежелательных элементов». Вскоре лагерь оказался разделен на три части: в одной из них были размещены пленные сербы, в другой — евреи, в третьей — коммунисты разных национальностей, в том числе хорваты. В таком хронологическом порядке они и были открыты — поскольку сербов арестовывали одними из первых, их отделение и было открыто в первую очередь; оно же было и самым крупным по числу пленных. В первые дни существования Керестинца в нем находились 156 сербов, 59 хорватов — коммунистов и антифашистов, 18 евреев, 3 черногорца, 3 русских, 3 словенца, а также по одному итальянцу, румыну, немцу и еще трое пленных невыясненной национальной принадлежности. Всех их разделяли по национальному признаку.

Большинство пленных из сербской части лагеря (сами пленные называли эту часть «сербско-югославской»)

составляли сербы — жители Загреба, арестованные 11 апреля и в последующие дни; их перебросили сюда из столичных тюрем. Жили они в здании склада, расположенного в 300 метрах от замка. В основном они были заняты на сельскохозяйственных работах. Условия жизни были тяжелыми с самых первых дней, а после нападения Германии на СССР стали еще хуже.

Еженедельник «Хорватский народ» 23 апреля 1941 года писал о пленных сербах: «Четники интернированы в замок Михаловича в Керестинце». На самом деле, разумеется, никакими четниками арестованные сербы не являлись. Усташи называли их так специально, стремясь представить арест мирных жителей как арест оказывавших сопротивление вооруженных лиц. Это, кстати, подтвердил на судебном слушании и сам Хорватин, признавшийся, что на его памяти лишь одного пленника из всех можно было считать четником.

В мае 250 пленных Керестинца были отправлены в лагерь Даницу, а оттуда, в свою очередь — в Госпич. Позже из Госпича их перебросили в лагерь Ядовно, где и ликвидировали. Следующая переброска пленных из Керестинца в Ядовно состоялась 14 июля: около 300 сербов были отправлены в Госпич, а потом — в велебитский лагерь. Все они также были убиты.

Еврейская часть лагеря была основана 1 мая, когда были арестованы 80 загребских адвокатов еврейской национальности. Несмотря на то, что спустя всего две недели их освободили, большинство из них затем снова оказались под арестом. Присоединив к ним некоторое количество пленных из еврейского лагеря Самобор, объединенную группу отправили в Керестинец, где заключенные пребывали до 15 — 20 июня.

Роберт Глюштхаль в своих воспоминаниях под названием «Краткий реферат о лагере Керестинец» писал:

«Первые антиеврейские акции усташей были направлены на еврейских адвокатов. Массовые аресты адвокатов начались 28 апреля 1941 года и продолжались еще примерно дня три. Меня арестовали в первый же день. Идя в полицейский участок, я не предполагал ничего дурного, пока не увидел себя в компании других адвокатов. Тут-то мне и стало ясно, что меня арестовали именно как еврейского адвоката.

Следующим утром нас на автомобилях отправили в Керестинец. Нас разместили в замке бывшего бана Михаловича, где к тому времени уже находились около 300 пленных сербов.

Первые три дня прошли довольно неплохо. Нам позволяли гулять по территории, читать газеты и книги, разговаривать друг с другом. Наши родственники могли отправлять нам посылки с едой, одеждой и бельем. Наши жены и дети могли свободно нас посещать — даже заходить с нами в жилые помещения, где мы ночевали.

Но затем началось постепенное ужесточение режима. Нас стали распределять на работы: кого — на колку дров или распил досок, кого — на очистку канализации, кого — расчищать территорию парка... По сути, настоящей-то работы и не было. Поэтому с каждым днем наше место пребывания все более и более походило на лагерь. Нам запретили выходить на улицу в любое время. Теперь мы могли покидать помещение только дважды в день: утром — чтобы постирать белье в колодце, и днем — на раздачу обеденного пайка и часовую послеобеденную прогулку по территории.

Ограничили и общение с родными. Теперь, чтобы получать посылки от родственников, нужно было выправить в полиции особое разрешение. Сокращали постепенно и время встречи с близкими: от одного часа в первые дни оно затем урезалось до пяти минут. Сами же посылки стали подвергаться проверкам; некото-

рые вещи изымались. Затем был издан приказ сдать все деньги. А поскольку многие из адвокатов были арестованы внезапно, они имели с собой наличные.

Введение целого ряда ограничений привело к тому, что пленные стали с радостью выходить на обязательные работы. Как-никак, это были лишние часы на свежем воздухе, вне мрачных стен, а сама работа была не такой уж и тяжелой.

В Керестинце оказались все загребские адвокаты еврейского происхождения. Единственным исключением был доктор Людевит Шварц, которого выпустили вскоре после ареста в силу его преклонного возраста — ему было 82 года.

В конце мая на территорию лагеря въехало полицейское авто. Находившийся в нем полицейский отобрал группу из десяти пленных, в числе которых был и я, и сказал нам готовиться к выходу на свободу. Это не стало для нас такой уж неожиданностью: несколько человек были отпущены ранее.

Не прошло и двух недель, как все загребские адвокаты были выпущены из Керестинца на свободу. В заточении остался только доктор Кун, которого позже расстреляли вместе с группой пленных коммунистов.

Спустя еще примерно две недели в Загребе поднялась вторая волна арестов адвокатов. Меня она не затронула».

«Коммунистическая» часть лагеря была основана 22 мая. Тогда в лагерь прибыла первая группа коммунистов и антифашистов. Эта часть лагеря была наиболее продуманной, распланированной и охраняемой из всех. В отличие от сербов и евреев, которых иногда выпускали на свободу, узникам «коммунистической» части надеяться на такую удачу не приходилось.

Первыми пленными третьей части лагеря стали трое братьев Казичей — Иван, Ладислав и Петар. Их перевели из лагеря Ястребарско в Керестинец, куда они прибыли

13 мая. А уже 22 мая в лагерь прибыла группа из 46 коммунистов. Последовали за ними и другие группы.

Лагерный режим для пленных коммунистов и антифашистов был куда более мягким, чем для «югославов» и евреев. Коммунисты добились присвоения им статуса политических заключенных, что освободило их от принудительных работ. Также в их жилые помещения было проведено электричество, они могли дольше других пленных гулять по парку и территории; могли даже (под предлогом необходимости посетить зубного врача) выезжать из Керестинца на свободу — в Самобор. Разумеется, в таких вылазках их неизменно сопровождал вооруженный конвой.

Кроме того, коммунистам не запрещалось собираться вместе и обсуждать что угодно, включая политику. Так в их среде сформировался со временем тесный круг единомышленников, регулярно собиравшихся вместе не только для беседы, но и для саморазвития. Так, заключенный по фамилии Прича читал товарищам лекции по развитию социализма, диалектике и политической экономике; Кершовани рассказывал об империализме; Цесарец организовал кружок изучения русского языка, а также рассказывал о событиях, происходивших в Советском Союзе. Шибер вел кружок физкультуры, Марковац — кружок пения революционных песен...

Главным экономом и старшим по хозяйству коммунисты выбрали Александра Турковича. Он организовал простую и надежную систему распределения потоков всего необходимого, в первую очередь — продуктов. Всю еду, которую пленным коммунистам приносили друзья и родственники, складывали в шкафы. Никто не имел права брать оттуда ни крошки без ведома Турковича. Он назначил старших по комнатам, которые в алфавитном порядке распределяли товарищей на хозяйственные работы — уборка помещения и так далее.

Такое ведение хозяйства, введенное Турковичем, осуществлялось естественно и непринужденно; не нужно было никого заставлять выполнять свою работу. Это привело к тому, что в «коммунистической» части Керестинца сложился единый, дружный и хорошо организованный коллектив. Доходило до того, что некоторые пленные коммунисты, даже получая возможность бежать, сознательно отказывались от нее — чтобы не подвести остальных товарищей.

Но если побег отдельных пленных коммунистов и был для их товарищей явлением нежелательным, то возможность организации массового побега их, напротив, привлекала. И не только их. Идея об освобождении коммунистов и антифашистов из Керестинца существовала уже с самых первых дней организации лагеря. Освобождение почти сотни коммунистов вблизи от Загреба в то время, когда народ готовился начать вооруженную борьбу с оккупантами, было бы акцией исключительного значения, которая имела бы сильнейший отклик. В необходимости проведения такой акции не было никаких сомнений в высших партийных кругах.

Решение о проведении акции освобождения руководство Коммунистической партии Хорватии (КПХ) приняло на заседании 10 июля. Дата заседания обусловлена тем, что днем ранее стало известно о расстреле десяти коммунистов из Керестинца. Вот что рассказывает об этом Карло Мразович, член Политбюро ЦК КПХ, участник заседания:

«Встреча, на которой было принято решение об освобождении Керестинца, состоялась 10 июля. Я помню эту дату — когда я шел на заседание через площадь бана Елачича, видел плакаты, на которых изображались расстрелянные Кершовани, Аджия и их товарищи. Эти плакаты появились еще с утра.

...Мы тут же сошлись во мнении, что акцию организовать необходимо. Ее нужно было организовать еще раньше, но, насколько мне известно, в руководстве этот вопрос прежде не поднимался. Организатором акции по спасению наших товарищей выбрали меня — у меня уже был кое-какой опыт в таких делах».

Мразович и член местного комитета партии Марко Белинич начали подготовку к акции 11 июля. Сначала они выбрали место, в котором должна была вестись вся подготовительная работа — им стало маленькое поселение Подсусед. Затем Белинич посетил ближайшие села, чтобы установить связи с тамошними коммунистами и начать сбор оружия. Была организована встреча с руководителями местных партийных организаций, которые присоединились к акции.

Важнейшей задачей стал сбор оружия и боеприпасов. Проще всего было использовать склад боеприпасов, располагавшийся в местечке Брдовац в здании местной общины. Доступ к складу упрощало то, что организаторам удалось получить пропуски в здание общины. Были предусмотрены и запасные варианты — например, рассматривалась возможность тайной переброски оружия непосредственно в лагерь Керестинец.

После того, как основные подготовительные работы были завершены, Мразович составил план акции. Его ключевыми пунктами были следующие:

1. Собрать все оружие в Брдовце — ночью с 14 на 15 июля. Оружие переправить через Саву в окрестности Керестинца.

2. Часть оружия переправить непосредственно в лагерь. Время переброски — в зависимости от времени начала акции.

3. Организованная группа под руководством Мразовича и Белинича нападает на лагерь снаружи — на стражу. В это же время пленные атакуют тюремщиков изнутри.

4. После вывода пленных из лагеря отвести их быстрым марш-броском в двух направлениях: а) через Покупле на Петрову гору; б) на Кордун.

5. Акция должна состояться в ночь с 15 на 16 июля.

Оперативное руководство заранее установило связи с заключенными. Для связи использовали Франьицу Будака, супругу узника Дивко Будака — до нападения Германии на СССР у нее был бессрочный пропуск в лагерь, и ее хорошо знали стражники. Пленным сообщалось, что они должны быть готовы к восстанию.

Франьица Будака: «Из руководства сообщили Дивко, чтобы он подготовил все необходимое изнутри. Когда на лагерь нападут снаружи, у пленных должно уже быть все готово к тому, чтобы поддержать акцию. Со своей стороны Партия организует все, погрузит освобожденных людей в грузовики и сразу же отправит в безопасные места. День и час проведения акции ему сообщат отдельно, а пока же он должен организовать все изнутри».

Интересно, что идею об освобождении независимо от КПХ выдвинули и в местном партийном комитете Загреба. Ее организаторы планировали действовать полностью независимо, несмотря на то, что знали о планируемой акции высшего партийного руководства. По плану руководителей местного парткомитета, освобожденных пленных отправили бы в Самоборско-горье. Аксию планировали провести раньше, чем в КПХ — в ночь с 13 на 14 июля.

Руководство местного комитета строжайше запретило сообщать о готовящейся акции в КПХ. Несмотря на запрет, секретарь комитета Антун Роб сообщил о планах комитета в ЦК КПХ. Там он получил ответ следующего содержания: «Вы делаете, как хотите, но то, что вы делаете — плохо. Это антипартийная деятельность. ЦК КПХ разберется с этим. А акцию вы проводите, раз уж ее организовали».

В итоге КПХ была вынуждена принять план местного комитета. Но его руководители не смогли грамотно организовать нападение на лагерь. Уже непосредственно перед предполагаемым началом акции стало известно, что ожидаемой поддержки от местных крестьян не будет. Это отрицательно сказалось на настрое людей. Точно неизвестно, что случилось далее. Из воспоминаний некоторых участников следует, что группа Малешевича, которая должна была напасть на Керестинец, отступила перед самим лагерем. В то же время не знавшие этого заключенные атаковали стражу и смогли покинуть лагерь. Но вместо ранее обещанных грузовиков их ожидало отсутствие какой-либо поддержки снаружи.

Звонимир Комарица: «Мы вышли в парк перед лагерем. Некоторое время мы еще ждали. В каждом из нас росло желание как можно скорее отправиться в путь. Мы построились в колонну по одному, обошли замок с северо-западной стороны и ушли в поле. Затем повернули к югу.

«Эх, мы теперь партизаны!» — говорит кто-то из нас. Нашей радости не было конца. Но дальше начались проблемы. Переходя дорогу на Карловац, мы разделились на две группы. Первая группа из пятидесяти человек вышла на опушку леса. Попытки найти людей из второй группы успеха не имели. Полчаса спустя наша колонна продолжила путь через лес, потом перешла железную дорогу Загреб — Карловац и остановилась на рассвете. Колонна перестроилась по пятеро в ряд. Каждая пятерка имела по одной винтовке».

Вторая колонна, отделившаяся при переходе карловацкой дороги, отправилась на юго-восток и рассвет 14 июля встретила возле села Обрежа. Обеим колоннам вскоре пришлось вступить в схватку с обнаружившим их неприятелем: вторая колонна подверглась атаке в два часа пополудни, первая — в семь часов вечера.

Вторая колонна оказалась в практически безнадежной ситуации — намного превосходившие в численности силы неприятеля вынудили ее вступить в схватку среди бела дня. Часть беглецов попала в плен, некоторые совершили самоубийство, остальных уничтожили.

Первой колонне повезло больше: в момент нападения она скрывалась в лесу. Ей удалось организовать вооруженный отпор. Сражение длилось около часа. В итоге восемь беглецов были убиты, десять — схвачены живыми, остальным удалось бежать. Эти бежавшие попытались вместе выйти из окружения, но лишь нескольким из них удалось в итоге уйти в безопасные места. Так, Слободан Глумац смог тайно уехать поездом из Загреба в Биелину, а Комарицу укрыли в Загребе знакомые коммунисты.

Правительство НГХ узнало о побеге коммунистов из Керестинца 14 июля 1941 года в 3 часа утра. Сразу же в лагерь начали стекаться представители сначала региональных, а потом и государственных властей. Первым в лагерь прибыл офицер полиции Степан Блажекович. Ознакомившись на месте с ситуацией, он составил доклад и с ним вернулся в Загреб. Изучив этот доклад, на место происшествия выехали высокие государственные чины во главе с Эугеном (Дидо) Кватерником. Перед ними встал вопрос: что делать с заключенными двух прочих частей лагеря, которые не принимали участия в побеге коммунистов? Взбешенный Кватерник сначала грозился их всех расстрелять, но, узнав о том, что в числе оставшихся есть и хорваты, и несколько функционеров низшего звена Хорватской крестьянской партии, отменил это решение.

В итоге было решено сербов и евреев отправить в лагерь Госпич. Сначала их отвезли в Загреб, а оттуда — в Госпич. Некоторые из них были ликвидированы непосредственно в Госпиче, но большую часть пленных затем

перебросили в Ясеновац и Стара-Градишку. Известна, например, судьба большинства членов группы из 44 евреев — бывших пленных Керестинца: один из них был убит в лагере Госпич, еще 40 отправлены в Ясеновац и Стара-Градишку, где и были ликвидированы. Спаслись всего двое: один сумел бежать и укрыться в Италии, а оттуда перебраться в Швейцарию; судьба второго неизвестна.

Что же касается сербов, большинство из них были убиты в лагерях Госпича, Ясеновца и Ядовно. Судьбы отдельных людей проследить очень тяжело, но кое-что нам стало известно. Так, например, как минимум двое пленных из «югославской» части лагеря получили свободу. Один из них — черногорец, которого вместе с группой из 16 сербов отправили в Госпич. Там ему каким-то образом повезло: вместо ликвидации его выдворили из НГХ в Черногорию. Другой — серб, которого оставили в Керестинце и после побега коммунистов, чтобы тот составил перепись всего лагерного инвентаря, в том числе — денег, ценных бумаг и личных вещей пленных. Когда он выполнил эту работу (на это потребовался месяц), ему разрешили уехать в Сербию, где он и пережил всю войну.

Не легче сложилась дальнейшая судьба и у хорватов. Группу из 40 человек направили в лагерь Лепоглава, откуда их, частично смешав с коммунистами, разбросали по другим лагерям — Госпичу, Ясеновцу. В этих лагерях были ликвидированы 18 хорватов из первоначальной группы, остальные 22 остались живы. Из этих выживших 20 были отпущены на свободу в период с 1942 по 1944 годы, еще один бежал и стал партизаном, последний же дождался освобождения, пребывая в лагере.

Помимо группы из 40 хорватов, известна судьба еще троих: их повторно задержали в Загребе, после чего отправили в Ясеновац. Там двое из них были убиты, третий был выпущен на свободу ближе к концу войны.

В тот же день, когда власти НГХ узнали о побеге и решили судьбу оставшихся пленных, ими также был издан приказ о прекращении отправки пленных в Керестинец. Таким образом, лагерь прекратил свое существование де-юре. Де-факто это случилось только 16 августа, когда были закончены все работы по переписи лагерного имущества.

На основе проведенных исследований можно сделать вывод, что за время работы лагеря с 19 апреля по 16 августа 1941 года через Керестинец прошли более 900 пленных. Из них более 400 человек — евреи; о них известно, что большая часть из них была ликвидирована в Ясеновце (мужчины) и Аушвице (женщины и дети), но невозможно установить даже приблизительную цифру.

Еще одна крупная группа, в которую входили 173 серба, 133 хорвата и 112 евреев (согласно немецким документам), судя по всему, была распылена по разным лагерям, как и первая. Известно, что 197 человек из этой группы были так или иначе уничтожены — по большей части в Ясеновце.

Что же касается количества так или иначе умерших в самом Керестинце, точную цифру назвать невозможно. В ряде открытых источников можно встретить цифру — 85 человек. Ее достоверность вызывает вопросы. Можно, однако, предположить, что таких пленных было не так и много — вряд ли более сотни.

ТЕНЯ

Основан: апрель 1941

Расформирован: 22.08.1942

Количество жертв:?

Тип лагеря: смешанный (распределительный, концентрационный)

Лагерь Теня — усташский концентрационный лагерь в селе Теня возле города Осиек. Предназначался для всех евреев из Осиека и окрестностей. Мог принять до 3 тысяч человек единовременно. Командир лагеря — Мирко Апельт.

О событиях, которые предшествовали возникновению лагеря Теня, а также о его постройке и работе достаточно подробно писала Злата Живакович-Керже в своем труде «От еврейского поселения в Тени до концентрационного лагеря» (Хорватский институт истории — отделение истории Славонии, Срема и Бараньи; Славонски-Брод, 08.03.2006):

«Немецкие войска вошли в Осиек 11 апреля 1941 года, на следующий день после провозглашения НГХ. Город встречал их с воодушевлением. Уже через день Осиек оказался увешан немецкими флагами со свастикой и хорватскими — с шаховницей.

Вышедшее 8 мая 1941 года постановление запрещало сербам и евреям Осиека селиться в элитных кварталах города; также этим постановлением вводился комендантский час — сербы и евреи могли находиться на улице с 6 утра до 9 вечера.

После волны арестов и депортации осиекских евреев в августе 1941 подобных акций и отправок евреев в лагерь не проводилось вплоть до второй половины 1942 года.

В начале 1942 года вышла в свет директива Усташской надзорной службы, в которой говорилось: «...еврейский вопрос в Осиеке решить следующим образом: на средства евреев построить отдельное еврейское поселение». Несмотря на все репрессивные меры (запреты, ограбления, аресты и депортации, выселение из города) евреи Осиека все же сохраняли определенный оптимизм. Дело в том, что до них регулярно доходили слухи о том, какие ужасы творятся в концентрационных лагерях по всей Хорватии. Очевидно, вынужденное переселение представляло собой куда меньшее зло.

Несмотря на то, что до конца марта 1942 года даже не было выбрано место для постройки еврейского поселения, власти потребовали от городской еврейской общины поэтапно переселить туда все еврейское население до июня того же года. Община обязывалась в кратчайшие сроки построить два больших барака для постоянного проживания в них — мужской и женский. Каждый из них должен был вмещать до 100 человек. Власти разрешили также построить и несколько «семейных» бараков — меньшего размера, нежели общие. Предполагалось, что в каждом «семейном» бараке будет проживать 4–5 семей, каждая в своей комнате; также в таком бараке должна была иметься одна общая кухня. Когда же, наконец, было определено место возведения будущего поселения, евреи Осиека вздохнули с облегчением: они надеялись, что на этом «еврейский вопрос» будет закрыт, и их не будут отправлять в лагерь. Этим местом оказался клочок земли между Осиеком и местечком Теня.

Еврейская община Осиека, выполняя роль посредника между усташской властью и простыми евреями — жителями города, строго следила за тем, чтобы постройка поселения проводилась в кратчайшие сроки и согласно намеченным планам. Была сколочена группа из 200 юношей и девушек, получившая затем название «рабочая ко-

лонна осиекских евреев». Их первой задачей было провести канализацию на место будущего поселения, а также построить дорогу до города. Работы эти начались в апреле 1942 года. Будущие переселенцы работали посменно.

В конце апреля, когда первый этап работ был завершен, началась постройка общих барачков. Местные власти обязали выходить на принудительные работы всех мужчин-евреев в возрасте от 15 до 55 лет и всех незамужних женщин в возрасте от 14 лет. Дети были освобождены от работ по стройке поселения. Единственным выходным днем власти определили воскресенье.

Все занятые на стройке евреи собирались каждый день в 7 часов утра в условленном пункте сбора на Теньской дороге. Для каждого из них путь от своего дома до пункта сбора был отнюдь не простым, так как частично пролегал через кварталы, в которых проживали немцы. Они не упускали случая оскорбить или даже ударить спешащих на работу людей».

Когда в Теню прибыл Иван Толь, начальник усташской полиции города Винковцы, он приказал обнести территорию лагеря колючей проволокой. Он также сформировал из усташей новую лагерную охрану. По его приказу все оставшиеся на свободе евреи из Осиека и окрестностей были арестованы и отправлены в лагерь. Количество пленных превысило 3 000 человек. Многие спали на земле, так как бараки были переполнены. У всех пленных изымались личные вещи, а также все движимое и недвижимое имущество, которое затем усташки делили между собой.

К началу июня были построены бараки, несколько складов и канцелярия. Всего же работа по постройке поселения длилась четыре месяца. Но переселение в него началось гораздо раньше — еще в конце мая, когда были достроены первые здания. Когда же в поселение начали принудительно переселять евреев из окрестностей Осие-

ка — Доньи-Михольца, Валпова, Подравска-Слатины, Вировитицы и других мест — стало ясно, что поселение возле местечка Теня превратилось в концентрационный лагерь.

Отсюда многих евреев затем пересылали в другие лагеря — чаще всего в Ясеновац и немецкий Аушвиц. Так, первый поезд примерно с 1000 пленных, в том числе 700 детей, отправился именно в Аушвиц. Еще одна группа евреев, численность которой неизвестна, была направлена в Ясеновац. Массовый характер такие перевозки приобрели к середине августа 1942 года.

Злата Живакович-Керже: «В начале июля 1942 года в лагере Теня находилось около 2 000 осиекских евреев, а также 500 евреев из окрестностей Осиека. Лагерь был обнесен колючей проволокой, его жителям запрещалось покидать лагерную территорию без особого разрешения начальника лагеря. Этим начальником был уроженец Осиека, военнослужащий усташского батальона Мирко Аппельт. Жизнь в лагере становилась тяжелее день ото дня — имевшихся построек не хватало, чтобы разместить всех, и многие жили под открытым небом; узники испытывали недостаток не только в еде, но даже в питьевой воде. Грабежи, изъятие всех личных вещей у пленных стало обыденностью. Несмотря на это, жители поселения-лагеря сохраняли оптимизм, надеясь, что им удастся избежать худшей участи.

Этим надеждам не суждено было сбыться. 27 июля 1942 года представители еврейской общины были вызваны в Загреб, где им сообщили, что вскоре все евреи из Тени будут отправлены в Германию на принудительные работы. Два дня спустя были приостановлены все строительные работы на территории поселения. Первую партию евреев, около полутора тысяч человек, планировалось отправить в Германию 8 августа, но из-за возникших технических неполадок отправку было принято от-

ложить на неделю. Тогда же, 8 августа, члены еврейской общины собрались на совещание, чтобы решить, как им действовать дальше в сложившихся обстоятельствах. Но в 22.00 их арестовали вооруженные усташи под предлогом того, что они якобы помогли осуществить побег их товарищу Беле Фридманну. На самом же деле Фридманн получил от властей разрешение на поездку в Дубровник, но так туда и не попал — его схватили и отправили в Ясеновац. Дальнейшая его судьба неизвестна — скорее всего, там и оборвалась его жизнь. А 22 августа командование Тени было эвакуировано, сам же лагерь был закрыт».

Общее количество людей, прошедших лагерь Теня, а также количество жертв лагеря, неизвестно.

ВИЛЛА «ЛУБУРИЧ»

Основан: апрель или май 1941

Расформирован: 06.04.1945

Количество жертв:?

Тип лагеря: концентрационный

Лагерь «вилла Лубурич» — усташский лагерь смерти в главном городе Боснии и Герцеговины — Сараево (тогда — НГХ). Он получил свое название в честь усташского командира Векослава («Макса») Лубурича.

Как можно понять по названию, лагерь представлял собой, по сути, одно-единственное здание. До войны этот дом был известен как «вилла Вилкерт». Здание было расположено по адресу: улица Скендерия, 18 — в центре города. Весной 1941 года усташки заняли виллу и открыли в ней лагерь для пленных сербов и евреев.

Лубурич организовал в лагере террор. В подвале здания проходили постоянные пытки и убийства, во многих из них Лубурич принимал личное участие. Мертвецов закапывали в саду возле самой виллы.

Лагерь функционировал вплоть до освобождения Сараева от усташской оккупации 6 апреля 1945 года. После освобождения города было принято решение организовать в помещениях «виллы Лубурич» музей жертв геноцида. Эта идея так и не была реализована, а в начале 1970-х годов власти постановили снести виллу. Это в скором времени и было сделано. На том месте, где некогда находился лагерь, была установлена мемориальная доска.

Достоверные данные о количестве жертв лагеря отсутствуют.

ЦАПРАГ

Основан: июль 1941

Расформирован: сентябрь 1941

Количество жертв:?

Тип лагеря: концентрационный

Лагерь Цапраг — усташский концентрационный лагерь возле города Сисак. Сначала в него отводили в основном священнослужителей Сербской православной церкви и членов их семей. Потом туда стали отправлять и обычных сербов. Лагерь существовал с июля до сентября 1941 года. Командир лагеря — Любомир Шешегиля.

В лагере имелся один барак и два склада боеприпасов. Все три здания были огорожены колючей проволокой. Лагерь окружали три поста охраны с пулеметами.

Общее количество пленных — около 2 000 человек, в том числе 270 священников.

Все мужчины должны были выполнять тяжелую и грязную работу, а особенно — православные священники. Так, например, они укладывали дорогу через Цапраг, которую стали называть «поповской улицей». Большая часть работ выполнялась за пределами лагеря, поэтому пленных всегда сопровождал вооруженный конвой. Единственным нерабочим днем было воскресенье.

Какое-то время самые пожилые священники были избавлены от обязательных работ. Все изменилось, когда вечером субботы, 26 июля 1941 года, несколько священников собрались вместе и начали петь псалмы. На следующее утро лагерное начальство издало приказ о том, что ни один священник, независимо от возраста, не может быть освобожден от работ. Усташи собрали самых пожи-

лых священников и приказали им перетащить с одного места на другое огромную груду камней.

Православные священники подвергались тем же наказаниям, терпели те же зверства и унижения, что и обычные сербы — узники Цапрага. Чаще всего их избивали палками или ружейными прикладами. Но страшнее всего было другое наказание: узника заводили в крохотное пространство на улице, всего в несколько квадратных метров, огражденное колючей проволокой, и оставляли там на срок от 2 до 10 часов — под палящим летним солнцем, не давая воды.

После того, как всех оставшихся в живых сербских священников и обычных сербов-узников депортировали в Сербию, лагерь Цапраг был ликвидирован.

Данных о количестве жертв лагеря не сохранилось.

КРУШЧИЦА

Основан: август 1941

Расформирован: сентябрь 1941

Количество жертв:?

Тип лагеря: смешанный (распределительный, концентрационный)

Крушчица — усташский лагерь смерти, в котором содержались сербы, евреи и хорваты-антифашисты. Функционировал с августа по сентябрь 1941 года. Располагался в поселении Крушчица в общине Витез (нынешняя Босния и Герцеговина). Основателем лагеря был Мийо Бабич — один из тех усташей, которые вернулись в Югославию из итальянской эмиграции.

На территории, выбранной под будущий лагерь, уже располагались несколько бараков, построенных еще во время Королевства Югославия. Но этого, конечно, было недостаточно. Еще в июле по приказу Векослава Лубурича в Крушчицу было направлено 75 арестованных сербов с тем, чтобы они подготовили место для лагеря. Группу пленных сербов принял прапорщик Йозо Гесслер, который был назначен Лубуричем командиром лагеря. Гесслер приказал пленным перестроить старые бараки и обнести территорию лагеря проволочным ограждением. Охрану лагеря обеспечивал 13-й усташский батальон.

В ночь с 6 на 7 августа Гесслер был застрелен во время попытки к бегству, предпринятой группой пленных. Попытка провалилась; охрана уничтожила в общей сложности 98 пленных, в том числе и всю группу сербов, строивших лагерь. Новым командиром лагеря был назначен Мато Мандушич. Решено было

усилить охрану лагеря, увеличив ее численность до 60 человек.

Известно, впрочем, что охрана лагеря смотрела сквозь пальцы на то, что местные жители нередко угощали пленных. Жители общины Витез, как мусульмане, так и католики, украдкой носили пленным хлеб, фрукты, воду...

В конце августа — начале сентября в Крушчицу привели группу евреев из Сараева, а также группу сербов и евреев из других городов Боснии и Герцеговины. Таким образом, в середине сентября в лагере было уже около 1500 пленных. Пленных сербов группами уводили по ночам и ликвидировали в окрестностях Травника.

С евреями дело обстояло несколько иначе. Когда лагерь оказался переполнен пленными, усташский офицер из Травника Никола Тусун написал Эугену Кватернику доклад, в котором, помимо прочего, писал:

«...для евреев со всей страны хорошо бы найти определенную территорию, на которой их можно было бы разместить, изолировав от общества, и где они были бы под надзором...»

Усташское командование удовлетворило просьбу Тусуна, и 19 сентября 1941 года издало приказ, согласно которому все евреи из Крушчицы должны быть переведены в Ясеновац. Это вызвало недовольство начальника стожера Петра Параджика, который также написал письмо Кватернику. В нем он настоятельно просил, чтобы в Крушчицу направляли евреев из Травника, Высоко, Зеницы и Завидовичей.

Дабы избежать дальнейших споров, власти решили вопрос просто и радикально: постановили закрыть лагерь Крушчица, оставшихся там пленных перевести в другие лагеря, а всех евреев из этих краев отправлять сразу в Ясеновац.

После окончания войны лагерь Крушчица был уничтожен, а один из бараков был переоборудован в мемориальный музей. Возле музея был поставлен памятник. Из-за своего внешнего вида здание барака получило название «Черный дом». Оно сильно пострадало во время войны в Боснии и Герцеговине 1990-х годов. В каком состоянии находятся музей и памятник сейчас, неизвестно.

Неизвестно также общее количество пленных и количество жертв лагеря Крушчица.

ЦИГЛАНА — ПРИЕДОР



Сербы в лагере Циглана — Приедор, июль 1942 года

Основан: июль 1942

Расформирован: апрель 1943

Количество жертв:?

Тип лагеря: распределительный

В июле 1942 года на территории Боснии и Герцеговины (входившей тогда в состав НГХ) в городе Приедор был основан один из крупнейших боснийских лагерей. Местом расположения было выбрано здание кирпичной фабрики («цигланы»), построенное еще в 1926 году. От-

сюда пошло и название самого лагеря. Чтобы не путать его с другим, куда более известным и страшным лагерем — Цигланой в Ясеновце, он же лагерь № III — назовем его уточняяще: лагерь Циглана — Приедор.

Управляющим лагеря был назначен Йосип Кардум, командиром — Миро Слишкович. Оба они были студентами из Приедора. Общее управление лагеря, вероятно, было смешанным немецко-усташским. Немецкий контингент, присутствовавший там, нередко спасал жизни пленным сербам, которых усташа собирались убить.

Драгое Милинович, бывший пленник лагеря Циглана — Приедор: «Среди бошняков, помогавшим усташам, был мой знакомый Хуско Муйканович. Он сообщил усташам, что я был в партизанах... Один из усташей уже снял винтовку с плеча, чтобы пристрелить меня, когда в дело вмешался немец. Он приказал усташу оставить меня в покое и тем спас мне жизнь».

Дошедшей до нас достоверной информации о функционировании лагеря крайне мало. Нам не известно ни среднее количество пленных, находившихся в лагере одновременно, ни то, в какие иные лагеря их затем направляли, ни особенности рациона или условий жизни пленных. Можно предположить, что в лагере не было ни больницы, ни медперсонала: тяжелобольных грузили в транспорты и увозили в неизвестном направлении — вероятно, на ликвидацию.

В начале августа 1942 года из лагеря начали отпускать на свободу выживших пленных. Например, 7 августа 1942 года из лагеря были выпущены около 700 женщин и детей из села Быстрица. Все они вернулись в свои дома.

Это стало возможным благодаря четникам, которые сотрудничали и с немцами, и с властями НГХ. В основном четники воздействовали на немцев, убеждая их в необходимости освобождать из лагерей мирное население, особенно женщин и детей. Немцы, в свою очередь,

отдавали соответствующие приказы лагерному начальству.

Чедо Миличевич, уроженец села Быстрица, бывший узник лагеря: «Я пробыл в Приедоре два месяца. Если не четники — нас бы уничтожили, всех.»

В конце апреля 1943 года лагерь Циглана — Приедор был расформирован. Причины этого неизвестны. Не представляется возможным и узнать хотя бы примерное количество жертв лагеря. Очевидно лишь, что их можно разделить на две группы: умершие в самом лагере — и те, кого отвозили на ликвидацию. Вероятно, вторая группа была полностью представлена тяжелобольными.

ЯСТРЕБАРСКО

Основан: 12.07.1942

Расформирован: 26.08.1942 (?)

Количество жертв: от 768 до 1018 (?)

Тип лагеря: концентрационный, детский

Концентрационный лагерь Ястребарско находился в одноименном местечке недалеко от Загреба. Он был основан по приказу Анте Павелича специально для сербских детей, захваченных в ходе наступательной военной операции объединенных немецко-хорватских войск на горе Козара. Разговаривая 10 июля 1942 года с немецким генералом Эдмундом фон-Хорстенау, Павелич заявил о решении разместить детей с Козары в особом лагере в местечке Ястребарско и воспитывать их в соответствующем духе. Возраст детей, отправлявшихся в лагерь, по разным данным — от 1 месяца до 14 лет.

В ряде других усташских лагерей — например, Метайне, Стара-Градишке — в числе узников также были дети. Но там они оказывались, как правило, вместе с матерями — и взрослых там всегда было намного больше. Лагерь Ястребарско был исключительно детским лагерем.

Что же касается взрослых пленных, их иногда приводили в Ястребарско, но лишь на краткое время. Для взрослых Ястребарско был «перевалочным пунктом», распределительным лагерем (тогда как для детей это был полноценный концентрационный лагерь). Фимия Тохоль, Йованка Грубеша, Мара Церовина, Анджа Биберджич, Аника Новокмет и Душанка Биберджич в своем коллективном рассказе о жизни в НГХ, записанном 16 апреля 1942 года, рассказывают о своем посещении Ястребарско:

«Нас разместили в замке Эрдёди. Мы могли гулять по парку. Кормили нас достаточно хорошо. У пленных евреев были при себе деньги и личные вещи. Мы прислуживали еврейкам и тем самым зарабатывали немного денег. Также за работу мы могли получать одежду и обувь. Вот только хлеба не было».

Разумеется, сама возможность существования в Европе середины XX века концентрационного лагеря для детей казалась — и кажется сейчас — настолько чудовищной и непостижимой, что в нее почти невозможно поверить. О Ястребарско писали и говорили во время войны, потом политика «братства и единства» Тито сделала эту тему запретной — но она вновь вернулась в СМИ и общество после распада социалистической Югославии.

Доктор Любомир Бошняк, писатель и публицист, отмечал: «Создание концентрационного лагеря для детей в Ястребарско — единственный пример такого рода во всей Второй мировой войне».

Директор Музея жертв геноцида в Белграде Велько Джурич в своей оценке пошел еще дальше: «Концентрационные лагеря для детей, основанные в Хорватии (тогдашней НГХ) — единственные в истории мировой цивилизации».

Что нам сейчас известно о лагере в Ястребарско? Он располагался в нескольких постройках: бараках, построенных итальянскими войсками и покинутых ими; замке венгерских графов Эрдёди и во францисканском монастыре. Впрочем, детей привозили не только в само местечко Ястребарско, но и в расположенное всего в 3 км от него село Река. В большинстве публикаций эти два места принудительного содержания детей упоминаются вместе. Поэтому есть смысл для простоты включить в понятие «лагерь Ястребарско» оба этих места — собственно Ястребарско и Реку.

Первая партия детей из лагеря Стара-Градишка прибыла в Ястребарско в середине июля 1942 года — вероятно, в ней было около 1 300 детей. Еще около 2 000 детей было доставлено в Реку. Детей привозили поездом. Управляли лагерем сестры милосердия, в основном из Красного креста, которые зачастую обращались с детьми жестоко и грубо.

На этом более или менее точные данные о лагере заканчиваются и начинаются разногласия и вопросы. Так, в ряде публикаций говорится, что по прибытии в лагерь детей стригли особым способом и заставляли надевать усташскую униформу. Но, например, в статье Ненада Йовановича, опубликованной 8 июля 2012 года, приводятся выдержки из рассказа бывшего пленника Ястребарско — Михайло Вельича. Йованович уточняет, что Михайло Вельич — уроженец местечка Доньи-Подградцы около Босанска-Градишки, и в то время ему было 12 лет. Читаем:

«Когда началось наступление, наша семья ушла из села на Козару. Там нас — мать, моих братьев Милорада и Перо и меня — арестовали, как и еще многих, и отвели в Стара-Градишку. Там всех быстро распределили: мужчины и молодые женщины были отправлены в Германию на принудительные работы. Мы же, дети, остались во дворе. Стояла страшная жара, а воды нигде не было. Колодец на окраине лагеря почти полностью иссох, люди боролись за каждую каплю.

Из-за болезней и плохих условий многие умирали. Однажды нам сказали, что всех детей школьного возраста отправят в другой лагерь, где они смогут ходить в школу. Мы обрадовались этому известию, надеясь на то, что там нам будет лучше. Так нас отправили в Ястребарско. Вопреки обещаниям, там не оказалось никакой школы: мы только разучивали католические молитвы да ходили в церковь. К тому же сюда, в Ястребарско, привели и со-

всем маленьких детей — в Стара-Градишке остались только старики и женщины.

Из Стара-Градишки в Загреб мы ехали в вагонах для перевозки скота. Когда мы еще были в Загребе, нам выдали усташскую униформу, специально пошитую под наши, детские размеры. Там же, на загребской станции, нас всех остригли. Затем нас затолкали в поезд и отправили в Ястребарско.

Тех из нас, кто был относительно здоров, поселили в двух бараках. Там на полу была накинута солома. В третьем бараке была устроена больница.

Сестры милосердия относились к нам жестоко. Не могу сказать, что они убивали детей — но они постоянно их оскорбляли и избивали. Я помню только одну из них, которая жалела нас. Я встретил ее однажды уже после войны — она работала в больнице.

Смертность у нас была большой, поэтому могильщик приходил к нам ежедневно. Поскольку православных по закону нельзя было хоронить на местном кладбище, детей закапывали где-то на лугу».

Из слов Вельича следует, во-первых, что детей стригли и снабжали усташской униформой еще в Загребе, а не по прибытии в Ястребарско. Во-вторых — что из трех имевшихся барачных лагерей дети жили в двух, а третий использовался как больница. С этим не согласна, например, Нарцисса Ленгел-Кризман — в своем труде «Распределительные лагеря и места содержания детей на территории северо-западной Хорватии в 1941—1942 гг» она утверждала, что бараки использовались для жилья, а больница располагалась вообще в другом здании — в замке графов Эрдеди. Ниже — отрывок из этой работы, опубликованной в Вараждине в 1976 году (Narcisa Lengel-Krizman — Sabirni logori i dječja sabirališta na području sjeverozapadne Hrvatske 1941—1942. — VARAŽDIN 1976):

«Детские лагеря в Ястребарско и Реке были крупнейшими местами содержания детей в Хорватии. В начале июля 1942 года из Загреба в лагерь Стара-Градишка были направлены 16 сестер Красного креста. Они взяли шефство над несколькими сотнями детей, которых затем перевели в новооснованный лагерь Ястребарско. Транспорт из Стара-Градишки с 650 детьми прибыл в Загреб 12 июля 1942 года. Переезд занял почти сутки. В пути умерло 17 детей, позже в Загребе — еще 30. Остальных в тот же день отправили из Загреба в Ястребарско.

Лагерь Ястребарско состоял из трех отделений. Первое — бараки, в которых ранее были расквартированы итальянские военные. В них помещали здоровых детей. Второе — больница, располагавшаяся в замке графов Эрдеди. Третье — карантинное отделение, находившееся в здании францисканского монастыря.

В Ястребарско продолжали посылать новые партии детей: 13 и 14 июля — 770 детей из лагеря Стара-Градишка, 31 июля — 850 детей из лагеря Ябланац, 5 августа — 800 детей из лагеря Млака, и последний транспорт 14 августа — группа детей из местечка Горня-Риека.

Дети располагались в грязных бараках без отопления и водоснабжения, получая скудный паек — например, кукурузу. Вспыхнули болезни: было зарегистрировано около 400 случаев дизентерии в тяжелой форме, 200 случаев тифа, неуточненное количество возникновения различных гнойных инфекций. По данным специальной Краевой комиссии, в обоих лагерях (Ястребарско и Реке) в июле 1942 года умерло 153 ребенка, в августе того же года — 216 детей, в сентябре — 67, в октябре — 8. Умерших детей складывали в деревянные короба, в которых ранее хранился сахарный песок — иногда по десять тел в один короб — и так закапывали возле лагерной ограды».

Для полноты картины приведем еще несколько рассказов бывших пленников лагеря.

Гойко Кнежевич (родился 22 декабря 1934 года в селе Ушивац, община Козарска-Дубица: «...После санитарной обработки нас затолкали по грузовикам и отвезли в Сисак, где разделили по возрасту. Тех, кто был старше 14 лет, отправили на принудительные работы в Германию. Детей от 10 до 14 лет также отправили на принудительные работы, но уже по хорватским селам. Те же, кто был младше 10 лет (в том числе и я), были загнаны в вагоны, которые до войны использовались для перевозки скота. Наш транспорт отправили в Загреб. Какие-то шестьдесят километров мы осилили только за трое суток. Все это время нам не давали ни пищи, ни воды. Когда мы прибыли на станцию, тех из нас, кто был жив или хотя бы подавал признаки жизни, отправили в больницу. Большинство детей умерло по дороге от голода и жажды. Тех, кто, по мнению усташей, был здоров, посадили в грузовики и отвезли в детский лагерь Ястребарско. Я пробыл в больнице 22 дня, а когда выздоровел, был передан усташскому управлению и также отправлен в Ястребарско.

В Ястребарско были совсем маленькие дети, самые старшие были примерно моего возраста. Лагерь находился в управлении монахинь и католических священников. Они стремились обратить православных детей в католицизм. Тех, кто этому противился, выводили из общего ряда и били по голому телу смоченными в соленой воде прутьями. Открывались раны, которые очень быстро воспалялись. Множество детей умерло в результате частых побоев. Любое нарушение лагерных правил каралось избиением или оставлением без еды. Все старались не попадаться на глаза монахиням, насколько это было возможно. В таких условиях я прожил примерно год. Я помню это потому, что пережил зиму и следующее лето.

Запомнился мне день, когда во двор лагеря въехал грузовик с цистерной и остановился возле ворот. Води-

тели предложили нам залезть в цистерну со словами: «Давайте, ребята, мы отвезем вас по домам к мамам и папам!» Дети, обрадовавшись предложению, побежали к грузовику и устроили столпотворение у цистерны — всем хотелось, наконец, вырваться из лагеря. Когда цистерна оказалась полна детей, они закрыли ее, подожгли грузовик и покинули лагерь. Перед уходом они крикнули — «Мы еще вернемся за оставшимися!» И в самом деле, спустя некоторое время снова появился грузовик и все повторилось. Я не хотел лезть в цистерну лишь потому, что знал: мать убили в Ясеновце, а отец воюет в партизанском отряде — так что никуда они меня отвести попросту бы не могли. Это спасло мне жизнь. Вторую партию детей не стали сжигать — их отравили газом. Детские трупы затем выбросили в ближайшую реку».

А вот как описывал эту часть своей биографии известный югославский писатель Драгое Лукич в своей потрясающей по драматизму, красоте и полноте исторических фактов книге «Война и дети Козары»:

«Для нас, узников лагеря Ястребарско, этот день не стал чем-то неожиданным. Мы ждали этого дня.

Четвертая Кордунская бригада, пройдя через Драганичский лес и выйдя к поселку Яска, в пять часов утра 26 августа 1942 года атаковала лагерь. К семи часам утра все лагерные постройки, кроме жандармерии, были очищены от неприятеля. Из лагеря были освобождены 727 детей.

Пока борцы пробивались к лагерю, дети кричали: «Вот наши партизаны!»

В селе Буковац мы приготовились к длительному переходу на освобожденную территорию. Мы быстро поняли, какой будет наш походный порядок: передвигаемся ночью, на определенном расстоянии друг от друга, в полной тишине. Нас снабдили сухпайком, после чего наша

детская колонна отправилась в долгий и опасный путь в сопровождении партизан.

Дрожа от страха перед возможным повторным арестом, мы перебежали дорогу и железнодорожные пути около Яски. Усталые, сонные, мы еле тащились сквозь Драганичский лес. В наши босые ноги впивались шипы, а спали мы на опавшей листве. Партизаны носили нам еду из ближайшего села.

Перебравшись через реку Купу, мы оказались на освобожденной территории. На каждой остановке нас кормили. Дальше мы в основном ехали в машинах, иногда даже на грузовиках. Однажды наша колонна подверглась вражеской бомбардировке.

Перейдя на другой берег реки Уны, мы закончили свой поход в Кулен-Вакуфе. Только пешая его часть продолжилась восемнадцать дней».

Видосава Суботич:

«Я оказалась в плену после массивированного наступления врага на Козару. Мне тогда было 11 лет. Нашим селянам позволили уехать на повозках и телегах. Нас набилось в повозки столько, что волы едва могли их тащить. Мы брали с собой и домашний скот: помню, в повозку закинули сразу двух овец, а коров с телятами мы гнали за собой. Мы переехали Саву по понтонному мосту. В Стара-Градишке нас разделили, так я осталась одна.

Меня определили в колонну из женщин, детей и стариков. Колонну погнали вдоль берега Савы. Где-то в лесах Струга устали отняли у нас последние личные вещи, которые еще оставались в повозке. В Ябланце нас всех переписали и отделили детей от родителей. На станции нас, детей, затолкали в поезд. Когда дети заполнили собой все вагоны, состав тронулся.

На станции Загреба нас выкупали, постригли и вновь рассадили по вагонам. Наш путь до местечка Ястребарско был недолог. Кто-то сказал нам, что в том месте, куда

нас везут, нам будет хорошо, мы снова будем ходить в школу. Но это оказалось неправдой. Нас заперли в бараках, окруженных колючей проволокой. И сейчас, когда я вижу пространство, обнесенное проволокой — отворачиваюсь.

Тогда я впервые увидела и сестер милосердия. Некоторые из них были жестоки, особенно по отношению к девочкам. Били за всякие пустяки. Часто нас заставляли чистить овощи, и за каждую неаккуратно почищенную морковь нас избивали.

О других ужасах, с которыми мне пришлось столкнуться, мне тяжело даже говорить. Но об одном я расскажу. Однажды мы собирали овощи, а сестры милосердия вместе с усташами сидели в тени. Один из усташей многократно обошел наши ряды и взял одну девочку, ее звали Борка. Он отвел ее на конюшню. Больше мы ее не видели. Мы слышали, что она совершила самоубийство — косой перерезала себе вены.

Так проходили наши лагерные дни, похожие друг на друга, пока 26 августа 1942 года нас не освободили партизаны».

...Воспитание так называемых «новых янычар» — одна из важнейших задач лагеря, которую усташа старались воплощать в жизнь весьма старательно. По разным данным, всего в программе «перевоспитания» было задействовано около 900 самых крепких мальчиков в возрасте от 10 до 14 лет. Жили они в обнесенных колючей проволокой бараках возле монастыря.

Им выдавали усташскую униформу соответствующих размеров и начинали «перевоспитание». Оно сопровождалось жестокими наказаниями: невыдачей еды и воды, побоями, принудительными работами. Разумеется, их перекрещивали в католическую веру, давая новые — хорватские — имена. Детей заставляли забыть Козару, своих родных и близких. Больше того, им внушали мысль, что

их родственники-сербы — бандиты, враги прогрессивного человечества, что их нужно стереть с лица земли.

Судьба тех, кто не годился в «новые янычары», была еще более незавидной. Впрочем, хорватские власти представляли пребывание детей в Ястребарско в радужных тонах. Так, в четверг, 23 июля 1942 года, на первой полосе очередного номера газеты «Новая Хорватия» была статья о детях из лагеря Ястребарско. Она начиналась так: «Дети, освобожденные от партизанского рабства, восстанавливают здоровье после перенесенных лишений... Сестры милосердия научили их молитвам. Они поют народные песни, учат историю Боснии, занимаются физической подготовкой. Среди них практически нет больных. В плохом состоянии только те дети, которые были в партизанском рабстве...»

На самом же деле все было иначе. «Восстановить здоровье» было не просто невозможно — многие дети умирали от голода и болезней. А «сестры милосердия» тренировали на детях различные способы побоев, пыток и даже участвовали в их умерщвлении. Под «народными песнями» подразумевались, естественно, усташские.

Система наказания детей была важной частью воспитательной программы. Самым суровым наказанием было заключение на чердаке, при этом вне зависимости от срока действия наказания ребенок получал только немного соленой воды. Почти никто не выживал после такого наказания — лишь некоторых, самых крепких, выносили с чердака в бессознательном состоянии.

Кроме того, на старших детей возлагалась обязанность хоронить умерших — своих товарищей, братьев и сестер. Тела умерших детей клали в ящики. Старшие дети брали их и под усташским конвоем шли к окраине лагеря — живой изгороди, где и закапывали ящики с телами. Такое место захоронения было выбрано потому,

что монахини монастыря не хотели, чтобы «бандитские дети» были бы захоронены на католическом кладбище.

Вновь обращаемся к строкам Ленгел-Кризман: «... Борцы IV Кордунской бригады напали на лагерь 26 августа 1942 года. Партизаны увели с собой большинство здоровых детей, отведя их сначала на Кордун, а оттуда — на освобожденные территории Боснии. Там детям предоставили временные жилища. О количестве спасенных партизанами детей можно дискутировать, но точно известно, что их было несколько сотен. В Ястребарско, а точнее — в больнице, в здании дворца, оставалось еще около 300 детей.

Детские лагеря в Ястребарско и Реке были расформированы в ноябре 1942 года. В общей сложности через них прошло 3 336 детей, из которых — по данным Краевой комиссии — удалось спасти 2 887 мальчиков и девочек в возрасте от 6 месяцев до 14 лет».

Говоря о спасенных детях, Нарцисса Ленгел-Кризман уточняла: 1637 детей взяли на воспитание жители Загреба, Ястребарско и окрестных поселений. Еще почти 500 детей приютили представители благотворительной организации «Каритас».

Больница лагеря Ястребарско, или карантинное отделение (разные авторы называют эту часть лагеря по-разному) заслуживает особого внимания хотя бы потому, что для некоторых детей она стала спасением, последним шансом на жизнь. И это — с учетом того, как в принципе относились к пленным детям лагерные власти.

Например, в местечке Горня-Риека под Крижевацем был один из первых лагерей для детей. Он управлялся усташской Надзорной службой. В июле 1942 года 200 детей умерло от тифа, их имена остались неизвестны. В середине августа того же года около 50 тяжело больных мальчиков с помощью Красного креста разместили по больницам Загреба — они умерли все до единого. Еще

одна группа детей была переведена в карантинное отделение лагеря Ястребарско. Большинство из них выжило.

Сколько же их было — детей, нашедших свою смерть в лагере Ястребарско?

Франьо Иловар, смотритель местного кладбища, составил список умерших детей. Точнее, это не просто список, а целый дневник. Например, день 22 июля 1942 года отмечен так: «Получил 10 000 кун за работу — выкопал могилы для сотни детей». На следующем листке записано: «Счет за захоронение 243 детей — 36 440 кун». Заканчивается дневник Иловара следующей отметкой: «Всего 768 детей. 26 октября 1942».

Общее количество детей, так или иначе умерших в лагерях Ястребарско и Реки, точно неизвестно. Есть только одна точная цифра — 768 детей из дневника Иловара. Кроме того, в открытом доступе в Сети мне на глаза попался материал неизвестного автора, где приводится цифра — 1018 человек. Проверить ее достоверность не представляется возможным.

СИСАК

Основан: 03.08.1942

Расформирован: 08.01.1943

Количество жертв: 1152 — 5000 (?)

Тип лагеря: концентрационный, детский

После масштабного наступления немецко-устьашских войск на Козаре в плену оказались многие семьи беженцев, в том числе множество детей разного пола и возраста. В середине июля 1942 года специально для их временного содержания был основан детский лагерь в местечке Ястребарско. А немного позже, в начале августа, с той же целью был открыт еще один детский лагерь — в хорватском городе Сисак.

Лагерь Сисак являлся крупнейшим детским концентрационным лагерем в Независимом государстве Хорватия. Он находился под покровительством женской ветви устьашского движения и Устьашской надзорной службы. Управляющим лагеря был устьашский врач Антун Найжер.

Датой основания лагеря Сисак считается 3 августа 1942 года. Тогда в лагерь была завезена первая группа детей — по разным данным, от 906 до 1300 человек из лагерей Млака и Стара-Градишка. На следующий день прибыла вторая группа из 650 детей. В третьей группе, прибывшей 6 августа, было 1272 ребенка. Также здесь размещались более 3.5 тысяч детей, отнятых у матерей, отправленных на принудительные работы в Германию. Большинство из них — сербские дети с Козары, из Бании, Кордуна и Славонии. Общее же количество прошедших через лагерь Сисак детей оценивается в 5 — 7 тысяч.

Условия, в которых существовали дети, не подходили даже для содержания скота. Одно из помещений не имело даже дверей, а в другом, ранее использовавшемся для выпаривания соли, был постоянный сквозняк. Дети, самым младшим из которых было всего несколько месяцев от роду, вынуждены были лежать на голом полу, лишь немного прикрытом тонким слоем соломы. Вспышки тифа, дизентерии и прочих болезней выкашивали до 50 детей ежедневно.

Регулярно умирали дети и от холода, и от голода. Но не только. В некоторых открытых источниках встречается информация о том, что управляющий лагеря Антун Найжер, врач по специальности, проводил эксперименты над пленными детьми, вводя им инъекции различных веществ. Данных о том, что это были за вещества, как и о том, сколько же детей умерли в ходе этих «опытов», мне найти не удалось.

О том, в каких условиях жили дети в лагере Сисак, рассказывал врач Лазарь Маргульес, уроженец Осиека: «Я обратил внимание, что посылки с хорошими продуктами, которые направлял Красный крест, не доходили до детей. В так называемой „больнице“ в здании школы не было даже коек, дети лежали на полу, в грязной соломе. Всюду виднелись следы кровавого поноса, над ними летали стаи мух. Дети были голые и босые. Когда в Соколане начал распространяться сыпной тиф, доктор Найжер приказал перевести больных детей в „больницу“, которой еще не коснулась зараза. Таким образом, тиф перенесся и туда, и очень много детей умерло».

Яна Кох, секретарь Красного креста Хорватии, участница акции по спасению детей из детских лагерей: «Из барака слышался плач детей. Тут на голом полу сидели и лежали четыре сотни детей: от новорожденных до десятилетних. Сколько детей сюда привозили, сколько увозили — невозможно было узнать. Они безутешно пла-

кали и звали матерей, которые были всего в нескольких шагах от них, но не могли к ним прийти. Старшие дети пожаловались нам, что не могут успокоить самых маленьких, что их некому пеленать и что они боятся, что все умрут. Еще не исполнилось и десяти лет тем, кто просил нас: «Сестра, приведи нам матерей, приведи хотя бы самым маленьким!..» Сделать это было непросто, но все же это удалось. Мы привели матерей в ночь с 10 на 11 октября — перед отправкой детей в Загреб.

Нужно было, чтобы матери в последний раз накормили своих детей, чтобы успокоить их. Потом, вероятно, им предстояло разлучиться навсегда. Когда успокоенные дети заснули, их матери стали возвращаться в свой барак. Уже возле входа матери оборачивались, тепло смотрели нам в глаза и шептали: «Храните наших детей...»

Этой же ночью матерей отправили в Германию. А 550 их детей — в Загреб...»

Начальство лагеря Сисак разрешало жителям города и окрестностей забирать детей к себе на воспитание. Как правило, брали самых маленьких или тяжелобольных. Количество спасенных таким образом детей точно не известно. Но, например, известный активист Красного креста Анте Думбович писал о 2200 детях, отданных на воспитание местным жителям. По его же данным, около 1200 детей были так или иначе возвращены родителям или близким родственникам.

Возвращение детей в родные семьи было делом сложным и очень часто безуспешным. Когда в конце войны люди возвращались в родные края из плена, они немедленно начинали поиски своих детей, разбросанных по лагерям. Первое время им помогала в поиске картотека Дианы Будисавлевич, но затем новые власти в Загребе потребовали передать картотеку в их полное распоряжение. Поиски родителями своих детей продолжались еще долгое время после войны, чаще всего они оказывались напрасны.

Количество жертв лагеря Сисак определено очень приблизительно. Судебно-медицинские эксперты, изучавшие погибших в лагере детей, расходятся в предполагаемом количестве погибших: называют цифры от 1100 до 1700. По данным самих усташей, в детском лагере Сисак умерло 1 152 ребенка. По словам же выживших пленников и сотрудников лагеря, число жертв превысило 5 тысяч.

Лагерь Сисак прекратил свое существование 8 января 1943 года. Причины этого, а также порядок расформирования и судьбы находившихся там в тот день детей остались неизвестны.

ЛЕПОГЛАВА



Тела убитых пленных во дворе лагеря Лепоглава, дата снимка неизвестна

Основан: весна 1944

Расформирован: середина апреля 1945

Количество жертв:?

Тип лагеря: концентрационный

Лагерь Лепоглава был организован в одноименном городке в Вараждинской жупании. Местом для него выбрали здание бывшего монастыря, которое использовалось в качестве тюрьмы еще в 1856 году — когда этот край был провинцией Австро-Венгрии.

Когда Хорватия стала частью Королевства Югосла-

вия, в лепоглавской тюрьме содержались арестованные коммунисты. За небольшой период существования Хорватской бановины к арестованным коммунистам добавились и хорватские националисты-радикалы.

После провозглашения НГХ в 1941 году тюрьма в Лепоглаве продолжила свою работу. В декабре 1943 года усташские власти НГХ приняли решение использовать здание тюрьмы как лагерь смерти. Новообразованный лагерь в Лепоглаве начал функционировать весной 1944 года. Его первым управляющим был Любо Милош. Количество узников Лепоглавы, по разным оценкам, приближалось к 5 тысячам.

С 13 на 14 июля 1943 года объединенные силы 12-й дивизии народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) и нескольких партизанских отрядов освободили из лепоглавской тюрьмы (которая на тот момент еще не стала лагерем) около 800 арестантов. Боян Миросавлев, член Союза антифашистов Республики Хорватия, так описывает это событие:

«Слухи о том, что партизаны могут попытаться освободить узников Лепоглавы, начали шириться еще с ранней весны 1943 года. Это вынудило усташские власти принять меры по улучшению охраны тюрьмы и ввести более строгий режим содержания арестантов. На крышах зданий усташа поставили пулеметы, вокруг тюрьмы выкопали рвы и возвели бункеры. Тюремные стражники получили новое вооружение и регулярно посещали специальные учения.

В свою очередь, партизаны готовились к нападению. Они сумели так незаметно и искусно прервать все коммуникации тюрьмы с внешним миром, что никто из тюремного начальства об этом даже не подозревал. Партизаны взорвали мост возле рудника, перекрыли все дороги, организовали засады. Лепоглава оказалась окружена партизанами со всех сторон. Они ждали лишь знака.

Этот знак был подан ночью с 13 на 14 июля. Был открыт ураганный огонь. За считанные мгновения партизаны подошли к тюремной стене. Около стены завязалась многочасовая борьба. Стену удалось пробить с помощью подведенной трофейной гаубицы. Забросав двор гранатами, партизаны ворвались внутрь и ликвидировали пулеметные расчеты.

Арестанты целыми группами выбегали на свободу. Примерно в три часа утра партизаны освободили всех заключенных Лепоглавы.

Тем не менее, закрепиться в городе партизанам не удалось. В тюрьме основали лагерь, первый начальник которого Любо Милош завел там настоящий террор. Единичные ликвидации пленных проводились в ночное время — их убивали прямо в камерах. В начале апреля 1945 года Векослав «Макс» Лубурич, опасаясь очередной попытки освобождения лагеря, приказал ликвидировать его в срочном порядке.

Сначала на свободу были выпущены преступники уголовного (не политического) толка, а также немногочисленные усташи. И только после этого, в середине апреля, началась ликвидация всех прочих узников. 11 апреля 1945 года первый транспорт с девятью сотнями пленных отбыл из Лепоглавы в Ясеновац, а два дня спустя в том же направлении был отправлен еще один — с полутысячей пленных. Спаслись бегством 28 человек.

В Лепоглаве после этого осталось всего около 70 пленных. Нескольким из них также удалось спастись бегством, избежав уничтожения».

Начальник Штаба Раде Булат позже заявил, что эта акция по освобождению заключенных из тюрьмы в Лепоглаве была единственной операцией такого рода на всей территории Югославии. По его словам, прямым последствием этой акции стало расширение и усиление народно-освободительного движения не только на тер-

ритории тогдашнего котара Иванец, но и по всей северо-западной Хорватии.

Стоит отметить, что количество жертв Лепоглавы, как и количество спасшихся, разнится. Из статьи Миросавлева следует, что на ликвидацию в Ясеновац отправили 1400 человек (900 — первым транспортом, 500 — вторым), спаслись же бегством при перевозке 28 человек. Относительно солидарен с автором Владимир Дедигер — партизан, академик, публицист, журналист. По его оценке, число жертв Лепоглавы составляет 1300 человек. Тогда как Владимир Жерьявич, хорватский экономист и демограф, известный своими исследованиями потерь Югославии во Второй мировой войне, считает, что эта цифра меньше — 1000 человек. Оспаривается и количество спасшихся бегством — иногда эта цифра возрастает до 50.

Стоит отметить еще один важный момент. 30 апреля 1945 года усташа ликвидировали 961 человека — в основном студентов и школьников. Это произошло на территории Лепоглавы — там, где сейчас находится мемориальный комплекс. При этом, разумеется, эти школьники и студенты не были узниками Лепоглавы (лагерь к этому моменту уже не существовал). Строго говоря, эти убийства не могут быть отнесены к деятельности лагеря Лепоглава. Получается странная картина: подавляющее большинство жертв лагеря Лепоглава на самом деле было уничтожено в совсем ином месте — в Ясеновце. Тогда как почти тысяча школьников и студентов, уничтоженных именно в Лепоглаве, к местному лагерю смерти отношения не имела...

Лагерь Лепоглава сильно пострадал в ходе отступления немцев и усташей весной 1945 года. В результате подрывов боеприпасов почти полностью уничтоженным оказалось западное крыло здания, существенный ущерб оказался нанесен и центральному зданию тюрьмы.

В 1946 году начались ремонтные работы, после завершения которых лепоглавская тюрьма продолжила функционировать как место заключения политически неугодных лиц и в послевоенные годы. Так, с 1946 по 1951 годы в Лепоглаве провел осужденный архиепископ Алоизие Степинац.

Точная дата расформирования лагеря неизвестна. Можно предположить, что она пришлась на середину апреля 1945 года — после того, как 13 апреля в Ясеновац на ликвидацию была отправлена вторая (последняя?) группа пленных.

Число жертв Лепоглавы, умерших непосредственно в лагере, неизвестно.

**КОМПЛЕКС ЛАГЕРЕЙ
СМЕРТИ ГОСПИЧ —
ЯДОВНО — ПАГ**

ВВЕДЕНИЕ

Отдельные концентрационные лагеря начали действовать на территории НГХ уже в конце апреля — начале мая 1941 года. В основном это были отдельные здания, которые могли содержать одновременно лишь небольшие партии пленных. Такими были, например, Даница, Керестинец и другие.

Но усташам этого было мало. Масштабы их совершенно не устраивали. Поэтому, что логично, они начали распределять пленных по новым, еще свободным местам — например, тюрьмам.

До поры до времени их возможности, впрочем, были весьма ограничены. Так, весь регион Лика был подконтролен итальянцам с 14 апреля 1941 года — начала итальянской оккупации — до подписания Римского договора 18 мая того же года. Со дня подписания Римского договора и до 26 августа 1941 года Лика входила в состав так называемой «второй демилитаризованной зоны», а НГХ — то есть усташа — являло собой гражданскую власть в регионе.

Итак, 18 мая был подписан договор, по которому Лика отходила НГХ. А уже 20 мая усташа заняли здание тюрьмы в городе Госпич. Большую часть тюрьмы они переоборудовали в распределительный лагерь.

Но если лагерь в Госпиче — лишь «перевалочный пункт», то нужно было найти и место окончательного пребывания пленных. Такое место вскоре было найдено — окрестности деревеньки Ядовно в горах Велебита. Оно оказалось идеальным выбором — с одной стороны, недалеко от Госпича, а с другой — надежно скрыто в густо покрытых лесом горах.

Там был основан лагерь Ядовно. В отличие от Госпи-

ча, его задачей было быстрое и как можно более массовое уничтожение поступавших пленных. Наличие в окрестностях лагеря множества самых разнообразных пещер и провалов естественного происхождения, в народе (а затем и публицистике) получивших общее название «ямы», превратило лагерь Ядовно в настоящую «фабрику смерти».

Но и этого было мало. Еще одним местом ссылки узников Госпича стал свободный от итальянцев остров Паг, до которого было легко добраться коротким и хорошо известным морским путем. Там, на безлюдных, выжженных солнцем камнях, были основаны еще два лагеря смерти: Слана — возле одноименного залива и Метайна — в (конечно же, тоже одноименной) деревеньке.

Усташи договорились, что административно Ядовно и лагеря на Паге будут подчиняться начальству лагеря Госпич. Так образовалась первая в НГХ система лагерей, своим устройством и масштабами массовых убийств принципиально отличавшаяся от существовавших ранее небольших одиночных лагерей: комплекс Госпич — Ядовно — Паг.

Для простоты и четкости ниже читателю предлагается описание каждого из лагерей комплекса по отдельности, а затем — общие выводы.

ГОСПИЧ

Основан: 20.05.1941

Расформирован: 20 (21?).08.1941

Количество жертв:?

Тип лагеря: распределительный

Сразу же после провозглашения Независимого государства Хорватия усташаи начали проводить массовые аресты «неугодных» граждан страны — сербов, евреев и коммунистов всех национальностей. Поскольку специально оборудованных мест для содержания арестованных тогда еще не было, их начали распределять по обычным тюрьмам. Одной из них стала тюрьма в небольшом городе Госпич.

Административно тюрьма подчинялась Окружному суду. Это было двухэтажное здание, имевшее квадратное основание размером 130х130 метров. На территории располагался внутренний дворик с колодцем посередине. В западной части здания находился зал суда и прочие служебные помещения, остальные три части здания занимала тюрьма — вход в нее был на восточной стороне. Уже 11 апреля 1941 года в госпичскую тюрьму начали отправлять сербов и коммунистов — как из самого города, так и из других городов и деревень региона Лика.

Тут необходимо сделать отступление. Ряд специалистов, включая и сербского историка Джуро Затезало (о нем еще будет не раз сказано), полагают, что 11 апреля 1941 года можно считать датой основания лагеря Госпич, а также всего комплекса подконтрольных ему лагерей. Но все же цель книги — рассказать читателю именно о лагерях под усташским руководством, как о наиболее свирепом, а не немецким или итальянским. А усташаи за-

няли тюрьму только в мае, о чем также будет сказано ниже. Поэтому мы будем считать датой основания лагеря именно 20 мая, а не 11 апреля.

Тюрем, подобных этой, по всей стране было немало. Но только госпичской тюрьме суждено было за очень короткое время превратиться из обычного места заключения в административный центр первой усташской «фабрики смерти» — комплекса лагерей Госпич — Ядово — Паг...

После ухода итальянцев из Госпича 20 мая того же года здание перешло под контроль усташей, которые лишь небольшую его часть продолжали использовать в качестве тюрьмы. Большая же часть здания превратилась в лагерь.

Считается, что первый официальный указ Павелича об основании лагеря в госпичской тюрьме увидел свет только 2 июня 1941 года. Фактически же мы видим, что лагерь начал работу уже с 20 мая. Управляющим лагеря был назначен печально известный усташ Милан Старачек, этнический чех. Он обладал неограниченной властью не только непосредственно в тюрьме, которая и составляла основу лагеря, но и на многих сопутствующих объектах. Командиром лагеря был Степан Рубинич.

Как уже говорилось выше, в лагерь Госпич направляли не только жителей города, но и со всего региона Лика, а также других частей страны. Основным способом транспортировки пленных была железная дорога. Их везли в грузовых вагонах по 60–80 человек в каждом. Независимо от того, сколь далек был путь, пленные не получали ни пищи, ни воды. Перевозили пленных и грузовиками, и повозками, иногда и отправляли в лагерь пешком.

По прибытии в лагерь пленных распределяли. Сначала их заселяли в тюремные камеры; когда же они переполнились — стали размещать пленных просто в коридо-

рах. Но здание тюрьмы было небольшим, а новые партии заключенных продолжали прибывать. В результате их начали размещать прямо во дворе тюрьмы.

Известный сербский историк Джура Затезало в своем монументальном труде «Ядовно — комплекс усташских лагерей 1941», к которому мы еще не раз обратимся, подробно писал о жизни пленных в лагере Госпич.

Вот что он писал о лагерной жизни: «Кормили пленных в лагере Госпич так, что в лучшем случае лагерный паек позволял им не умирать от голода. Раз в три дня узники получали немного хлеба и постный суп. В то время, как у большинства евреев и хорватов была своя посуда, сербы были ее лишены. Пользуясь этим, усташа продавали пленным посуду. Те же, кому было нечем платить, вынуждены были есть из своих шляп и опанков (вид крестьянской обуви). Некоторые пленные сербы не имели ни обуви, ни головного убора, ни любого другого элемента одежды, который мог бы их заменить — они вынуждены были есть прямо из рук. Когда же сербов отправляли из лагеря Госпич в Ядовно, усташа на выходе отнимали у них посуду, которую ранее сами же им и продали, и затем „продавали“ ее следующей партии пленных. Как правило, среднего размера плошку или блюдо можно было купить за 50–60 динаров. Еще более развитую торговлю организовали подпольно хорваты, сидевшие в госпичской тюрьме не по политическим, а сугубо уголовным мотивам. Кусок хлеба стоил у этих „поставщиков“ 100–165 динаров, бокал воды — 50–60. Но, как уже говорилось выше, воспользоваться их услугами могли немногие — лишь те, кто смог таким хитрым образом спрятать деньги, что их не смогли обнаружить усташа при досмотре на входе в лагерь или по пути к нему».

Постепенно лагерь Госпич, чья территория была не столь уж и большой, окончательно переполнился. С целью его разгрузки были основаны новые лагеря —

Ядовно на Велебите, Слана и Метайна на острове Паг и ряд мелких вспомогательных лагерей. Так сформировался комплекс лагерей смерти Госпич — Ядовно — Паг.

Яков Раткович, направленный в Ядовно в начале августа из госпичской тюрьмы, рассказывал: «Заключенные получали паек без соли, масла и хлеба, весьма похожий на тюремный. Хорваты получали еду получше — более густую, сербам же почти совсем ничего не давали».

Терка Гоймерац, брошена в лагерь Госпич 20 июля: «Я видела, как тысячи людей, связанных проволокой, уводили на Ядовно. Регулярно прибывали транспорты с пленными со всей территории Боснии. Этим людей держали в вагонах без еды и питья, на июльской жаре... Часто мы слышали крики с просьбой о помощи из камер с заключенными. Это были осужденные на смерть — их морили голодом и забивали палками. Мы знали, что когда по ночам гасили все огни, это значило — из камер выносят трупы. Это делалось тихо и незаметно. За то время, что я была в госпичском лагере, с 20 июля по 19 августа 1941 года, через лагерь прошло около 25 000 людей».

Количество жертв лагеря Госпич неизвестно даже приблизительно. Сложность заключается в том, что это был прежде всего распределительный лагерь, большинство его пленных в итоге находило свою смерть в других местах — сначала в горах Велебита и на острове Паг, а позже и в Ясеновце. Именно по этой причине исследователи чаще всего оперируют общим количеством жертв комплекса Госпич — Ядовно — Паг. Сколько же людей погубила непосредственно госпичская тюрьма, определить невозможно.

В конце августа 1941 года, примерно в одно время с остальными лагерями комплекса, лагерь Госпич был расформирован.

ЯДОВНО

Основан: май 1941

Расформирован: 21.08.1941

Количество жертв: 32 000 — (?)

Тип лагеря: концентрационный

Когда тюрьма в Госпиче оказалась переполнена заключенными, правительство НГХ было вынуждено найти новое место для временного размещения пленных. Решением этой задачи занялось Министерство внутренних дел во главе с Андрией Артуковичем, Эугеном Ква-терником и другими высокими чинами. Подходящее место нашлось примерно в 22 км к северо-западу от Госпича, в лесной чаще, покрывавшей горы Велебита, на высоте 1200 м над уровнем моря, неподалеку от деревеньки Ядовно. По ней будущий лагерь и получил свое название.

Если пройти от села Ядовно по восточной стороне подножия горы Метлы, войти по дороге в лес и пройти по лесу 1800 метров, можно выйти к первой из ям — печально известной как Шаранова яма.

Пройдя от Шарановой ямы еще 6,5 км на запад, затем свернув на север и отойдя от дороги примерно на 450 метров, можно по труднопроходимой тропе выйти на поляну — тут и находился некогда лагерь Ядовно.

Изначально это была лесная поляна размером 25х50 метров, обнесенная колючей проволокой. Понемногу территория расширялась — вплоть до 24 июня, когда лагерь и принял свой конечный облик. Этот день считается датой основания лагеря, хотя очевидно, что речь идет лишь о начале работы лагеря в его окончательных границах. Фактически же лагерь Ядовно начал функциониро-

вать уже в начале мая (по мнению сербского историка Джуро Затезало — даже в конце апреля).

Лагерь Ядовно находился в ведении Третьего управления Усташской надзорной службы (УНС), которым руководил Мийо Бабич, а затем — Векослав Лубурич. Фактически же лагерь был под непосредственным контролем особого отдела УНС — усташской службы города Госпи-ча. Начальником этого отдела был Степан Рубинич. Управляющим самого лагеря был Руде Риц, командиром — старший лейтенант Бешлич, студент из Сплита. Одной из любимых забав Бешлича, которой он предавался в утренние часы — стрельба из пулеметов над головами заключенных.

Было свое «хобби» и у Руде Рица. Он предпочитал лично вести учет всех прибывающих в лагерь пленных, записывая их имена в специальный журнал. Кроме того, он ежедневно выбирал от 40 до 80 пленных, которых затем его помощники в предвечерние или рассветные часы уводили на казнь. Их расстреливали из автоматов и сбрасывали в ямы.

Ниже — отрывок из уникального труда Джуро Затезало «Ядовно — комплекс усташских лагерей 1941»:

«Проблемы исследования комплекса усташских лагерей смерти Ядовно — многочисленны и разнообразны. Речь идет об одном из многочисленных усташских лагерей в системе НГХ, основанных с целью реализации программы геноцида над сербским народом. Ядовно был основан одним из первых — в апреле 1941 года. Ему была отведена важная роль в массовой ликвидации сербов и евреев. Чаще всего с этой целью использовались ямы и ущелья в горах Велебита, а роль вспомогательных лагерей играли Слана и Метайна на острове Паг.

На территории Ядовно не было зданий, тюремных камер, кухни, санитарных помещений, она не была об-

несена забором — это был лагерь под открытым небом. Ядовно стал одним из первых ужасных лагерей массового уничтожения сербов, евреев и даже хорватов; усташа постоянно доставляли туда новые партии жертв с территории Хорватии, Боснии и Герцеговины и Срема. Когда приходила новая партия, всех уже имевшихся пленных убивали различными предметами и сбрасывали в пропасти или заранее выкопанные ямы. Многие из них падали на дно еще живыми, и если только усташа не сбрасывали вниз бомбы — еще дни напролет можно было слышать стоны умирающих.

Ядовно — воистину ужасающее явление, ведь этот лагерь просуществовал всего первые четыре месяца после формирования НГХ, в то время как по чудовищности злодеяний и по количеству жертв он далеко опережает любые другие лагеря, за исключением Ясеновца.

Недостаток информации о тех событиях объясняется в немалой степени тем, что и в годы войны, и после любые разговоры и тем более публикации на эту тему были нежелательны. На протяжении пятидесяти лет, от 1941 до 1991 гг, любой, кто осмелился бы говорить открыто о геноциде сербского народа, не говоря о том, чтобы напечатать об этом в газете, в лучшем случае подвергся бы резкому осуждению. Партийный аппарат Коммунистической партии Хорватии (КПХ), как и его «старший товарищ» из КПЮ — Коммунистической партии Югославии — четко давал понять: любые публикации на эту тему находятся под запретом, поскольку могут помешать развитию народно-освободительного движения и развитию дружеских отношений между братскими народами сербов и хорватов.

Именно по этой причине уже в годы войны некоторые коммунисты, из сербской интеллигенции, не согласные с такой политикой, постоянно терпели различного рода неприятности — доходило и до «случайных» смер-

тей. Они не могли рассчитывать на карьерный рост независимо от того, насколько они были преданы делу партии и идеям коммунизма, насколько велики их заслуги в борьбе с фашизмом. Некоторые из них отделялись штрафами, некоторых лишали жизни.

Списки пленных уничтожались, во многих местах их не было вовсе. Уже в середине августа 1941 года многие ямы на Велебите, куда сбрасывали пленных, залили бетоном. В свою очередь, итальянцы доставали из массовых захоронений тела сербов и евреев и сжигали их, тем самым сознательно уменьшая число жертв.

Людей арестовывали на квартирах, на улице, на месте работы — везде. Кого-то из них мучили и убивали еще при аресте, кого-то — в тюрьме; прочих же ночью или в ранние утренние часы перевозили в Ядовно. Эта перевозка длилась с мая по середину августа 1941 года. Жертв привозили из всех краев Хорватии, Боснии и Герцеговины, даже из Воеводины».

Некоторые из арестованных, в основном представители интеллигенции, были убеждены в том, что с ними поступят по закону. Так, профессор Милан Радека, серб из Карловца, один из первых узников лагерей, был уверен, что в новосозданном государстве невозможно какое-либо насилие или беззаконие. Радека: «Для меня Хорватия ассоциировалась с правовым государством. Когда 16 апреля 1941 года меня арестовали без какой-либо причины, мое понимание окружающего начало меняться — но, увы, слишком поздно...»

Не только слепая вера в правовое государство упрощала аресты. Многие пленные попросту не понимали, что их ждет. Меж ними распространялись слухи о том, что их ожидает всего-навсего не слишком тяжелый принудительный труд — например, вырубка леса. Многие пленные даже думали, что Ядовно — это какой-то город, куда их просто временно переселяют.

Большинство жертв лагеря Ядовно составляли сербы, существенно меньше было евреев и совсем немного — хорватов. Приводя пленных ко входу в лагерь, их первым делом обыскивали — периодически избивая палками, оскорбляя и унижая. Любые найденные предметы подлежали конфискации.

Как был устроен лагерь изнутри? Слово — Джуро Затецало:

«Проволочное ограждение шло в два ряда, расстояние от внешней ограды до внутренней составляло около метра. Пространство между наружной и внутренней оградой также было переплетено колючей проволокой, закрученной спирально. Вход в лагерь, шириной около 3 м, располагался на северо-западной стороне. По обеим сторонам у входа дежурили усташы и домобраны — по одному с каждой стороны — а над их головами висели потреты поглавника Павелича. По внешнему периметру ограды, через каждые 30–40 метров, располагались сторожевые посты. К северу от входа в лагерь были построены два барака: меньший — для высшего лагерного начальства и больший — для всех прочих работников лагеря (разумеется, из числа усташей и их сторонников). Большой барак располагался у основания возвышенности — плато, которое доминировало над всей территорией лагеря. Именно поэтому туда были поставлены два пулемета. Впрочем, из них открывали огонь не только в случае побега, но и без причины каждый день — возможно, для устрашения пленных (стреляли поверх голов). Узники выполняли различного рода работы с утра до позднего вечера — рубили деревья как внутри лагеря, так и за его пределами, очищали камни и наводили порядок на лагерной территории.

У заключенных не было никакой крыши над головой, они проводили дни и ночи под открытым небом. Из-за невысоких температур и постоянной сырости,

царивших в лесу, каждая ночь была для пленных настоящим испытанием. Некоторые собирали ветки, древесную кору и устраивали себе ложе; другие же ложились просто на голую землю. В середине июля узники возвели ряд конструкций для защиты от непогоды — сами они называли их «беседками». Они были сделаны из дерева, а крышу образовывали уложенные наверху ветви. Высота беседок была около 2 м, каждая могла укрыть до 20–30 человек. Постепенно, вместе с ростом количества заключенных, росло и количество беседок. Их располагали таким образом, что все они образовали полукруг, по форме напоминающий подкову, который открывался к юго-востоку. Беседки (используем это название, хотя, в отличие от настоящих беседок, используемых для отдыха, эти лагерные «беседки» были и местом постоянного ночлега заключенных) занимались пленными согласно их национальной принадлежности: евреи занимали западную часть «подковы» длиной около 50 м, сербы — северо-восток и юг с общей протяженностью 130 м; остальную часть южной стороны занимали хорваты. Ряд беседок стоял на удалении в 25 от ограды. Для лучшего обзора территория лагеря была полностью очищена от произраставшей там растительности. Узникам запрещалось подходить к оgrade ближе, чем на 2 метра — в случае запрета стража открывала огонь. Запрещены были и любые разговоры, общение пленными друг с другом.

Небольшая площадь лагеря ясно указывает на то, что он не был рассчитан на чересчур значительное количество пленными. Я пришел к выводу, что в среднем ежедневная загруженность лагеря составляла от 2,5 до 3,5 тысяч человек. «Контингент» менялся ежедневно — одних увозили к ямам, где и убивали самыми разными способами, другие в это же время только прибывали в лагерь. В основном приводили сербов из Лики, Горски-Котара, Кар-

ловца, Загреба, Сисака, Петриньи, Глины, Двора-на-Уне, Книна, окрестностей Задара, Дубровника, Кордуна, Подравины, Славонии, Срема, Осиека, Винковца, Беловара, Пакраца, Вировитицы, Джурджевца, Копривницы, Сараева, Мостара, Фочи, Фойницы, Бугойна, Зеницы, Добоя, Баня-Луки, Бихача, Ябланицы, Босанска-Дубицы, Босанска-Крупы и многих других мест. Количество пленных евреев хоть и было невелико в абсолютном выражении, но очень серьезным — относительно их общей численности на территории НГХ. Количество пленных хорватов было крайне невелико, в основном это были коммунисты и им сочувствующие — из них 31 человек был в итоге возвращен из Ядовна в Госпич: нескольких «возвращенцев» в итоге распустили по домам, а большую часть переправили в другие лагеря, где почти все они были убиты.

Рацион пленных был скуден до крайности. Раз в день они получали фасолевый суп на пункте раздачи пайка, который располагался у входных ворот. Туда нужно было подходить по одному, при этом пленные также были разделены по этническому признаку — группы из сербов, евреев и хорватов ходили за пайком по отдельности. Пленным разрешалось брать воду для своих нужд из расположенного в 400 м от лагеря источника Черные потоки, куда они ходили в сопровождении вооруженной стражи».

Александр Блайсвайс, переброшен 10 июня из лагеря Даница в Ядовно транзитом через Госпич: «Нас погрузили в грузовики и отправили в лагерь Ядовно на Велебите. Спустя два часа езды, примерно на рассвете, мы высадились возле поляны, огражденной колючей проволокой. Это и был лагерь Ядовно. Нас разместили в меньшей части лагеря, где уже находилось около 70 евреев. Большую часть лагеря занимали сербы — их было несколько сотен. Первое, что бросилось в глаза — то, что это был лагерь

под открытым небом, обнесенный двумя рядами колючей проволоки. Высота ограды была около 4 метров. Где-то проволока крепилась к столбам, а где-то — прямо к стволам росших рядом деревьев — ведь лагерь был со всех сторон окружен густым лесом. Возле лагеря неусыпно дежурила стража — по одному стражнику на каждые несколько метров. Они были вооружены винтовками со штыками. Было еще два барака и на возвышенности — пулеметная точка».

Мичо Йелача, этнический хорват: «Где-то после 15 апреля меня позвали в домобраны. Я был шофер, водитель грузовика. Я стал замечать, что все чаще по утрам нахожу в нем одежду и обувь. Полагаю, ее привозили из Ядовна. У нас ширились слухи о том, что людей увозят куда-то на Велебит, где и ликвидируют. По Госпичу шли волны арестов. Когда они схлынули, усташи начали открыто проводить через город колонны пленных.

Каждый — или почти каждый день — я видел, как эти колонны проходят через Госпич. Видел я и транспорты, отправлявшиеся с железнодорожной станции. Это были колонны и колонны людей, связанных особой цепью, шедшей по всей длине колонны, также люди были связаны попарно проволокой. Колонны пленных проводили по Госпичу не только ночью, но и среди бела дня. На меня эти колонны произвели страшное впечатление. Измученные голодом и жаждой люди шли по улицам, усташи постоянно осыпали их побоями, оскорбляли и заставляли петь. Кто не мог более идти, уничтожался на месте. Помню, одна моя родственница плакала, глядя на эти колонны, в то время как ее дочь, усташски настроенная, кричала от радости. Обе они знали, что этих людей увозят на смерть».

Ни в одном из лагерей комплекса Ядовно не было больницы или амбулатории. Несмотря на то, что среди пленных были и врачи, они в силу своего положения,

а также чудовищных санитарных условий почти никому не были способны помочь.

Еврейская религиозная община в Загребе помогала пленным лагерей Ядовна — как медперсоналом и лекарствами, так и продуктами с одеждой. (Скорее всего, это касалось только евреев). Она находилась в постоянном контакте с министерством здравоохранения НГХ, обращаясь в ведомство с различного рода просьбами и жалобами. Так, в одном из обращений, датированном 7 июля 1941 года, община выражала сожаление в связи с тем, что власти до сих пор не направили в лагеря комплекса Ядовно медработника с запасом необходимых лекарств. Также члены еврейской общины просили власти НГХ организовать в лагерях вакцинацию против дизентерии и брюшного тифа, дополнительно улучшив санитарные условия. Община организовала сбор продуктов и одежды и просила еврейский отдел усташского управления Загреба разрешить отправить все собранное больным и детям в Ядовно, Слану и Метайну. Для больших шансов на успех община заручилась поддержкой хорватского Красного креста. И 23 июля 1941 года эта просьба была удовлетворена — представителям Красного креста разрешили направить продукты и одежду в вышеуказанные лагеря.

Конечно, и в тех редких случаях, когда усташские власти давали разрешение на отправку посылок с вещами первой необходимости, далеко не всегда шло гладко. Так, хорватский Красный крест 22 августа 1941 года писал усташскому управлению: «... 2 августа в Гацко и Лике подтвердили поступление посылок. К сожалению, большая их часть до сих пор не доставлена по адресу и все еще находится в Госпиче. Просим вас разрешить нам прикреплять к пакетам бумаги с формой, в которых адресаты могли бы расписываться в получении посылки...»

Среди всех пленников лагеря сербы были в самом безнадежном положении. К примеру, евреи могли получать определенную помощь от своей общины в Загребе — прежде всего, посылки с продуктами и одеждой. Хорваты тоже имели «отдушины» — так, некоторые из них состояли в родстве с усташами и могли рассчитывать на более мягкое обращение. У некоторых из них была возможность за взятку получить разрешение на относительную свободу перемещений. Сербы же оказались лишены всего этого — а если кто-то и отправлял им посылки, они практически никогда не доходили до адресата. Представители сербской интеллигенции — то есть люди, которые теоретически могли бы оказывать помощь другим пленным — были истреблены усташами в первую очередь, и после этого подавляющее большинство пленных сербов составляли бедные, иногда неграмотные крестьяне и рабочие, у которых не было ни связей, ни денег.

Насилия, пытки и убийства пленных в лагере Ядовно были поставлены «на поток», это позволяло регулярно обновлять «контингент» и разгружать тем самым лагерь Госпич. Вот что об этом писал Д. Затезало:

«Основным орудием убийства был молот весом около 3 кг, также известный под названием «мацола». В среде усташей его чаще называли сокращенно — «маца». Им убивали всех, но чаще всего — женщин и детей. Мужчин также убивали ножами.

Распространенной практикой было применение насилия и пыток. Они преследовали двоякую цель: с одной стороны — доставляли удовлетворение кровопийцам, а с другой — делали будущих жертв практически неспособными к побегу или сопротивлению. Это сильно упрощало их дальнейшее уничтожение. Жестокие побои, отрубание частей тела, вырывание ногтей, обливания кипятком, посыпание солью открытых ран, выка-

лывание глаз — лишь незначительная часть того, что усташи делали с пленными. При малейшей возможности они старались сломать человека не только физически, но и духовно. Так, детей убивали на глазах у их матерей, девушек и женщин насиловали и пытали перед их мужьями и братьями; приказывали брату убить брата, сыну — отца и наоборот.

Огнестрельное оружие для уничтожения пленных в Ядовно использовалось крайне редко.

Самым свирепым и безжалостным было обращение со служителями православной церкви. Так, священника Джордже Богича, еще молодого и полного сил человека, привязали к дереву, отрезали уши, язык и нос, затем срезали бороду вместе с кожей. И даже когда ему выкололи глаза, он все еще был в сознании. Лишь когда ему расправили грудную клетку, он упал на землю. Один из усташей, осмотрев тело, сказал: «Мать его валашскую ***, у него еще бьется сердце, он еще жив». Выстрел в упор прекратил мучения священника».

Но пленных, убитых в самом лагере или около него, было очень мало. Проводить ликвидации пленных прямо «на месте» вообще не было смысла — поскольку окружающая лагерь горная местность изобиловала различными провалами, ущельями, ямами естественного происхождения. Многие из них располагались в труднодоступных уголках горного массива Велебит. Туда-то усташи и отводили регулярно целые группы пленных. Их сбрасывали в ямы как живьем, так и предварительно умертвив.

Вновь обращаемся к Д. Затезало:

«Попытки исследовать ямы лагерного комплекса Ядовно неизменно, в какие бы годы они не совершались, сталкивались с одними и теми же трудностями. Во-первых — нахождение самих ям. Большинство из них были естественного происхождения и были надежно спрятаны самой природой от посторонних глаз.

Во-вторых — постоянное стремление хорватских властей любого уровня, от общинных и котарских до республиканских, скрыть во что бы то ни стало любые возможные следы этих ям, а главное — следы зверских массовых убийств, для которых эти ямы и использовались. Частично об этом позаботились и сами усташи — залив многие ямы бетоном. Но стремление скрыть любые следы живо и по сей день. Так, на заседании правительства уже независимой Хорватии в июне 1990 года тогдашний заместитель главы Сабора Степан Сулиманац заявил: «нужно забетонировать яму Ядовно на Велебите, чтобы ее никто больше не смог использовать для уничтожения людей». Поразительно, что политик столь высокого ранга оказался не осведомлен о том, что так называемой «ямы Ядовно» не существует в принципе — был лишь концентрационный лагерь Ядовно, получивший название от близлежащего села...

В-третьих — группы исследователей, нередко остро нуждавшиеся в помощи местных жителей, как правило, получали от них либо убеждения в полном незнании предмета, либо плохо скрываемую агрессию и нежелание разговаривать на эту тему. К примеру, 1 сентября 1941 года группа итальянских военных санитаров отправились в те края, где располагались уже к тому моменту ликвидированные лагеря комплекса Ядовно, чтобы проверить качество воды в ближайших источниках. Они боялись, что вода окажется непригодной для питья из-за попадания в нее человеческих останков из ям. Их попытка обнаружить местонахождение этих ям завершилась полной неудачей, о чем санитары говорили так: «Местное население отказывается нам что-либо сообщать и отрицает то, что в этот край когда-либо привозили для ликвидации сербов. Одной из причин такой реакции мы видим то, что все тут живущие — ярые католики. Местные чинили нам всяческие препятствия — возможно, они боялись мести

ушастей, или возможности расстаться с награбленным добром: имуществом убитых сербов. В Ступачинове местные крестьяне отвели нас к одной из ям лишь потому, что мы обнаружили ее раньше — и они знали об этом. Местонахождение же другой ямы они отказались сообщать наотрез».

Мне удалось собрать информацию по 32 ямам комплекса Ядовно. Это Шаранова яма, яма в местечке Гргин-бриег, Ярчия, Бадань, Близница, Киевац, Плоче, Вранзина яма, яма Ясеновац, Ямина, Шевич, яма на Кулашевой стороне, Орешкович, Мацолина яма, Угленача, яма в местечке Ператове-драге, Думан, Света-Ана, Нездравка, Ошпороча, Голубняча, Снежняча, Кварте, Руневац, Павкуша, Дулиба, Дупчан, Чошич, Крижаново-брдо, яма на острове Паг и еще две ямы в 40 м от самого лагеря Ядовно».

Ниже — описание профессором Д. Затезало некоторых ям лагеря Ядовно:

«ШАРАНОВА ЯМА

Первыми исследователями Шарановой ямы после войны стали члены специальной комиссии, которая занималась сбором доказательств о злодеяниях оккупантов и их союзников. Насколько сейчас известно, 21 августа 1945 года они лишь посетили яму, не спускаясь в нее, и предложили провести ее систематическое научное исследование. Также они предложили поднять на поверхность людские останки и захоронить их. Первый спуск в яму состоялся лишь спустя много лет — его осуществила команда спелеологов из Загреба. Они-то и составили общее описание увиденного: «Яма начинается отверстием 1,5x4 метра. Начиная с глубины в 12 м, ширина ямы начинает медленно увеличиваться и на дне ее размеры уже 4x6 метров. Общая глубина ямы — 42,5 метра. Дно ямы покрывает тонкий слой щебня — вероятно, он падал в яму при постройке ограды. Слой щебня почти полно-

стью закрывает кости. В северной части ямы, где ее дно имеет форму канала, толщина слоя костей достигает 1,35 метра. Подъем строго вертикальный; стены голые, за исключением узкого вертикального канала над северной частью ямы — там они покрыты тонким слоем минеральных отложений».

В июне 1990 года в Шаранову яму спустилась группа белградских спелеологов. Один из них, Данимир Ристич, таким образом описал все то, что ему довелось увидеть и ощутить в яме, в которую по разным оценкам было брошено от 11 до 15 тысяч людей: «...Мы дошли до памятника около ямы, который выглядит как типичный памятник из эпохи войны. По нему невозможно понять, в связи с чем он вообще поставлен. Ответ на это находится рядом — всего в 30–40 метрах. Но человек, который проходит по дороге, не найдет этого места. Шаранову яму надежно укрывает стена леса. Это типичная яма карстового происхождения, вертикально уходящая вниз, ее стены сложены из очень твердых пород гранита.

Пока мы готовились на поверхности, нас беспокоила не только проблема безопасного спуска, но и возможность встречи с кем-то из местных: что будет, если нас спросят, кто мы такие, что тут делаем и есть ли у нас на это разрешение властей? Но как только я начал спуск, все происходившее на поверхности для меня перестало существовать.

Я еще никогда не был в этих краях, никогда не спускался в местные ямы. У меня к тому моменту уже был огромный опыт спусков (более 200), но все это было в Сербии и Черногории. Пока я еще находился у самого края ямы, я слушал советы товарищей по технике спуска. Но никто бы не смог рассказать мне о том, что меня ожидало внизу — а если бы и рассказали, я бы не поверил.

С самого начала спуска стены влажные, по ним струится вода. Чем глубже, тем холоднее и темнее становится,

а яма постепенно расширяется. Эти признаки характерны для спуска в любую яму, они довольно тяжело влияют на психику — но сейчас все это усугублялось тем, что я представлял себе, что я могу встретить внизу.

Первая точка, которой касается нога при спуске, еще очень далека от дна. Она представляет собой вершину пирамиды. На первый взгляд кажется, что пирамида эта сформировалась путем естественного наноса древесной листвы, веток, камней и так далее — то есть обычная картина для любых ям, имеющих открытый наверху выход.

Но стоит лишь всмотреться внимательнее, засветив еще одну лампу — и вы поймете, что этот якобы «нанос» — никакие не ветки с листьями. Это все — людские останки. Останки самих людей и того, что они имели на себе в тот момент, когда были сброшены в яму.

Я обнаружил странную вещь: древесные стволы длиной 3–4 м и толщиной около полуметра, словно вцементированные в эту грудку останков. Поверх лежат камни, но это не типичные для пещер мелкие камни, принесенные водой. Это настоящие валуны весом от 10 до 50 кг и более. Такие можно найти, например, на каменоломне, но никогда — в пещерах. Характерные для пещер камни отличаются не только мелкими размерами, но и совсем другим цветом. Тут же мелкого камня нет совсем. Вероятно, кто-то хотел таким образом скрыть слой останков под камнями.

После меня в яму спустился Драган Максимович, спелеолог-инструктор. Вместе мы исследовали дно ямы и обнаружили естественного происхождения рукав, в котором находилось всего три или четыре скелета. Рукав открывается на 4–5 метров ниже той части пола, на которой мы стояли, а его узкий свод поднимается на высоту около 10 метров. Ясно, что в него нельзя было попасть, просто упав сверху. Вероятнее всего, находившиеся там

скелеты принадлежали людям, которые каким-то образом пережили падение с 40-метровой высоты и даже с множественными переломами смогли заползти в этот рукав, чтобы не оказаться погребенными заживо под грудой тел тех пленных, которых сбросили после. Нет сомнений, что эти люди умерли в самых жестоких мучениях, надеясь на то, что им все-таки удастся выбраться. Но подняться по этим стенам без специального оборудования не смог бы даже опытный спелеолог — что уж говорить о человеке с переломанными костями!

Исследуем эти скелеты. Есть три целых черепа. На одном из них с левой стороны хорошо заметна деформация кости размером около шести сантиметров. Поскольку скелет находится в отделенном от основного ствола ямы рукаве, можно быть уверенным, что это повреждение — не от падения какого-либо предмета сверху. А значит, человек в таком состоянии еще был жив и смог заползти в рукав.

Не знаю, как далеко в глубину простирается слой человеческих останков. Хочу спуститься еще ниже и найти типичные для пещер камни как знак того, что я достиг настоящего дна.

Сначала я не обратил внимание на необычный цвет стен с ближней ко дну стороны. Их верхняя часть была не желтоватого цвета, как у стен на всех остальных сторонах, а темно-серого. Когда же я коснулся этой стены рукой, я понял, что это вовсе и не стена. Это наслоения из массы гнилых тканей, одежды и обуви; под ними — кости. Толщину этого слоя оказалось невозможно определить, так как мягкий, прощупываемый рукой слой составляет всего несколько сантиметров — глубже все эти полуистлевшие останки одежды и обуви спрессованы так, что их невозможно сдвинуть с места.

С первых же минут нахождения здесь на нас начала давить царящая тут тишина. Мы были в царстве абсо-

лютной, ничем не нарушаемой тишины. Даже вода тут не капала, а беззвучно стекала по стенам. Противостоять воздействию абсолютного безмолвия было невозможно, и мы оба работали молча, координируя наши действия жестами и взглядами. Мы провели на дне ямы в общей сложности четыре часа. Ни разу за все это время мы не перекусили и не попили воды. А когда мы поднялись на поверхность, мы еще некоторое время вели себя на удивление тихо, все делали медленно, не торопясь.

Поднявшись, мы словно оказались выброшены в другом мире: памятник, лес, газеты... Все это виделось нам таким мелким и несущественным по сравнению с тем местом, в котором только что побывали! Там, наверху, мы поклонились теням этих жертв и зажгли свечи. Надеюсь, они горели долго.

Доктор Джуро Затезало спросил меня, могу ли я оценить количество человеческих скелетов в яме на основании того, что я увидел. Тогда я уже знал, что побывавшая здесь группа спелеологов из Загреба оценила толщину слоя костей в 1,37 метра. Но то, что увидел я, говорит совсем о другом. Мы спустились на самый верх холма, сложенного из человеческих останков. Рукав, в котором мы обнаружили несколько скелетов, на 4–5 метров ниже. Дно всех карстовых ям, которые я видел, всегда было ровным или же с незначительным наносным слоем. Совершенно ясно, что даже за тысячу лет ни вода, ни ветер не смогли бы нанести сюда столько материала, что его высота составила бы 5 метров. Это говорит об искусственном происхождении слоя. Из этого можно сделать 2 вывода: или толщина слоя костей около 4–5 м, или же еще больше, если дно ямы находится ниже.

Сказать что-то более конкретное практически невозможно. Холм из останков в основном представляет собой переломанных и спрессованных костей, словно цементированных в полутвердую массу из крови, пыли,

полуистлевшей одежды и обуви. Разделить эту массу не представляется возможным. Я считаю, что только лишь на основе увиденного нами невозможно хотя бы примерно подсчитать количество людей, сброшенных в яму...»

Предполагаемое число жертв: 11 — 15 тысяч.

ЯМА ГРГИН-БРИЕГ

До сих пор остается неисследованной. Находится в 7 км от Шарановой ямы и в 1,5 км от лагеря Ядовно. Предполагаемая глубина — около 50 м. Предполагаемое число жертв: неизвестно.

ЯРЧИЯ

Находится в северной части горного массива Велебит, возле местечка Дивосело. 6 августа 1941 года туда были сброшены 78 сербов, в том числе женщин и детей. В отличие от многих других ям, спуск в нее образует ряд каменных порогов, поэтому любой брошенный в яму предмет падает не прямо на дно, а на какой-то промежуточный порог. Это и стало причиной того, что некоторым пленным удалось затем выбраться из ямы. Так, Мария Почуча, которую удар усташского ножа лишь ранил, но не убил, смогла выбраться из ямы. Смогла спастись и Пера Цвиянович. Но таких было немного. Большинство из тех, кого сбрасывали в Ярчию еще живыми, не могли выбраться и умирали в страшных мучениях.

Яму Ярчию в 1945 году посетили члены Комиссии по военным преступлениям; они установили, что вход в яму имеет размеры примерно 4х3 м. На спусках в яму было обнаружено 7 порогов. Основная масса людских останков начинается с глубины около 10 м и далее вниз.

БАДАНЬ

Расположена на северо-западе Велебита, возле села Ступачиново. Предполагаемое количество жертв — около 10 тысяч.

ДУЛИБА

Расположена неподалеку от ямы Бадань. О ней в сентябре 1941 года упоминает итальянский офицер, врач Виторио Финдерле: «Яма забросана стволами, ветками и листьями. Я приказал крестьянам открыть вход. Как только это было сделано, в нос ударил резкий и сильный запах гниющего мяса. Вход в яму оказался 8х8 метров, камни возле входа покрыты пятнами крови...»

Предполагаемое количество жертв — около 500 человек.

БЛИЗНИЦА

Расположена недалеко от Ступачинова, в направлении к Карлобагу. В нее усташы сбросили около 450 сербов, привезенных из лагеря Слана.

ПЛОЧЕ

Находится на северо-востоке от Ступачинова. Виторио Финдерле: «Эта яма... хорошо скрыта. Из нее поднимается в воздух что-то вроде пара с резким запахом. Вход в яму открыт, его размеры 9х6 м. Когда я бросил вниз камень, спустя довольно долгое время я услышал всплеск, то есть камень упал в воду... Говорят, что сюда в общей сложности было сброшено 2000 сербов, мужчин, а последнюю партию пленных приводили три недели назад...»

КИЕВАЦ

Расположена в 7 км от Карлобага, в направлении Велебита. Жертвы: около 200 сербов, перевезенных из лагеря Слана.

ВРАНЗИНА ЯМА

Находится в окрестностях Ступачинова. Жертвы: около 250 мужчин, женщин и детей из госпичской тюрьмы и лагеря Слана.

ЯМА ЯСЕНОВАЦ

Расположена примерно в 7 км от Карлобага. Жертвы: около 200 сербских женщин и детей.

Любопытно, что местное хорватское население осуждало убийство сербов и пытались по возможности защи-

щать их. Карло Будак, 93-летний торговец, потребовал от итальянского генерала Рафаэля Пелигро остановить зверства над сербами. В ответ генерал посоветовал ему не вмешиваться в работу властей. Будак сказал: «Если Вы не сделаете это как военачальник, сделайте это как христианин и католик». Это не помогло. Тогда почтенный старец заявил генералу: «Не забудьте, что за это Вам придется не сегодня — завтра ответить перед народом и мировой историей».

ЯМИНА

Расположена в окрестностях деревеньки Люботич. Виторио Финдерле: «Отверстие ямы — 8х6 м. Не могу определить глубину: когда я бросил камень, звук его падения, постепенно слабея, ни разу не прервался до тех пор, пока мы вовсе не перестали его слышать... Определить число жертв я не представляю возможным...»

Ямина — одна из всего-навсего трех ям комплекса Ядовно, которую исследовали спелеологи. В 1980 году в нее спустилась группа спелеологов из задарского общества скалолазов «Пакленица» — Иван Лукич, Желько Беранда, Марио Дражевич, Сিনিша Суботич и Предраг Куртин.

Рассказывает Иван Лукич: «Мы спустились в яму в 11 часов вечера, а вышли обратно в 6.30 утра следующего дня. Таким образом, у нас было достаточно времени для ее исследования. Когда мы спустились на дно ямы (75 метров) и осветили пространство вокруг себя, нам открылось ужасающее зрелище. Из гравийно-почвенного наноса повсюду выпирали человеческие скелеты, на которых виднелись следы от ударов. На некоторых черепах были трещины или вмятины. Мы можем предположить, что в яме нашли мученическую смерть более 180 человек».

ШЕВИЧ

Находится около села Врановине. Предполагаемое количество жертв — около 2000 сербов: мужчин, женщин и детей.

ЯМА НА КУЛАШЕВОЙ СТОРОНЕ

Расположена в местечке Разбоиште, возле автодороги Госпич — Оточац. Предполагаемое количество жертв — более 150 сербов из госпичской тюрьмы.

ОРЕШКОВИЧ

Расположена возле железнодорожной станции Личко-Лешче неподалеку от дороги Госпич — Оточац. Предполагаемое количество жертв — более 200 сербов из Лики.

Мане Парипович, 1961 год: «Шестого мая 1941 года я с моим соседом Миланом Радовичем вышли на работу на железнодорожную станцию Личко-Лешче. Идя по дороге, мы услышали слабый и неразборчивый голос откуда-то со стороны. Мы с Миланом быстро договорились, что он остается на дороге ждать меня, а я пойду к яме, откуда и шел голос... Подойдя к краю ямы, я вполголоса спросил: «Есть ли кто внизу?» Из ямы послышалось сразу несколько голосов, так что сначала я ничего не понял. Потом кто-то сказал из ямы: «Давай спасай... Тут Стево Попович из Залужницы». Я стоял как вкопанный и не знал, что делать, не знал даже, что сказать в ответ — и понимал, что ничем не могу помочь.

Тут меня позвал Милан: «Мане, бежим-ка отсюда, тут нас обнаружат!» Собравшись с духом, я вышел на дорогу. Весь бледный, я не знал, что мне сказать Милану. Мы дошли до станции, взяли инструменты и пошли работать. Около девяти-десяти часов мимо ямы, у нас на виду, прошла группа углежогов. Один из них воскликнул: «О, люди, вот четники, пошли уничтожать хорватский народ и попали в яму, а теперь просят о спасении».

...Однажды нам рассказали, как брошенный в яму лесник Вуица Узелац прожил там три недели — пастухи

сбрасывали ему еду. Его хотели вытащить из ямы, сбросив веревку, но Узелац ответил: «Я связан и у меня сломаны ноги, я не смогу подняться». Говорят, того, кто пытался его спасти, вскоре убили».

МАЦОЛИНА ЯМА

Находится возле автодороги Госпич — Оточац, между селами Яньче и Личко-Лешче. Название получила по имени усташского офицера Стипе Марковича-Мацолы, уроженца Личко-Лешче. Сюда приводили пленных из лагеря Госпич, а также из разных краев НГХ: Лики, Бании, Кордуна, Славонии. Сначала их привозили поездом на станцию Личко-Лешче, а со станции отправлялись на место ликвидации в грузовиках или даже пешком.

Мацолина яма как место массовых убийств функционировала почти до самого конца войны. Так, в марте 1945 года туда были сброшены 120 сербов из Госпича.

Периметр ямы 4х3 м, глубина — около 10 м. Представители Комиссии по военным преступлениям заключили, что людей сбрасывали в яму, предварительно связав проволокой. Осмотрев спуск в яму, члены Комиссии пришли к выводу, что «здоровый и крепкий человек... способен выбраться из ямы».

Предполагаемое количество жертв — около 2700 сербов.

ПЕРАТОВЕ-ДРАГЕ

Находится недалеко от Мацолиной ямы. Предполагаемое количество жертв — 380 человек, в том числе женщины и дети.

УГЛЕНАЧА

Расположена возле села Личко-Лешче. Предполагаемое количество жертв — около 1600 сербов.

ДУМАН

Расположена в лесу между селами Яньча и Личко-Лешче. Предполагаемое количество жертв — около 200 сербов, включая женщин и детей.

СВЕТА-АНА

Находится недалеко от католической церкви Света-Ана в местечке Горне-Косине. Предполагаемое количество жертв — более 200 человек.

ПАВКУША

Расположена в окрестностях села Янчак-Коса. Предполагаемое количество жертв — около 170 сербов.

НЕЗДРАВКА

Расположена возле дороги, ведущей к селам Доне-Косине и Вукелич. Предполагаемое количество жертв — около 200 сербов».

Таким образом, общее количество жертв только известных ям лагеря Ядовно колеблется от 32 до 36 тысяч человек. Не исключено, что реальные цифры (особенно с учетом неизвестных ям) могут быть вдвое выше.

Попадание в лагерь Ядовно практически всегда означало верную смерть. Пожалуй, существовало всего два способа спастись, и оба они были крайне ненадежными. Первый из них — написать прошение об освобождении. Де-юре это было вполне осуществимо: некоторые пленные сами имели право на подачу такого прошения, но чаще их писали родственники и друзья. Такое прошение можно было написать на чье угодно имя: от управляющего конкретного лагеря до поглавника — Анте Павелича (например, на имя Павелича отправила свое прошение Мария Каств из Осиека, просившая освободить своего супруга Людевита из лагеря Госпич. Просьбу она обосновывала тем, что ее супруг ранее был членом Хорватской крестьянской партии, возглавляемой Владко Мачеком). В большинстве таких прошений описывались основания для освобождения — это могло быть происхождение, отношение к власти, участие в политической жизни еще в годы Королевства Югославии...

Де-факто это был жест отчаяния. Прощения регистрировались соответствующими государственными ор-

ганами, но дальше этого дело не шло. Подавляющее большинство прошений не было удовлетворено усташскими властями, и пленники так или иначе находили свою смерть в лагерях. Тем не менее, прошения писали и те, кто вовсе не имел существенных аргументов в свою пользу. Они делали это сознательно — в ожидании ответа, каким бы он ни был, эти несчастные лелеяли в себе надежду на спасение, и с ней чудовищные условия лагерного заключения словно бы становились немного легче...

Бывший офицер Югославской армии Владимир Фукс, отправленный в лагерь Ядовно, направил в Министерство внутренних дел НГХ в Загреб прошение об освобождении. В прошении он доказывал свое хорватское происхождение, ссылаясь на происхождение прочих членов своей семьи и утверждал, что никогда не состоял ни в одной югославской организации. Сообщал он и о том, что в свое время присягнул на верность НГХ, добавив, что имеет на руках письменное тому подтверждение. Прошение Фукса заканчивается фразой «За дом — готов!» Отец Владимира, Эрнест, 28 июня 1941 года подал еще одно прошение о помиловании — на сей раз в Отдел по делам евреев. В нем он подтверждал, что его сын — верный подданный хорватского государства, а также просил освободить его. Но ни одно из прошений — ни сына, ни отца — не помогло. Владимир Фукс был зверски убит в лагере Ядовно.

Второй способ освобождения — бегство. О том, почему побегов было парадоксально мало, рассуждал Джуро Затезало:

«В ряде случаев пленным удавалось спастись бегством. Работая в изучении вопроса о возможности бегства, я пришел к выводу, что такая возможность была вполне реальна. Бежать можно было из любого лагеря комплекса Ядовно, включая сам лагерь Ядовно.

Как отдельные пленные, так и целые их группы могли осуществить побег уже в дороге, когда их вели от места ареста к лагерю или месту будущей ликвидации. Просто невероятным кажется тот факт, что группки усташей сопровождали по двести и более пленных, которые послушно шли на смерть. Даже если бы охрану атаковало одновременно человек 50 или 100, она никак не смогла бы уничтожить всех, и по крайней мере части пленных удалось бы спастись.

Этот вопрос — почему пленные давали себя увести без попытки сопротивления или бегства — занимает умы многих. Я уверен, что одна из главных причин этого — то, что огромное количество людей, арестованных в своих домах, ночью или днем, в церкви или школе, на рабочем месте или на улице — не чувствовала за собой никакой вины! Все они уважали новообразованное государство и его органы власти. Они верили усташам, когда слышали от них убеждения, что их уведут ненадолго и вскоре выпустят. Эта мысль — что их уведут ненадолго — сопровождала пленных все время: в момент ареста, в тюрьме, на пути к лагерю, даже и за колючей проволокой. Даже когда людей ставили у края ямы, они не могли поверить, что их лишат жизни, ведь они не были ни в чем виноваты. Были случаи, когда отцы отговаривали от попытки побега сыновей, опасаясь возможных репрессий в будущем.

Но, конечно, были и те, кто все же решался на бегство: кто-то бежал уже при попытке их ареста, кто-то — на пути к лагерю, бежали и из самих лагерей; некоторым удавалось даже выбираться из ям. Спасшиеся рассказывали всем о том, что же на самом деле являла собой усташская власть — и тем самым спасали тысячи жизней, ведь вера в обещания усташей стремительно таяла.

Известно, что из комплекса лагерей Ядовно пытались бежать 17 сербов. Удалось это девяти из них: это Серджо

Поляк, Бранко Цетина, Савва Зороя, Мане Чанак, Богдан Лемайич, Радослав Грубор и еще троим, чьих имен я не смог выяснить.

История Серджо Поляка такова. Группа из 42 сербов, среди которых был и Поляк, прибыла в Ядовно ночью. На следующий день пленные увидели, куда попали: огромное количество людей на пространстве примерно 50x25 м, огражденном колючей проволокой. У ограды стояли усташские и домобранские часовые. Группа Поляка провела в лагере только день и ночь, а на рассвете второго дня их связали проволокой. Поляк сумел схитрить: дал обвязать проволокой правую руку, на которой у него не было кисти. Связав пленных, конвой погнал их на запад. Через час они остановились в поле; тут стоял стол и несколько стульев. Им сказали, что здесь их распределят на работы. Один из усташей пообещал пленным скорый обед.

Людей согнали в круг неподалеку от оврага, тут они увидели четыре пулемета. Усташский офицер Руде Риц, бывший учитель, подошел к ним со словами: «Давайте вперед, быстрее, быстрее!» и повел к обрыву. Когда пленные проходили мимо пулеметов, Риц добавил: «Мы здесь проводим тренировочные стрельбы, а вы нам поможете — поставите учебные мишени на другом краю оврага. Давайте быстрее!» Когда пленные дошли до конца обрыва, по ним открыли пулеметный огонь. Люди падали, как срезанные колосья. Стоящие в стороне усташки стали добивать раненых выстрелами из винтовок и ногами сбрасывать трупы в овраг.

Едва услышав пулеметный огонь, Серджо Поляк быстро освободился от проволоки — благодаря своей хитрости — и спрыгнул в яму. Упав на гору трупов, он прижался к земляной стенке и замер. Осматривая себя, он заметил кровь на левой руке — его зацепила пулеметная очередь. Боли он не чувствовал. Какое-то время он

еще слушал звуки стрельбы и стоны умирающих, после чего потерял сознание.

Когда была ликвидирована последняя группа, уже наступил вечер. Серджио пришел в сознание из-за внезапно наступившей полной тишины, а также от сильной боли, которую он начал чувствовать только сейчас. Он начал медленно выбираться на поверхность. Это было очень трудно, так как левая, раненая рука сильно болела, а на правой у него не было кисти. И все же понемногу, сантиметр за сантиметром, он подполз к краю и внимательно прислушался — нет ли кого рядом? Но кругом царило безмолвие, и он выбрался на поверхность практически в том же самом месте, с которого прыгал вниз.

В 1942 году Серджио Поляк был убит, сражаясь с усташами как член партизанского отряда...

Что можно сказать об остальных? Богдан Лемайич смог спастись от падения в Шаранову яму, вернулся в свое село, где и скрывался некоторое время. Тем не менее, 2 августа он был обнаружен усташами и убит.

Савва Зороя бежал из лагеря Ядовно 1 июля 1941 года. Погиб, сражаясь с фашистами в рядах Народно-освободительной армии в 1943 году.

Мане Чанак, Бранко Цетина и Радослав Грубор оставили записи о своем пребывании в Ядовно и об ужасах этого лагеря.

Бранко Цетина бежал из Ядовно 1 июля вместе с Саввой Зорой. Сейчас Бранко — единственный живой свидетель ужасов Ядовно. Семнадцатого июня 1990 года он рассказал мне всю историю своего плена — арест, заключение, перевод в госпитальную тюрьму, транспортировку в Ядовно и побег оттуда».

Ела Станич, пленница, сумевшая выбраться из ямы Ярчия: «Я никогда не забываю об этом, такое не забывается... Но я не испытываю ненависти к какому-либо народу, в том числе хорватскому. Народ не виноват...»

Лагерь Ядовно был ликвидирован 21 августа 1941 года.

СЛАНА И МЕТАЙНА

СЛАНА

Основан: май — июнь 1941

Расформирован: 19.08.1941

Количество жертв:???

Тип лагеря: концентрационный, мужской

МЕТАЙНА

Основан: май — июнь 1941

Расформирован: 19.08.1941

Количество жертв:???

Тип лагеря: концентрационный, женский

В конце мая — начале июня 1941 года усташки начали готовить лагеря Слана и Метайна на острове Паг. Первая группа пленных высадилась на острове 25 июня. Несмотря на то, что, согласно тогдашнему административному делению НГХ, остров Паг не входил в состав котара Госпич (котар — административно-территориальная единица статусом ниже жупании, но выше общины), лагеря на Паге были организационно связаны именно с лагерем в Госпиче и функционировали в тесной связке с госпичскими властями. Практически все пленные попадали на Паг из Госпича. На данный момент не обнаружен ни один усташский документ, в котором бы сообщалось об отправке пленных на Паг из какого-либо места НГХ, минуя Госпич.

Единственный доступный тогда способ доставки пленных на Паг — перевозка морем. Когда корабль с пленными приставал к острову — либо в Башка-Слане,

либо в бухте Сушац — мужчин и женщин разделяли. Мужчин отводили в лагерь Слана, женщин — в Метайну.

Фантастически детальную и эмоционально яркую картину всего, что происходило на острове с весны 1941 года, предложил вниманию читателей хорватский писатель Анте Земляр. На мой взгляд, его произведение с уже о многом говорящим названием «Харон и судьбы» достойно внесения в золотой фонд литературного наследия времен Второй мировой войны. Первая глава книги называется «Буря под Велебитом» и является также сильным вступлением в цикл рассказов о дальнейших событиях тех дней. Ниже — отрывки из этой главы.

«... Есть напротив Велебита длинный остров. Самый длинный на Адриатике. Белый и голый в горной своей части, он утопает в зелени виноградников по своей узкой приморской полосе. Только бурь боится этот остров. Но не обычных зимних бурь — с ними он давно свыкся, как свыкаются с неизбежным ежегодным злом. Волны подвелебитского канала вместе с пеной выбрасывают на его берега тонны морской соли, но ни январь, ни суровый февраль не опасны острову: виноград собран еще осенью, овцы не оягнились, а зеленые ростки лозы еще крепко спят под тонким кудрявым покрывалом. Хоть и трясутся крыши и стены, воеет ветер в трубах, срываются и улетают черепицы — острову не страшны зимние бури. Привычные к своей оторванности от мира, жители острова занимаются своими делами, словно смирившись со своей судьбой.

Да, им страшны бури — но другие: весенние и летние. Когда пойдет в рост бурно зеленеющая лоза, когда раскроются белые лепестки цветов, и вдруг ударит по ним буря — за каких-нибудь пару часов километровые просторы обработанной земли становятся тем, от чего чернеют лица и мужчин, и женщин — мучеников своего труда, плоды которого забрала буря.

Удар бури настигает внезапно, в моменты тишины. Она все поломала, все пожрала — и исчезла. И снова тишина. Тишина проклятия.

Но прошла однажды буря такая, какую увидишь не каждый год и даже не каждое десятилетие. Такую бурю, самую страшную, самую беспощадную, ждут, когда почернеет небо над Велебитом — и могут не дожидаться и за десятилетия. А если и случается такая — о ней забудут, начнут верить в то, во что хочется верить — что на их острове всегда царил мир, что нет и не найдется тут места великому злу! Век за веком продолжала течь жизнь на залитых солнцем камнях и песчаных цепочках земли. И так же вечна была надежда, что на далеком материке будет такой же мир, хотя и тут, на острове, слышались порой отзвуки грохочущих войн: и в гробах возвращались в родные края местные, павшие за родину... Живые молились за упокой их душ, горячо благодаря Бога, что далекая буря обошла их край стороной!

Но в тот несчастный год апрельской войны буря посетила и их остров. Началось все в апреле, после распада королевства — в которое после Первой мировой войны они все верили и которому радовались, но в котором разочаровались позднее; королевства, против политики которого они выступили едиными крепкими рядами. Они жили на окраине исчезнувшей страны с рассеявшейся армией, собранные возле своей островной общинной управы; ее разрушили какие-то новые люди, на головных уборах которых была вышита буква «У» — эти люди захватили общинную канцелярию и начали сыпать угрозами. Их было меньше, чем пальцев на обеих руках, но за ними стояла сила — новосозданное так называемое государство, которое уверяло их в своей независимости...

...Семнадцатого апреля на остров — в город — прибыл итальянский оккупационный отряд. Местные пред-

ставители «новой власти» встретили его букетами цветов. Итальянцы вошли в город Юрия Далматинца; дойдя до флагштока, на котором развевался флаг новосозданного государства, они сняли этот флаг и водрузили на его место свой, итальянский... Начались волнения: устали были удивлены и разочарованы... но спустя несколько дней так и не разгоревшийся конфликт был «по-дружески» исчерпан: остров, узнали люди, останется под властью НГХ — единственный из всех адриатических островов».

В главе «Захват власти» Анте Земляр привел текст обращения новых властей к жителям города Паг:

«...По всему городу были расклеены плакаты следующего содержания:

«Пажский народ! Хвала Божьему провидению! Разгорелась заря дивного дня хорватской независимости в то время, когда мы празднуем 1300-летие нашего крещения...

С 20 мая и наш милый остров Паг.. остался в объятиях своей измученной и настрадавшейся матери-Хорватии. Это великие дни в истории нашего хорватского народа: упорным трудом мы построим нашу новую Хорватию.

Веселись, народ — а прежде всего ты, рабочий! Ведь Поглавник — твой большой друг и благодетель. И ты, хорватская молодежь, будь и дальше хранительницей нашего лучшего будущего. Пусть Всемогущий даст нашему Поглавнику долгую жизнь на счастье и процветание нашей Веры и Родины.

Да здравствует Независимое государство Хорватия!

Да здравствует Поглавник и суверен Анте Павелич!

За Дом — готовы!»

А вот как автор описывал основание на острове концентрационных лагерей:

«Остров под Велебитом, хоть и ощутил по резкой смене власти захватившее его новое, невиданное ранее

зло, все так же пребывавал в своем далеком провинциальном летаргическом сне. И большинство островитян даже не заметило, как по подвелебитскому каналу прошла моторная шлюпка и пришвартовалась в порту Пага. Высадившиеся на пажском берегу представители новой власти предложили в одном из уголков острова основать концентрационный лагерь. Решено было так: большая часть острова будет под контролем итальянских войск, а сам лагерь и его окрестности будут контролировать усташи. Предложение было принято, ведь высокие гости были посланы сюда из самого Загреба по приказу министра внутренних дел Андрии Артуковича и не менее известного Дидо Кватерника из так называемого Отделения №3.

Встреча высоких гостей и представителей новой островной власти состоялась в местном усташском штабе, располагавшемся в здании общины на побережье. Как мы увидим позже, географическую карту, над которой в жарком споре склонятся участники, принесет из своего дома не кто иной, как местный каноник (старший священник). Он вместе с эмиссарами Павелича выберет место для первого лагеря смерти в так называемом НГХ. На этой встрече будет выбрано окончательное место лагеря — бухта Слана; будет избран маршрут, по которому будут приводить заключенных — Госпич-Карлобаг-Слана; будет решена проблема отсутствия свободного транспорта для узников — дорога из гор Велебита до Карлобага будет признана пригодной для пешего перехода; определят и средства для морской перевозки узников до Сланы — путем конфискации всех подручных плавсредств из ближайших портов; договорятся также и о том, что пленники должны будут собственными руками построить все нужные лагерные постройки, включая сторожевые башни, бараки, стены с колючей проволокой. Также будет принято решение о том, что в целях

облегчения снабжения лагеря и смены лагерных караулов будет проторен путь по дикой каменистой местности от бухты Слана до села Метайна. Рядом — открытое море; Велебит в руках усташей; лагерь будет словно затерян в глубоко изолированной каменной пустоши — бежать пленным будет некуда. Будет решено, что дополнительную безопасность обеспечат заставы с пулеметами, а также итальянские гарнизоны в городах Новаля и Паг. И когда все необходимое будет сделано — к расправе над евреями, сербами, цыганами, коммунистами и прочими можно будет наконец приступить!»

Судя по всему, тем самым каноником (старшим священником), участвовавшим в выборе места для будущего лагеря Слана, был Йосип Фелицинович. Другими участниками собрания были: Мийо Бабич, Мийо Бзик, инженер Миливой Сажунич, архитектор Драго Хорнунг, Иван Пивац, начальник общины Паг Юрий Црленко, представитель усташской власти городка Сеня Славо Томленович, отлично знающий остров Паг студент-медик Ловро Зубович.

Лагерь Слана был поделен на две части: еврейскую и сербскую. Между ними, на небольшой возвышенности, усташа расчистили площадку, на которой иногда играли друг с другом в футбол. На всех окружавших лагерь возвышенностях было установлено 13 сторожевых вышек.

Еврейская часть лагеря занимала площадь примерно 150x200 метров. Тут были построены три деревянных барака для пленных. Территория была огорожена одним рядом колючей проволоки. Еврейский лагерь одновременно содержал от 600 до 1000 людей.

Сербская часть лагеря располагалась южнее и занимала куда большее пространство. Там было два ряда бараков — в одном ряду четыре барака, в другом шесть. В отличие от еврейского, сербский лагерь был обнесен

тремя рядами колючей проволоки. Помимо сербов, тут были также и хорваты-коммунисты. Сербский лагерь имел два входа, один напротив другого, высотой 3 и шириной 2,5 метра. Здесь могло разместиться до 5 тысяч людей, но бараки вмещали только 180 человек — остальные проводили дни и ночи под открытым небом.

Над бухтой Сушац был построен барак для командования лагеря. Комендантом лагеря был Мийо Бабич, его заместителем — Иван Пивац. Всего в лагерной службе Сланы было 130–180 усташей, Метайны — около сотни.

Отто Радан, Златко Вайлер: «10 июля сильная буря снесла барак, который построили первые пленные на Паге. Под развалинами нашли троих погибших и 18 тяжелораненных. Вайлер сообщает, что уже на следующий день их поместили на судно, сообщив, что отвезут их в больницу. Но вскоре всем стало известно, что всех раненых побросали за борт где-то посередине Пажского канала. Спустя всего несколько дней командование лагеря Слана объявило о наборе 60 самых крепких и физически сильных заключенных для работы на солеварне. Число желающих существенно превысило шесть десятков, так как люди надеялись на лучшее питание и условия жизни при работе там. В итоге было выбрано 64 пленника, в том числе — футбольная команда общества „Маккаби“ практически в полном составе. Все они были убиты в августе того же года».

Златко Вайлер: «В еврейском лагере было несколько беженцев из Австрии, в числе прочих — легкоатлет Кляйн и лучший бегун Югославии на дистанции 400 метров Кайзер. Они попытались бежать в начале августа, прыгнув ночью в море, надеясь доплыть до Карлобага. Но им не повезло: Кляйн утонул, а Кайзера схватили усташы и вернули в лагерь, жестоко избивая его палками. Они привязали его к столбу и оставили его на целый день под жарким августовским солнцем, без

воды и пищи. Храбрец выдержал этот день. На следующий день в Слану прибыл Векослав Лубурич с группой усташских офицеров, построил всех пленных и сделал заявление перед строем. По его словам, такая же судьба ожидает всякого, кто попытается бежать.

Кайзера отвязали и приказали ему босым идти до стены, перед которой проходили расстрелы — до нее было около сотни метров. То, как Кайзер проделал этот путь, наполнило всех нас невыразимой гордостью. Без единого выражения страха он шел, ступая окровавленными ногами по острым камням. Когда его развернули лицом к нам, он без слов простился со всеми нами».

Эмерик Блум о лагере Слана: «Когда мы прибыли на остров, нас привели в лагерь для православных — большая бухта с более чем тысячей людей и несколькими пулеметными точками. Люди лежали прямо на камнях. Кто-то подошел и сказал, что евреев надо отделить от остальных. Нас отвели в еврейский лагерь, который по сравнению с сербским выглядел настоящим Эльдорадо: тут выдавали питание, место для ночлега... По сравнению с еврейским лагерем православный был настоящим адом».

Причина, по которой еврейская часть лагеря столь сильно отличалась от сербской, очень проста. Еврейская община Загреба выплачивала усташам регулярные платежи, которые шли на содержание евреев в лагере Слана. Платить же за сербов, как правило, было некому.

Златко Вайлер — о распорядке дня в лагере Слана: «Подъем в 5 утра, завтрак, в 6 утра — выход на работу, в 12 часов обед и отдых до 14 часов, затем снова работа до 18 часов. Отбой — в 21 час. Завтрак — липовый чай, обед — картофельный суп без масла и соли, ужин — то же самое».

В эти же дни, что и лагерь Слана, на Паге был организован и женский лагерь. Он находился в глубине Паж-

ской бухты, примерно в 3 км к северо-западу от Сланы, в селе Метайна, по которому и получил название. Он представлял собой два дома, в которых были заключены сербки и еврейки с детьми. Управляющим лагеря был Макс Очич из Загреба, командиром — Вентура Баляк из пригорода Задара.

Первыми пленницами Метайны стали четыре еврейки, которые еще в Загребе не захотели покинуть своих арестованных мужей и думали, что и в заточении они останутся вместе. Но их ждало разочарование: сразу же по прибытии на Паг их отделили и направили в предназначенный для них женский лагерь. В тот же день в Метайну были направлены 44 сербки, но им не суждено было ступить на остров: еще на пути к нему они были убиты и сброшены в море.

Пленниц, перевозимых на Паг, вообще часто мучили и убивали еще на пути к острову, на борту перевозившего их судна. Шиме Маржич, капитан одного из таких судов, свидетельствует: «В первый подобный рейс я взял на борт 300 женщин с детьми, приведенных из Лики. Все они были православной веры. Чтобы можно было за один рейс перевезти как можно больше пленных, усташи били их и сколачивали ударами весел в плотную толпу... Они насиловали женщин и девушек, а потом штыками распарывали их от половых органов до шеи».

Радомир Видас, домобран: «Я ехал домой, в Новалью на острове Паг. В Госпиче я вынужден был попроситься к устахам в грузовик, которым они собирались перевезти пленных, поскольку больше мне ехать к морю было не на чем.

Забравшись в грузовик, я увидел там женщин с детьми, а также несколько бледных стариков. Матери плакали над детьми. Люди были набиты так плотно, что никто не мог не то что сидеть, но даже нормально стоять.

Всю дорогу до Карлобага я в итоге простоял на одной ноге, держась руками за борт грузовика.

Женщин с детьми было около восьмидесяти. Всю дорогу они плакали. Некоторые от усталости теряли сознание. Когда мы увидели на горизонте море и Паг, женщины стали спрашивать меня, что же с ними будет. Я думал, что их везут всего лишь на принудительные работы, например, строительство дорог, о чем им и сказал.

На берегу я попросил усташей взять меня на судно, которое должно было перевезти и пленных. Матросы сказали мне, что это разрешение может выдать только один офицер. Я поспешил к нему и повторил просьбу. Он ответил отказом, бросив на меня столь резкий взгляд, что мне стало не по себе. Когда я возвращался обратно, я увидел, что усташа уже начали издеваться над пленными; вероятно, поэтому никого из посторонних и не брали на борт — чтобы никто не видел этих ужасающих зверств. Беглого взгляда на то, что творилось на судне, мне было достаточно, чтобы понять: то, куда повезут этих женщин и детей — это не лагерь, это зверство, ужасы и уничтожение. Найдя свободную шлюпку и заплатив матросу, я перебрался на Паг».

Иван Лончарич: «...Иногда пленным вешали камни на шею и сбрасывали в море — когда мертвых, когда полуживых от мучений, а когда и живых».

Усташа регулярно насиловали пленниц — по словам очевидца Юрия Персена, дом доктора Триплата, один из двух зданий лагеря, использовался усташами как своеобразный вариант публичного дома. Кроме того, их унижали самыми разными способами — избивали, бросали в них камни, оскорбляли. Заместитель коменданта Сланы Иван Пивац отводил их мыться на побережье, при этом пленницы обязаны были раздеваться догола. На обратном пути Пивац выбирал самых, на его взгляд, привлекательных и насиловал их вместе с другими усташа-

ми. Разумеется, эти «избранницы» не получали никаких привилегий — их так же, как и прочих, рано или поздно отводили к местечку Фурнажа на ликвидацию.

Но ни изнасилования, ни побои не были самым страшным из того, что ожидало сербских и еврейских узниц Метайны. Нередко усташи, среди которых были и психически неуравновешенные личности, настоящие садисты и душегубы, по несколько дней не давали пленницам ни еды, ни питья. Их подвергали самым извращенным и жестоким пыткам, какие только можно вообразить. Им отрезали груди, вспарывали животы и еще живыми сбрасывали в ямы. Смерть от удара ножа, быстрая и милосердная, считалась среди пленниц большой удачей.

Нада Фойерайзен, пленница Метайны, сообщала, что хлеба узницы женского лагеря не получали совсем — только раз в день несколько зерен вареной фасоли. «Была нехватка воды. В единственном небольшом источнике вода постоянно смешивалась с морской. Такие условия вызвали вспышку дизентерии».

Узницы Метайны могли покупать еду у сторожей по завышенным ценам.

Ниже приводим ряд отрывков из уже упомянутой книги Анте Земляра «Харон и судьбы». О судьбах людей там действительно написано очень много...

«В нашем приморском говоре «сланой» обычно называют любые бухты, заливы или лагуны, богатые морской солью — или она откладывалась там со временем, или же сухие и бурные ветра, многократно накатывая и уходя, оставляли за собой соляную корку. Паг известен и солью, и бурями, и солнцем. Он борется за звание самого солнечного острова Адриатики — не менее известны и его соляные богатства. Солеварни на южной части острова возводили еще первые его поселенцы много веков назад.

Но слово это имеет не только общее значение. Есть на острове бухта, известная своими бурями и ветрами, каждый из которых набрасывает на берега белые рубашки соли. С давних пор эта бухта получила название Слана.

В самую сердцевину острова Паг врезается длинная бухта — вход в нее на северо-востоке, из Горного канала, через «Пажские двери» меж двумя мысами: св. Николы и св. Христофора (оба этих святых, по христианским канонам, оберегают путешественников, а особенно — моряков, и помогают им, если к ним обратиться). Те самые горы, которые были очернены злодейством, начинаются вдоль этой бухты, имя которой — Слана, и тянутся до самого края мыса святого Христофора, до маленькой церквушки, названной в честь святого. Длина этого горного массива, врезающегося в Горный канал — около трех километров. Весь этот массив — одна целая могила, целое массовое захоронение, исследованное лишь отчасти. Время не пощадило его, и с каждым годом все меньше остается возможностей доказать факт страшных злодеяний, творившихся тут...

В летние месяцы этот уголок острова привлекает своей чистотой, оторванностью от внешнего мира с его шумом и испорченной экологией, большим количеством пляжей, чередующихся со скалами и пещерами. Но во время бурь эти места становятся ареной борьбы каменных стен со страшными ударами просоленного воздуха, срывающихся с вершин Велебита. Каменный известняк стен под этими ударами дробится на куски, каждый из которых словно вылезает из другого такого же. Редкие и малые участки почвы обычно становятся единственным источником пресной воды в этих краях. В некоторых местах вода пробивается на поверхность. Один из таких источников особенно богат. Его название — Малин — возможно, говорит о том, что когда-то

источник был еще богаче, и люди пытались построить тут мельницу.

Малин расположен на полпути от Сланы до маяка на мысе св. Христофора. Над ним возвышается горный хребет, который далее продолжается неровной возвышенностью — эта часть острова называется Фурнажа, или Форнажа (а ее северо-восточная часть, с края которой виден Карлобаг, известна как Карлобагская Фурнажа). Названия всем местам и уголкам острова дают сами же местные жители — а так как в этих краях редко бывают люди (разве что забредет пастух в поисках потерявшейся овцы, или рыбака занесет сюда какая-нибудь особая, не повседневная нужда), то никто особо и не нуждается в точных названиях того или иного места.

Вспоминается мне в чередке тех безрадостных дней один, особый день. С него началось, пожалуй, всеобщее разоблачение усташской власти — по крайней мере, на нашем родном острове. Дело было так: Орен Ружич и я в очередной раз пробрались в здание Общинного суда и занимались привычным уже делом: печатали на машинке антиусташские листовки. Стоит отметить, что совсем рядом со зданием суда находился итальянский штаб, карабинерская и усташская жандармерии. Точнее, они располагались прямо через дорогу — там, где сейчас находится гостиница «Смоква». Итак, мы набрасывали примерный текст для будущих листовок — в нем мы говорили о том, какой позор и какие ужасные злодеяния творятся на Паге, на Слане. Этот текст, описывавший ужасы, которым мы были свидетелями, должен был занять все пространство листовки.

Стоит напомнить, что это происходило в то время, когда никто и подумать не мог об организации вооруженного сопротивления усташским властям.

Шли послеполуденные часы, и мы с некоторой лентой выстукивали клавишами пишущей машинки. И в какой-то момент мы услышали, как кто-то вошел в здание и начал быстро подниматься по ступенькам лестницы. По тому, как громко и звонко откликались ступени, было очевидно, что человек обут в солдатские башмаки. Я едва успел вырвать из машинки лист бумаги, сгрести все подряд со стола и затолкать себе под рубашку, как в комнату вошел один из пажских усташей. Без каких-либо раздумий и сомнений он подошел прямо к нашему столу. Право же, он не терял времени даром: задавая нам вопросы о том, кто мы и что тут делаем, он одновременно бегло пролистал все оставшиеся на столе бумаги и (зачем-то два раза подряд) перелопатил все в корзине для бумаг.

Отмечу, что мы не растерялись: спокойно, словно говоря чистую правду, сказали ему, что готовимся продолжить учебу в школе и должны послать телеграмму в Загреб — дабы нам сказали, когда и в какую школу мы сможем вернуться. Ну а чтобы напечатать ее без опшибок — вот и пришли сюда потренироваться...

Разумеется, усташ поверил нам не сразу. Он еще раз перебрал все, что лежало в корзине для бумаг, после чего резко развернулся и вышел из комнаты. Ему не суждено было узнать, что все то время, пока он осматривал стол, рука Ружича держала в кармане пистолет — мы заранее условились, что выстрелим в усташа, если он все-таки найдет листовку.

Спасло же нас, как мы поняли уже много позже, то, что сообщивший о наших делах шпион из ближайшей деревни оказался слишком нетерпелив. Он следил за нами — и как только мы вошли в здание суда, он сразу же кинулся доложить об этом усташам. Если бы он проявил чуть большую хитрость и выждал, пока мы не увлечемся работой и потеряем бдительность — плохо пришлось бы и усташу, и, скорее всего, нам самим!

Еще вспоминается мне (и легко описывается) случай, когда мы с друзьями поставили мемориал жертвам Сланы прямо под носом у усташей. Все, что было на городском кладбище — простые кресты. Я же предложил товарищам возложить к одному из них венок. План мой приняли на удивление быстро, и так же быстро дополнили его. Мы собирались сделать венок из терновых ветвей, посеребрить его, и с двух сторон привязать к венку две двухметровые черные ленты. На лентах, по нашему замыслу, должно было быть написано позолоченными буквами:

«Жертвам Сланы»

Сколь просто казалось придумать план, столь сложным получилось его осуществление на деле. Только один человек продавал черные ленты — но мы надеялись, что он будет молчать в случае допроса, так как он никогда не был замечен в симпатиях к усташам. Главная трудность, порой казавшаяся и вовсе неразрешимой — венок можно было возложить тайно лишь перед самым наступлением комендантского часа — ни раньше, ни позже. А это значило, что всего за несколько минут до комендантского часа мы должны были нарочито открыто прогуляться по берегу — с тем, чтобы нас заметило как можно больше народу. Надежда была на то, что нас увидят часто гуляющие там итальянские офицеры, которые хорошо нас знали, да и усташа со своими приспешниками — они-то знали нас еще лучше. Показавшись им на глаза, следовало, опять-таки нарочито степенно, не спеша, уйти с побережья, как можно быстрее перетащить заранее спрятанный венок к кресту, привязать его вместе с лентами и всего за пару минут успеть вернуться на побережье — чтобы у гуляющих там создалось впечатление, будто мы никуда оттуда и не уходили. Мы были бы настоящими глупцами, если бы сначала несколько

раз не совершили пробные попытки (разумеется, без венка).

Венок мы оставили в доме Йосипа Панчоки, на южном побережье городка. Известно, что удача — друг храбрцев. Повезло и нам: мы смогли пронести венок по улицам так, что нас никто не заметил (это позже подтвердит и усташская полиция!) Это еще более удивительно потому, что на наших улочках было крайне затруднительно что-либо скрыть от любопытных глаз.

...На следующее утро, как мы и рассчитывали, в городке поднялся переполох. Естественно, весть облетела городок со скоростью молнии, и теперь все подряд спешили к кресту: жители — удостовериться в том, что слухи правдивы, а усташаи — чтобы немедленно уничтожить все следы возмутительного нарушения порядка.

Важно пояснить вот что: хоть усташаи и были теми, кем являлись, но это были наши, островные усташаи, росшие и воспитывавшиеся по нашим обычаям. Не так-то просто было им заставить себя снять венок. Снять венок, посвященный мертвым, считалось у нас кощунством и бесчестием. Но долг службы все же взял верх — после продолжительных и жарких споров около 11 часов утра было принято решение снять венок с креста. Разумеется, я был на месте событий, более того — чинил усташам всяческие препятствия к выполнению их цели. Я постоянно обращался к ним и горячо убеждал, что они поступают неправильно, что, скорее всего, родственники умерших где-то здесь... Использовал я и один из последних аргументов — спросил их, что бы они чувствовали, если бы кто-то другой у них на глазах сорвал венки с могил их родных.

Впрочем, я знал, что венок снимут, и хотел лишь продлить его нахождение на кресте хотя бы на час. Дело в том, что сюда, на остров, прибыла из Осиека какая-то женщина с фотоаппаратом (разумеется, любой из наших

пажских жителей о фотоаппарате мог только мечтать). И нужно было дождаться, когда солнце чуть уйдет в сторону, чтобы можно было сделать снимок. В самый последний момент она сфотографировала мемориал, но снимок вышел плохо.

Будущее венка, да и всей этой истории, оказалось прелюбопытным. Усташи отнесли его в окружной штаб на дальнейшее изучение, но так и не раскрыли нас! Тогдашний начальник округа симпатизировал нам! Он же и хранил у себя этот венок вплоть до капитуляции Италии — после чего во всеобщей суете венок оказался попросту потерян...

Что же касается нашей операции по созданию такого нехитрого (и в то же время, возможно, первого в Югославии!) мемориала жертвам усташского режима — память о ней, как ни парадоксально, сохранили... сами же усташи. Недавно, копаясь в архивах, я наткнулся на запись, заставившую взволнованно забиться сердце и вспомнить годы своей молодости:

«Третьего ноября на кладбище Пага был обнаружен терновый венок, повешенный на один из крестов, выкрашенный в серебряный цвет, с длинной черной лентой, на которой была надпись „Жертвам Сланы“. Представители округа, по договоренности с итальянскими властями, проводят расследование с целью установления сделавших это лиц, но до сих пор безуспешно».

В поисках новой информации, не теряя надежды, что и спустя много лет мне удастся что-либо найти, я через писателя Мариана Матковича (ныне покойного) познакомился с весьма импозантным пожилым человеком — именно таким он показался мне при первой встрече. В своей скромной загребской квартире меня принял юрист, доктор Отто Радан — сейчас уже пенсионер. Человеку, который исследует события, связанные с лагерем

Слана и погружается в его ужасы, в какой-то момент очень удивится, встретив столь уравновешенного и скромного собеседника. Собеседника, который способен о всем том, через что ему пришлось пройти, рассказывать спокойно и даже как-то академично. Слушая Отто Радана, трудно поверить в то, что этот человек прошел лагерь Слану с самого его основания и до одного из последних дней!

Прежде чем я перейду к рассказам самого доктора Радана, хотелось бы вкратце познакомить читателя с биографией этого удивительного человека. Родился он в Вене 4 октября 1904 года, но вскоре семья мальчика переехала в Загреб, где он и получил образование: сначала гимназию, а потом — юридический факультет. Усташи арестовали его 21 июня 1941 года — как члена Союза банкиров и страховщиков; 24 июня он попал на Слану, где и пробыл вплоть до конца августа. Вскоре после этого его вернули в Загреб, в конце года перебросили в Сплит и передали итальянским союзникам. Те, в свою очередь, определили Отто Радана в группу пленных евреев (среди которых были его мать и тетка). Группу направили в Италию, в коммуну Калестано. Там Радану удалось расселить мать и тетку по конспиративным партизанским квартирам, а сам он присоединился к отряду итальянских партизан. Позже ему удалось покинуть Италию и попасть сначала на остров Вис, где он присоединился к Двдцатой народно-освободительной дивизии и прошел в ее рядах Сплит, Шибеник, Макарску, Меткович, Дубровник... Ему посчастливилось стать одним из первых вернувшихся в освобожденный Загреб.

Предлагаю теперь послушать рассказ этого удивительного человека.

Доктор Радан: «Усташи арестовали меня в субботу, 21 июня 1941 года в Загребе. Вместе со мной были арестованы еще 60—70 евреев, которые были членами наше-

го загребского товарищества банкиров, торговцев, страховщиков и прочих предпринимателей. Стоит сказать, что это наше товарищество в политическом смысле было весьма «левого» характера. Нас поместили в здание Загребской ярмарки — оно было в черте города, а совсем рядом пролегал железная дорога, по которой на ярмарку доставляли товары.

Среди нас были и женщины, еврейки. Когда их увидел пришедший к нам какой-то усташский офицер, он приказал всех их отпустить. Но четыре молодые женщины не захотели расставаться со своими мужьями и попросили офицера разрешить поехать вместе с нами. Офицер не стал возражать, и в воскресенье, во второй половине дня, мы выехали из Загреба в сторону Лики.

Еще до того, как поезд тронулся, мы сидели в вагонах и слушали, как на улице окликают друг друга немецкие солдаты. Это был день, когда Германия напала на Советский Союз. Они поздравляли друг друга с началом победоносной (как они были тогда уверены) восточной кампании. Их поздравляли и усташа, чаще всего слышались возгласы такого содержания: «Против коммунизма!», «Смерть Сталину!», «Смерть евреям!» и тому подобные.

На следующий день мы прибыли в Госпич.

Здание, куда нас поместили в Госпиче, не было никак подготовлено к нашему появлению. По поведению окружавших нас усташей было совершенно ясно, что и для них наше присутствие здесь стало серьезной проблемой. Казалось, никто не знал, зачем мы здесь, почему мы здесь, и главное — что же теперь с нами делать.

Впрочем, неопределенность промучила нас недолго. Уже на следующее утро к нам заявился какой-то высокий чин и сразу же приказал местным усташам разбить нас на две группы: одна отправлялась в лагерь Ядовно, вторая — на Слану. Первую группу рассадили по грузовикам

и увезли; второй же группе (в которую попал и я) предстояло идти пешком...

Нас построили в длинную колонну по двое, связали проволокой, а для пушей надежности привязали еще и к цепи, протянутой вдоль колонны от ее головы к хвосту. В таком походном порядке мы и отправились пешком в сторону Карлобага. Наш путь пролегал по старой дороге, по горному массиву Велебит. Длина дороги была около сорока километров. И спереди, и сзади нас подгоняли вооруженные усташи. Некоторые из них были совсем еще юнцами, только что мобилизованными молодыми крестьянами. Они еще не слишком-то умели обращаться с винтовкой — но уже знали, как направлять ее на арестованного по команде начальства, знали, как отбирать у людей вещи и как насиловать девушек. Мой приятель Эрнст Брайнер, бывший в нашей группе пленных, рассказал мне позднее, как на одном из перевалов в горах Велебита усташи прямо на его глазах насиловали его шестнадцатилетнюю дочь.

Наша группа пленных — тридцать человек, отобранных в лагерь Слана — переходила горы Велебита практически без отдыха. Короткие остановки делались только тогда, когда уставали наши конвоиры. Нас терзала ужасная жажда. Помню, на одной из остановок была вода. Нам не дали ни капли. Более того, нам не выносили попить даже местные жители, мимо домов которых мы проходили. В Карлобаг мы прибыли уже полумертвыми от жажды и усталости. Здесь усташи организовали нечто вроде демонстрации, направленной против нас. Они выкрикивали нам в лицо ужасные ругательства, называли нас грабителями, поработителями, врагами хорватского народа, убийцами и предателями... То и дело мы слышали их возгласы в честь Анте Павелича и независимого государства, в нашу же сторону сыпались проклятия и угрозы.

Затем нас разместили на палубе небольшой требаки — двухмачтового грузового парусника — и отплыли по направлению к Пагу. С каждой минутой мы все отчетливей видели, в каких суровых условиях нам придется жить — перед нашими глазами медленно вырастали, поднимаясь в небо, голые, безжизненно-белые каменные стены.

Двадцать четвертого июня мы вошли в воды бухты Слана. Мы высадились на берег — тридцать человек, все молодые — никто из нас не был старше 25 лет.

Мы были первыми пленными на Паге. Когда мы осмотрелись после высадки, мы обнаружили, что вокруг нет ни единой постройки, ничего, что было бы создано человеком. Мы оказались в абсолютно голой, безлюдной местности. Нас опять построили, после чего к нам вышел офицер и сообщил, что зовут его Иван Девчич-Пивац и что он комендант новосозданного концентрационного лагеря. Без обиняков он заявил, что за любое непослушание, сопротивление или попытку побега провинившегося ждет смерть. Усташское командование установило на всех возвышенностях сторожевые посты с ружьями и пулеметами. Первые дни мы спали под открытым небом, так как, повторюсь, местность была абсолютно дикая и нетронутая. Пятнадцать дней ушло у нас на то, чтобы построить барак для ночлега. Мы собрали солому и застелили ею пол — собственно, на нем мы и спали. Но пользоваться этими «удобствами» нам пришлось недолго — первая же летняя буря почти полностью разрушила барак и унесла всю солому. Пришлось строить новый барак по-другому — просто положив крышу на стены из каменных плит. Именно этот новый барак виден на сохранившейся фотографии лагеря. Но в нем я не спал — все оставшиеся ночевки я проводил под открытым небом.

У усташей не было своих бараков. Где они спали, я и понятия не имею. Они, помнится, ходили в сторону

порта — возможно, они ночевали на каком-нибудь судне. Знаю, что комендант лагеря изредка появлялся в помещении для караульных — изначально его не было, эту караулку мы построили позже. Была зато у усташей настоящая роскошь — кухня! Стоит ли говорить, что ее построили мы, пленные — так же, как и все прочее в этом месте. В газетах писали, мол, и у пленных была своя кухня. Все, что у нас было — два камня, на которые ставили котел: какая же это «кухня»?!

Насколько нам было известно, решение об обустройстве в этом месте концентрационного лагеря принимал лично Дидо Кватерник. Знали мы также, что он посещал лагерь во время нашего пребывания на Слане. Даже дни его прибытия не были для нас секретом — особенно в первые дни, когда большинство стоявших на страже усташей были теми самими неоперившимися юнцами из числа крестьян, зачастую даже не знавшие грамоты. Они обходились с нами доверительно, а обмануть их не составляло труда. По тем скупым фразам, которыми они обменивались в нашем присутствии, мы понимали многое. Но самого Кватерника нам увидеть не удалось — что и неудивительно, поскольку днем мы обычно были далеко от лагеря — или перетаскивали камни, или пробивали дорогу к селу Метайна.

Сообщение с материком было регулярным. Прежде всего им пользовались усташы, несшие сторожевые вахты: отработавшая смена отплывала на материк, а в обратном направлении прибывала новая смена сторожей. Знал я и то, что некоторые суда отплывали в направлении села Метайна. Зачем — не знаю...

Что касается женщин — у нас их не было. После того, как я покинул Слану, лагерь просуществовал каких-то пять-десять дней. Возможно, в эти дни туда привозили и женщин. Но все то время, что я пребывал на Слане, ни

в нашем еврейском, ни в сербском лагерях не было ни женщин, ни детей.

В нашей компании были братья Армут, вероятно, они имели хорошее техническое образование. Усташи ставили их управляющими на всех строительных работах: будь то постройка караулок, служебных помещений или прокладка дороги. Им позволили набрать рабочую группу, которая и выполняла все работы под их непосредственным руководством. Почти все люди из этой группы остались в живых и были затем направлены в Ясеновац. Там они продолжали работать, их ценили как специалистов, и только в последние дни существования Ясеновца они были уничтожены вместе с остальными пленными. Из всей этой группы только Бергеру удалось спастись: он участвовал в прорыве 22 апреля 1945 года. Ему удалось выжить и вернуться в Загреб.

Я принимал участие во всех видах работ. С прибывавших в бухту Слана грузовых судов я переносил тюки сена, которые весили более шестидесяти килограммов. Позже я вместе с другими переносил доски, столбы, многочисленные мотки колючей проволоки... Проволока уже была в употреблении: почти все мотки были ржавые. Носили мы и провизию, например, мешки с макаронами. Их иногда давали нам. Мяса мы не видели никогда. Из-за плохого питания и чрезмерных нагрузок мы очень быстро слабели, худели. Я, например, похудел на пятнадцать килограммов. Мучимые голодом и ужасной жаждой, мы работали под лучами палящего солнца — зачастую без каких-либо инструментов. Например, все работы с камнем — перетаскивание, укладка — мы выполняли голыми руками. Стоит добавить, что любая задержка или непослушание каралась немедленной смертью. Впрочем, убивали нас и без какой-либо причины — и я ни разу не видел, чтобы совершившего убийство усташа наказывало начальство. Напротив, это считалось нормой.

О нашем рационе скажу отдельно. Как только мы прибыли на Слану, каждый из нас положил в общий склад продуктов все то, что ему удалось сохранить за время пешего перехода до Карлобага. Почти каждый из нас имел с собой немного сухого мяса. Нашим поваром мы единогласно избрали еврея по фамилии Кляйн, который до войны работал поваром в одном из престижнейших загребских отелей. Если добавить к сказанному и то, что по прибытии на Слану мы еще не были истощены и измучены — станет понятно, что первые несколько дней в лагере мы провели довольно сносно. Но по мере того, как таяли наши запасы, таяли и наши силы. Мы получали от усташей порцию макарон, и какое-то время ее хватало. Но когда на Слану прибыла новая группа пленных, наш макаронный паек почти не увеличился. Мы варили макароны в солдатском котле под открытым небом. В конце концов дошло до того, что наш «обед» представлял собой котел с кипятком, в котором кое-где сиротливо плавали остатки разваренных макарон. Тем из нас, кто страдал от голода сильнее прочих, наш повар позволял выскрести котел до дна — это считалось настоящей удачей. Как я уже говорил, мы никогда не видели ни мяса, ни масла. Вместо хлеба усташа давали нам кукурузные лепешки. В первые дни на Слане мы делили эти лепешки на восемь частей, затем, когда стали прибывать новые пленные — на десять, а потом и на двенадцать частей. Как мы вынесли все это — не знаю.

Тяжелее всего было переносить голод в первые дни — когда к нему еще не привык. Немного облегчало жизнь то, что какое-то время нам позволяли получать пакеты и посылки с материка — как лично, так и коллективно. Так, однажды нам прислали посылку с лимонами. На каждого из нас пришлось по половинке лимона. Мы ели их вместе с кожурой. Больше мы таких посылок не получали.

Однажды я лично получил пакет с провизией. Но усташа забрали себе большую часть его содержимого. Я нашел в пакете лишь кукурузную лепешку да банку консервов.

В наш первый вечер на Слане усташа отправили двоих за водой. Одним из этих двух был и я. Мы прошли около полутора километров на юг от лагеря. Тут находился прекрасный источник чистой воды. Воду мы носили в канистрах. Еще дважды мы приходили сюда за водой, но затем это стало невозможным — усташа начали стирать тут белье. С тех пор нашим единственным источником воды стали грунтовые воды на пляже Сланы. Прокопав землю практически в любом месте, можно было добраться до воды. Но устроить здесь постоянный колодец было невозможно — воды было слишком мало. К тому же вода была соленой, и жажду утоляла очень слабо. На водопой сюда нас приводили целой колонной — и мы пили, потому что больше пить было нечего. Положение наше ухудшалось тем, что и в этих соленых источниках усташа тоже стирали белье, и в такие дни вода была грязной и мутной. Нам запрещали ждать, пока грязь стечет и вода очистится — или ты пьешь сейчас воду такую, какая есть, или уступаешь место другим и продолжаешь страдать от ужасной жажды».

На мой вопрос, могли ли пленные установить контакт с местными жителями, доктор Радан ответил отрицательно. «Один или два раза, в первые дни пребывания в лагере, на пляж возле нас выходили рыбаки. Были ли они из города Паг или из Метайны — не знаю. Они вытаскивали сеть с рыбой на берег. Один из нас сумел незамеченным прокрасться к ним и шепнул им, чтобы они оставили нам хотя бы пару рыбин. Рыбаки ничего ему не ответили, забрали сеть и рыбу, развернулись и ушли».

«Первое время мы много думали о нашем положении, обсуждали наше будущее, возможность побега. Но день проходил за днем, а ничего не менялось к лучшему, выхода не было видно. И спустя какое-то время разговоры о нашем положении, о нашем будущем прекратились. Мы стали безразличными ко всему, кроме одного — сколько еще осталось нас живых и относительно работоспособных».

«Для лучшей организации работ усташа выбирали тех из нас, кто был готов добровольно сотрудничать с ними. Сколотив из таких людей группу, усташа переложили на них часть своих обязанностей. Теперь все их приказы передавались нам через этих «коллорабационистов», которые также стали выполнять функции прорабов, управляющих, надсмотрщиков и так далее. Я помню, что самыми первыми коллорабационистами стали двое — Диаманштайн и Пайташ.

Что касается Диаманштайна, помню его еще на пути к Карлобагу. Он вел себя мужественно, перенося терпеливо невзгоды пути. Возможно, он думал, что его сотрудничество с новой властью поможет ему не только спастись самому, но и спасти еще кого-то из нас.

В первый же наш день на Слане, когда комендант Девчич-Пивац закончил свое обращение к нам, он приветствовал нас усташским «За дом!» Никто из нас, разумеется, не ответил ему. Это привело Пиваца в бешенство — он начал кричать на нас, оскорблять и грозить страшными мучениями. Только один из нас нашел в себе силы ответить ему. Это был Диаманштайн. Он сказал: «Господин усташ, ваши власти запрещают нам, евреям, произносить усташское приветствие. Мы — низшая раса». Пивац остолбенел; такой ответ явно ввел его в замешательство. Помолчав немного, он пробормотал: «Вот как! Хорошо, хорошо, я узнаю, откуда пошел этот запрет». С того самого момента усташа более не обраща-

лись к нам непосредственно — только через Диаманштайна, а позднее — и через Пайташа. Их полномочия со временем расширились настолько, что они могли выбирать, кого из нас подвергать наказанию или даже расстрелу. Само собой разумеется, что оба коллаборациониста больше не делили с нами скудный лагерный паек — они ели из одного котла с усташами.

Как и другие коллаборационисты, которых я видел, Диаманштайн менялся со временем. На первых порах он, в самом деле, старался использовать свои возможности во благо простым заключенным. Так, я уже говорил о том, как он дал отпор Пивацу перед строем. Потом, когда ему доверили отбор тех, кого следовало пытаться или ликвидировать, он также пытался нас защитить. Например, когда Диаманштайну сказали отобрать группу пленных для массового расстрела, он отобрал стариков, ослабших и больных людей. И это было гуманно: в условиях Сланы они бы так или иначе умерли первыми. Отбирая их, Диаманштайн спасал жизни молодых и здоровых пленных — тех, кто еще мог бы дожить до освобождения. Но время шло, и, похоже, он начал входить во вкус власти — он становился все более и более похожим на своих непосредственных начальников. Все то человеческое, что было в нем изначально, постепенно покидало его. И я видел других — таких же коллаборационистов, как он. Нередко сотрудничать с усташами соглашались те, кто хуже остальных выносили голод и жажду — ради лишнего куса хлеба из усташского котла многие теряли себя, теряли человечность.

К слову, и Диаманштайна, и Пайташа ждал воистину ужасный конец. Хотя предвидеть его было бы крайне сложно: ведь в среде лагерного начальства они ценились. Началось все с того, что их обоих вместе с группой пленных перебросили в новосозданный лагерь Ясеновац. Собственно говоря, они стали первыми узниками Ясе-

новца. Диаманштайн и Пайташ руководили этой группой пленных, которая состояла в основном из хороших, знающих свое дело ремесленников. Именно благодаря этому все члены группы дожили до последних дней существования Ясеновца: ремесленники в лагерной среде считались одной из высших каст, они ценились усташами и в целом их жизнь была гораздо более терпимой, нежели у простых пленников.

Но судьба обоих коллаборационистов сложилась иначе. В Ясеновце они сохранили все свои привилегии: они могли не только свободно перемещаться по территории лагеря, но даже и выходить за его пределы. Так, нередко они ездили в Загреб по требованию лагерного начальства — например, когда им требовалось что-нибудь купить. И вот однажды Диаманштайн и Пайташ получили приказ: отвезти в Загреб и передать нужному человеку особый чемодан. В том чемодане были собраны все драгоценности и золото, которое удавалось найти у пленных (в том числе и выданные или заживо, или уже у трупов золотые и серебряные зубы). Эти двое сели в поезд до Загреба, поставив чемодан на багажную полку. В какой-то момент поезд дернулся, чемодан упал с полки и раскрылся, его содержимое рассыпалось по полу. А надо сказать, что в купе, помимо них двоих, был еще неизвестный им усташский офицер. Он немедленно вызвал полицию. Полицейские (естественно, из числа усташей) схватили их и заставили рассказать, кто и с какой целью отправил их с этим чемоданом. К несчастью коллаборационистов, у них не было ни записки, ни какого-либо иного письменного подтверждения их слов. Полицейские конфисковали чемодан, а Диаманштайна и Пайташа отдали в руки усташей-бандитов, работавших ранее на скотобойне. Они начали вырезать у них из тел куски мяса, один за другим, пока те не умерли в ужасных мучениях».

К сожалению, доктор Радан не запомнил имен тех усташей, которые несли на Паге сторожевую службу. Зато он запомнил тот факт, что в разные периоды времени состав стражи менялся. «Сначала у нас были из региона Лика — тех еще можно было терпеть. Один из них, столляр по профессии, даже помогал нам возводить наш первый барак — тот самый, который затем уничтожила буря. Разумеется, он отдавал нам приказы, которые мы обязаны были выполнять — но при этом он не считал для себя зазорным и помогать нам в особо трудных ситуациях.

Потом пришли стражники из Далмации; их сменили загребчане — или из самого Загреба, или из окрестностей: их выдавал говор. Наше положение ухудшилось, репрессии и акты насилия становились все более частым явлением. Но хуже всех оказались пришедшие им на смену усташа из Боснии и Герцеговины — это были самые кровавые палачи, самые жестокие убийцы, каких я только видел. Вскоре после их прихода мы потеряли последнюю, и до того слабую надежду, что кто-то из нас останется жив».

О том, как чудовишно обращались с пленными на Паге, уже рассказано достаточно. Но и описанное выше — лишь часть богатейшего арсенала, применяемого к ним. Популярным было, например, физическое изнурение на принудительных работах. Хотя и женщин Метайны заставляли заниматься тяжелым физическим трудом, в большей степени от такого рода насилия страдали мужчины. Например, работавших на каменоломнях заставляли переносить на спинах мешки с камнями или бочки с водой, что и для полного сил физически крепкого человека — задача не из легких.

Некоторые виды пыток применялись в качестве «воспитательного» инструмента. Так, для сербов и евреев усташа изготавливали кровати из колючей проволоки, куда заставляли их ложиться при малейшем прегреше-

нии. Мало того, усташи затем прыгали по ним сверху, чтобы нанести пленным максимально тяжелые раны.

Способы уничтожения пленных были самыми разнообразными. Так, уже упомянутый студент-медик Ловро Зубович вводил пленным инъекции с ядом, «от которых ежедневно умирало по 300 человек и более» (Орен Ружич).

Также популярны были массовые расстрелы. Нередко людей, отобранных на ликвидацию, обманывали, чтобы избежать ненужного внимания или волнений со стороны других узников. Например, больных вызывали, якобы чтобы отвезти их в больницу. Людей спрашивали, не хотят ли они перевестись в другой лагерь, с лучшими условиями содержания. Обещали даже свободу. И люди сами выходили из лагеря и шли туда, куда им скажут, а все остальные пленные даже не обращали на них внимания — лишь завидовали их счастливой, как они думали, участи. На деле же всех пленных, кому обещали такого рода послабления, ждала лишь смерть. Их сажали на корабль, который отвозил их в бухту Сушац — там их высаживали на берег и пешим строем гнали на Фурнажу, где убивали ножами и сбрасывали трупы в ямы, которые сами же пленные ранее и выкопали. Некоторые пленные, даже зная, что все посулы усташей — обман, все равно сознательно шли на смерть, так как не могли больше выносить это чудовищное подобие жизни.

Слана и Метайна просуществовали до 19 августа 1941 года, когда последние их пленные были ликвидированы или переправлены в Ясеновац.

Джуро Затезало в своем труде «Ядовно — комплекс усташских лагерей 1941» писал: «Итальянские войска, высадившиеся на острове Паг, отправили на материк 250 узников лагеря Слана. Большинство из них составляли евреи, лишь некоторые из спасенных были сербами

и хорватами. Всех прочих пленных усташа успели ликвидировать».

Недалеко от пляжа Суха на острове Паг местные жители на свои собственные средства установили мраморную доску с надписью:

СЛАВА ЖЕРТВАМ ФАШИЗМА
В 1941 ГОДУ, В КОНЦЕ МАЯ
ЗДЕСЬ ОСНОВАН ЛАГЕРЬ СМЕРТИ
СЛАНА
ЗА НЕПОЛНЫЕ ТРИ МЕСЯЦА СТРАШНОГО СУ-
ЩЕСТВОВАНИЯ
ТЫСЯЧИ НЕВИННЫХ ЛЮДЕЙ — СЕРБОВ, ЕВРЕ-
ЕВ, ХОРВАТОВ И ПРОЧИХ —
НАШЛИ СМЕРТЬ В КОГТЯХ ФАШИСТСКИХ
ЗВЕРЕЙ
НА СУШЕ И НА МОРЕ
СМЕРТЬ ФАШИЗМУ —
СВОБОДА НАРОДУ!
В тридцатилетний юбилей победы над фашизмом
и освобождения страны
НАРОД ОСТРОВА ПАГ
7 СЕНТЯБРЯ 1975 ГОДА

Во время войны в Хорватии 1991—1995 годов этот мемориал был уничтожен. Только 26 июня 2010 года его установили заново, но через три дня был разрушен и он. Еще одна попытка восстановить мемориал была принята 29 июня 2013 года, но в ночь с 18 на 19 июля того же года его снесли уже в третий раз.

К книге «Харон и судьбы», которую я читал в электронном формате, также прилагались стихи автора, посвященные этой же тематике. Один из них я перевел на русский язык и ниже представляю перевод на суд читателя.

Тени в песке

Пресеиваю песок: вот костей
обломки. Немного.
А возле меня — недостроенная
пролегает дорога.

Порт... Битва... И ограда —
не до конца возведена.
Жизнь, прерванная ножом:
Закончена ли она?

Я знаю, что мир
достроить, возвести, закончить не смог:
это вопросы над ситом,
которым я пресеиваю песок.

...О количестве жертв лагерей Слана и Метайна нет точных данных. На специализированном сербском сайте, посвященном комплексу лагерей Госпич — Ядовно — Паг, опубликованы переводы итальянских документов. Из них следует, что итальянцы нашли тела в общей сложности 791 жертвы на острове Паг. Все они были ими сожжены по санитарным соображениям.

Возможно, единственный источник данных о количестве жертв пажских лагерей — работы М. Деверича и И. Фумича, опубликованные в 2008 году. По оценке этих исследователей, общее количество жертв Сланы и Метайны составило 8 020 человек.

Учитывая, что функционировали эти лагерья менее трех месяцев — воистину ужасающие цифры.

СТУПАЧИНОВО

Основан: начало июля 1941

Расформирован: конец августа 1941 (?)

Количество жертв: 10 000 — ... (?)

Тип лагеря: смешанный (распределительный, концентрационный)

Чтобы полностью сформировать комплекс госпитальных лагерей, уже включавший в себя сам лагерь смерти Госпич, а также Ядовно, Слану и Метайну, усташки организовали еще один вспомогательный лагерь. Свое название он получил от деревни Ступачиново возле местечка Башке-Оштарие, где и располагался. Это место оказалось весьма удобным для подвоза пленных, так как находилось недалеко от автодороги Госпич — Карлобаг. Территория лагеря была огорожена колючей проволокой высотой в 4 м.

Управляющим лагеря был назначен Иван Девчич-Пивац (по совместительству — начальник лагеря Слана), заместителем — священник Ивица Брклячич. Охрану лагеря обеспечивали от 60 до 80 усташей, в основном уроженцев Лики и Далмации.

Пленные поступали сюда двумя способами: автотранспортом из Госпича и Овчары, а также прямо с железнодорожной станции. И на территории лагеря, и в его окрестностях было немало провалов и ям естественного происхождения, удобных для массового уничтожения людей: Бадань, Дулиба, Близница, Киевац и другие. Рядом с лагерем находился и большой хлеб, поделенный на две части. В нем обычно пленные ожидали своей смерти, когда их большими партиями сбрасывали в ямы. Пока усташки ликвидировали очередную

группу людей, следующая группа ожидала в хлеву своей очереди.

Ликвидация пленных осуществлялась не только силами лагерной охраны — также в ней принимали участие усташи-конвоиры, приводившие в Ступачиново группы узников.

Йосип Балаж, арестованный в Даруваре 24 июля и вместе с группой пленных прибывший в Ступачиново 28 июля, писал: «Нас набили в хлев... там мы справляли нужду, сидели и лежали до полудня. Затем пришли усташи, построили нас и пешими погнали нас в неизвестность. Это был марш в ад. Когда нас согнали в колонну, на нас обрушился град ударов, которым не было видно конца. Вскоре среди нас не осталось никого, кто бы имел целые ребра. Мы должны были сдерживать крики и стоны боли — в противном случае мы получали еще больше ударов.

Среди нас выделялся статью и ростом Перица Миличевич, футболист, вратарь. Его избили так, что он не мог стоять на ногах. Еще помню пенсионера Благое Гвоздица, он носил бороду. Еще в Госпиче мы уговаривали его сбрить бороду, поскольку она делала его похожим на православного священника. Тогда он наотрез отказался. Сейчас же его и в самом деле приняли за попа, и обращение с ним было соответственным. Усташи постоянно вырывали ему клоки волос из бороды, оставляя глубокие кровавые раны.

Часто нашу колонну останавливали в таких местах, где нас не было видно с дороги, и отбирали все личные вещи. У нас еще имелись при себе ручные часы, кольца, деньги — все это усташи отбирали. И всего этого казалось им мало, а так как взять больше было нечего, они от злости продолжали нас избивать, ломая последние целые ребра тем счастливым, у кого они еще имелись. Это все продолжалось вплоть до прибытия в Карлобаг».

Будучи вспомогательным лагерем, Ступачиново работал и как распределительный (отсюда пленных распределяли по другим лагерям комплекса Госпич — Ядовно — Паг), и как концентрационный лагерь. В отличие, например, от лагерей на Паге, узники лагеря Ступачиново не привлекались к принудительным работам. Это было место массового уничтожения пленных. Каждая новая партия заключенных пребывала в лагере относительно недолгое время — ее либо отправляли в другой лагерь, или ликвидировали.

Жестокое обращение с пленными было нормой. Сербов и евреев морили голодом и жаждой, избивали прутьями, палками, топорами и молотами, резали ножами, вырезали им глаза и отрубали разные части тела, расстреливали из винтовок, пистолетов и пулеметов, бросали живыми в ямы. Девушек насиловали на глазах у матерей, матерей — на глазах у их дочерей, сыновей и мужей.

Общее количество пленных, прошедших через Ступачиново, неизвестно. Также неизвестно число жертв лагеря. В середине августа 1941 года в Ступачиново привели более 4 тысяч сербов с намерением успеть их уничтожить до прибытия итальянских войск. Было ли это выполнено на самом деле, неизвестно. Зато известно другое. Йосип Девчич, работавший переписчиком в Ступачинове, сообщал, что в одну лишь яму Бадань было брошено 10 тысяч сербов и евреев. Эту цифру можно принять как минимально возможное количество жертв. О максимально возможном количестве можно только догадываться.

Вероятно, лагерь Ступачиново прекратил свое существование в конце августа 1941 года, как и некоторые другие вспомогательные лагеря комплекса Госпич — Ядовно — Паг.

ОВЧАРА

Основан: начало июля 1941

Расформирован: конец августа 1941 (?)

Количество жертв:?

Тип лагеря: распределительный

В июне и начале июля в Госпич прибывали все новые и новые транспорты с пленными — как по железной дороге, так и грузовиками. Тюрма госпичского Окружного суда уже не вмещала их всех, поэтому новых узников направляли в Ядовно и Слану. Чтобы иметь возможность своевременно размещать всех прибывающих, устали основали еще один распределительный лагерь всего в 3,5 км к востоку от тюрьмы, на левом берегу реки Новчицы.

Для этой цели отлично подошли хлевы, принадлежавшие сербскому торговцу Матие Максимовичу. В самом Госпиче Максимович держал типографию, книжный магазин и библиотеку, а возле реки Новчицы — три хлева размером 30x10м, в которых содержались овцы, коровы и несколько пар лошадей. Его вместе почти со всей семьей зверски убили, а хлевы переделали в распределительный лагерь для евреев и сербов, ставший частью комплекса лагерей Госпич — Ядовно — Паг.

Командующим лагеря был назначен Драгутин Пудич, начальником охраны — Юцо Рукавина.

Сами пленники дали лагерю название «Овчара». Фимия Тохоль, Йованка Грубеша, Мара Церовина, Анджа Биберджич, Аника Новокмет и Душанка Биберджич в своем коллективном рассказе о жизни в НГХ, записанном 16 апреля 1942 года, называли этот лагерь «Овчарская станция».

Лагерь занимал общую площадь 80х50 м, обнесенную четырехметровой оградой из колючей проволоки. Внутренняя территория была обнесена двухметровой каменной стеной; на ней располагались ранее принадлежавшие Максимовичу хлевы. Поэтому в ряде документов и заявлений очевидцев этот лагерь упоминается еще и под названием «Максимовичевы хлевы».

Прибывали пленные в Овчару на грузовиках или просто пешком. Оттуда, в свою очередь, их отправляли на Велебит (где их сбрасывали в ямы во вспомогательном лагере Ступачиново) или на Паг, в лагеря Слана и Метайна.

В Овчаре почти не было мужчин-сербов. Большую часть пленных составляли евреи (мужчины, женщины, дети), сербки с детьми, небольшое количество хорваток-коммунисток. Ежедневно в Овчаре пребывало от 1000 до 1600 человек. Некоторых из них использовали на полевых работах.

Как и любой другой лагерь комплекса Госпич — Ядовно — Паг, Овчара не имела ни больницы, ни возможности лечить больных. Доктор Драгутин Кон, пленник в лагере Овчара, рассказывал: «Заболели как-то у нас двое — маленькая девочка и девушка. У них подскочила температура, начались боли в горле, покраснели и опухли гланды. Я использовал этот случай, чтобы поговорить с командиром стражи. Придя к нему, я заявил, что в лагере началась эпидемия скарлатины и всех больных нужно срочно отправить в больницу. „Пусть подышают! Ты что думаешь, мы вас сюда в санаторий привезли?“ — таков был его ответ. Когда же я объяснил ему, что зараза может распространиться на весь город, он позвал сторожа, который отвел меня к офицеру. Им оказался какой-то молодой парень в новенькой униформе, который забавлялся тем, что постоянно втыкал усташский нож в письменный стол. Ему я описал проблему в еще более

черных тонах. И мне удалось добиться желаемого. Я знал, что речь идет вовсе не о скарлатине, а об ангине, и поэтому с трепетом ожидал реакции врачей в госпитальной больнице. К счастью, это были люди, а не фашисты. Они оставили их в больнице и вылечили. Обе пациентки живы и по сей день».

Не так уж редки были случаи подачи властям прошения об освобождении пленных от их родственников или знакомых. Это касалось не только пленных Овчары, но и узников многих других лагерей. Интересно прошение, направленное жупану Загорья в Вараждин, которое подписали 72 крестьянина из Долича под Крапиной. В этом прошении крестьяне сообщали о некоем Йосипе Кляйне и его семье — супруге по имени Йосипа, сыновьях Ивице и Мирославе, а также брате Людевите. Крестьяне писали в прошении, что вся семья отличалась примерным поведением, политической лояльностью и пользовалась уважением на селе. В связи с этим крестьяне просили освободить всю семью Кляйнов из лагеря Овчара, где они содержались. Также в прошении упомянуто, что сам Йосип Кляйн потребовал от властей признать все его гражданские права, согласно части 6 Закона о расовой принадлежности — как подпадающему под понятие «лицо арийского происхождения». Селяне просили отпустить его с семьей и дать им возможность продолжать жить и работать в родном селе. Было ли удовлетворено данное прошение — осталось неизвестным. Мы можем лишь утверждать, что прошение было принято и зарегистрировано.

Лагерь Овчара просуществовал до 19 августа 1941 года — тогда же были расформированы и другие вспомогательные лагеря комплекса Госпич — Ядовно — Паг.

Моника Мусафия: «На Овечье поле пришли два усташских функционера, отделили от прочих человек 80, в том числе и меня, и приказали им немедленно соби-

раться в дорогу. Мы пошли... Не успели мы пройти и полтора метра, как услышали выстрелы. Мы обернулись, но усташи пригрозили: „Еще раз обернетесь к лагерю — будете убиты, как и остальные!“ Картина, на мгновение представшая перед нами, была ужасна. Словно из ниоткуда появились пулеметы, огонь велся по невинным женщинам, детям, мужчинам — всем подряд. Лагерь стал напоминать раскопанный муравейник. Минут через десять там не осталось ни одной живой души».

Общее количество пленных, находившихся в Овчаре за все время ее существования, а также количество пленных, умерших в самом лагере, остается невыясненным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

...Подводя черту под вышесказанным, постараемся понять, почему же первая в НГХ «фабрика смерти» прекратила свое существование. Развернутый ответ на этот вопрос можно найти у все того же профессора Затезало:

«В конце июля — начале августа 1941 года вспыхнуло восстание, захватившее территории Кордуна, Бании, Лики и Книнской Краины. Это вынудило итальянцев провести реокупацию второй и третьей демилитаризованных зон. Итальянские власти отмечали, что усташа перешли всякие границы в своем массовом уничтожении сербского населения, а их государство — НГХ — показало себя неспособным справиться с восстанием. Таким образом, во всей Лике в руки итальянцев перешла и гражданская, и военная власть. Итальянцы запретили усташам дальнейшие массовые убийства в лагере Ядовно и в лагерях на острове Паг. Результатом этого стала ликвидация всего комплекса лагерей Ядовно. Очевидно, что если бы сербского восстания не произошло, Ядовно просуществовал бы не четыре месяца, а намного дольше».

Будучи единственным серьезным исследователем комплекса лагерей Госпич — Ядовно — Паг, Д. Затезало, конечно, задавался вопросом о количестве жертв. Из приведенных ниже строк видно, что ответа на свой вопрос он так и не смог найти:

«Сегодня все еще нельзя с уверенностью сказать, сколько невинных людей убито в комплексе лагерей Ядовно в период с 11 апреля по 21 августа 1941 года».

Конкретные цифры Д. Затезало приводил только по лагерю Ядовно, где «всего за 132 дня его существования усташа самыми свирепыми способами уничтожили

40 123 человека — от новорожденных младенцев до глубоких стариков. Среди них — 38 010 сербов, 1 998 евреев, 88 хорватов, 11 словенцев, 9 мусульман, 2 венгра, 2 чеха, 1 русский, 1 цыган и 1 черногорец. Я работал над сбором данных и составлением поименного списка жертв вплоть до конца 1991 года, более 20 лет. Распад СФРЮ сделал невозможной дальнейшую работу в этом направлении. Поэтому я составил неполный список жертв, в котором содержатся данные всего лишь о 10 504 жертвах».

Только некоторые из ужасов, сопровождавших жизнь (и смерть) пленных в Госпиче, Ядовно и на Паге стали достоянием общественности. Вот что об этом писал Д. Затезало:

«Некоторые из усташей предстали перед судом только спустя 12 лет после окончания войны. Большинство из них достаточно легко признали свои злодеяния и описывали их. Так, усташ Миле Дедулица на заседании суда 23 сентября 1952 года рассказал об убийствах сербов и евреев на Фурнаже на острове Паг. «Мы избивали их... чтобы они не смогли бежать. Когда мы прибыли в Барич-Драгу, мужчин усташаи отвели на Велебит, а женщин оставили здесь... Мужчин убили и побросали в яму, затем вернулись за женщинами и детьми... Каждый из нас должен был убить по одной женщине или ребенку, что и было сделано... Я убил мацей (молотом) одну женщину... Еще убивали Славко Баляк, Яндре Стрика, Йерко Фратрович, Лука Баряшич, Бене Барич, Вентура Баляк и другие. Мато Йович, Иван Цинкрета и Иван Кеврич потом сбрасывали их тела в яму».

Лука Баряшич: «Каждую ночь мы отводили к ямам на Велебите по 200 людей, связанных проволокой. Мы убивали их... затем сбрасывали в ямы. Если у нас была целая семья, сначала мы убивали детей, потом жену, а отец, видя это, обычно сам прыгал в яму. Всего мы сбросили в ямы около 2700 человек... Эти ямы мы по-

том залили цементом, чтобы никто не смог оттуда выйти».

Иван Шульич, уроженец Новальи (город на острове Паг), свидетельствуя перед Окружной комиссией 24 марта 1945 года, говорил: «Пятнадцатого августа 1941 года в селе Кустичи на Паге я встретил усташа Ивана Бандурину, который рассказал мне о своих убийствах. На мой вопрос, каково это, он ответил: „Труднее всего убивать первые три-четыре раза, а потом это становится так же легко, как выпить воды“. Он сказал мне, что убил 180 человек».

Только семь человек предстали перед судом за лагерь Ядовно. Главные его организаторы — Векослав Лубурич, Эуген Дидо Кватерник и Иван Девчич-Пивац — бежали из страны и спаслись от правосудия.

Итак, комплекс лагерей Госпич — Ядовно — Паг стал первой в Независимом государстве Хорватия «фабрикой смерти». Задача, которую поставило усташское правительство — наладить массовое уничтожение людей — оказалась вполне решаемой. Именно поэтому первая «фабрика смерти», увы, не стала последней...

КОМПЛЕКС ЛАГЕРЕЙ СМЕРТИ ЯСЕНОВАЦ

ВВЕДЕНИЕ

В августе 1941 года фашистская Италия провела реокупацию второй и третьей демилитаризованных зон на территории бывшей Югославии. Лика — исторический регион в Хорватии — перешла под контроль итальянцев. Они запретили усташам дальнейшие массовые убийства в лагере Ядовно и в лагерях на острове Паг. Результатом этого стала ликвидация всего комплекса лагерей Госпич — Ядовно — Паг.

Перед властями НГХ встал вопрос: куда девать оставшихся пленных? Очевидно, что ликвидировать их на территориях, контроль над которыми утерян, невозможно. Решение нашлось достаточно очевидное: построить новый лагерь и переселить пленных туда. Место для нового лагеря подбирали тщательно: с одной стороны, оно должно было располагаться неподалеку от крупной транспортной артерии (желательно — железной дороги), чтобы можно было перебрасывать большие количества пленных за раз. С другой стороны — это место должно быть и скрытным, защищенным и от любопытства местных жителей, и от возможного нападения партизан.

В итоге такое место нашлось — им оказались окрестности деревеньки Ясеновац. Это место было выбрано не случайно. Во-первых, совсем рядом проходил участок железной дороги Загреб — Сисак — Новска, что упрощало быструю и массовую транспортировку заключенных. Во-вторых, сама местность представляла собой плоскую открытую со всех сторон равнину, которую можно было легко визуальнo контролировать. Подобраться же незаметно к лагерям предполагаемому противнику было практически невозможно. В-третьих, это была низменная болотистая территория, которой часто

угрожали наводнения — что значительно усложняло возможное бегство заключенных. В-четвертых, тут был расположен целый комплекс производств, необходимых для автономного существования лагеря: лесопилка, мельница, электростанция и т. д. И в-пятых, из-за уже упомянутого риска подтоплений тут проживало довольно мало людей — большая часть крупных поселков лежала в стороне от этих мест. Таким образом, творившиеся здесь беззакония едва ли могли стать достоянием широкой общественности.

Новый лагерь был основан в конце августа возле местечка Брочки-Сокак и получил название Брочице. Именно он принял первых пленных из прекративших существование лагерей Госпича, Ядовно и Пага.

Через некоторое время возникла необходимость в постройке нового лагеря. Это и было сделано в первой половине сентября в том же районе, около села Крапье. Новый лагерь так и стали называть — Крапье.

В ноябре того же года из-за обильных дождей уровень воды в реках поднялся и начался разлив, грозивший затоплением лагерям Брочице и Крапье. Когда стало понятно, что бороться со стихией бессмысленно из-за нехватки людей и техники, было принято решение построить возле Ясеновца уже третий по счету лагерь. Пленных из Брочице и Крапье начали переводить в него.

Так начала свое существование одна из крупнейших в Европе «фабрик смерти», за 4 года своего существования лишившая жизни сотни тысяч людей. Так устали создали одно из самых ужасных творений человека в современной истории — комплекс лагерей смерти Ясеновац.

Спустя еще некоторое время к изначально образовывавшим комплекс лагерям — лагерь Ясеновац I (Брочице), II (Крапье) и III (Циглана) добавились лагеря IV (Кожара) и V (Стара-Градишка). Последние три лагеря, в отличие от первых двух, просуществовали до конца

войны. Еще одним лагерем, вошедшим в систему Ясеновца, стал лагерь Дзяково.

Нет ответа на вопрос, можно ли считать отдельным лагерем постройку, которую бывший пленный Ясеновца Эгон Бергер называл «лагерь ССС». Драго Чолакович считал, что это не отдельный лагерь, а всего лишь отдельный барак в лагере III (Циглана). Поскольку ни в каких других источниках этот лагерь не упоминается, есть смысл принять точку зрения Д. Чолаковича и считать «лагерь ССС» просто бараком — частью лагеря Циглана.

Общая площадь комплекса лагерей Ясеновац составляла около 210 км². Лагеря и прочие территории из комплекса Ясеновац можно разделить на три условные группы.

Первая группа — лагеря, которые обозначались номерами. О них уже говорилось выше.

Вторая группа — лагеря и хозяйственные постройки (так называемые «экономии», не использовавшиеся непосредственно для содержания пленников) в окрестных деревнях и поселениях: Доня-Градине, Уштице, Млаке, Ябланце, местечке Дубички-кречани, Бистрице, Греджнянах, Ораховой, Драксениче и Феричанцах.

И, наконец, третья группа — места массовых казней. Крупнейшая подобная «точка» располагалась на окраине села Доня-Градина на правом берегу реки Савы. На данный момент там найдено девять могильных групп, включающих в себя 127 массовых захоронений. Еще одним местом массовых ликвидаций был Граник. Антун Милетич в книге «Концентрационный лагерь Ясеновац» писал и о других местах убийств: главный склад, Призрачное озеро, тоннель... Никакой иной информацией об этих местах, кроме названий, мы не располагаем.

Для простоты мы будем называть словом «Ясеновац» весь лагерный комплекс, который непрерывно функцио-

нировал на территории НГХ 1337 дней — от 21 августа 1941 до 22 апреля 1945 года.

Яша Алмулия — журналист, бывший глава Еврейской общины Белграда, автор трех книг о страданиях евреев в ходе Второй мировой войны — писал о Ясеновце:

«Когда меня кто-то спрашивает о Ясеновце, я прежде всего говорю, что это был лагерь усташей Независимого государства Хорватия (НГХ) — единственного союзника и сателлита гитлеровской Германии, уничтожавшего евреев на своей территории. Остальные выполняли требование Германии и выдавали им своих евреев, которых затем переправляли в лагеря смерти в Восточной Европе. Все союзники Германии рано или поздно выполнили это требование — за исключением Болгарии, которая отказалась выдать Гитлеру 50 тысяч своих евреев. Болгария выдала немцам лишь 14 тысяч евреев с тех территорий, которые были только что присоединены к Болгарии — области греческой Фракии, Вардарской Македонии и части Сербии (Пирот).

Хорватия была в своем роде уникальным сателлитом гитлеровской Германии, единственным. И в этой единственной Хорватии располагался единственный Ясеновац. Такого лагеря смерти больше не было ни у кого — ни у союзников Германии, ни даже у самой Германии. Да, в Германии было множество концлагерей. Но в немецких лагерях, вроде Аушвица, «процесс» был поставлен с умом. Жертвы, пленники лагеря, до последних мгновений жизни не знали о своей судьбе, что с ними будет. Тем самым пресекались возможные попытки к сопротивлению, бунтам. Далее, в зале, где пленники раздевались перед выходом на казнь, были обнадеживающие надписи: «Запомните номер, в котором вы оставили свои вещи, чтобы вы потом легко их нашли». Ясеновац был противоположностью всему этому, это было место, где властвовали дикари.

Как убивали людей в лагерях? Чаще всего — ручными инструментами: ножами, топорами, молотами, другими орудиями. Расстрелы случались редко.

...Генерал Миша Данон рассказывал мне, как он мгновенно поседел, когда его и других узников вызвали к Любо Милошу и тот приказал уничтожить каждого двадцатого. Данон оказался семнадцатым...

Тот же Милош на православное Рождество 1941 года приказал уничтожить от 20 до 30 заключенных. Перед смертью каждого пытали. В одном помещении с Любо Милошем спал Влатко Мачек, лидер хорватской крестьянской партии. Милош, ложась спать, молился богу до тех пор, пока за стенкой слышны были крики подвергаемых пыткам узников. Мачек спросил его, с каким сердцем он молится богу, на что Милош ответил: «Я знаю, что я буду гореть в аду, но я буду гореть в аду за Хорватию».

Упомянутый выше Любо Милош, комендант Ясеновца и помощник Векослава Лубурича, признавался: «В самом лагере обычно находилось около 3 тысяч пленных, хотя лагерь мог принять и намного большее их число. Три тысячи — как раз приблизительно то число, которое могли вместить наши бараки. Признаю, бывали времена, когда в лагере одновременно находилось до пяти тысяч человек. Но это всегда длилось недолго. Излишки мы регулярно ликвидировали. И такие ликвидации „лишних“ пленных мы практиковали всегда — от первых дней существования лагеря до последних».

Как жилось пленникам в этом комплексе лагерей? С чем приходилось столкнуться людям, которые внезапно, оказавшись в этом месте, теряли всяческие права человека и становились рабами? Об этом можно узнать, например, из рассказов выживших евреев — бывших узников Ясеновца. Их воспоминания позволяют выделить пять главных ужасов Ясеновца.

Итак, первый ужас Ясеновца — голод. Эгон Бергер: «Когда голод стал нестерпимым, мы перестали быть людьми. Я ел сырую репу над трупом своего отца, убитого усташами... Мы везде искали зерна кукурузы, все, что могло быть съедено... Однажды я украл хлеб у своего больного товарища... А еще, помню, усташи в поле, что в лагере, выкосили всю кукурузу, оставив небольшой участок. И рядом с этим участком стоял усташ с ружьем, стрелявший в каждого, кто пытался подобраться к кукурузе. А голод мучил нас так, что пытались многие. Был слух, что те, кого усташи заперли в камере с целью умерить голодом, доходили до того, что жарили и ели куски мяса своих умерших товарищей».

Второй ужас — антисанитария. Адольф Фридрих: «Стирки и переодевания не было до марта — апреля 1942 года». Эгон Бергер: «Вши гнездились на нас. Ноги и тело были в глубоких и гнойных ранах. В некоторых местах, куда мы не могли достать рукой, были целые гнезда... Когда ночью умирал спавший около тебя, все его вши переползали на тебя. На теле мертвеца оставались лишь гнезда червей».

Третий ужас — убийства. Садо Коэн-Давко: «Каждый вечер заходили в помещения и вызывали по 25–30 людей. Их уводили, и они никогда больше не возвращались».

Четвертый ужас — Савская насыпь смерти. Яков Атиас: «Самым тяжелым и ужасным трудом в Ясеновце была работа на „Насыпи“. Усташи хотели, чтобы заключенные возвели насыпь на левом берегу Савы не только из земли или камней, но и из трупов пленников. Казалось невозможным, чтобы такой труд проделали группы изнеможенных скелетов, обтянутых кожей. Сырая болотистая почва не годилась для того, чтобы ее перевозили в корзинах или на настилах, поэтому заключенных заставляли носить землю лопатами. Если кто-то слабел настолько,

что поскользнулся или падал на склонах насыпи, его били по голове любым тяжелым предметом так, что он уже не мог встать на ноги, и оставляли там же. Каждый мог видеть, что на Насыпи смерти ежедневно уничтожалось от 200 до 300 заключенных».

Пятый ужас — убийства. Выжившие евреи, бывшие пленники Ясеновца, называли разные способы умерщвления людей: Эрухам Гаон говорил про убийства молотом, огнестрельным оружием, железным прутком; Садо Коэн-Давко вспоминал про крематорий полковника Пиччили...

Было бы неверно полагать, что, отправляясь в Ясеновац, пленники теряли всякую связь с окружающим миром. Им разрешали писать письма родственникам и друзьям, но с оговорками. По некоторым данным, в письме должно было быть не более 20 слов (судя по всему, это правило часто не соблюдалось); кроме того, письмо должно было пройти усташскую цензуру.

«Дорогие родители... Я отправляюсь в Ясеновац. Можете понять, что со мной будет, если слышали о Ясеновце и о том, что там происходило. Мне страшно, но я со всем смирилась, в том числе и с самым худшим. Я смирилась со всем и прощаюсь со всеми...»

Это часть письма, написанного 19-летней узницей лагеря Стара-Градишка, уроженкой Загреба Катариной Дорчич. Вскоре после перевода в Ясеновац, в 1945 году, она была расстреляна. Это письмо — последнее, что она сделала в жизни.

Письмо Катарины Дорчич — одно из 44 писем, написанных узниками Ясеновца, Стара-Градишки и Даницы с 1942 по 1945 годы, которые пленники смогли легально отправить своим близким. (Стоит отметить, что лагерь Стара-Градишка в сербской и хорватской печати часто рассматривается (и рассматривался во время и после войны) как отдельный лагерь. В этих случаях, когда авто-

ры говорят о «переводе в Ясеновац», под названием «Ясеновац» следует понимать лагерь III — Циглана. Это был, безусловно, крупнейший лагерь комплекса — прежде всего по масштабам уничтожения людей).

Эти данные о том, как пленные могли отправлять и получать письма, подтверждала и хорватский историк Наташа Матаушич: «Только с марта 1942 года заключенным разрешили как писать, так и получать письма и пакеты с вещами. Письма составлялись по строго определенной форме, текст подвергался цензуре и был ограничен 20 словами. Чаще всего пленники принимали от родственников еду и теплую зимнюю одежду. Запрет на получение писем и пакетов стал одним из самых популярных методов наказания пленных».

Ниже — краткие описания отдельных лагерей, составлявших лагерный комплекс Ясеновац.

ЯСЕНОВАЦ I (БРОЧИЦЕ)

Основан: 19–21.08.1941

Расформирован: ноябрь 1941

Количество жертв: 8 000–27 000 (вместе с лагерем Крапье)

Тип лагеря: смешанный (распределительный, концентрационный)

Лагерь I (Брочице) был основан 19–21 августа 1941 года в местечке Брочки-Сокак около реки Велики-Струг, что в 2 км от самого места Ясеновац (в сторону Новски). Сообщение о постройке первых бараков возле села Брочице датировано 23 августа 1941 года.

Первые пленники прибыли сюда 21 августа того же года — это были те, кого перебросили из расформированных лагерей в Госпиче и на острове Паг (Слана и Метайна). Вскоре в лагерь стали отправлять и группы мужчин, сербов и евреев, из Загреба и других населенных пунктов. Спустя некоторое время в Брочице стали направлять и хорватов (в основном коммунистов и антифашистов). Пленники располагались в трех деревянных бараках (где их разделяли на группы по национальному признаку и вероисповеданию), которые были окружены колючей проволокой. Помимо проволоки, по периметру лагеря были установлены сторожевые посты-вышки. Местом массовых убийств заключенных стал близлежащий лес Крндия. В ноябре 1941 года лагерь был расформирован из-за наводнения, а оставшиеся пленники были переброшены в недавно построенный лагерь III (Циглана). После вывода пленных с территории все бараки в Брочице были снесены, а колючая проволока снята.

В наши дни на территории лагеря Брочице расположен природный парк Лоньско-поле, который представляет собой труднодоступную пересеченную местность, заросшую высокотравьем. Нет никаких видимых следов, которые могли бы указывать на место нахождения концентрационного лагеря. Единственную грунтовую дорогу в сторону парка пересекает канал Лоня — Струг, выкопанный в 1983 году. По словам местных жителей, изредка посещающих территорию парка, там сохранилось пять массовых захоронений.

ЯСЕНОВАЦ II (КРАПЬЕ)

Основан: 10.09.1941

Расформирован: ноябрь 1941

Количество жертв: 8 000–27 000 (вместе с лагерем Брочице)

Тип лагеря: смешанный (распределительный, концентрационный)

Лагерь II (Крапье) основан примерно 10 сентября 1941 года между селом Крапье и берегом реки Велики-Струг. Как и в Брочице, пленные содержались в деревянных бараках, а территория была окружена колючей проволокой. И так же, как и Брочице, лагерь Крапье был расформирован после ноябрьского наводнения. Пленных перебросили в лагерь III Циглана.

Неподалеку от лагеря Крапье располагалось еще одно село — Плесмо. Поэтому иногда в сербской и хорватской печати встречалось название «лагерь Плесмо», или «лагерь в деревне Плесмо». Но такие случаи очень редки. Например, так называла его Ольга Прпич из Ясеновца. Находясь в Комиссариате по делам беженцев в Белграде, 7 марта 1942 года она говорила: «... лагерь в Плесмо был расформирован еще в ноябре 1941 года по настоятельным просьбам местных жителей, хорватов из Плесмо».

Златко Вейлер, выживший узник лагеря Крапье: «Лагерь располагался неподалеку от одноименного села и был обнесен проволокой по периметру. На территории было три барака, а также здание, в котором проживала охрана и администрация лагеря.

Ежедневный изматывающий труд на насыпи и в лесу, ужасная кормежка, постоянные издевательства и зверства охраны — все это приводило к тому, что каж-

дый вечер в нашем бараке недосчитывались по несколько десятков человек. Кого-то из них убивали утром, при отправке на работу, кого-то — вечером, по возвращении в бараки.

В один сентябрьский день на ноги подняли весь лагерь. Нас отправили на постройку насыпи на берег реки Струг — из-за высокого уровня воды в ней лагерю грозило затопление. Мы работали целый день без отдыха, терпя постоянные издевательства и зверства усташей. К концу рабочего дня на насыпи осталось более 100 трупов — нас заставили закопать их в насыпь».

Когда усташа были вынуждены переселить лагерь Крапье из-за наводнения, в нем находилось около 3 тысяч пленных. Пережить вынужденный «переезд» на новое место пребывания — в лагерь III (Циглану) — удалось примерно половине от этого количества.

Территория бывшего лагеря Крапье была обнесена оградением в 1967 году, а над центральной могилой был поставлен памятник. Второе массовое захоронение (там похоронены в основном евреи) расположено к юго-западу от центральной могилы. Третье же расположено в 800 м к северо-западу от центра.

В отличие от ряда других лагерей, целью которых было прежде всего собрать пленных, а уж затем (по возможности) загрузить их работой, Брочице и Крапье строились ради общей, весьма четко сформулированной задачи. Задачей этой было осушение обширного Лоньского поля. Оно представляло собой низменную, сильно заболоченную равнину возле села Брочице; цепь болотистых лугов протянулась по южному берегу реки Струг и доходила практически до поселка Ясеновац.

Общее количество пленных, пребывавших в обоих лагерях за весь период их существования, невозможно установить сколь-нибудь точно. Из-за того, что Брочице и Крапье просуществовали относительно недолго, а их

расформирование проходило в спешке на фоне угрозы затопления, достоверных источников информации по этому вопросу обнаружить не удалось.

Определить хотя бы примерное количество жертв обоих лагерей чуть проще. Единственное «но» — отсутствие достоверной раздельной статистики (по каждому из лагерей). Согласно ряду источников и заявлений, в лагерях Брочице и Крапье с 21 августа по 15 ноября 1941 года (то есть, по сути, за все время существования лагерей) было убито от 8 до 15 тысяч пленных. Эту цифру (если учесть стремление минимизировать объем своих преступлений) подтверждал и Любо Милош: «...по нашим данным, в лагерях Брочице и Крапье до конца октября 1941 года было убито около 8 тыс. людей, включая женщин и детей...»

Есть и другие данные. Один из пленных (имя и фамилия остались неизвестны), приведенный в Крапье в середине октября (то есть незадолго до расформирования лагеря), писал, что его внесли в картотеку под номером 28 221. Учитывая, что переселение в Циглану пережили около 1 500 пленных, можно считать, что за время существования лагерей Брочице и Крапье в них было уничтожено около 27 тысяч человек. Эту цифру можно считать максимально допустимой.

ЯСЕНОВАЦ III (ЦИГЛАНА)

Основан: ноябрь 1941

Прекратил существование: 22.04.1945

Количество жертв:??? (2 238—1 110 929, вместе с лагерем IV — Кожара, лагерем V — Стара-Градишка и местами массовых ликвидаций, включая Градину)

Тип лагеря: концентрационный

Из-за осенних наводнений, затопивших территории лагерей Брочице и Крапье, решено было построить новый лагерь на защищенной от затоплений территории. Основной постройкой новосозданного лагеря стал кирпичный завод, откуда и пошло название лагеря «Циглана» (хорв. «cigla» — «кирпич», «ciglana» — «кирпичный завод»). Поскольку лагерь Брочице значился в документах под номером I, Крапье — II, то новосозданному лагерю был присвоен номер III.

Лагерь Ясеновац III — Циглана принял первых пленников в ноябре 1941 года. Общая его площадь составляла 1,5 км². В то время там еще не было бараков, поэтому на ночь пленников согнали в сушильный цех, который пленные называли потом «тоннелем». Это здание практически не защищало от холода и пронизывающего ветра. Люди спали на голом полу. По свидетельству одного из выживших узников, многие пленники, будучи в мокрой одежде, истощенные 12-километровым пешим маршем из лагеря Крапье, замерзли насмерть уже в первую ночь. Лишь потом сами же пленные построили три примитивных барака размером 20х6х3 метра. Каждый такой барак имел две двери (на вход и на выход), но не имел ни единого окна. В этих бараках-временках люди тоже спали на полу, но здесь они хотя бы были защищены от холода и снега.

В феврале 1942 года, незадолго до визита в лагерь Циглана международной комиссии Красного креста, было принято решение построить постоянные бараки для заключенных. Шесть бараков площадью 40х10 метров были построены в рекордно короткие сроки — всего за несколько дней. И это несмотря на аномальные для этого края морозы — порой они доходили до -20°C ! Старые временные бараки были снесены. Из-за низменного и болотистого характера местности новые бараки были построены на возвышениях. Они были построены двумя рядами: в правом ряду — бараки №№1, 2 и 3; в левом — 4, 5 и 6. В каждом бараке ночевало более 200 человек. Они лежали на двухъярусных «боксах», по 3 «бокса» на барак: один — в центре, два — по краям, возле стен. Покидать барак в ночное время запрещалось, и пленные справляли нужду в две огромные посуды, стоявшие возле дверей.

До июня 1943 года лагерь III был предназначен исключительно для пленников-мужчин. Женщины и дети, которые до того попадали в лагерь, или перебрасывались в Стара-Градишку, или ликвидировались. Самый ранний документ, который сообщает об отправке в Ясеновац женщин — список заключенных, составленный властями Сараева 18 ноября 1941 года. В этом списке из 116 человек были и 23 женщины, самой молодой из которых было 16 лет.

Создание отдельного женского лагеря началось в июне 1943 года. Тогда в Циглану отправили группу из сотни пленниц из Стара-Градишки. Это были в основном молодые и здоровые женщины — сербки, еврейки и хорватки. Их использовали на тяжелых сезонных полевых работах. По прибытии в Циглану их разместили в двух бараках, опоясанных колючей проволокой. Когда осенние полевые работы закончились, большую часть пленниц вернули в Стара-Градишку, а остальных (около

20) оставили в Ясеновце — работать в местной прачечной.

В течение зимних месяцев 1943–44 годов число пленниц постоянно росло: пополнение прибывало из окрестных сел и захваченных войной территорий. Весной 1944 года в Циглану прибыла очередная партия женщин из Стара-Градишки на полевые работы. Активистки женской партийной ячейки установили связь с мужским лагерем, из которого получали предметы первой необходимости — лекарства, обувь, одежду и еду. В сентябре 1944 года заключенные попытались организовать побег. Попытка была провалена, а два десятка мужчин-организаторов побега были уничтожены. После этого женский лагерь был перенесен в одноэтажное здание в восточной части лагеря. Сообщение с мужским лагерем было прервано — перестала приходить и материальная помощь. Все чаще проводились ликвидации пленниц. Поздней осенью 1944 года пополнение в женский лагерь приходило практически ежедневно, из-за возникшей тесноты и так плохие условия жизни стали вовсе невыносимыми...

Командование женской частью лагеря в Циглане было в руках представительниц женской усташской стражи. Пленницы самостоятельно выбирали лидера внутри своего коллектива, так называемую «лагерницу». Именно лагерница держала ответ за весь коллектив пленниц перед стражницами-усташками. Первой лагерницей в истории Ясеновца стала Любица Джурич; затем друг друга сменяли Даница Дасович, Стефица Белак и Пина Влах. Поскольку Влах — последняя в списке, возможно, она была ликвидирована 20–21 апреля 1945 года вместе с остальными пленницами.

Когда на работы в поле отправлялась какая-то группа пленниц, ими командовала руководитель — десятница. Выбирали ее пленницы или назначали сверху — неизвестно.

Осенью 1944 года в женской части лагеря проживало от 500 до 1000 женщин. Ежедневно уводили на ликвидацию 100–200 пленниц, их заменяли новыми.

Массовые ликвидации пленных Цигланы были обычным явлением. Это был основной способ «разгрузки» барачков и освобождения спальных мест для вновь прибывшей «рабочей силы» — еще относительно крепкой и здоровой, способной работать более эффективно, чем пробывшие в лагере долгое время едва живые скелеты, обтянутые кожей. Разумеется, такие ликвидации производились не в самом лагере, а на дальних границах Лоньского поля, по берегу Савы и еще дальше. Крупнейшим местом массового уничтожения пленных стало местечко Доня-Градина (часто упоминается в периодике как Градина). Партии пленных, предназначенных к уничтожению, перевозили через Саву на пароме размером 6х16 м.

Село Градина было не только местом массовых убийств, но и хорошим оборонительным рубежом, защищавшим Ясеновац от возможного нападения с этой стороны. Градина представляла собой весьма изолированное от внешнего мира село. Во-первых, оно было одиноким: рядом с ним не было других поселений. Во вторых, оно было естественным образом укрыто от любопытных глаз: со стороны пашен ее скрывал густой лес, со стороны Ясеновца она была защищена рекой Савой, со стороны Уштице — Уной, со стороны Кошутарицы — снова Савой, которая в этом месте делает резкий поворот к юго-востоку. Поэтому Градина представляла собой, по сути, хорошо укрытый полуостров. Только со стороны Драксенича и Меджеджи не было никакой естественной преграды, поэтому устали позаботились об искусственных: выкопали целый пояс рвов и ям, поставили частые ряды бункеров и караулов.

Радомир Булатович в своей книге о Ясеновце писал: «Градину защищали семь бункеров, все они были связаны траншеями. Только один бункер был насыпной, из земли и древесины, остальные — из кирпича и бетона. Бункеры были двухэтажными для лучшего обзора равнины, на верхний этаж вели специальные железные лестницы. Размер бункеров — примерно 4х4 м, высота — около 11 м».

С начала 1945 года количество заключенных в Циглане уменьшалось с каждым днем. Транспорты с пленными, ехавшими из Лепоглавы, Сараева и других мест, не заезжая в Ясеновац, отправлялись в Градину или Граник — на ликвидацию. После многочисленных союзных бомбардировок Ясеновца в марте и апреле 1945 года многие лагерные объекты оказались разрушены, а работы в них прекращены. Оставшиеся пленные были разбиты на рабочие группы, которые спешно закапывали или сжигали трупы убитых.

21 апреля 1945 года, на заходе солнца, последняя группа женщин-пленниц Ясеновца была уничтожена. О том, каким образом их убивали и где именно это произошло, нам уже едва ли удастся узнать — ни одной пленницы не осталось в живых.

Впрочем, Антун Милетич полагал, что первый день окончательной ликвидации пленных Ясеновца — не 21, а 20 апреля. Он писал: «Последняя ликвидация пленных началась 20 апреля, когда из лагеря было выведено большинство женщин и детей. Они шли и пели: „Вы остаетесь, мы идем на смерть“, „Вернись домой, мама, не иди на мою могилу“. Некоторых из них убили на берегу Савы и сбросили тела в воду, остальных сожгли заживо».

Не исключено, что женщин и детей выводили в течение двух дней: первую партию уничтожили 20 апреля, вторую — днем позже.

На следующий день большая часть оставшихся в Ясеновце мужчин (лагеря III — Циглана и IV — Кожара) пошла на прорыв согласно заранее определенному плану. Он увенчался успехом, несмотря на огромное количество жертв: лишь некоторым удалось не только покинуть территорию лагеря, но и выбраться на освобожденные территории.

Единой и полной картины того, как происходил прорыв пленных из Ясеновца, нет. Например, хорватский историк Наташа Матаушич так описывала этот эпизод в своем сборнике «Фотомонография Ясеновац»:

«Оставшиеся в живых пленники-мужчины — их было всего 1073 человека — были переведены в особо охраняемый барак в восточной части лагеря. Около 10 часов утра следующего дня почти 600 пленников, бывших относительно здоровыми, решили любой ценой вырваться из лагеря. Из этих шести сотен свободу увидели только 106 человек — остальные были уничтожены. Судьба же почти 470 пленных (большинство которых составляли старики и тяжело больные), которые не принимали участия в прорыве, нам совершенно неизвестна. Скорее всего, они были убиты и сожжены вместе с лагерными объектами.

В тот же день, 22 апреля 1945 года, только несколькими часами позже, на прорыв попытались пойти и последние узники Кожары. Из 167 заключенных выжили лишь 11».

А вот описание прорыва А. Милетичем:

«Мужчины-пленные, оставшиеся еще в лагере Циглана, поняли, что и им грозит неминуемая смерть. Они решили пойти на прорыв. Руководил ими Анте Бакотич, помогали ему Петар Крстич, Чедомил Хубер, Драгутин Скргатич, Павел Кулаш, Йово Живкович и другие. Около шестисот узников вооружились чем попало — ножами, рабочими инструментами и так далее.

Вечером 22 апреля 1945 года, в 22 часа 15 минут по сигналу, данному Милутином Миричем, пленные выломали все выходы, прорвали оцепление и под возгласы «Вперед, товарищи!» выбежали наружу. Они бежали к восточному выходу из лагеря, который полностью контролировался усташскими огневыми точками. Большую часть бежавших скосил перекрестный пулеметный огонь. Один из повстанцев, Миле Ристич, сумел зарезать ножом усташа с пулеметом, забрал оружие и открыл встречный огонь по лагерной охране, тем самым прикрывая бегство товарищей. Эдо Шайер перерезал телефонные провода, оставив лагерь без связи. До восточного выхода добежали сто с небольшим пленный, из них добраться до свободных краев и выжить смогли менее 80. Более пяти сотен пленный погибли на пути к свободе. Еще примерно 470 пленный, оставшихся в лагере и не участвовавших в побеге, были затем ликвидированы.

В тот же день на прорыв пошли и 167 пленный лагеря Кожара. Ими руководили Станко Гачеша и Захид Букуревич. Около 150 человек смогли выбраться из лагеря, но это никак им не помогло. Чтобы оказаться на настоящей (а не кажущейся) свободе, им нужно было каким-то образом пройти по улицам Ясеновца, перейти насыпь, шоссе и железную дорогу. Вся местность возле них была буквально напичкана бункерами. Беглецы попали под жестокий пулеметный огонь. Из 150 человек, сумевших выбраться из лагеря, пройти этот ад и спастись удалось только одиннадцати».

День прорыва пленный из лагерей III и IV, 22 апреля 1945 года, считается и фактической датой прекращения существования всего комплекса лагерей Ясеновац. Вскоре после этого усташа оставили пустой лагерь, который заняли партизанские части.

ЯСЕНОВАЦ IV (КОЖАРА)

Основан: январь 1942

Прекратил существование: 22.04.1945

Количество жертв:??? (вероятно, не более 1 тыс.)

Тип лагеря: концентрационный

В январе 1942 года, непосредственно в селе Ясеновац, был основан новый лагерь, получивший порядковый номер IV. Его основной постройкой стало здание кожевенной фабрики, по которой лагерь и получил название — Кожара. Новый лагерь располагался примерно в двух километрах от кирпичного завода (лагеря III — Циглана).

Этот лагерь, безусловно, с первых дней существования занимал особое положение в комплексе лагерей Ясеновца. Здесь проводились работы по выделке кожи и производству различных кожаных изделий, одежды, обуви и прочего. Продукция, выпускаемая лагерем, шла на нужды гитлеровской и усташской армии. Выполнялись эти работы в основном евреями — квалифицированными кожевенниками, ремесленниками, мастерами по работе с кожей. А поскольку квалифицированные рабочие — ресурс весьма ограниченный, то и отношение к пленным Кожары было особым.

В отличие от лагеря III (Цигланы), где пленные могли спать и просто на улице, а питаться всем, что могли найти (включая фекалии и траву), пленные Кожары спали в теплых помещениях с удобными лежанками и получали регулярный паек. В первое время существования лагеря им выдавали даже хлеб, что было неслыханной удачей. Работали они тоже в тепле — кожевенная фабрика обогревалась печью.

Разумеется, цена своих мастеров, усташи старались обходиться без высших карательных мер. Единственная массовая ликвидация пленных Кожары состоялась, судя по всему, весной 1944 года. Вероятно, она была спровоцирована неудачной попыткой побега. Да и «массовость» ее была просто несерьезной по сравнению с Цигланой: на Граник были отправлены несколько партий пленных, в первой из них было 27 человек. Можно предположить, что остальные партии были сопоставимы с первой по численности.

Как и Циглана (и весь комплекс лагерей Ясеновац), Кожара прекратила свое существование 22 апреля 1945 года после удачного вооруженного прорыва пленными.

Узнать количество жертв именно лагеря Кожара не представляется возможным. Учитывая особый статус лагеря, можно предположить, что их было очень немного.

ЯСЕНОВАЦ V (СТАРА-ГРАДИШКА)

Основан: май 1941 (в составе комплекса Ясеновац — с января 1942)

Прекратил существование: 24.04.1945

Количество жертв:??? (9 586—80 000)

Тип лагеря: концентрационный

На левом берегу Савы, напротив местечка Стара-Градишка, располагалось здание бывшей исправительной колонии, построенное еще австрийцами. В мае 1941 года усташаи устроили в нем концентрационный лагерь. Первая группа пленных была направлена в Стара-Градишку 19 мая и состояла в основном из сербов — жителей города Славонски-Брод и одноименной общины.

Джуро Медич, торговец, Славонски-Брод: «В конце апреля или начале мая 1941 года в Славонски-Броде прошли первые аресты сербов. Арестовали первую группу из одиннадцати человек, отправили сначала в городскую тюрьму. Потом им вместе с еще одной группой сербов определили сроки лишения свободы — от 1 до 6 месяцев.

Как только сроки наказания стали известны, их отправили в лагерь Стара-Градишка. Там они отбыли свои сроки, после чего трех из них направили в Ясеновац. Как я позже узнал, там их и ликвидировали. Остальных отпустили на свободу».

Осенью 1941 года начал функционировать комплекс лагерей Ясеновац. А уже в январе 1942 года лагерь Стара-Градишка вошел в его состав. Официально лагерь называли — лагерь Ясеновац V. В быту же прижилось другое

название, связанное с местоположением объекта: лагерь Стара-Градишка.

Вся территория лагеря была обнесена шестиметровой стеной, а по форме являла собой неправильный четырехугольник. Его самая длинная сторона — берег Савы. Усташи соорудили смотровые вышки и на насыпи вдоль речного берега, и на углах стен, и над входом в лагерь. Главный вход был с северной стороны, его высокие и просторные ворота позволяли въезжать и выезжать автотранспорту.

Еще во времена австро-венгерского владычества здание тогдашней исправительной колонии было поделено на две части: мужскую и женскую. Усташи использовали их таким же образом, а кроме того, возвели еще одну стену. Она делила территорию еще на две части: в одной находились узники, которым был предписан самый строгий режим содержания; в другой — те, кто пользовался «благами» общего режима.

Помимо вышеописанных, в лагере были еще два отделения: детское и так называемое отделение «мягкого» режима — для хорватов. Центральным же зданием лагеря была средневековая башня, которую простоты ради все так и называли — «Башня». Она была окружена толстыми каменными стенами, и такие же стены разделяли в ней одну комнату от другой. Звукоизоляция была отличной: даже звук пушечного выстрела не проникал за пределы комнаты. «Башня» была местом массовых пыток и убийств. Место, где проводились самые жестокие зверства, получило название «отель Гагро» по имени усташского командира Николы Гагро. Он был известен тем, что пытал и убивал своих пленников с особым зверством, цинизмом и жестокостью.

В «Башне» было также шесть подвальных помещений. Два из них использовались для пыток, а четыре — так называемые «комнаты смерти». Именно в них при-



Векослав Лубурич (с непокрытой головой) и немецкий офицер в лагере Стара-Градишка, дата снимка неизвестна

менялись самые свирепые и чудовищные методы лишения пленников жизни. «Комнаты смерти» представляли собой помещения двухметровой ширины и высоты, длиною в три метра. Цементный пол постоянно был влажным. Туалета в них не было, узникам не давали ни еды, ни воды. Частыми гостями в этих комнатах были огромные и вечно голодные крысы, которые ждали, когда же пленник потеряет сознание или просто ослабеет настолько, что не сможет оказать им никакого сопротивления.

Несмотря на наличие «комнат смерти», лагерь в Стара-Градишке предлагал большинству своих пленников более мягкий режим, чем, например, лагерь Ясеновац III (Циглана). Это объясняется тем, что лагерь Стара-Градишка был предназначен в основном для детей и жен-

щин.

Играл этот лагерь и еще одну роль в усташской системе распределения и уничтожения пленных. Стоит отметить, что после постройки вышеупомянутого лагеря №3 усташа использовали эти лагеря — третий и пятый — как бы в спайке. Это позволяло без особых хлопот проводить массовые ликвидации пленных: выводя их из лагеря, им сообщали, что просто переведут их в другой лагерь. Тем самым практически исключалась вероятность организованного сопротивления: пленники полагали, что на новом месте им будет, возможно, даже легче — и спокойно отправлялись на место своей казни.

Долгое время в Стара-Градишке не было больницы для пленников. Функционировала больница для усташей. Только в 1944 году там появилась больница для заключенных. По сути, это было всего лишь еще одно место их массовой гибели. В больнице было шесть железных кроватей без матрасов и покрывал; их застилали соломой. Больные брюшным тифом и другими заразными заболеваниями лежали на тонком слое грязной соломы и укрывались своей собственной одеждой — точнее, тем, что от нее оставалось. Справляли нужду в единственное ведро, которое выносили нерегулярно, поэтому в здании больницы всегда стоял ужасный смрад. В этой «больнице» не было ни врачей, ни лекарств — она просто давала возможность больным умереть в не самых ужасных (по сравнению с прочими местами лагеря) условиях.

Когда в Стара-Градишку прибыла комиссия Международного Красного креста из Швейцарии, правление лагеря уже провело соответствующую «работу»: белье было выстирано, кровати перестелены, полы вымыты, часть заключенных срочно вывезена в Загреб, еще часть — ликвидирована. Лагерная картотека была заблаговременно уничтожена, все списки пленников были со-

жжены. Комиссия признала условия содержания терпимыми, уехала обратно — и вся жизнь в лагере вернулась к своему привычному виду.

Из секретного доклада посланника Международного Красного креста Юлиуса Шмидлина о посещении лагерей Ясеновац и Стара-Градишка за 02.08.1944:

«27. В середине находится большая ровная площадка, поросшая травой, на ней обустроено футбольное поле.

38. В воскресенье, 16 июля, я присутствовал на театральном представлении. Роль «зала» исполнил один из производственных цехов на территории мужской части лагеря. Актеры — исключительно пленные-мужчины. Из пленных составлен и оркестр. К услугам посетителей — даже гардероб. Публика состоит из пленных мужчин и усташей — они разделены по рядам.

В тот же день был сыгран футбольный матч. Это одно из воскресных развлечений, которые разрешены пленным».

Представляется наиболее вероятным, что про «регулярность» проведения футбольных матчей и театральных представлений Шмидлину рассказали для создания ложного впечатления о хорошем положении дел.

Вопрос: что это был за матч и был ли он один? Чедомил Хубер в книге «Я был узником в лагере Ясеновац» писал, что футбольный матч в Стара-Градишке состоялся «спустя некоторое время» после неудачной попытки побега пленных. Сам Хубер датировал этот побег очень приблизительно — конец 1942 или начало 1943 года. Тогда как Шмидлин говорил о матче, состоявшемся в июле 1944 года.

Можно допустить, что никакого противоречия здесь нет — если исходить из того, что Шмидлин, пребывавший в хорошем физическом и умственном состоянии, записал день игры точно, а изможденный ужасными условиями и тяжелым трудом Хубер мог напутать с дата-



Матч пленных в Стара-Градишке 16.07.1944. Юлиус Шмидлин — слева (с повязкой Красного креста)

ми. Или даже не напутать, а уместить промежуток времени продолжительностью в полтора года в понятие «спустя некоторое время»...

Так или иначе, но до наших дней дошла фотография с того самого матча пленных, который состоялся в Стара-Градишке 16 июля 1944 года.

Уничтожение картотеки лишило нас возможности достоверно узнать, сколько же узников прошло через Стара-Градишку. Тем не менее, некоторые выводы сделать все-таки можно. Так, переживший усташские лагеря Владимир Хранилович, по профессии учитель, родом из сербского города Сремска-Митровица, сообщил, что незадолго до прибытия комиссии (а следовательно, и уничтожения картотеки) он был зарегистрирован в лагере под «круглым» номером 400 000.

Питались узники Стара-Градишки неодинаково. Пленники, находившиеся в «Башне», получали самую плохую еду всего раз в день. Прочим же выдавались мизерные порции, но зато три раза в день. Чаще всего рацион пленных «Башни» состоял из кормовой репы (то есть обычно выращиваемой на корм скоту) без соли и приправ, иногда ее дополняло низкокачественное кукурузное зерно. Пленные, проживавшие в других отделениях лагеря, получали по утрам горячую воду и дешевый суррогат кофе, в полдень — порцию репы, а вечером — суп из кукурузных зерен. Иногда их баловали и кукурузным хлебом — как правило, по 70–100 грамм на человека в день.

Начиная с 1943 года, питание в лагере понемногу становилось все обильнее. Лучше всего питались те узники, которые были задействованы на полевых работах. Хуже всего — цыгане и могильщики: они всегда получали только порцию вареной репы в полдень — и ничего более. Кроме еды, цыган и могильщиков ограничивали и в общении с внешним миром: они могли отправлять письма (и получать их) только в определенное время суток.

Не лучше обстояли дела и с одеждой. Управление лагеря не только не предоставляло пленным одежду или обувь, но и заставляло «сдавать на хранение» любую одежду, находящуюся в мало-мальски хорошем состоянии. Пленные ходили в тряпье и обрывках круглый год. Единственный шанс обновить свой гардероб появлялся тогда, когда умирал чей-то знакомый или сосед по комнате: тогда важно было успеть снять с него (или нее) одежду до появления могильщиков.

Чедомил Хубер, бывший пленником в лагерях системы Ясеновца, говорил о том, что летом 1943 года (когда его перебросили в Стара-Градишку) всех новоприбывших оформляли как заключенных на срок до 3 лет.

По Хуберу, трехлетний срок заключения был максимальным — гораздо чаще в записях встречались значительно более короткие сроки. Впрочем, эти сроки были фиктивны и вписывались лишь для отчетности: сколько времени каждому пленному суждено провести в лагере, зависело от многих факторов — но только не от записи в бумагах.

В своей книге «Я был узником в лагере Ясеновац» Хубер рассказывал об условиях жизни и труда в Стара-Градишке следующее:

«К арестованным за преступления относились лояльнее, чем к политическим заключенным...

Подъем у нас был в 6 часов утра, выход на работу в 7. Работали до 12 и с 14 до 17 часов. С 12 до 14 часов у нас был отдых, включавший в себя обед.

На работе нас практически не трогали, в свободное время мы гуляли по территории. Было электричество, свет и вода. Раз в неделю — купание с дезинфекцией.

Паек: утром кипяток, который называли «чаем», днем — постный суп с кусочками репы, иногда каша из кукурузных зерен без соли, кусок хлеба примерно на 75 г. Вечером такой же суп.

Можно было принимать передачи от родных и готовить полученную еду.

Важнейшее правило поведения — делай самую нужную работу, только чтобы тебя не били, но не перетруждайся — силы, которые потеряешь на работе, уже никак не восстановить.

Пленные были разделены на группы по тому виду работ, который выполняли. Самые многочисленные группы могли состоять из нескольких сотен человек. Самые маленькие — например, группа химиков или специалистов по керамике — всего из нескольких пленных. Большие группы разбивались на подгруппы по десять или сто человек (в зависимости от того, сколько в группе было

людей), и каждой подгруппой управлял десятник или сотник. Группой же командовал бригадир группы. Всех их назначали усташи из числа пленных.

Иногда пленные могли предлагать своих кандидатов на должности десятников, сотников или бригадиров групп. Но окончательный выбор всегда оставался за усташами, иногда даже за высшим командованием. О возможности выбора начальников самими пленными не могло быть и речи.

К каждой группе прикреплялся надзиратель из числа усташей. Его задачей было наблюдать за работой группы, а также за тем, как ей руководит бригадир, насколько добросовестно он выполняет свои функции. Надзиратель также отдавал бригадиру приказы по работе — чаще всего полученные им самим от усташского начальства».

Как уже было сказано выше, в Стара-Градишке было «отделение мягкого режима» — для пленных хорватов. Мужчины спали в так называемых «боксах» — кроватях, поставленных попарно одна на другую, а женщины — в общей комнате на относительно теплом дощатом полу. Кроме того, они могли жить и в восьми специальных комнатах — чистых и регулярно проветриваемых.

Были в лагере и еще несколько более мелких отделений. Например, так называемое «отделение К» — для пленников-коммунистов и тех, кто им сочувствовал. Оно представляло собой группу из пятидесяти грязных и сырых комнат с постоянно влажным полом и стенами. В «Башне», помимо прочего, существовали отделения для сербов, евреев и цыган. Они состояли из комнат длиной 6 метров, шириной и высотой — по три метра. В такие комнаты обычно набивалось по 40–50 людей. Они могли лежать только на боку, и если кто-либо хотел перевернуться на другой бок — это же должен был проделать и весь ряд. Комнаты эти были влажные и грязные, но благодаря постоянно открытому крохотному окну ту-

да постоянно поступал свежий воздух. Впрочем, через это же окно в комнаты забирались и голодные крысы...

Что же касается детей, для них управление лагеря выделило отдельные помещения. Дети в Стара-Градишке были разделены на четыре группы: первая — грудные дети в возрасте до года; вторая — от года до четырех лет; третья — от четырех до восьми лет; четвертая (самая многочисленная) — больные дети разного возраста.

Из свидетельства Цили Хайнрих, узницы лагеря в Стара-Градишке: «У матерей отнимали детей. Молодых и здоровых женщин отправляли на принудительные работы в Германию. В лагере оставались их дети, от 2 до 7 лет. Они умирали от голода и болезней. Полумертвых детей бросали в мешки и вносили в комнаты, куда затем пускали газ. Остававшиеся в лагере женщины пытались облегчить участь живых детей, насколько это было в их силах. Однажды к ним пришел усташ Станко Беванда с мешками и приказал побросать в эти мешки детей. Тогда одна из женщин, мусульманка Хайра Капетанович, вышла к нему и сказала: „Ты можешь убить меня на месте, но я не стану этого делать“. Ее храбрость обезоружила усташа: он растерялся, замолк и ушел».

Елка Цихафер, уроженка Земуна: «Первого мая 1944 года предложили нам добровольно выйти на полевые работы. Я согласилась, всего нас набралось около 80 человек. Из Стара-Градишки нас отвезли в село Ябланац. Оно расположено на берегу Савы между Стара-Градишкой и Ясеновцем. Когда-то это было исключительно сербское село. Мы узнали, что еще в 1941 году все его население было уничтожено. Когда мы прибыли в Ябланац, перед нами предстала картина разрухи и запустения: большинство сельских домов было снесено. По приказу усташей мы принялись разбирать оставшиеся дома, а доски и бревна складывали в одном месте. И в селе, и в лесу на его окраине мы видели множество массовых захоронений.

Все колодцы в селе были отравлены. Усташи приказали нам очистить несколько из них, но вскоре выяснилось, что колодцы забиты почти до краев человеческими скелетами, а также разлагающимися трупами. От идеи очистки пришлось отказаться, и воду для питья мы брали из реки Савы.

В первые дни работ нас только били палками. Но чем ближе было окончание работ, тем строже становились наказания. Когда наши сезонные работы уже были почти завершены, начались убийства. Строже всего карались попытки к бегству: если пленника удавалось поймать, то вместе с ним к расстрелу приговаривались еще от 10 до 20 человек — в зависимости от настроения усташей.

При этом чаще всего случаи бегства были срежиссированы самими усташами. Как правило, они брали кого-то из узников, уводили в бункер и там жестоко избивали, после чего давали ему возможность бежать. После расстрела усташы проводили опрос заключенных, чтобы «доказать», что бегство было «организовано». Расстрелы пленников были публичными: остальные вынуждены были наблюдать за их смертью.

В конце сентября 1944 года нас переправили в лагерь Млака. Это было такое же село, все население которого было уничтожено. Массовые захоронения были разбросаны по всему селу. От одного из пленников мне довелось услышать, что в соседнем лесу находится еще большее количество могил.

В один из обычных рабочих дней мы собирали кукурузу возле самого берега Савы. В тихий послеобеденный час я увидела, как вниз по течению реки прошло речное судно «Усташ», тащивший за собой баржу «Сава». Судно выглядело пустым. Уже под вечер оно вернулось и подошло к пристани Млаки. На берег сошли трое пленников и группа усташей. Один из этих пленников позже сооб-

шил мне, что баржа «Сава» была забита до отказа женщинами, взятыми в Ясеновце. По словам пленника, их было столько, что их пришлось укладывать как дрова в поленницу. На одной из остановок посреди реки все они были убиты, а их тела сброшены в Саву.

Схожая участь постигла и некоторых из нас, работавших на Млаке. Если память мне не изменяет, это произошло 15 ноября 1944 года. Нам приказали построиться, после чего усташи выбрали 160 пленников, большинство из которых были женщины-сербки. Нам сказали, что их отведут в Ясеновац, где им предстоит провести зиму. Мы в самом деле думали, что их просто перебросят в другой лагерь, но наша уверенность в этом растаяла, когда мы увидели, что на баржу зашла и группа пьяных усташей. Это были не только мужчины — были с ними и две усташки, Штефица Поклитар родом из Тузлы и еще одна, о которой я знала лишь, что ее зовут Марица и что она из Вировитицы. Судно «Усташ» и баржа «Сава» отплыли примерно в 9.30 утра вверх по течению, к Ясеновцу. Прошло примерно полчаса, когда мы увидели плывущие по реке трупы. Еще спустя час вернулся «Усташ» — без баржи. На нем находились все те же усташи и усташки. Обе усташки держали в руках чемоданы, которые ранее принадлежали некоторым пленникам. Мне довелось увидеть краем глаза, что они сняли с пленников все драгоценности и вообще все, что потом можно было бы выгодно продать. Штефица Поклитар теперь была обута в дорогие туфли, которые ранее носила моя подруга Ела Витас — она была в числе отобранных усташами и посаженных на баржу».

Лагерь Стара-Градишка был освобожден партизанами 24 апреля 1945 года. Вероятное количество жертв — несколько десятков тысяч.

ДЖЯКОВО

Основан: 01.12.1941

Расформирован: 07.07.1942

Количество жертв: около 3 000

Тип лагеря: концентрационный, женский

В конце ноября 1941 года Еврейская религиозная община города Осиека получила от местных властей приказ: в течение пяти дней найти помещение для почти 2 тысяч женщин и детей. Стремясь уложиться в срок, представители общины изъездили вдоль и поперек всю Славонию, пока не нашли подходящее место. Им оказалось заброшенное здание мельницы возле города Джяково, находившееся на балансе местных церковных властей. Оно являло собой постройку размером 40 на 10 метров, с дощатым полом, без тепла и электричества. Еврейская религиозная община Осиека и местное полицейское управление договорились об основании лагеря. Джяковская епархия сначала воспротивилась этому решению, но вынуждена была все же уступить.

Приказ о создании лагеря в Джяково был издан Отделом III Усташской надзорной службы. Находясь под управлением этого Отдела, вместе с тем как административная единица лагерь Джяково вошел в систему комплекса лагерей Ясеновац.

Как только формальности были улажены, на территории будущего лагеря начались строительные работы. Первая партия пленных, состоявшая из 1197 женщин и детей, прибыла в лагерь из Сараева 2 декабря 1941 года, когда ремонтные работы еще не были закончены. Двадцать дней спустя — 22 декабря — прибыл второй транспорт с 668 пленными. В основном это были еврейки

из Сараева или других городов Боснии. По количеству пленниц Дзяково стал, безусловно, одним из крупнейших женских лагерей в НГХ.

Организацию перевозок заключенных делили между собой Еврейские общины Осиека, Загреба, Славонски-Брода и Сараева. Представители общин регулярно контактировали друг с другом и отчитывались о работе перед усташскими властями.

Жизнь в лагере можно разделить на два периода: первый — с 2 декабря 1941 по 29 марта 1942 года, второй — с 29 марта по конец июня 1942 года.

На протяжении первого периода лагерь управлялся Еврейской религиозной общиной Осиека и — отчасти — самими пленницами. Были назначены управляющий лагеря, его заместитель, ответственный за снабжение продуктами и казначей. Также была создана медицинская служба. Командиром лагеря был назначен Драгутин Майер, офицер полиции из Осиека. Охрану лагеря осуществляли рядовые полицейские из Дзякова — иногда по двое, но чаще охранник был всего один.

Еврейская религиозная община включила лагерь Дзяково в список финансируемых ею лагерей. Но денег стало не хватать буквально с первых же дней. Об этом свидетельствует документ под регистрационным номером гк/G-1659/41, датированный 8 декабря 1941 года — просьба общины о выделении господдержки на содержание пленных в Лоборграде, Дзякове и Ясеновце:

«Мы (члены общины) взяли на себя обязательства по содержанию пленных Лоборграда (около 1500 женщин и детей), Дзякова (около 1200 женщин), а также оказанию помощи в виде отправки дополнительного пайка, лекарств и одежды пленным Ясеновца (около 4000 мужчин). Поскольку наши собственные средства полностью исчерпаны, обращаемся с просьбой о срочной и неотложной помощи в виде ежемесячных выплат

в размере 2 820 000 кун, которые распределяются следующим образом:

1) полное содержание пленных в Лоборграде — 900 000 кун в месяц;

2) полное содержание пленных в Дзякове — 720 000 кун в месяц;

3) дополнительный паек, лекарства и одежда пленным Ясеновца — 1 200 000 кун в месяц;

ИТОГО В МЕСЯЦ — 2 820 000 кун».

Была ли эта просьба удовлетворена хотя бы частично, неизвестно. Учитывая, что многие просьбы схожего рода власти НГХ просто оставляли без ответа, можно предположить, что так произошло и в этом случае.

С администрацией лагеря в этот период тесно сотрудничали и представители Еврейской религиозной общины Сараева: некоторые из них, жившие или временно пребывавшие в Дзякове или Осиеке, даже помогали организовывать лагерь. Жизнь пленниц в это время была несравнимо лучше жизни узников любого другого лагеря НГХ — как под усташским, так и под немецким управлением. Так, местное полицейское управление разрешало пленницам временно покидать лагерь — чтобы, например, купить нужные вещи в Дзякове или поехать на медосмотр в больницу Осиека. Пленных женщин могли свободно навещать не только родственники, но даже и просто знакомые. Больше того: детей младше 10 лет разрешалось брать на воспитание еврейским семьям Осиека и его окрестностей.

Как уже писалось выше, сразу после прибытия первого транспорта лагерные власти организовали медицинскую службу. Все пленницы прошли тщательный медосмотр, который не выявил каких-либо проблем со здоровьем. Медицинская служба приобрела (большой частью за свой счет) достаточное количество одежды и белья, предметы личной гигиены и прочее, что сильно

облегчило жизнь пленниц Дзякова. Но и в этой бочке меда не обошлось без ложки дегтя: усташи, не занятые в медицинской службе, нередко просто-напросто забирали себе часть присылаемых в лагерь предметов.

Управление лагеря приняло решение о том, что пленницы должны отчасти сами обеспечивать своим трудом и себя, и весь лагерь. Поэтому все они были вскоре разбиты на группы — по профессии, способностям и физическим возможностям. Около 400 самых здоровых и молодых женщин были направлены на сельскохозяйственные работы. Прочие начали трудиться на трех открывшихся производствах: керамики, изготовления корзин и прочих предметов утвари, а также в швейной мастерской. Средства, вырученные от продажи лагерной продукции, шли на покупку продуктов питания.

Несмотря на крайне мягкий режим, жизнь пленниц была весьма нелегкой в силу предоставленных им условий жизни. Здание бывшей мельницы, особенно в первые дни существования лагеря, являло собой печальное зрелище: многие окна были выбиты, а обогреть обширные помещения, по которым гуляли сквозняки, было чрезвычайно сложно. Зима же 1941–42 годов выдалась исключительно холодной. Кое-как проблему удалось решить возведением импровизированных печей, на растопку которых пошли ранее собранные 443 кубометра дров. Нужно отметить, что в этом временном периоде паек пленницам выдавался регулярно, к тому же они имели право получать передачи от родственников и друзей.

Случаи гибели заключенных и в это время имели место, однако их было очень мало — три в декабре, 15 в январе и 14 в феврале. Но все эти случаи были следствием запущенных болезней отдельных женщин, которые начали развиваться у них еще на свободе. В первые три меся-

ца существования лагеря в нем не было ни единого случая массового заболевания пленниц.

Увы, такое благоприятное положение дел продлилось недолго. В начале января 1942 года Загребская еврейская религиозная община сообщила своим коллегам из Осиека, что в лагерь Стара-Градишка прибыл крупный транспорт с евреями и сербами (обоих полов) и что они находятся в исключительно тяжелом состоянии. В связи с этим осиекскую общину попросили помочь продуктами. Несмотря на то, что с этим было туго, все же община направила в Стара-Градишку вагон продуктов из лагеря Дзяково. Затем начальству Стара-Градишки было предложено переселить часть пленных в лагерь Дзяково. Векослав (Макс) Лубурич, начальник всех усташских лагерей, 18 февраля 1942 года дал разрешение на переселение в Дзяково еврейских женщин и детей. Группа из 1161 человека (из них около сотни — сербки, остальные — еврейские женщины и дети) была переброшена в Осиек не одновременно: первая часть группы прибыла 26 февраля, остальные — 6 марта. Но произошло неожиданное. Пока усташские командиры договаривались о переброске пленных, Дзяковская епархия решительно отказала начальству лагеря Дзяково в использовании оставшихся свободных помещений для расселения вновь прибывших пленных. Поэтому женщин и детей, прибывших из Стара-Градишки, принялись размещать где попало. Так, для этой цели использовали расположенные неподалеку хлевы — при том, что в эти дни стояли двадцатиградусные морозы. Кое-как на скорую руку сколотили четырехъярусные лежаки — так, что на каждого лежащего взрослого приходилось около полуметра пространства в высоту.

Новоприбывшим пленным строго-настрого запретили как-либо контактировать со старожилами Дзякова. Это, впрочем, не избавило их от нашествия вшей, кото-

рые очень быстро захватили весь лагерь с почти тремя тысячами пленных. Из-за отвратительных гигиенических условий начали распространяться болезни. В какой-то момент они настолько захватили лагерь, что епархия была вынуждена разрешить перестроить одно из пустовавших помещений под нужды больницы.

Начало работы лагерной больницы почти не изменило ситуации к лучшему. В первую очередь из-за того, что невозможно было организовать карантин, равно как и изолировать здоровых от больных на сколь-либо серьезный срок. По данным Еврейской религиозной общины Осиека, в период со времени основания лагеря (декабря 1941 года) до марта 1942 года в лагере находились 850 больных, еще 131 человек умер от болезни.

Событие, которое резко изменило жизнь пленниц в худшую сторону, произошло 17 марта 1942 года. Тогда командующий одной из усташских военных частей, которая в те дни была расквартирована в Дзякове, прибыл в лагерь и потребовал выдать ему со склада продукты на нужды военных. Ему было отказано. Однако работник склада самовольно, без разрешения управы, выдал командующему около 2 т зерна, 400 кг макарон и 100 кг сала. Еврейская религиозная община Осиека обратилась к жупану Хефферу с просьбой заставить военных вернуть продукты. Это и было сделано. Но командующий части, которого в итоге таким образом обделили, отправил жалобу начальству. Начальство среагировало оперативно: 29 марта управление лагерем Дзяково было передано усташскому командованию.

Таким образом, второй период жизни лагеря начался 29 марта 1942 года. В этот день в лагерь прибыла группа усташей из Ясеновца во главе с Любо Милошем. Днем позже Милош явился в здание, где располагалась Еврейская религиозная община Осиека, и заявил им о том, что отныне командование лагерем передано усташам прика-

зом Векослава Лубурича. Тем не менее, Милош разрешил троим членам общины и далее посещать лагерь с целью проверки здоровья пленных, качества их питания и помощи в поддержании гигиены. Новым командующим лагеря был назначен Йозо Матиевич.

Положение дел в лагере стало ужасающим. Жестокое обращение с пленными стало обычным делом. Избивали их ежедневно. Об этом можно судить, помимо прочего, по трупам: многие из них были все синие от побоев. Очень скоро сотрудникам еврейской общины запретили посещать лагерь, изъяв ранее выданные им пропуска — дабы скрыть от внешнего мира положение дел в лагере. Единственные представители внешнего мира, которым разрешалось посещать лагерь, были врачи-дезинфекторы. Но и их права были чудовишно ограничены: за общение с пленными, тайную передачу им посылок или еды, а также за рассказ о внутренних делах лагеря за его пределами их ждала смертная казнь.

Вслед за болезнями в Дзяково пришел голод. Дневные порции теперь составляли от двух до трех картофелин и немного хлеба. Важно отметить, что, хотя усташки начали управлять лагерем с 29 марта, снабжение пленными продуктами и прочими необходимыми предметами еще долго происходило за счет Еврейской религиозной общины Осиека. Только 8 июня 1942 года снабжение лагеря взяла на себя Усташская одбрана (тогда она еще была Отделом № III Усташской надзорной службы).

Но не стоит думать, будто голод в лагере наступил из-за того, что еды было недостаточно. Одна только лагерная пекарня за 7 месяцев существования лагеря испекла более 75 тонн хлеба. Дело в том, что почти все продукты усташки делили между собой, отдавая пленным остатки. Особенным образом они делили хлеб между детьми. Их отделяли от взрослых, собирали в одном месте и бросали им целую краюху хлеба, наслаждаясь зрелищем того, как

полумертвые от голода дети яростно дерутся друг с другом за каждый кусочек. Иногда, для остроты ощущений, к ним запускали пса-волкодава...

В мае количество больных продолжило резко расти, что вызвало в высших государственных кругах идею о расформировании лагеря. Министерство здравоохранения 18 мая 1942 года опубликовало требование к Усташской одбране расселить пленных Джякова в течение ближайшего месяца. В требовании также указано, что всех здоровых пленных нужно поместить в двадцатидневный карантин, а больных прежде всего тщательно дезинфицировать вместе со всеми личными вещами. Кроме того, министерство предложило и схему реализации проекта расселения: питание, лечение и уход за больными предлагалось взять на себя еврейским общинам, а контроль за проведением этих мероприятий — государственным органам.

Требование расселить лагерь выдвинуло и правительство местного котара — указав на то обстоятельство, что лагерь находится в непосредственной близости к городу Джяково и заразные болезни могут добраться до горожан. Расформировать лагерь просила и джяковская епархия. Безусловно, многочисленные просьбы, шедшие из самых разных организаций, ускорили ликвидацию лагеря.

Расформирование лагеря Джяково началось 15 июня 1942 года, а завершилось 5 июля того же года. Было набрано три транспорта, в каждом из которых поместилось около 800 пленных. Все пленные были ликвидированы — проверенных данных о том, что кто-либо из отвезенных этими транспортами остался жив, нет. Дата, место и способ ликвидации неизвестны. Наиболее вероятно предположение, что их отвезли в Ясеновац, на Градину, где они и были уничтожены все до единого сразу после прибытия.

Что касается количества умерших в самом лагере, наиболее правдивыми кажутся цифры от 500 до 600 человек. До наших дней дошло несколько списков джяковских жертв: один содержит имена 49 детей в возрасте от нескольких дней до десяти лет; другой — 387, третий — 507 и четвертый — 566 имен. На джяковском кладбище Острак (Нарцисса Ленгел-Кризман в своей книге «Женские распределительные лагеря 1941 — 1942 годов» утверждает, что это единственное кладбище пленных лагерей в Хорватии) написаны имена 569 похороненных, тогда как результаты реконструкции похорон говорят о 587 людях. Некто Степан Колб, уроженец Осиека, работавший тогда на кладбище в Джяково могильщиком, сообщил о 566 захороненных. Колб составил примерный список жертв, который и передал в 1945 году на хранение Союзу еврейских общин Югославии в Белграде. В списке Колба многие жертвы упомянуты даже с местом их рождения. Если верить этим данным, жертвы лагеря Джяково были родом из Сараева, Зеницы, Высоко, Травника, Турбета, Маглая, Дервенты, Тешня, Босански-Брода, Горражде, Чайниче, Грачаницы, Биелины, Власеницы, Тузлы, Вышеграда, Босански-Петроваца, Бихача, Бугойно, Яйце, Мостара и других населенных пунктов. Некоторые еврейские женщины и дети до ареста и отправки в лагерь жили в Баня-Луке, Славонски-Броде, Олово, Славонска-Пожеге, Врполе, Винковцах, Нова-Градишке, Нашице. Были и уроженки Загреба, Апатина, Дарувара, Вуковара, Копривницы, Вараждина, Подравска-Слатины, Мурска-Соботы, Петринья, Лудбрега, Сомбора, Чаковца, Карловца, Вршаца, Белграда, даже Скопье и Битола...

Большинство обнаруженных на джяковском кладбище тел были голыми, со следами физического насилия. Некоторые — вероятно, золотые — зубы были вырваны.

Отдельная — не менее ужасная участь — постигла молодых девушек и женщин. Их усташи выделяли из общей

массы пленных и селили у себя. Эти девушки и женщины работали преимущественно в амбулатории, помогали проводить дезинфекционные работы. Все они обязаны были вступать в интимную связь с усташами. Когда ликвидация лагеря была в самом разгаре, их всех неизвестным способом убили и закопали между двумя железнодорожными путями. Эксгумация, проведенная 6 ноября 1945 года, показала, что на этом месте лежат 11 черепов и скелетов, принадлежавших молодым женщинам в возрасте от 18 до 25 лет. Способ убийства неизвестен; ясно лишь, что их голые трупы скинули в яму и залили слоем жидкой извести.

Седьмого июля 1942 года лагерь Дзяково официально прекратил свое существование.

ОБЩЕЕ О ЯСЕНОВЦЕ: ОРГАНИЗАЦИЯ, ФАКТЫ И МНЕНИЯ, ПРЕКРАЩЕНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

...После того, как читатель получил общее представление о том, как образовался Ясеновац и какие лагеря входили в его состав, имеет смысл более детально рассмотреть не только общую его организацию, но и вообще все известные факты, дошедшие до наших дней. К сожалению, достоверной информации очень мало — и это несмотря на то, что проблемой Ясеновца интересовались сразу после окончания войны не только в Югославии, но и в Израиле, и в США. В СССР эта тема не получила широкого распространения, а в современной России и вовсе никому не известна — за исключением крайне узкого круга любителей и специалистов-историков.

Та информация, которой мы располагаем на сегодняшний день, получена из двух основных источников: научных работ и рассказов или рассказов бывших пленных. Если первые отличаются систематичностью, то вторые — удивительной подробностью изложения и неповторимым эмоциональным окрасом.

Вот, например, несколько выдержек из книги Н. Матаушич «Фотомонография Ясеновац», уже упоминавшейся ранее:

«Жертвами Ясеновца были и хорваты — коммунисты, антифашисты, солдаты Народно-освободительной армии Хорватии, вообще любые противники усташского режима.

*

Существует огромное количество подсчетов, мнений, предположений о количестве жертв Ясеновца. Разница в называемых цифрах огромна — от двадцати тысяч до миллиона и более. Крайне редко предлагаемые цифры основаны на результатах научных исследований, и в основном такие неподтвержденные данные используются в политических целях. Спекуляция на цифрах стала возможной еще и потому, что Список жертв войны на территории Югославии, составленный еще в 1964 году, был опубликован только в 1992 году. Согласно данному Списку, на Ясеновац пришлось 49 602 человека, на лагерь Стара-Градишка (принадлежал системе лагерей Ясеновац) — 9 586 человек. (Официальное название данного Списка — «Список жертв войны 1941—1945 — усташский лагерь Ясеновац». Его копию сделал в 1998 году Адия Зульфикарпашич, основатель Бошняцкого института в Швейцарии).

Проведенные затем дополнительные исследования, однако, ясно дали понять, что эти цифры можно смело увеличить еще как минимум на 40%. Любопытно, что весьма близкие цифры получили в своих исследованиях независимо друг от друга два демографа: хорват Владимир Жерьявич (около 83 000) и серб д-р Боголюб Кочович (около 70 000). Эти цифры подтверждаются и результатами исследования жертв войны (с использованием персональной идентификации), опубликованными в 2005 году. По данным исследователей, во всех лагерях системы Ясеновац было убито 80 022 человека, из которых 46 679 сербов, 11 111 евреев, 7 745 цыган, 6 319 хорватов, 919 мусульман и 7 174 человека с невыясненной национальной принадлежностью.

*

В Ясеновце не было газовых камер.

*

Заклученные не носили никаких значков или элементов одежды, которые бы говорили об их статусе. Они

не носили какой-либо тюремной одежды, не были обозначены номерами. Когда 6 февраля 1942 года в лагерь прибыла Международная комиссия, пленникам навесили на одежду ленточки с номерами: евреям — желтые, сербам — белые, хорватам — красно-белые. Но это было исключение из правил, а не постоянная практика.

*

Существует мнение, что после окончания войны новые, коммунистические, власти продолжали использовать территорию лагеря для содержания, принудительного труда и ликвидации своих политических противников.

*

О Ясеновце к 2000 году было опубликовано 1188 книг, 1544 мемуаров и статей, а также 108 сборников документов».

К сожалению, даже здесь есть информация, достоверность которой может быть поставлена под сомнение. Так, по Н. Матаушич, «заключенные не носили никаких значков или элементов одежды, которые бы говорили об их статусе. Они не носили какой-либо тюремной одежды, не были обозначены номерами. Когда 6 февраля 1942 года в лагерь прибыла Международная комиссия, пленникам навесили на одежду ленточки с номерами: евреям — желтые, сербам — белые, хорватам — красно-белые». Однако в музее Ясеновца, который я посетил в мае 2018 года, были представлены только 2 типа повязок: желтые — для евреев, светло-голубые (а не белые) для сербов. Повязок же, предназначавшихся пленным хорватам, в музее обнаружить не удалось.

При этом о белых повязках для сербов писала не только Н. Матаушич. Например, Антун Милетич в книге «Концентрационный лагерь Ясеновац» сообщал: «Усташское правительство... приняло ряд законов и подзаконных актов, приказов, решений и проч., в числе которых были... решение о введении опознава-

тельных знаков — желтых для евреев и белых для сербов».

А вот Драго Чолакович в своей книге «Ясеновац» писал о повязках: «... на январь 1942 года сербы носили голубые повязки, евреи — желтые, хорваты — красные». Эта картина куда больше соответствует тому, что я увидел своими глазами в музее Ясеновца. Если предположить, что конкретно в те дни хорватские повязки временно изъяли из экспозиции, то сходится вообще все. Но почему же другие авторы считают иначе и кто из них прав?...

...По А. Милетичу, Ясеновац управлялся так называемой Усташской управой с командиром во главе. Усташская управа была разделена на семь отделов, каждый из которых выполнял свои задачи. В целом управа решала вопросы о планировании и распределении принудительных работ, распорядке дня пленных, снабжении их пайком, обеспечении всем необходимым командного состава управы, определяла меры наказания пленных (включая пытки и убийства) и обеспечивала их реализацию, занималась административными вопросами, а также контактировала с внешним миром.

Была также и внутренняя лагерная управа — занимавшаяся исключительно вопросами узников. Возглавлял эту внутреннюю управу так называемый «лагерник» из числа заключенных. «Лагерника» назначали усташки: как правило, для этой цели они выбирали отбывавших «гражданские сроки» преступников. Лагернику подчинялись начальники групп, ниже них в иерархии располагались сотники, пятидесятники и десятники. Всех их назначали усташки из Усташской управы.

В середине 1942 года штабы Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) предприняли попытку обменять группу пленных немецких и домобранско-

ушташских офицеров на находившихся в Ясеновце партизанов, членов Коммунистической партии Югославии (КПЮ) и Союза коммунистической молодежи Югославии (СКМЮ, аналог советского комсомола). Переговоры с небольшими перерывами продолжались с августа 1942 по декабрь 1943 года. В результате обе стороны пришли к соглашению и даже договорились о порядке, месте и времени регулярных разменов военнопленных. Судя по всему, неизвестно, сколько коммунистов и скоевцев (от сербохорв. СКОЈ — Савез комунистичке омладине Југославије, то есть СКМЮ) было спасено таким образом конкретно из Ясеновца; если же брать все лагеря НГХ в общем, получится цифра в 800–900 человек.

Первое массовое убийство в Ясеновце было совершено в начале 1942 года. Тогда ушташский поручик Станиша Василь перевез через Саву на Градину около трех сотен сербов и там их ликвидировал.

С тех пор большинство массовых убийств проводилось именно на Градине. Там была уничтожена группа из 8 тысяч славонских крестьян, группа из 7 тысяч козарчан, там были ликвидированы практически все цыгане с территории НГХ, а также многочисленные группы еврейских женщин и детей, ликвидировали там семь партизан из Ливно, Коньница, Приедора, Баня-Луки и других краев Боснии и Герцеговины.

В октябре того же года комендант Ясеновца Векослав Лубурич (также известный под прозвищем «Макс») хвастался количеством убитых: «...в этом году мы тут в Ясеновце уничтожили больше людей, чем Османское царство за весь период владычества в Европе».

Из доклада сотрудников немецкого посольства в Загребе министерству иностранных дел Рейха о состоянии дел в Ясеновце в феврале 1942 года:

«Штаб лагеря: комендант Лубурич, заместитель, 2 адъютанта.

Копия личной карточки каждого узника хранится в Загребе.

В карточке — персональные данные, информация о виде работ и поведению. Каждые 14 дней узник оценивается заново.

На усташей также заводилась картотека. Также личные карточки. Усташ должен был дать клятву, в том числе — не злоупотреблять положением, не обогащаться за счет пленных. Нарушение каралось смертью (клятва давалась перед общей могилой десяти расстрелянных за нарушение клятвы усташей).

Лагерь — переоборудованное здание кирпичного завода. Пленные размещены в деревянных бараках, примерно по 100 человек в каждом. Бараки безупречны, для сна предусмотрены двухъярусные кровати. Есть также кухонный и санитарный бараки. Санитарный барак состоит из двух помещений: комнаты осмотра больных (их обслуживают два врача-еврея, хирург и зубной врач) и больницы. Пациенты лежат на отдельных одноместных койках, у каждого свое белье. Ординаторская хорошо оборудована, в шкафах достаток инструментов. Перед ординаторской — ванная комната. Кухонный барак поделен на склад и собственно кухню. Здесь также все устроено очень хорошо. Предлагаемые блюда приготовлены вчера, они 100% лучше того, что в Загребе может позволить себе обычный рабочий. По данным коменданта лагеря, ежедневно на кухню поступает по 7 коровьих туш, или другое мясо в схожих количествах. На одной из обнаруженных таблиц, например, были указаны суточные нормы — в том числе, 300 граммов мяса на человека.

На территории лагеря — несколько хлевов. Самые большие рассчитаны на 170–180 голов крупного скота, меньшие — на 130 голов свиней, есть и птичники на 100 уток или гусей, есть также небольшая отара овец.

Убой животных производится в отдельном бараке, также находящимся в безупречном состоянии. Идет постройка отдельного здания для будущей пекарни и складских помещений, постройка еще трех зданий планируется.

Дисциплина в лагере хорошая. Лагерь в своем нынешнем состоянии оставляет хорошее впечатление. Можно отбросить как необоснованные все слухи, которые ходят о Ясеновце. Сейчас в лагере находится около 1000 человек, примерно 75% от этой цифры приходится на евреев. Остальные — сербы, цыгане и коммунисты. Они носят знаки различия в виде красных, зеленых, синих и желтых нарукавных повязок».

Отрывок из статьи Германа Пребста от 3 марта 1942 года о посещении Ясеновца (опубликована в усташской газете «Готовность» 3 марта 1942 года в Загребе):

«... Из всех пленных самое хорошее впечатление оставляют коммунисты. Это уверенные в себе рабочие, аккуратные, видна их готовность не просто когда-то выйти на свободу, но и начать новую жизнь.

Сербы кажутся какими-то беспросветными, тупыми. Нет никаких признаков воли. Евреи делятся на три типа: первые отчаянно берутся за любую работу, делают все, лишь бы улучшить свое текущее положение. Другие — хитрецы: всегда ищут теплого местечка, берутся за работу только тогда, когда кто-то к ним заходит; они могут дерзко смеяться в лицо и делать вид, будто им все нипочем. Третьи выглядят серьезно, их взоры угасшие, они словно смотрят в пустоту, на них лежит печать сломленного сопротивления.

Врач уверяет нас, что в лагере никогда не было вспышек заразных заболеваний. По его словам, самое частое заболевание — простуда.

Бросается в глаза, что лагерь делали с расчетом на его полную автономность — по крайней мере, в вопросах пропитания. Хлевы полны скота, птичники — птицы,

есть тут и овцы. Управляет всем этим хозяйством фермер-еврей из Аргентины. Он тут — единственный человек с довольным выражением лица.

Глупо было бы утверждать, что пребывание в лагере для пленных — забава. Оно и не должно ею быть. Потеря свободы — не та вещь, с которой легко смириться. Но, рассуждая об этом, нужно сперва обзавестись определенными знаниями. Желание обнаружить сенсацию тут неуместно. Тот, кого интересуют ужасы, мог бы удовлетворить свое любопытство, посещая тюрьмы югославского короля.

Когда мы уже ехали обратно на станцию, обращали внимание на бледные лица крестьянок, видневшиеся из-за неплотно прикрытых окон. Их взгляды рождали у нас мысли о том, что вот этим хорватам на протяжении столетий было тяжелее, чем пленникам лагеря, которых мы только что покинули».

В декабре 1942 — январе 1943 года по приказу Лубурича была сожжена картотека и вся документация по комплексу лагерей Ясеновац, содержащая информацию о пленных. Лубурич знал о том, что 21 января 1943 года вступит в силу подписанный Павеличем закон «О роспуске Усташской надзорной службы» и что его, Лубурича, заменят на руководящих постах кем-то другим. Поэтому уничтожение всей документации выполняло сразу две задачи: во-первых, не оставалось свидетельств о количестве жертв, во-вторых — Лубуричу было выгодно передать дела новому начальству «с чистого листа», как будто ничего особенного за время его руководства и не случилось. Конечно, Лубурич завел новую картотеку, которую и продемонстрировал позже — но число записей в ней было смехотворно малым по сравнению с первоначальной, уничтоженной.

Убийства в Ясеновце были делом обыденным. Но жестокость, с которой убивали отдельных пленных, пора-

жала воображение даже гитлеровских солдат. Вот лишь один пример, описанный Д. Чолаковичем:

«Привели группу сербов из Пакраца. Сотрудник лагерной канцелярии, Маткович, узнал одного из них, по фамилии Дивьяк — он был хозяином ресторана. Маткович подошел к нему и спросил:

— Узнаешь меня?

Дивьяк ответил, что не узнает.

— Ха, мать твою, помнишь ли, как я с компанией пришел в твой ресторан, а ты отказался выделить нам столик?

— Не помню такого.

— Так сейчас вспомнишь! Любо, дай мне этого, — обратился он к Милошу.

— Бери.

Маткович приказал связать Дивьяку руки проволокой. Одним ударом приклада он свалил его на землю. Затем он достал каму (вид ножа) и разом вскрыл ему левую половину грудины. Раздался ужасный вопль. Мгновение — и Маткович держит в руке сердце.

— Так мстит Маткович, — заявил он и бросил сердце на землю».

...Но до того, как мстить, пытаться и уничтожать пленных методами, невыносимыми в цивилизованном мире, их еще нужно было привести в лагерь. Каким образом это осуществлялось? Оказывается — по-разному. Широко распространен был обман, когда людям говорили, что им нужно пройти, например, в полицейский участок на «разговор» или еще нечто столь же несущественное. Доверяя представителям власти, люди отправлялись в неизвестность, даже не взяв с собой никаких запасов еды или одежды. Зачем, если они верили, что через несколько часов снова будут дома или на работе?

Так, например, поступили с Драго Чолаковичем:

«...И тут мне преградил путь полицейский:

— Будьте добры проследовать за мной, нужно явиться на слушание к майору.

— Какое слушание? — спросил я.

— Не знаю, но это ненадолго.

Мы остановились перед небольшим зданием. Двери отперли и впустили меня внутрь.

Потом двери стали открываться чаще. Мы набились в эту каморку, словно сардины в банку. Духота стала невыносимой. Ни о каком слушании нам не было сказано ни слова».

Успокаивающую ложь могли использовать и на следующем этапе — погрузке в вагоны для отправки в лагерь. Д. Чолакович писал: «... проводник сообщил нам, что нас везут в Загреб на трехнедельные принудительные работы на фабрике — шить военную одежду. Все мы выдохнули с облегчением».

Но иногда людям сразу говорили о том, что их ждет отправка в лагерь. Впрочем, не уточняя, что именно их там ждет. Неизвестность — прибежище не только страха, но и надежды. Поэтому и в этом случае люди не слишком переживали о своем будущем. Таким образом, например, был арестован и отправлен в Ясеновац Эгон Бергер. Ниже — отрывок из его книги «44 месяца в Ясеновце»:

«Трамвай, в котором я ехал на работу, остановился на углу улицы Драшковича и Радишиной. Именно на Радишиной улице, в доме №3, я и работал. Еще у входа я заметил человека весьма подозрительного вида: с первого взгляда было ясно, что это агент. Иначе говоря — один из тех людей, которые арестовывали сербов и евреев, чтобы затем переправить их в лагерь.

Как только я вошел внутрь, он проследовал за мной и спросил у меня, действительно ли меня зовут Эгон Бергер и действительно ли я здесь работаю. Я ответил утвердительно на оба вопроса. Агент сказал, что меня отправят в лагерь и что я должен зайти к себе на квар-

тиру, чтобы забрать там личные вещи первой необходимости.

Как только я вышел из дома, в спешке кое-как похватав все необходимое, меня отвели в тюрьму, где уже сидели другие будущие узники лагерей. Как я узнал, всех нас должны были послать в один и тот же лагерь — Ясеновац.

Три дня мы провели в тюрьме. Утром четвертого дня нас вывели в тюремный двор и под усиленной охраной распределили по машинам. Нас привезли ко входу в огромное на вид здание — это был склад фабрики «Кристалум». Здесь мы, шестьдесят три человека, должны были провести еще какое-то время, пока не определится наша дальнейшая судьба. Мы не знали, что нас ждет, но были полны оптимизма. Рассуждали мы так: в крайнем случае нас отправят на принудительные работы на некоторое время — это казалось не таким уж и страшным.

По прибытию на фабричный склад нас ожидало первое знакомство с усташами, которым стражники передали нас. Новые вершители наших судеб встретили нас градом ударов и оскорблений, ясно дав понять, что теперь вся жизнь любого из нас зависит от их милости или немилости.

Пол склада был бетонный, а одеяла были лишь у некоторых счастливых. Никаких удобств предусмотрено не было, и нужду мы справляли прямо в здании склада.

На следующее утро ворота склада открылись, и к нам присоединилась очередная группа евреев. Очевидно, их арестовывали по всему городу. Это было совсем несложно, ведь все евреи должны были носить на груди и спине особые нашивки — желтого цвета с заглавной черной буквой *Ž* посередине.

Спустя одиннадцать дней — то есть 10 сентября — нас затолкали в вагоны поезда, который вскоре тронулся. Мы уезжали в неизвестность...»

Следующий важный этап в жизни пленных — их прибытие в лагерь. Э. Бергер описывал его так:

«На следующий день — 11 сентября 1941 года — мы в количестве сорока человек прибыли к месту назначения. На станции нас встретили почти две сотни вооруженных до зубов усташей, которые разбили нас по колоннам и погнали по тропе через лес.

День выдался жарким. Никто из нас не посмел остановиться, хотя нам предстояло пройти три километра по жаре, с грузом личных вещей. Те, кто уставал сильнее прочих, понемногу избавлялись от своего груза, выкидывая то, что считали наименее ценным.

Но вот, наконец, мы прибыли на место. Одного взгляда хватило, чтобы понять, что представляет собой лагерь в «Новой Европе» под немецкой оккупацией. Пространство, представлявшее собой квадрат неправильной формы со сторонами длиной около 500 метров, было огорожено колючей проволокой. Внутри же располагались три барака, которые были сложены из таких старых и полуразваленных досок, что в щели между досками можно было просунуть руку. Было совершенно очевидно, что эти бараки не могут служить защитой от осадков и ветра.

В первых двух бараках были размещены примерно семь сотен евреев, которых ранее, до нас, перебросили сюда из лагерей острова Паг. Они уже перенесли множество мучений, самым страшным из которых был ужасный голод.

Третий барак занимали сербы в количестве около шести сотен. При этом каждый барак был рассчитан всего на триста пятьдесят человек. Когда же к прежним обитателям бараков присоединилась и наша группа, теснота стала чудовищной. На каждого человека приходилось по 40 сантиметров пола. Когда мы смешались со старыми пленниками, мы увидели, как и по ним, и по их одежде

ползали полчища вшей. Они довольно быстро перебирались со старых жителей бараков на нас — новоприбывших».

А вот как описывал первую встречу с комендантом лагеря Д. Чолакович:

«Часов в десять в лагерь прибыл Лубурич. Собрав нас, он заявил:

— Сербы, я отделил от вас крестьян и распределил их на работу по деревням. Знаю, что в ваших рядах еще немало осталось крестьян. Пусть остаются — они мне понадобятся и тут. После случая бегства мы не казнили вас — казнили других, в Загребе. Но предупреждаю: если случай бегства повторится — я вас буду расстреливать на месте. Двадцать, пятьдесят, сто — сколько я захочу. Мы, хорваты, работали на вас, сербов, двадцать лет — может и каждый серб поработать на НГХ шесть недель. Даю вам торжественное слово усташа, что все сербы в возрасте от шестнадцати до пятидесяти лет, пройдя через этот лагерь, научатся работать. Мы будем возводить насыпь. Все поняли?

— Поняли, — ответили мы».

Итак, пленных собрали, привезли в лагерь, познакомили с распорядком. Что ждало их дальше? Многого становится понятно при прочтении книги Э. Бергера «44 месяца в Ясеновце», отрывки из которой приведены ниже.

«III

БОЛЬШАЯ НАСЫПЬ

В конце сентября начались работы по возведению насыпи, к которой прочно приклеился эпитет «большая». Работы на большой насыпи открыли новую страницу в нашей лагерной жизни — страницу массовых ежедневных убийств.

Вставали мы в половине третьего утра. На первых порах мы получали порцию теплой воды: в ней немно-

гие счастливицы «заваривали» сохранившийся у них чай. Но, повторюсь, воду мы получали только в первые дни — позднее нас лишили и этого удовольствия. В пять утра мы выходили на работу. Усташи подгоняли нас ударами ружейных прикладов и грозными окриками. Через час мы уже были на насыпи. Начав работу в шесть часов утра, в десять часов мы получали десятиминутный перерыв. После перерыва — работа до полудня. В полдень мы возвращались в лагерь, где и обедали. Нашим обедом обычно были две-три вареные картофелины, порой гнилые. Впрочем, и гнилые клубни мы ели с такой же жадностью, как и нормальные. Сразу же после обеда, без перерыва на отдых, мы шли обратно к насыпи, чтобы продолжить работу.

Основание насыпи было около двадцати четырех метров в ширину. Одни пленные копали землю и наполняли ей тачку, другие отвозили наполненные тачки, а третьи — опорожняли привезенные тачки.

Иногда, копая землю, мы натыкались на корневища капусты, репы, моркови или чего-то иного в том же духе. Это был для нас настоящий десерт — в отличие от травы и листьев, которыми мы питались, чтобы хоть как-то унять сильный голод. Хотя усташи и видели наши мучения, хотя и знали, что ничем нас не кормят, что дожди заливают наши бараки, что по нашим телам ползают бесчисленные вши — били нас и кричали, что мы не желаемшие работать лентяи.

Ежедневно к нам в лагерь прибывали новые пленные. Это были люди самых разных профессий, люди разной веры и национальности. Присылали нам преступников из тюрьмы в Копривнице, сербских крестьян и городских жителей, хорватов-работяг и хорватов-интеллигентов... В бараках больше не было места: оставалось только сидеть с поджатыми ногами. Дождь, хлеставший снаружи, не оставил в бараках ни одного сухого уголка. Вскоре

уровень воды в бараках дошел до полуметра. Люди умирали, с каждым днем — все чаще. Тела умерших сначала плавали по барaku, а потом — и снаружи. Эти первые смерти мы переживали тяжело. Впрочем, со временем мы все меньше и меньше переживали по этому поводу — ведь смертей с каждым днем становилось все больше, и из ужасного исключения смерть понемногу перешла для нас в разряд обыденности. Люди по-разному сопротивлялись этим ужасным условиям существования: у кого-то запас сил и энергии был достаточно велик, но были и те, которые угасали уже на пятый-шестой день лагерной жизни.

Я довольно скоро перестал ощущать страх перед возможностью вот так же плавать по барaku безжизненной массой. Этот страх был побежден голодом. Голод вытеснял из меня все человеческое, оставляя лишь одно острое желание — наестся. То же самое ощущали и мои товарищи. Нашей мечтой был хлеб. Мысль о хлебе непрестанно занимала нас на протяжении всех четырех лет, которые мы провели в лагере.

Иногда нам давали на обед суп из фасоли. Тогда все старались оказаться в последних рядах общей очереди — поскольку на дне котла было больше фасоли, чем на поверхности.

В первые дни лагерной жизни среди нас были те, кто еще сохранили гордость и старательно ее демонстрировали. Так, они демонстративно не выбирали место в очереди за супом, словно показывая, что им все равно, выпадет ли на их долю жиденькая верхушка котла или гуща на дне. Тогда еще видны были разные характеры, которые отличали одного узника от другого. Позднее же, когда голод начал показывать свой звериный лик все яснее и беспощаднее, мы перестали быть людьми. Быть безразличным тогда означало лишь одно — быстро сгнить.

Был у меня приятель, с которым мы были знакомы еще до ареста. Он приходился мне каким-то дальним родственником. Голод, тяжкий принудительный труд и ужасная сырость подточили его: он постоянно желал себе скорой смерти. Однажды, в середине октября, мы с ним работали на насыпи. Он копал землю, а я ее отвозил. С другой стороны насыпи проходила сельская дорога. И какая-то из проезжавших по ней повозок переехала насмерть неосторожного пса. Когда я возвращался на насыпь, катя перед собой пустые тачки, я увидел этого пса и мне вспомнилась какая-то книжка Джека Лондона, которую я читал еще в детстве. Там, помнится, во время великого голода люди убили и съели любимую собаку. Тогда, читая эту историю, я испытывал жалость к бедному животному. Сейчас же, глядя на труп раздавленного пса, я испытывал только одно чувство — голод.

Мне удалось взвалить труп пса на тачки незаметно для усташей. Если бы они увидели это — со мной, безусловно, было бы тотчас покончено. Усташи запрещали нам есть даже корни, которые мы находили во время работы.

Добравшись до своего приятеля (которого, кстати, звали Вилко), мы затащили труп пса в ближайшие кусты. Мы договорились, что сначала поест он, а я в это время буду копать землю. Затем он пойдет отвозить наполненные тачки, а я примусь за обед. Когда я наполнил тачки землей и вернулся к Вилко, я нашел его совсем другим человеком. Еда преобразила его: в его взоре появилась надежда и воля к жизни.

Однажды, в глухую дождливую ночь, усташи отправили меня и еще пятьдесят человек отбывать наказание в особой клетке. Она стояла под открытым небом и представляла собой пространство, огороженное со всех сторон колючей проволокой. На высоте около 60 сантиметров располагался «потолок» — все та же ко-

лючая проволока. «Клетку» забивали провинившимися узниками так, что места для того, чтобы лечь, не оставалось — а стоять прямо из-за низкого потолка тоже не было возможности. Где-то за час до полуночи к нам подбросили еще одного страдальца — это был какой-то старик.

В три часа утра начальник стражи вывел нас наружу и приказал построиться. Начальник стражи вывел вперед старика и заставил его сесть на стул, в то время как мы все стояли. Какой-то усташ принес две чашки кофе — начальник стражи предложил одну из них старику. Тот же скинул с себя рубашку и шагнул вперед со словами: «Стреляйте уж меня, все равно я не жду от вас никакой милости! Можете убить меня, но то, что есть во мне, вы не убьете!»

Начальник стражи цинично рассмеялся и ответил: «Ну мы же, усташы, не какие-нибудь некультурные, мы не убиваем! Мы даем жить и нашим неприятелям — только они должны искупить свою вину!» Затем он поднес лампу к лицу старика и стал вырывать пучки волос из его бороды. После каждого вырванного пучка он требовал от старика кричать: «Да здравствует Поглавник! Да здравствует Хорватия!»

Когда эта ужасная церемония была завершена, старик обратился к начальнику стражи: «Кого же вы хотели убедить в вашей правоте, когда я должен был кричать здравицы под пытками?» Вопрос привел начальника стражи в полное замешательство — он даже не нашелся, что на это ответить.

VIII

ШЕСТНАДЦАТЬ ВЫЖИВШИХ

На третий день нашего пребывания в лагере Циглана от нашей группы из шести сотен человек осталось лишь пятьсот. Но к нам постоянно подселяли новых пленников, так что иногда общее число заключенных доходило до семи сотен.

Здесь мы нашли склад капусты — он стал для нас единственным источником пищи. Многие из нас были схвачены во время посещения склада и тут же убиты, но это никого не останавливало — ведь что-то есть нам все равно было нужно.

Около полудня третьего дня за нами пришла группа усташей, которые вывели нас на улицу и повели куда-то. Никто из нас не знал, куда именно. Через несколько минут мы пришли к сушилу для черепицы, где и остановились. У сушила не было стен — только крыша на столбах. Здесь мы должны были остаться на неопределенное время. Стоял десятиградусный мороз, сыпал густой снег, был сильный ветер. Мы стали прижиматься друг к другу, чтобы хоть немного согреться, но это мало помогало. Некоторые из нас хотели попробовать укрыться в ближайшем бараке. Ночью я увидел три тени, удаляющиеся от нас. Но усташаи предусмотрели и это: едва троица удалилась от нашей группы на несколько метров, с ближайшего бункера по ним был открыт пулеметный огонь.

...Мы ждали, когда же закончится эта ночь. Нельзя было дать себе заснуть, ибо тот, кто заснул на таком морозе, потом бы уже не проснулся.

Всего же мы провели тут шесть ночей. Утром седьмого дня к нам пришла «инспекция» в лице Любо Милоша и его присных. Пересчитав нас, кровопийцы оказались довольны. От семи сотен в живых остались только шестнадцать человек.

Нас, шестнадцать выживших, поселили в барак 3В (название барака обычно совпадало с номером рабочей группы, представители которой в нем проживали). Рядом располагался барак 3С, где жили исключительно сербы. Третья рабочая группа — 3А — была размещена по складским и хозяйственным постройкам. Все три рабочие группы были похожи друг на друга в смысле условий

проживания: одинаковый режим питания, одинаковые мучения, одинаковые убийства...

Отдельную рабочую группу составляли те, кто работал на самом кирпичном заводе, на пруду и прочем производстве. Им жилось значительно лучше нас: их лучше кормили, содержали и практически никогда не убивали.

ХП

СЛУЧАЙ МАРТОН

...Однажды мы стояли в очереди на обед. В котле была капуста, или, как мы звали такое варево, чай из капусты. К котлу подошел некто Мартон, торговец-оптовик из Загреба. Вышло так, что — то ли от слабости, то ли еще отчего-либо — он потерял равновесие, когда нагибался над краем котла. Не удержавшись, он рухнул в еще горячий котел. Двое пленных, стоявшие в очереди следом за ним, вытащили его из котла и отбросили в сторону. Он был мертв.

Вши, целыми гнездами селившиеся на Мартоне (как и на каждом из нас), грязь и кровь с его тела — все это плавало теперь в котле. Ни один из нас не отказался от своей порции. Когда подошла моя очередь (а я был тридцатым, если считать от Мартона), в котле еще оставалось немало вшей. Я взял свою порцию и сел на ствол дерева неподалеку от тела Мартона. Рассеянно глянув на его труп, от которого еще шел горячий пар, я обратил внимание на его ухо. Оно было приятного розового цвета, и мне захотелось его съесть. Голод, мучавший меня, был ужасен настолько, что я решился на этот ужасный шаг, о котором еще вчера даже немышлял.

Вечером я проходил мимо зданий, где жили усташы. Мой взгляд задержался на месте на заднем дворе, где они обычно справляли нужду. По этому месту разгуливали несколько заключенных и ковырялись в фекалиях. Окажется, они искали там непереваренные зерна фасоли

или что-либо подобное, что могло хоть как-то сойти за еду. Разумеется, я присоединился к ним.

ХІІІ

УЖАСЫ КЛАДБИЩА

В начале декабря 1941 года начались работы по созданию нового кладбища. На старом кладбище уже не было мест — на нем было захоронено около 20 тысяч умерших от слабости или убитых пленников. Множество могил было выкопано и в лесу возле лагеря Ясеновац II и в местечке Крапье, где проводились массовые ликвидации. Но к декабрю было уничтожено еще около 40 тысяч пленных, и необходимость в новом кладбище стала очевидной.

Место, выбранное под новое кладбище, находилось примерно в километре от лагеря, к нему вела петляющая вдоль берега Савы тропинка.

Примерно в это же время в лагерь начали прибывать новые партии пленных — в основном это были сербские крестьяне из Срема и Славонии. Теперь убивали людей не только в самом лагере, но и на новом кладбище, которое быстро стало еще одной ареной массовых ликвидаций.

В середине декабря в лагерь привели около двух сотен сербских крестьян из Срема. На следующий день отрядили двести «старых» узников на новое кладбище. Среди них оказался и я. Придя на кладбище, мы принялись за работу: копали могилы. Разумеется, мы работали «на глазок», но все равно старались, чтобы могилы были примерно одного размера: около трех метров в длину и от метра до двух — в глубину.

Когда мы уже выкопали пару могил, я заметил на тропе людей, которые медленно к нам приближались. Оказалось, это были те самые крестьяне, которых привели вчера. Они шли под усиленным конвоем, а возглавлял этот конвой усташский поручик Муйица — известный

кровопийца и палач. Муйица был невысок, изрядно толст; его голова, всегда покрытая феской, покоилась на бычьей шее.

Крестьяне медленно подходили к нам. Они были связаны проволокой по трое, руки держали за спиной. Судя по всему, этой ночью их уже истязали: их рубахи и штаны были запятнаны кровью. Не знаю, что они ощутили в то время, когда увидели свежевыкопанные могилы. Нас же усташи принялись погонять, чтобы мы работали быстрее.

Конвоиры построили узников. Муйица вышел перед строем и начал спрашивать их: есть ли тут родственники друг другу — братья или родители? Сначала ответом ему было молчание. Но через какое-то время шагнули вперед двое, назвавшись братьями. Их развязали и освободили руки. Муйица снова стал спрашивать крестьян о родственниках. Вышли еще двое — отец и сын. Больше никто не отозвался. Тогда Муйица взял из рук одного из усташей топор. Отдав этот топор одному из братьев, он приказал ему убить брата. Несчастный ответил, что брат ни в чем перед ним не виноват, чтобы его убивать. Это взбесило Муйицу: он стал угрожать, что выколет глаза обоим братьям, если они не исполнят приказ.

Копая очередную могилу, я не мог видеть того, что последовало за этим. Я только слышал невероятные, нечеловеческие вопли боли и мучения. Потом я увидел, как Муйица повернулся к оставшимся двум крестьянам и дал топор сыну, чтобы он убил отца. Сын, схватив топор, набросился на самого палача — но тот был готов к этому и выстрелил в упор из своего пистолета.

Тем временем мы закончили копать могилы, и нас отвели в сторону от разворачивающегося на наших глазах ужасного действия. Конвоиры приказали остальным крестьянам подойти к могилам. Я был уверен, что каждый из них давно уже понял, что тут ему и конец. Но я так

и не увидел ни единой слезы, не услышал ни единой мольбы о пощаде. Так, связанными по трое, их и кидали на край могил и тут же убивали молотами или топорами. Мы же... просто ждали, когда все это закончится и мы сможем начать закапывать трупы.

Утром двадцатого января мы, как обычно, ожидали распределения на работы. Одних направили на переноску кирпича, других — на уборку лагерной территории. В итоге работать на кладбище могли только оставшиеся шестьдесят человек, что было явно недостаточно. Узнав об этом, явился инженер Береттино в сопровождении Любо Милоша. Береттино начал кричать, что на кладбище нужно отправить двести рабочих, и потребовал, чтобы на работу вышли все больные. Десять человек, в числе которых был и я, отправили обратно в бараки, чтобы мы передали находившимся там товарищам приказ выйти на работу.

В том бараке, где лежал мой отец, было еще около сотни больных или ослабших пленников. У большинства из них были отморожены ноги, немало было и больных дизентерией. Каждый день они ждали своей смерти — несмотря на это, они всегда ждали нашего возвращения вечером с работы, чтобы узнать от нас новости. Мы знали, что в эти дни немцы были отброшены от Москвы — это сообщили нам новые узники, которые появлялись в лагере почти ежедневно. Надежда на освобождение крепла день ото дня, по лагерю тайно передавались различные новости. Живые мертвецы, зная, что им остались считанные дни, тем не менее жили надеждой, что скоро придут Советы и освободят их. Эта вера была их единственным утешением в ожидании скорого и неминуемого конца.

Войдя в барак, я первым делом подошел к отцу и попытался разбудить его. Я хотел вывести его куда угодно

подальше, лишь бы спасти от смерти. Но он не просыпался. То ли он замерз насмерть, то ли просто так крепко спал — я не успел понять: к бараку подошли усташи, и я вынужден был быстро выйти через противоположную дверь. Когда я вернулся к зданию конторы, из барака начали выходить люди — они еле тащились. Береттино продолжал кричать: он угрожал, что убьет каждого, кто не сможет работать.

Придя на кладбище, мы начали, как обычно, копать могилы. К четырем часам пополудни мы закончили работу. Тут снова явился Береттино и приказал устамам отправить нас обратно к баракам, чтобы мы вынесли оттуда новую партию мертвецов. Мы вернулись к баракам. Рядом с прочими я нашел тело отца с перерезанной шеей. Я замотал его в одеяло и отнес на кладбище. Когда я относит тела других узников, мне было тяжело, едва хватало сил донести свою ношу на место и сбросить в могилу. Сейчас же, когда я нес тело своего отца, я не ощущал никакой тяжести. И более чем километр пути до кладбища показался мне коротким, как никогда.

Оказавшись снова на кладбище, мы получили приказ копать более глубокие могилы. Поскольку время уже было позднее, а доделать работу мы не успевали, нам принесли ужин прямо на кладбище. Я взял свою порцию — это была репа. Держа ужин в руках, я сел на тело отца. Так, сидя на нем, я и ужинал. Голод снова победил все прочие чувства.

XVII

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОМИССИЯ

В лагере ожидали визит Международной комиссии. Всех охватило волнение. Усташи начали обращаться с нами значительно лучше. Так, за три дня до прибытия комиссии нас стали относительно хорошо кормить: трижды в день мы получали фасоль с мясом. Мы ели так жадно, что заработали расстройство желудка и сильный понос.

За день до визита, пятого февраля, была произведена последняя генеральная уборка лагерной территории. Все старые и больные пленные были отправлены в близлежащие деревни. На следующий день, около девяти часов утра, в лагерь прибыла Международная комиссия. Помимо прочих, в ее составе были два священнослужителя из Ватикана. Один из них был настолько худ, что казалось, будто и он — узник лагеря. Второй же, напротив, был низкорослым и толстым, а его безмятежное выражение лица делало его вид крайне добродушным. Также в состав комиссии входила группа немецких, итальянских, усташских и домобранских офицеров, женщина-немка в униформе СС и несколько усташских журналистов. Сопровождал комиссию Макс Лубурич в компании своих верных палачей.

Сначала комиссии показали столовую, объяснив, что эта столовая — для тех пленных, которые отличались примерным поведением. Затем высоких гостей провели в новый барак, построенный специально для показа комиссии. Показали им и новую больницу. Как только комиссия покинула лагерь, заключенные, игравшие роль пациентов больницы, были выгнаны наружу, а самых нерасторопных подгоняли ударами палок. Ни один член комиссии за все время пребывания в лагере не сказал никому из нас, пленным, ни единого слова.

В дополнение ко всем нашим бедам и страданиям, зима в том году выдалась холодной, как никогда. Даже самые старые из нас не могли припомнить таких жестоких морозов: особенно лютым был февраль. Но вскоре прибавилась еще одна напасть: в лагере появился человек, превосходивший своей жестокостью самого свирепого зверя. Он изобрел способ еще более эффективного массового уничтожения людей. Это был интеллектual, инженер, низкорослый и стриженный — таким нам за-

помнился появившийся однажды в лагере Доминик Пиччили.

Пиччили начал свою карьеру в Ясеновце с того, что приказал построить крематорий. В лагере III (Циглане) он сформировал группу рабочих из числа пленных, которые и принялись строить крематорий. Эти рабочие были переведены на проживание в отдельные бараки, они не контактировали с другими пленными и получали особый паек. Спустя восемь дней работы десятков пленников, в котором был и я, выделили для переноски железных прутьев к крематорию. Его внутренность тогда представляла собой пространство площадью что-то около трех квадратных метров, дно было выложено теми самыми железными прутьями.

Первыми жертвами крематория стали как раз те пленники, которые и принимали участие в его постройке. Им на смену пришли женщины и дети, переброшенные в Ясеновац из женского лагеря в Дзякове. Некоторые пленницы Дзякова, в основном это были молодые, здоровые и трудоспособные женщины и девушки, были отправлены на принудительные работы в Германию (ни одна из них оттуда не вернулась). Большая же часть дзяковских женщин вместе с детьми, среди которых были и грудные младенцы, были переброшены в Ясеновац.

Их перевозили автобусами и грузовиками. Каждая новоприбывшая группа поднималась по ступеням наверх, как им было сказано — в теплые комнаты. Тем же, кто приезжал в лагерь в составе следующей группы, было приказано подождать. Я видел, как одна из матерей опустила с рук на землю своего трехлетнего ребенка. Ребенок пожаловался на мороз. Мать указала ему на ступени и утешила, что скоро они окажутся в тепле.

Но, поднявшись по ступеням, несчастные оказывались прямо в помещении крематория. Их живыми сбрасывали в огонь, на раскаленные железные прутья.

Поскольку наш барак 3В был расположен рядом с кирпичным заводом, мы слышали жуткие крики и плач.

XIX

КОЖАРА

Измученный голодом и холодом, я лежал в бараке, ожидая конца своих мучений. В один из таких дней, 2 марта 1942 года, я услышал, как кто-то позвал меня по имени и фамилии. Выходя наружу, я был уверен, что не вернусь. Но вышло иначе: оказалось, что меня ждут у кожевенников. Тотчас вспомнилось, как около месяца назад я прибился к группе кожевенников, хотя и не знал этого ремесла: я надеялся, что меня защитят работавшие там товарищи. Лагерь Кожара, он же — лагерь IV, находился в деревне в паре километров от кирпичного завода.

Кое-как одевшись, я отправился к кожевенному заводу в полумертвом состоянии. В то время попасть в состав группы ремесленников — значило едва ли не выйти на свободу. Нас, тринадцать определенных в Кожару пленных, похожих на тринадцать живых скелетов, забросили на машины словно мешки — половина из нас не имела сил забраться туда самостоятельно. Так вот мы и отправились к своей новой жизни.

Прибыв в Кожару, где условия для жизни заключенных были гораздо лучше, мы встретили знакомых товарищей. Они дали нам немного поесть. Я слизывал крошки с ладони, глядя на кусок кукурузного хлеба как на величайшую святыню — как-никак, я не видел хлеба уже четыре месяца. Спустившись, в одном из помещений завода я увидел печь. На протяжении всей зимы я ни разу не имел возможности согреться — поэтому сейчас я обнял эту печь, словно родного человека. Поразившие меня новые ощущения — печь, хлеб, крыша над головой — накрыли меня такой волной счастья, что я забыл, что вообще нахожусь в лагере.

Вся жизнь тут была совершенно иной. В отличие от Цигланы, где умерших или убитых ежедневно заменяли другие, тут изо дня в день работали одни и те же ремесленники. В бараках тут были лежанки. Неделю я провел в бараке, восстанавливая силы, и едва стал чувствовать себя немного лучше — стал ежедневно выходить на работу. Если в Циглане я питался чем угодно — от корней до человеческих фекалий, то здесь я стал получать регулярный паек. Узникам Кожары полагалось следующее: на завтрак — немного горького черного кофе, на обед — пол-литра постного фасолевого супа, на ужин — суп из гнилого картофеля или мерзлой репы. В первые дни моего пребывания в лагере Кожара мы получали и хлеб, но затем его выдача прекратилась.

Что касается этого хлеба, который мы получали какое-то время, у нас практиковалась целая церемония его равномерной дележки между заключенными. Мы разбивались на группы, каждая группа получала по одному караваю хлеба. Кто-то один из группы должен был принести хлеб и поделить его. Каждый день эти обязанности исполнял новый человек.

Тот, кто получал на выдаче хлеб и нес его нам, должен был нести его высоко — чтобы его было видно всем. Дело в том, что у каравая есть корка, и бывало так, что какие-то ее кусочки отваливались еще в транспорте, когда хлеб везли из пекарни в лагерь. Потому-то и нести хлеб нужно было высоко — чтобы несущего никто не заподозрил в том, что он сам и съел эти кусочки.

Принесенный хлеб после предварительной разметки тщательно резался на равные части. Чтобы ни у кого не было сомнений в честности делящего, люди стояли к нему спиной и брали свои куски, заводя руки за спину. Еще несколько человек контролировали самого делящего, чтобы куски были хотя бы примерно равного размера. По неписаным лагерным правилам Кожары, последний

кусок хлеба доставался делящему. Ему же доставались и крошки.

XX

СЫПНОЙ ТИФ

Здесь, в Кожаре, также свирепствовали вши. Но тут у нас по крайней мере выдавались свободные минутки, когда мы могли скинуть с себя одежду и давить на себе паразитов. При этом на своих вшей каждый смотрел едва ли не как на неотъемлемую часть организма — тогда как чужие вши вызывали отвращение. Обычным делом было заметить первому встречному, как ужасно он обовшивел — при том что на самом-то деле мы в этом смысле все были одинаковы.

С началом весны в лагере вспыхнул сыпной тиф. Я подцепил его в первые дни апреля. Рядом с моим лежаком был лежак узника, который был от рождения глухонемым. Но, на его счастье, он был портным по профессии, и в лагере смог попасть сюда, в Кожару. Когда я только-только заболел, у портного болезнь уже развилась настолько, что он не мог ничего есть. Поэтому, когда товарищ принес ему кусок хлеба, он просто положил его себе под голову.

Как только портной заснул, я украл этот кусок хлеба. Так я стал вором. На следующее утро он заметил пропажу, и, получив очередной кусок хлеба, на моих глазах заплевал его со всех сторон. Но голод не знает, что такое гадливость, и следующей ночью я украл и этот кусок. Утром он стал угрожать мне, а очередной кусок хлеба измазал в собственных фекалиях. Естественно, этот кусок постигла участь первых двух.

Я уже начал идти на поправку, когда в лагерь пришла радостная весть: нам снова разрешалось отправлять письма и получать посылки. Нам выдали писчие принадлежности. В письме должно было быть не более двадцати слов, включая адрес и подпись. Мы все помнили, как нас

обманули с передачами посылок в прошлом году — но, тем не менее, мы писали письма на свободу. В лагере вновь начала расти надежда на перемены к лучшему.

Наконец-то мы получили первые посылки! Открывая их и глядя на сыр, хлеб, варенье, куски пирогов — все то, о существовании чего на свете мы и думать забыли — мы ощущали, как глаза наполняются слезами радости. Мы вспомнили, что являемся людьми.

Тотчас было принято решение — все получаемые посылки складывать в один общий фонд. Те же из нас, кому было жаль отдавать в общий котел то, что прислали близкие люди — должны были отдать хотя бы часть продуктов. С этой целью мы отобрали троих надежных товарищей, которые и взимали этот своеобразный налог. Все отобранное складывалось в отдельном месте — из этого своеобразного «стабфонда» мы раздавали продукты тем, кто не имел родственников и не мог ни от кого получить посылки.

XXI

ЛАГЕРЬ «ССС»

Лето 1942 года по количеству и размаху массовых убийств было одним из самых кровавых периодов в истории лагеря Ясеновац. Мужчин, женщин и детей привозили вагонами, а затем их перевозили на пароме на другой берег, в местечко Градина, где и уничтожали.

Чтобы облегчить себе работу, усташи привезли в Градину группу цыган — в основном это были крестьяне из региона Лика. Там их обеспечили жильем, выдали усташскую униформу и отрядили их уничтожать пленных. Целый год эти цыгане служили устамам в роли палачей, а когда необходимость в их помощи отпала — их самих уничтожили всех до единого.

Паром, грозивший развалиться на части под непомерным грузом из пока еще живых пленных, совершал рейсы каждые полчаса — и днем, и ночью. Новоприбыв-

шие не знали, что их ждет на другом берегу Савы. А чтобы избежать возможных волнений, усташы говорили им, что их просто переселяют на новое место жительства. Цыгане же из числа палачей, чтобы укрепить в пленных ощущение безопасности, играли на музыкальных инструментах веселые цыганские мелодии.

В течение всего 1942 года Градина стала местом насильственной смерти нескольких сотен тысяч людей. А в описываемые мной летние месяцы начались зачистки в лагере Стара-Градишка, и многие пленники оттуда перебрасывались в Ясеновац на ликвидацию. Лишь некоторые из них, ремесленники-мастера, переводились в привилегированные рабочие группы. Остальных же временно перебрасывали в новый лагерь Ясеновца, который все начали обозначать просто тремя латинскими буквами «С».

В лагерь «ССС» отправлялись все группы пленных, ликвидацию которых невозможно было произвести немедленно. «ССС» находился на общей территории лагерного комплекса Ясеновца; как и все прочие, он был обнесен колючей проволокой. По ночам его освещали огни рефлекторов. Как правило, пленных этого лагеря использовали на таких принудительных работах, как рубка леса или возведение новых насыпей.

Примерно в эти же дни совсем рядом с нами был основан и женский лагерь. Его узницы должны были терпеть регулярные унижения со стороны усташей; изнасилования являлись обычным делом. Однажды, возвращаясь с работы в барак, я стал свидетелем того, как усташский офицер расстрелял пять молодых женщин за активное сопротивление при попытке изнасилования. Их не стали расстреливать, как обычно, из винтовки — офицер убил каждую из них выстрелом в висок из своего револьвера. Ни одна из них не попросила пощады. Лагерная жизнь успела дать им твердость духа. Они знали, что спасения им не будет.

Перед наступлением осени в лагере прошла еще одна волна массовых ликвидаций. На сей раз она, как ни странно, затронула и ремесленные мастерские. Дело в том, что трое пленных сумели бежать, находясь на работе в Градине. Это послужило достаточным основанием для того, чтобы в каждой мастерской отобрать по триста человек на расстрел. Как всегда, ликвидации предшествовала торжественная церемония. Всех пленных согнали в круг, а управляющий лагеря выступил с речью. В ней он предупреждал о том, что любая попытка бегства будет караться возмездием. Мы же, слушая его, радовались — ведь мы были уверены в том, что хотя бы кто-то из беглецов останется в живых и сможет поведать там, на свободе, о наших страданиях.

Товарищ, который работал в лагерной канцелярии, имел доступ к спискам прибывших вагонов с пленными, которых затем отправляли в Градину на ликвидацию. Пересчитав количество вагонов и примерно прикинув, сколько человек могло в среднем поместиться в вагоне, он сообщил нам, что, по его мнению, с июня по ноябрь в Градине было уничтожено более двухсот пятидесяти тысяч людей. А ведь кроме них, в Градину приводили на ликвидацию и множество крестьянских семей с Козары...

Как всегда, по лагерю гуляли различные слухи и новости о Советской армии и положении дел на Восточном фронте. В эти самые дни там разворачивалась титаническая Сталинградская битва. Достать в лагере газету было чрезвычайно трудно. Но именно поэтому единственного случайно принесенного пленными листка было достаточно, чтобы весь лагерь узнавал о текущем положении дел. Достать удавалось только усташские газеты, постоянно славившие союзников и певшие хвалебные оды их великим победам. Но даже из таких новостей мы, читая между строк, делали выводы о бес-

примерной борьбе советского народа за жизнь и свободу. Мы одновременно принимали участие в двух непрерывных битвах: мысленно — в битве за Сталинград и физически — в битве пленников с голодом.

Пятого февраля 1943 года мне удалось получить от крестьянки газету, в которой огромными буквами выделялся заголовок, сообщающий о победе немцев под Сталинградом. Ниже добавлялось, что вводится трехдневный траур в память о погибших воинах. Прочитав же весь текст, как обычно, между строк, я ясно понял, что славная армия Паулюса, сражаясь за новый порядок — капитулировала.

Мы знали, что тирания начала рушиться.

Чуть ранее, осенью 1942 года, в лагере была основана церковь. Священником в ней служил бывший поп, а ныне усташский офицер Брекало. Когда немцы потерпели поражение под Сталинградом, в лагере возобновились зверства, и Брекало быстро стал одним из лидеров среди палачей. Он шел на церковную службу прямо с места ликвидации, не удосуживаясь даже сменить окровавленные одежды.

Однажды меня отправили на квартиру к Брекало — помочь по хозяйству. Помимо священника, в квартире находились еще несколько человек — все отборные кровопийцы. Брекало был пьян. Заметив меня, он спросил, где я работаю. Я сказал, что работаю на кожевенном заводе, но иногда меня привлекают и на другие работы. Меня позвали в комнату и стали предлагать еду — но, несмотря на сильный голод, я не мог заставить себя взять в рот ни кусочка. Брекало начал кидать мне кости, приговаривая: «давай, наедайся, пойдешь у меня под молот».

Меня так и не выпустили из комнаты, и поэтому я невольно стал свидетелем их буйных оргий. Начали они со стрельбы по яблокам, лежавшим на шкафу. Затем они начали стрелять в сам шкаф и во все находившиеся в нем

предметы. Когда и это им надоело, Брекало встал, снял икону с ликом Христа, повесил ее на шкаф и также изрешетил пулями. Получилось так, что позднее я отдал эту икону крестьянке по имени Ката, которая иногда приносила мне газеты. Так вся деревня узнала о «набожности» ясеновацких священников.

Осенью 1943 года Ката и еще тринадцать крестьянок были расстреляны.

(Весной?) 1944 года в лагере вновь наступила пора массовых ликвидаций. Эта волна не обошла стороной и Кожару. Как-то вечером мы, построившись как обычно, получали ужин, и в это время к нам пришли вооруженные до зубов Руньяш, Зринушич, Маркич, Фркович и несколько младших офицеров; возглавлял их всех старший сержант Лисац. Они начали называть нас по фамилиям; каждый названный выходил из строя и ему тотчас связывали за спиной руки. В течение часа было названо двадцать семь человек — все молодые люди, интеллигенты.

Как же иначе ощущается взгляд смерти в глаза тут, нежели прежде, на Циглане! Там я видел смерть каждый день, на каждом шагу, смирился с отсутствием всякой надежды на спасение. Сейчас же, когда мы не так уж и голодны, когда мы не видим постоянных убийств рядом с нами, когда война приближается к концу — мы действительно начали бояться смерти.

Выбранных жертв отводили на Граник. Там усташи вспарывали им животы и бросали еще живыми в Саву. Этой смерти мы боялись особо — она была гораздо более жестокой, нежели смерть от молота. Под молот люди шли охотнее и умирали мгновенно.

У нас в Кожаре начали разрабатывать планы восстания. Мы корпели над ними, каждый был готов отдать жизнь ради спасения хотя бы немногих — но решение все не приходило.

Зима 1944—45 годов выдалась кровавой. Снова проходили массовые ликвидации хорватов целыми семьями — их прямо со станции отводили на Граник или Градину».

Для сравнения — несколько эпизодов лагерного быта в описании Драго Чолаковича:

«Тот старик, которого жестоко избил усташ, умер через несколько дней. Мы взяли себе его кожух. Дали его какому-то юноше из Лики — он был единственным ребенком в семье (и это все, что мы о нем знали) — он очень обрадовался, так как не имел никакой одежды, кроме грубой рубахи. Однажды на работе его избили, и на следующий день он не смог пойти работать. Мы вывели его из барака и усадили, но ему стало хуже. Позвали Пайю Геренчевича, студента-медика, он сделал инъекцию. Похоже, она подействовала — юноша собрался с силами и сказал Пайе:

— Не бросайте меня, братья, у меня никого нет.

На следующий день он умер. Кожух мы отдали русскому беженцу, однако и ему было не суждено долго его носить. И его усташа избили до смерти.

Не знаю, откуда вдруг появился мальчик в усташской униформе. На вид ему было лет восемь — десять. Усташа прекратили избивать пленных, предоставив это мальчику. Как мы выяснили, звали его Марьян. Он ударил прикладом винтовки четырех пленных и остановился. Усташа начали его подбадривать:

— Бей их, Марьян, мать их сербскую!

Но мальчик сквозь плач ответил:

— Я больше не могу, у меня болят руки».

Автору повезло: в конце марта 1942 года его и еще 12 пленных Ясеновца выпустили на свободу. Кроме Д. Чолаковича, в группе числились: Вуйо Жегарац, Йоцо Чолакович, Джуру Медич, Бранко Попович, Стево Си-

мич, Дико Томич, Пано Петрович, Войо Прнятович, Мирко Пайкич, Миливое Николич, Реля Биланович и Савва Чолакович.

26 февраля их освободили от тяжелой работы и увеличили паек. С 21 марта им начали выдавать хлеб, которого они не видели с 1 декабря 1941 года. Спустя месяц их заставили вымыться, побриться, вернули некоторые личные вещи.

В понедельник (вероятно, 30 марта 1942 года) группу пленных повели пешком до железнодорожной станции. Поездом они добрались до Земуна, оттуда на судне через реку прибыли в Белград. Там их передали в руки сербской полиции, она же направила их в Комиссариат по делам беженцев. Там-то измученным людям и объявили о том, что отныне они свободны.

Разумеется, такие акции освобождения пленных были большой редкостью. Остальным же оставалось лишь надеяться, что их освободят югославские партизаны или наступающие советские войска. Однако этого так и не произошло. Почему? На этот вопрос попытались дать ответ исследователи Славко Комарица и Славко Одич в своей книге «Почему Ясеновац не освобожден». Ниже — отрывки из книги.

«Первый партизанский документ, в котором упоминается Ясеновац — письмо, отправленное партизанским командиром Бошко Шилеговичем студенту Осману Зубовичу в Босанска-Дубицу. Письмо не содержит даты, но можно предположить, что оно было отправлено в середине августа 1941 года. Осман Зубович, принимавший опосредованное участие в партизанском восстании на Козаре, окончание войны встретил далеко на севере — в немецком концентрационном лагере на территории Норвегии. В письме же, ему отправленном, есть такие строки: «... после Дубицы мы сразу же отправимся в Ясеновац, это для нас важнее всего».

Важно, однако, понимать: если предполагаемое историками время отправки этого письма — середина августа 1941 года — рассчитано верно, то это значит лишь одно. То, что Шилегович писал о Ясеновце не как о концентрационном лагере, а просто как о географической точке, важной для выполнения задач партизанскими отрядами. Потому что в середине августа никакого лагеря в Ясеновце и его окрестностях еще не было.

Обрен Стишович, в 1941—42 годах — командир козарского партизанского отряда: «Нам на Козаре было хорошо известно, какие зверства творятся в Ясеновце. Мы обсуждали разные планы по освобождению пленных. Но это все было впустую. Мы просто-напросто не были способны на такую крупную и сложную операцию в первые военные годы. Мы потеряли бы и людей, и оружие, а пленных бы не освободили. От этого удара нам было бы крайне тяжело оправиться».

На прямой вопрос журналиста «Вечерних новостей» о том, мог бы кто-либо приказать козарским партизанам напасть на лагерь, Стишович ответил: «Нет. Мы самостоятельно принимали решения. Если бы такой приказ был дан, мы бы напали на лагерь, как только появился бы шанс на успех».

Те же «Вечерние новости» в своем номере за 7 июня 1985 года опубликовали комментарий генерал-полковника в отставке Ефто Шашича: «И Тито требовал от нас, чтобы мы рассмотрели все варианты возможного нападения. Но Тито требовал проведение операции только в том случае, если бы шансы на успех были максимальными — чтобы и лагерь был ликвидирован, и пленные освобождены. А дела обстояли так, что это было невозможно. Мы бы не только не сумели освободить тысячи измученных пленных, но и сами потеряли бы своих бойцов».

4 апреля 1942 года из Фочи в Москву была послана зашифрованная радиограмма: «Деду! Самый страшный концентрационный лагерь в Хорватии находится в Ясеновце. В этот лагерь гитлеровский палач Павелич бросил более 10 тысяч лучших сынов Хорватии. Сейчас в живых осталось только полторы тысячи, остальные были подвергнуты ужасным мучениям и затем убиты. Сами усташши признают, что за время их нахождения у власти в Хорватии убито до пятиста тысяч людей, в основном — сербов. Вальтер»

«Дедом» в тайной переписке называли Коминтерн, «Вальгером» — Тито.

Доктор Смиля Аврамов (на родине ее фамилия пишется именно так) в своей книге «Геноцид в Югославии и международное право» писала: «Верхушка Коммунистической партии Югославии проводила сугубо утилитарные подсчеты: жизни бойцов стоят дороже, чем жизни людской массы в лагерях. Именно поэтому ни один лагерь ни разу не был атакован».

В 1966 году, когда был открыт памятник «Каменный цветок» работы Богдана Богдановича, также была опубликована книга бывшего пленника Стара-Градишки Мирко Першена «Усташские лагеря». В ней он пишет: «Особое значение имела акция, которую руководство и организованные товарищи готовили с целью освобождения лагеря. Самые надежные люди были распределены по ударным группам, каждая из которых имела свое задание. О плане готовящейся акции знали и товарищи вне лагеря».

21 апреля 1984 года состоялся первый Круглый стол о Ясеновце. Профессор Ана Пожар отметила, что

«с 1968 года по сегодняшний день мемориальный комплекс Ясеновац посетило более 3 миллионов граждан». Она также добавила, что одним из наиболее часто задаваемых посетителями вопросов был такой: «Пытались ли партизаны напасть на лагерь и освободить пленных?» Ответ был очевиден: основной преградой на пути к освобождению лагеря было его расположение. Ясеновац был защищен охраняемой железной дорогой Загреб — Белград, а также реками — Савой, Уной, Велики-Стругом. Кроме того, неподалеку располагались хорошо защищенные поселения — Новска, Окучани, Банова-Яруга и другие. Сам же лагерь охранялся примерно тремя тысячами усташей.

Доктор Милан Булайич в своей статье, опубликованной 13 декабря 1989 года, задается сразу двумя вопросами. Первый: «Как можно объяснить тот факт, что столица Югославии была освобождена 20 октября 1944 года, а фабрика смерти в Ясеновце работала еще целых шесть месяцев после этого? И это при том, что югославские вооруженные силы располагали авиацией, а сотрудничество с союзными войсками было налажено очень хорошо...» И второй: «Был ли Ясеновац вообще освобожден в борьбе, или его заняли, когда он уже был покинут усташами?»

Первый вопрос автор оставил без ответа. На второй же он ответил так: «Стара-Градишка была освобождена 24 апреля 1945 года. А в Ясеновац бойцы 21-й сербской дивизии вошли лишь неделю спустя — 2 мая. При этом они заняли уже совершенно безлюдный лагерь — в нем не было ни одного усташа. Но что же происходило всю эту неделю после освобождения Стара-Градишки?»

Партизанский командир Милан Баста, автор ряда исторических работ, говорил в интервью белградским СМИ в июне 1990 года: «... для успешного нападения

на Ясеновац нужно было задействовать как минимум две наши дивизии, а такими силами мы не располагали вплоть до 1943 года. Кроме того, немецкие моторизованные отряды, расквартированные в Сисаке, Славонски-Броде и Загребе, могли бы добраться до Ясеновца за несколько часов и окружить весь район, просто взяв атакующие отряды в котел. Дивизия, участвовавшая в нападении на лагерь, была бы уничтожена. Потери среди борцов гарантированно бы превысили число пленных в лагере. Поэтому с военно-стратегической точки зрения подобная операция была бы абсолютно неоправданна».

Иной точки зрения придерживается генерал-полковник в отставке Павел Якшич, бывший начальник Главного штаба Хорватии. В 1990 году в Белграде увидел свет его книга «Над воспоминаниями», в которой он пишет: «Думаю, такая операция — будь то диверсия или открытое наступление — имела бы хорошие шансы на успех. Решить ключевую проблему — перекрыть подход сил неприятеля со стороны Загреба, Сисака и Брода (вероятно, имеется в виду Славонски-Брод — прим. авт.) — было бы не намного труднее проведения успешной славонско-баньской операции „Большой транспорт“, когда мы смогли перевести через автомагистраль и переправить через реку Сану тысячи повозок с зерном для голодающих борцов Лики и Горски-Котара».

Итак, основными препятствиями к освобождению Ясеновца стали его географическое расположение, надежная защита и возможность быстрого получения подкрепления. При этом, хотя идея нападения на лагерь извне так и не была реализована, она, несомненно, рассматривалась и обсуждалась. С этой же целью — освободить лагерь — в нем была аккуратно сформирована подпольная организация, основной задачей которой было подготовить, насколько это возможно, внутреннюю ла-

герную обстановку и пленных к будущей попытке освобождения. Об этом, как и вообще о жизни в лагере, подробно и красочно писал Чедомил Хубер в книге «Я был узником в лагере Ясеновац». Ниже — выдержки из его книги.

«Помощь одного пленного другому приравнивалась к коммунистической деятельности...

В то время пленным разрешалось самим готовить себе еду из продуктов, которые получали с передачами от родных и друзей. С этой целью пленные собирались в небольшие группы по три-шесть человек и готовили на себя еду из своих запасов. Таких групп было много. Само их существование в тех условиях выглядело настолько естественным, что даже усташи так и не догадались, что за этим стоит. Лишь позже я узнал, что всеми такими группами руководит нелегальная организация, возглавляемая коммунистами.

Тогда же я понял, что в лагере существует некая организация, о которой ни в коем случае нельзя знать устамам. Я ощущал это по тому, что иногда до меня доходили новости с фронтов, а также по тому, что периодически мои знакомые просили меня поделиться пайком с незнакомыми мне пленными. Я отдавал этим незнакомцам часть пайка, иногда получая как бы в обмен новую обувь — она была мне необходима, так как мои башмаки уже почти развалились. Так вот и шло это по цепочке — от незнакомых к знакомым, от знакомых ко мне и обратно. Но я так и не верил, что речь идет о какой-то хорошо подготовленной организационной силе — с меня было довольно того, что кто-то обо мне заботится. Это сильно поднимало настроение и позволяло легче переносить тяготы лагерной жизни.

Я работал на вырубке леса, дневная норма была 1 кубометр.

Хорваты-католики не работали по воскресеньям, мусульмане — по пятницам. Но католики должны были ходить в церковь на службу в воскресенье, мусульмане — в пятницу должны были ходить в мечеть (точнее, в возведенную постройку, игравшую роль мечети). Сербы, евреи и цыгане по воскресеньям работали до полудня.

После многих дней в лагере некоторые пленные опускались, теряли человечность и шли на службу устам не только как шпионы, но и как исполнители физических наказаний.

По лагерю прошла весть, что всех хорватов отправят в Стара-Градишку, а прочие останутся в Ясеновце. Следует учитывать, что Стара-Градишка находилась на окраине территории лагерного комплекса и условия жизни в ней были не в пример мягче, нежели в Ясеновце.

Начала распространяться следующая директива тайной лагерной организации: запрещалось устраивать одиночные побег. Это объяснялось тем, что любая такая попытка влечет за собой репрессивные меры по отношению к другим узникам. Говорилось даже, что любой, кто попытается бежать в одиночку, будет расстрелян при появлении на свободной территории. Разрешался лишь единый организованный побег всех заключенных. Позже я узнал, что эта директива исходила от ЦК КПХ. Но пленные так и не смогли ее принять: одиночные побег продолжались.

Меня вернули в Стара-Градишку. Некоторое время я проработал на полевых работах, потом меня отправили на кухню работать поваром (по заданию лагерной организации). Ежедневно на каждого пленного поступала порция 100 г кукурузного зерна, которую нужно было разделить на три приема пищи. Примерно 20–30 г шло на завтрак, 40–50 г на обед, остальное — на ужин. На каждую порцию шло примерно пол-литра воды.

На таком пайке пленные должны были не просто выживать, но и ежедневно работать.

Старые пленные Стара-Градишки рассказали мне такую историю. В конце 1942 или начале 1943 усташа заперли группу пленных в «Отеле Гагро» и начали их ужасно пытать. Тем не менее, ни один из пленных не раскрыл существования лагерной организации, не говоря уже о чем-то большем. Тогда усташа решили замучить их голодом. Они рассчитывали на то, что ослабевшие пленные дойдут до такого психического состояния, что будут готовы рассказать все, что угодно.

Но идея усташей провалилась. Пленные поняли, что им грозит, и решили организовать побег. Они знали, что у них нет ни единого шанса попасть на свободу — они осознанно предпочли пасть в борьбе, унося свои тайны в могилу.

Так и получилось. Пленные смогли вырваться из камер, они оказались на лагерной лужайке округлой формы (и потому называвшейся просто «круг»). Дальше на них началась охота — дикая, безжалостная охота на людей. Молодые, полные сил, обученные военному делу усташа бросились на измученных голодом и побоями, надломленных ежедневной тяжелой работой пленных. Ни один из них не дался живым в руки палачам.

Спустя некоторое время после тех событий в лагерьном «круге» прошел даже футбольный матч между заключенными. Это стало возможным по двум причинам: во-первых, как раз тогда начинался период самого мягкого лагерного режима; во-вторых, после того бегства в лагере осталось мало старых пленных, а новоприбывших еще не ознакомили с этой историей. Позже-то никто уже не хотел топтать траву «круга», даже если бы позволили усташа — из почтения к павшим.

Промежуток времени от весны до осени 1944 года ознаменовался «оттепелью». Еда в лагере стала куда лучше, чем прежде, так как мы получали передачи от родных и друзей, и все это шло в общий котел. Относительно хорошо обстояли дела с одеждой: практически каждый пленник был одет, обут и не слишком сильно страдал от холода.

Усташи смотрели сквозь пальцы на то, что пленные нарушают некоторые правила жизни в лагере. Так, пленным запрещалось иметь при себе нож или любой другой потенциально опасный предмет. На деле же карманный нож был едва ли не у каждого. В лагерных мастерских нелегально изготавливались портсигары, зажигалки и прочее. Даже когда какой-нибудь пленный попадался на глаза охране с сигаретой или с ножом, она не обращала на это особого внимания.

Мы долго и упорно готовились к восстанию, но волей судьбы оно так и не состоялось. То ли точно в день планируемого нападения, то ли днем ранее — точно мы уже не узнаем — партизаны напали на аэропорт в Баня-Луке. Это была масштабная акция, представлявшая опасность для немцев — поскольку банялукский аэропорт был крайне важным транспортным центром.

Стара-Градишка расположена примерно на полпути от железнодорожной дороги Загреб-Белград до Баня-Луки. Кроме того, она защищала мост через Саву — едва ли не единственную надежную связь с Баня-Лукой. И неожиданно для пленных Стара-Градишка начала играть важнейшую оборонительную роль. Она была крепостью в давние времена, и снова стала крепостью теперь. В лагерь начали прибывать немецкие танки, численность охраны выросла более чем втрое, усташи и немцы усилили наблюдение за местностью. Любая попытка бегства в таких условиях представляла бы собой всего лишь бес-

смысленный акт массового самоубийства. Из организации нам сообщили тайно, что нападение откладывается до лучших времен. Это был сентябрь 1944 года».

...В апреле 1945 года усташи начали готовиться к тому, чтобы оставить Ясеновац и бежать на запад. Основной задачей перед бегством было уничтожение всех пленных. Вероятно, 20 апреля была ликвидирована первая группа женщин. На следующий день та же участь постигла оставшихся пленниц Ясеновца. Вероятно (точных данных нет), их отвезли на Градину, где сожгли заживо.

Не дожидаясь своей очереди, 22 апреля 1945 года остававшиеся в лагере мужчины договорились пойти на вооруженный прорыв. О том, как пленные проводили свои последние дни в лагере, писал Эгон Бергер:

«Снег начал таять, появилось первое весеннее солнце. Мы, все так же работая на разных производствах, знали о том, что происходило на фронте. Группы самолетов союзных войск постоянно пролетали над Ясеновцем. Нам был отдан строгий приказ ни в коем случае не смотреть в воздух. Нарушение приказа каралось смертью. Но никакие угрозы не мешали нам слушать приближающиеся звуки моторов и оповещать товарищей о том, что идут самолеты. Каждый теперь хотел работать во дворе — сушить ли кожу, качать ли воду, делать ли что иное... А так как все мы были солидарны друг с другом в этом желании, решено было выходить по очереди — чтобы каждый из нас мог бы получить это удовольствие. К тому же, благодаря очередности, снаружи никогда не бывало слишком много пленных и усташи ничего не подозревали.

В первые дни усташи ружейной стрельбой встречали появление проплывавших на пятикилометровой высоте «летающих крепостей». Однажды я наблюдал за этим и увидел, как в небе со стороны Козары появились два

небольших самолета. Они начали бросать бомбы на савский мост. Усташи начали разбегаться кто куда, а один из них бросился в заросли крапивы и весь обжегся.

Для нас эти небольшие самолеты, на которых мы впервые увидели пятиконечные звезды, стали новой надеждой. Со временем пролеты союзной авиации над лагерем стали ежедневными. Однажды, когда мы обедали, наслаждаясь шумом самолетов, появились пять тех самых небольших самолетов. Мы уже знали от усташей, что это самолеты партизан. Они начали сбрасывать листовки. Мы смотрели, как клочки бумаги медленно опускаются — все ниже и ниже...

Ах, как нам хотелось знать, что же там написано!

Листовки спускались, но ветер относил их далеко от лагеря. Только одна опустилась на бочку с водой. Тотчас был найден предлог, чтобы отправиться за водой. Так мы и узнали последние новости.

Мы узнали о поражении немцев на фронте и начали лелеять надежду на восстание. Еще в 1943 году мы с помощью инженера Леви кое-что подготовили на случай, если возможность бежать подвернется. Помимо прочего, мы приготовили в лаборатории кожевенного завода кислоты, которые надеялись использовать как оружие, бросая усташам в лицо. Нас, главных идеологов будущего восстания, было десять человек. Мы установили ночные дежурства. Каждый из нас всегда имел при себе запас кислоты.

На следующую ночь после капитуляции Италии на входе в лагерь появились усташи. Дежурить в ту ночь выпало мне, и я мог следить за их перемещениями. У ворот я увидел Любо Милоша и еще нескольких головорезов. Я сразу же оповестил товарищей, и вскоре мы были готовы пустить в ход и топоры, и наши кислоты, если усташи попытаются увести кого-то из нас. Поскольку уже давно лагерь находился в строгой изоляции от внеш-

него мира, мы не знали, что происходит в стране, и думали, что в Хорватию вот-вот войдут союзные войска и усташи ликвидируют весь лагерь. Каждый из нас, делая вид, что спит, на самом деле был готов начать восстание. Остальные же пленники, не знавшие о наших планах, ощущали, что вскоре что-то произойдет — только не знали, что именно.

Душегубы поднимались по ступеням; тут я увидел печально известного Бонзу, который отсутствовал в лагере уже два года. Он приказал мне вернуться в здание и сообщить товарищам, что им ничто не угрожает, но они должны разуться и снять с себя всю более или менее хорошо сохранившуюся одежду.

Когда они ушли, мы испытали облегчение — ведь мы боялись того, что они пустятся в бега. Но следующее утро показало нам, что положение дел в лагере осталось неизменным.

Однажды утром я встретился с инженером Леви. Он сообщил мне, что, работая на починке проволочного ограждения, встретился с железнодорожником и спросил его, можно ли установить связь с партизанами. Железнодорожник сказал Леви, что это возможно, но нужно подготовить документ от заключенных. По его словам, нужно было найти в Загребе человека, который имел бы в лагере кого-то из родни. Заключенный должен был написать письмо на его имя. Инженер Леви попросил организовать встречу с партизанами и пообещал принести письмо железнодорожнику. Леви и железнодорожник договорились встретиться на берегу Савы. Как только Леви увидел бы его на месте, он должен был оставить ему письмо от пленника. Предлог же для выхода за пределы лагеря был уже придуман — Леви должен был якобы починить телефонный кабель.

Как только я услышал все это, я тут же написал письмо на адрес подруги, которая присылала мне посылки

и которой я мог целиком доверять. В письме я изложил наш план, который заключался в следующем: как только партизаны дадут нам сигнал с другой стороны Савы, мы начинаем восстание. Партизаны спускаются с Козары ночью и открывают огонь в определенный день и час. До того момента несколько заключенных должны были пролезть через проволоку наружу и укрыться в стогах сена. Как только партизаны открывают огонь, беглецы поджигают сено, чтобы усташа подумали, будто партизаны уже вошли в село. Мы же в лагере в это время начинаем борьбу с помощью кислот, отнимаем у усташей оружие и бежим к Саве. Те, кто умеют плавать, переплывают реку, а те, кто нет — перебрасываются на паромках. (С паромщиками мы уже договорились).

Я нервно вышагивал по лагерю, наблюдая за тем, как Леви подходил к воротам. Усташ пропустил его, так как знал, что он идет по делу. Но теперь перед инженером встала другая проблема — как дойти до берега Савы, который был всего-то в сотне метров.

В какой-то миг я потерял Леви из вида. Его исчезновение заметили и усташа, которые немедленно собрали всех пленных Кожары и стали спрашивать их, кто и где видел Леви в последний раз. По всему лагерю начали искать пропавшего инженера. Заключенных охватил страх перед местью усташей за побег. Но тут пришли два узника и сообщили, что видели, как Леви прыгнул в Саву и утонул.

Они начали уверять усташей, что Леви был слабо-нервным и совершил самоубийство. В это поверили и остальные пленные. Но я-то знал истинную причину: усташа заметили его на берегу, и дабы избежать пыток, боясь, что палачи вырвут у него признание, он бросился в Саву, унося свою тайну с собой. Те, кто этого не знал, осуждали его и говорили, что он совершил глупость. Поэтому я и объясняю, как все было на самом деле — Леви

был храбрецом, и пожертвовал своей жизнью ради защиты нашего плана.

В последние дни существования Ясеновца его начальником был Доминик Пиччили. Март прошел без убийств. В лагере воцарилась удивительная тишина. Кто не хотел работать — мог не работать. Ни в мастерских, ни на наружных объектах усташа никого не трогали. Эта тишина действовала нам на нервы, особенно с учетом того, что в лагере собрались вместе все главные палачи. Это были Маткович, Милош, Пудич, Маричич, Судар, Руньяш, Брклячич, Кордич и все прочие, уже известные нам. Беспокойство постоянно росло, предвещая наступление чего-то плохого.

В один из таких мартовских дней над лагерем неожиданно появились три партизанских самолета. Они шли над нами на бреющем полете. Это было ровно в полдень, когда мы получали обеденный паек и все мастерские пустовали. Усташа спрятались, а заключенные воодушевленно наблюдали за полетом воздушных птиц. Сильный огонь с земли не помешал самолетам: они спустились над цепным заводом и канцелярией; сбросив небольшие бомбы, они разрушили оба здания. При этом погибли восемь наших товарищей. Позже усташа обернули дело в свою пользу и писали в газетах, что партизанская авиация уничтожила тысячи заключенных.

В лагере попеременно властвовали веселье и грусть. Веселье — потому что мы видели страх усташей. Грусть — потому что все мы пребывали в мучительной неизвестности. Лагерное начальство начало переносить некоторые вещи в Градину — цистерны нефти, а также дорожный асфальтоукладчик. После чего усташа начали уводить из лагеря группы пленных.

За первой воздушной атакой последовали еще две, в результате чего все производственные постройки лаге-

ря были уничтожены. Вторая атака унесла жизни шестнадцати пленных, третья обошлась без жертв.

Седьмого апреля мы видели, как с другой стороны Савы вспыхнули два огромных костра. Старым пленным ударил в нос уже знакомый им запах горелого человеческого мяса. Группы хорватов и мусульман, привезенные вагонами, опять были отправлены на Градину. Очевидцы — не только пленные, но и жители села Ясеновац — стали свидетелями ужасающего зрелища. Мужчин и женщин обливали нефтью и бросали живыми в костры.

Когда участь этих несчастных разделили и новоприбывшие из Славонии и Лепоглавы, число жертв удвоилось. Идея с кострами принадлежала Пиччили, который таким образом продолжил работу своего крематория, начатую в 1942 году.

Связь между Кожарой и Цигланой была полностью прервана. Мы ничего не знали о намерениях наших товарищей из другой части лагеря. Двадцатого апреля мы находились на ночном дежурстве на крыше склада. С крыши мы видели огромные костры в окрестностях Цигланы. С приближением утра мы услышали в той стороне мощный взрыв. Мы могли лишь предполагать, что бы это могло значить. В итоге мы решили, что в связи с наступлением союзных войск в Среме началась ликвидация Цигланы.

Двадцать второго апреля мы договорились о тайной встрече, где и разработали конечный план. Всего в Кожаре работали сто сорок семь человек; из них мы отобрали сорок товарищей и разделили их на четыре десятка. Они-то и должны были исполнить задуманное.

На территории нашего лагеря, Кожары, было два жилых здания: одно было обращено к выходу из лагеря, второе — к дороге. Первое из них имело два выхода: один вел к главному выходу из лагеря, где нес службу часовой-ушаш, второй выходил на задворки, к проволочной огра-

де. Два выхода имелось и у второго здания: один вел к складам, другой — вглубь лагерной территории. Все тут было обнесено проволокой, а часовые несли неусыпную стражу.

Первый десяток должен был, вооружившись ножами, напасть на стражу у первого здания, возле главных ворот, и захватить их оружие. То же самое, но у здания напротив складов, должен был выполнить второй десяток. У повстанцев из третьего десятка задача была иная — с первых же секунд восстания начать резать проволочную ограду, чтобы обеспечить возможность массового побега. Ну, а четвертый десяток должен был оповестить всех прочих заключенных о необходимости немедленно бежать из лагеря — ведь было немало и таких, которые не должны были знать о наших планах вплоть до начала их осуществления. Эти несчастные еще надеялись, что будут пощажены кровопийцами.

Тем временем усташа изрядно нагрузили нас работой — мы трудились в мастерской всю ночь. Мы знали, что нужны им, и что завтра, двадцать третьего числа, нам еще не будет угрожать ликвидация. Восстание должно было начаться двадцать четвертого апреля в половину десятого вечера.

Нам сильно мешало то обстоятельство, что никакой связи с селом у нас больше не было — усташа охраняли нас очень строго. Поэтому мы понятия не имели о том, каково сейчас положение дел на фронте. Но по нервному поведению усташей, по совершавшимся с особой жестокостью ликвидациям значительных групп пленных из Славонии и Боснии мы сделали вывод, что дни их террора были сочтены».

А вот как описывал последние месяцы существования Ясеновца Чедомил Хубер:

«Примерно в конце февраля или начале марта 1945 года в лагере началось литье стальных решеток.

Каждая готовая решетка грузилась на паром и перевозилась на другой берег Савы, на Градину. Затем туда же была отправлена группа из двух десятков пленников. В эту группу набирали тех, кто еще сохранил достаточно физических сил. Их заковали, чтобы они не могли даже пытаться бежать, и снабдили инструментом. Эти пленные должны были раскопать все массовые могилы на Градине, вытащить трупы, разложить их на привезенных решетках, облить нефтью и сжечь. Не должно было остаться никаких свидетельств о масштабных ликвидациях пленных, проводившихся ранее на Градине.

Когда же пленные из этой группы вымотались до того, что уже не могли дальше сжигать тела, их самих ликвидировали и бросили на те же решетки.

21 апреля, где-то после полудня, по лагерю прошел приказ: всем пленным собрать свои вещи и быть готовыми отправиться в швейную мастерскую. Это значило лишь одно — лагерю приходит конец, а вместе с лагерем — и всем нам.

Колонна пленных отправилась в свой последний путь перед самым заходом солнца. Усташи торопили нас, кричали, но все это делали словно по принуждению, с каким-то безразличием. Примерно на полпути мы пересеклись с колонной женщин — их уводили из женской части лагеря в сторону Савы.

Ситуация была ясна: сегодня — женщины, завтра — мужчины. И лагерь перестанет существовать. Это конец.

Женщины знали, куда их ведут. Но они шли бодро, многие пели песни, хотя в их глазах стояли слезы. Когда обе колонны сошлись, женщины приветствовали нас, а мы — их. В какой-то момент обе колонны встали, выстроившись одна напротив другой, словно собираясь броситься друг другу в объятия. Это длилось лишь мгновение. Но даже усташи ни словом, ни жестом не нарушили торжественную тишину этого возвышенного мгнове-

ния. Мгновения прощания с теми, кто были друг другу едва знакомы — но были объединены общей судьбой. Мгновения прощания перед неминуемой смертью, которая их ожидала.

Когда мы зашли в здание мастерской, уже была ночь. Последняя ночь в лагере. Сквозь выбоины в кирпичной кладке мы видели, как женщин отводят на паром, который ходит на Градину. Значит, и они будут сожжены, и от них не останется ни следа.

Тишину ночи прервали звуки минометной стрельбы. Черное ночное небо вспарывали пулеметные пули. Мы бросились смотреть, что же происходит за стенами мастерской. Вспыхнула надежда, что наши войска уже подошли к лагерю и напали на него. Но надежды оказались жестоко разбиты: минометным огнем усташа подожгли бараки, в которых мы прежде жили. Сухая ель, из которой они в основном и были сложены, горела как порох. А пулеметный огонь усташа открыли с тем, чтобы инсценировать нападение на лагерь партизан.

Не знаю, как долго горели бараки. Во мраке мастерской невозможно было отслеживать время. Могу лишь сказать, что они сгорели еще до наступления рассвета. Лагерь больше не существовало. От него остались только стены, проволочное ограждение и два здания: мастерская, в которой находились мы, и соседнее здание, где до этого вечера располагались женщины. Все остальное превратилось в развалины. Я был уверен, что и эти два здания либо уже заминированы, либо будут заминированы и взорваны сразу после нашей ликвидации».

Как проходил прорыв пленных из Ясеновца? Эгон Бергер:

«Утро воскресенья выдалось для заключенных волнующим — мы начали ковать оружие. Братья Мостеры приготовили в лаборатории яд, который разделили меж-

ду нами. Сахарин, который мы носили с собой в маленьких бутылочках, был заменен этим ядом и кислотами. В полдень мы взяли ножи, которыми только что срезали кожу, и придали им более удобную для наших целей форму. Кроме того, на складе у нас были заранее спрятаны три топора и пять мотыг.

С самого утра мы распространяли между заключенными слухи о том, что к лагерю подходят партизаны. Тем самым мы как бы давали всем понять, что нужно что-то предпринимать, как бы готовили в их умах мысль о восстании. Тем временем нам позвонили по телефону и сказали, что заказанная нам партия обуви должна быть готова к восьми часам вечера. Удивившись спешке усташей, мы перенесли время восстания на восемь часов.

В пять часов пополудни один из управляющих лагеря, старший сержант Мато Живанович, отправился в парикмахерскую — каждое воскресенье он брился в это время. Это был один из тех «избранных» усташей, которых ненавидели более остальных, ибо он отбирал людей на ликвидацию, проверял нашу работу и был вероломен до крайности. Он мог очень вежливо разговаривать с пленником, а затем отправить его на смерть.

Живанович зашел в парикмахерскую. Давид Атияс, парикмахер, уроженец Загреба, намылил ему голову, постоянно сыпя шутками. Живанович попросил парикмахера выбрить его как можно лучше, так как он собирается пойти на свидание. Давид пообещал ему, что побреет его так, как не брил никогда ранее. С этими словами одним взмахом бритвы он перерезал усташу горло. Тот не издал ни звука.

Хотя наша вера в спасение была довольно слабой, ведь перед нами была колючая проволока, бункеры и вооруженные усташа — это событие вдохнуло в нас новые силы. Как только изверг был брошен в колодезь, мы по-

звали его родственника, тоже Живановича. Как только он переступил порог, его обезоружили и тут же убили. Теперь у нас появилось огнестрельное оружие — винтовка и револьвер, снятые с кровопийцы.

В восемь вечера часовой Живко собрался сдавать пост. Его мы также ненавидели сильнее прочих, поскольку он постоянно гнал нас на работу и кричал, что мы лентяи. Мы подкараулили его, когда он возвращался с поста, и убили железным молотом. Так поднялось наше восстание. Другой часовой побежал в нашу сторону, но побежал он мимо того места, где скрывался я с винтовкой в руках — и получил удар прикладом по голове. Я попытался снять с него винтовку, но в дело вступил третий часовой, начавший стрелять в меня. Другие повстанцы уже начали вооруженную борьбу с усташами. Мы подожгли Кожару и склады.

Подбежав к разрезанной проволочной ограде, я столкнулся с другом по фамилии Тибор. Он побежал в сторону Савы, я же — к железнодорожной насыпи. За нами уже бежали усташаи, открывшие по нам стрельбу со всех сторон. Как мы и договаривались с товарищами ранее, все бежали врассыпную, чтобы по нам было труднее попасть. Постоянно спотыкаясь, падая и вставая, я добежал до насыпи, расположенной примерно в полукилометре от лагеря. Я перебежал насыпь и прополз под вторым проволочным ограждением — не столь прочным. Мне на глаза стали попадаться раненые товарищи, падавшие на землю. Они доставали и пили яд, который носили с собой, чтобы не попасть в руки усташей. Я побежал в сторону поселка Крапье; постепенно я начинал выдыхаться, но все же пробежал около двух километров. Я дошел до первых поселковых бункеров, где встретил еще двоих товарищей. Мы забежали в подлесок — из бункера по нам уже повели огонь.

Я лежал, и через какое-то время меня начало трясти крупной дрожью. Лихорадило меня так, что я начал биться, как бы меня не обнаружили усташи. Бросив взгляд в сторону лагеря, я увидел огромное зарево пожара — это горела подожженная нами кожевенная фабрика.

Стемнело, но яркая луна хорошо освещала окрестности. Только сейчас я осознал, что больше не нахожусь в лагере, что я могу спастись. Эта мысль вдохнула в меня новые силы. Подождав, пока лунный свет не станет немного слабее, я пополз дальше и через час выполз к опушке леса возле Крапье. Опять пришлось проползать под колючей проволокой, и в какой-то миг меня заметили усташи. Тут же надо мной вспыхнул свет рефлекторов, и в мою сторону открыли сильный огонь.

Позже, когда мне довелось вернуться в Ясеновац, я увидел, что жизнь мою спас случай. Когда я проползал под проволокой, на мне было пальто — я одел его, чтобы защитить спину. Пальто зацепилось за проволоку и осталось висеть там. Усташи, подумав, что это я и есть, изрешетили его пулями.

А я тем временем уходил все глубже в лес. Выйдя к берегам реки Струг, я переплыл ее и продолжил свой путь. Потихоньку начинало светать. Я залез на дерево и пристроился между ветвей — тут я и встретил новый день. Первый день на свободе спустя четыре года! Какое облегчение и неописуемое удовольствие!»

Чедомил Хубер:

«Наступило хмурое утро 22 апреля 1945 года. С первыми лучами солнца лагерная организация освободила для своих нужд маленькую комнатку меж дверей на северной стороне нашего здания. Там собрались те, кто в этот момент принял на себя руководство организацией. Это были не те люди, которые руководили организацией с самого ее начала. Это были те вожаки, которые именно в этот решающий час взвалили на себя бремя

ответственности за жизни товарищей и оставшихся пленными.

В этой комнатке сидело около десяти человек. Среди них был и я. Никогда ранее я не руководил лагерной организацией. Я видел тех, кого знал ранее, знал об их принадлежности к организации. Были и знакомые, о связи которых с организацией я не предполагал. Наконец, были и те, кого я видел впервые.

Практически мгновенно и единогласно, без споров и обсуждений, было принято решение: напасть на стражу и попытаться прорваться наружу. Никто не подверг сомнению это решение. Мы знали, что нам нужно начать действовать как можно быстрее, ибо вечер этого дня должен был стать последним в нашей жизни.

Мы отдавали себе отчет в том, что наши шансы на успех невелики. Было очевидно, что очень многие из нас будут уничтожены перекрестным пулеметным огнем из бункеров. Но мы рассчитывали на фактор неожиданности, а также на то, что хотя бы кто-то из нас останется жив и расскажет всем, что мы не дали увести себя на убой, что мы боролись за свободу.

Вопрос был в том, какой способ избрать. Одни предлагали под каким-либо предлогом заставить стражу зайти в здание, где мы располагались, и тут их ликвидировать. Затем четверо пленными, одевшись в усташскую униформу, заменили бы стражу и по нашему сигналу открыли бы огонь. Все остальные в этот момент должны были побежать к воротам. Предлагавшие этот способ уверяли, что он позволит обойтись нам минимальными потерями.

Другие, напротив, предлагали всем и сразу броситься ко всем дверям, попытаться взять свое за счет численности. Бегущие в первых рядах должны были по этому плану напасть на стражу, завладеть их оружием и продолжить с остальными бег к воротам, при этом

стреляя по бункерам, чтобы ослабить эффективность их огня.

У меня не было своего варианта. Более привлекательным мне казался второй способ — массового прорыва. Помню, я поставил вопрос — что является нашей целью? И когда мы все согласились, что цель — прорваться наружу как можно большим количеством людей — тогда я заявил, что предпочел бы второй вариант. В итоге большинством голосов мы выбрали именно его.

Сразу после этого были распределены обязанности. Сформировались четыре десятка, по десятку на каждый выход из лагеря. Моим заданием было сформировать свой десяток, вооружить его чем только можно и собраться у задних дверей — наиболее удаленных от главных ворот. Уже не могу вспомнить, кто же распределял людей по десяткам. Знаю лишь, что не Бакотич — у него была особая роль: дать сигнал к нападению. Мы договорились, что этим сигналом будет возглас «Вперед, товарищи!»

Как только задачи были поставлены, мы все разошлись их выполнять. Я собрал свой десяток — в основном мы были вооружены ножами, молотками и тому подобным. Мы собрались на условленном месте и ждали знака. Основная трудность заключалась в том, что наше сборище могло заинтересовать как просто ненадежных пленных, так и усташских шпионов. Любой сомнительный шаг мог поставить под удар всю операцию.

Время пролетало быстро. С другой стороны, мне казалось, что подготовка к операции никогда не закончится. Наконец пришел Бакотич и заявил, что все группы на своих местах. Я предложил ему совершить еще один обход и лично убедиться в том, что все готово.

Казалось, с того момента прошла вечность. Я дрожал, а мои зубы стучали — я боялся, что стук зубов слышен даже за пределами ограды. Но вот вернулся Ба-

котич и сказал, что все в порядке. «Иди и дай знак!» — ответил я ему. И с этого мгновения исчезла и дрожь, и стук зубов — осталась только решимость и готовность ударить.

По данному знаку мы бросились к выходам. Я позвал своих, желая обойти женский лагерь. Оттуда мы побежали к главным воротам. Видно было, как по направлению к ним бежит огромная масса пленных. Они бежали тесными рядами, словно опираясь друг на друга, и кричали: «Вперед, товарищи!» Усташи были настолько ошеломлены этим напором, что открыли огонь по нам лишь тогда, когда мы преодолели едва ли не половину расстояния до ворот. Они бросили разряженный миномет, забыли про тяжелый пулемет и бросились в бункеры, откуда уже и повели огонь.

Многие пленные падали. Остальные, перепрыгивая через их тела, продолжали бежать вперед, видя перед собой лишь одну цель — главные ворота.

И тогда случилось то, чего никто из нас не ожидал. В какой-то момент некоторые из бегущих пленных стали кричать: «Не бегите, они нас всех убьют! Назад!» Невероятно, но даже в это время остались те, кто верил в чудо, в то, что усташи могли бы их пощадить.

Еще громче, еще яростнее разнесся клич: «Вперед, товарищи!» Мы побежали еще быстрее.

Милан Ристич добрался до пулемета и открыл огонь по бункеру на дороге, заставив его замолчать. Аца Грабович утопил миномет в Саве. Когда же иссяк запас патронов у пулемета, Ристич поступил так же — бросил его в Саву. Усташи бросали в нас ручные бомбы, но от неожиданности или испуга бросали их слишком рано — они падали без взрыва, и мы отбрасывали их ногами. Однажды такой трюк проделал и я.

Тем временем Эдо Шайер сумел перерезать кабель связи, прервав телефонное сообщение с Ясеновцем.

Первые пленные уже выбирались наружу и бежали к лесу, до которого было около двух километров. Другая группа бросилась в Саву, стремясь переплыть ее и скрыться на боснийском берегу. Усташи стреляли и в тех, и в других — поэтому огонь был не плотный и у многих появлялись шансы спастись.

Но вот и я покинул территорию лагеря. Бросилось в глаза, что усташи стреляют по воде, но не по самому берегу. Приняв решение, я быстро спустился к берегу и пошел вдоль него. Крутой склон защищал меня от огня — тут была мертвая, непростреливаемая зона. Я видел, как падают пораженные пулями те, кто бежал по дороге. Видел, как тонут те, кто пытался переплыть Саву. Видел — и продолжил идти вдоль берега.

Когда берег перестал быть защитой от огня, я перебежал через дорогу и оказался на лугу, который отделял нас от леса. Тут я нашел временное укрытие. Дальше бежать я уже не мог. Обычным шагом я двинулся в сторону черневшего передо мной леса. Немалое количество пленных шло той же дорогой.

И тут усташи сделали нечто необъяснимое. Они отравили в погоню за нами усташскую роту. Это были в основном юнцы, почти дети. Видно было, что они хотели взять нас живыми. Не могу понять, на что они надеялись. Для нас это была борьба не на жизнь, а на смерть. У нас было только два пути — или остаться живыми и свободными, или умереть. Третьей возможности не существовало.

Теперь усташи вынуждены были остановить огонь, так как под обстрелом оказалась бы и рота. А эти парни стреляли в нас, но также пытались взять нас живыми. Помню одного из них, парнишка едва ли был старше 13—14 лет, его усташская униформа висела на нем мешком и явно замедляла передвижение. Он выстрелил в меня, но промахнулся. Пока он перезаряжал оружие, я пошел

к нему, намереваясь его убить. Но он бросился в бегство. Я не стал его догонять — моей целью было как можно быстрее дойти до леса.

Мы не знали, что перед самым лесом расположен еще один ряд усташских бункеров. Но и от них нас спасла та самая рота, посланная за нами. Поскольку усташки из этой роты уже смешались с нами, пленными, бункеры не могли вести по нам перекрестный огонь, и выстрелы носили одиночный характер.

Наконец-то я оказался в лесу. Я продолжал идти вперед, все дальше и дальше от лагеря. Только ощутив себя в полной безопасности, я остановился. Еще во время бегства к воротам я ощутил легкий удар в грудь и подумал, что ранен, но осмотреть рану не было времени. Теперь же я выяснил, что мне крупно повезло — собственно, раны и не было. Пуля лишь чиркнула по груди, прорвав костюм и рубашку насквозь, параллельно коже. Отправившись дальше, я встретил Йову Живковича. Мы договорились разойтись и пойти в разных направлениях, чтобы хоть один из нас в итоге выжил».

Но покинуть лагерь — еще не означало выжить. Нужно было как-то выбраться на свободные территории. А это было задачей едва ли не более трудновыполнимой, чем собственно побег из лагеря.

Эгон Бергер:

«Насколько я мог понять, я находился к северо-востоку от лагеря. Тут, на дереве, я и провел весь день — меня удерживал от спуска на землю страх возможной погони. Лишь в сумерках я спустился и пошел в сторону Псуня. Я полагал, что иду на восток, в сторону Новски. Когда мой путь преградила какая-то река, я снова ее переплыл. Выйдя к дороге, я увидел немецкие колонны и вынужден был искать другое направление. Некоторое время спустя я набрел на другую дорогу, услышал разго-

вор и шум воды. Тут мне опять не повезло — в ярком лунном свете я увидел грузовики, заполненные трупами, одновременно узнав два голоса — это были Лубурич и Зринушич.

Оказалось, что шел я не в сторону Псуны, как мне казалось, а обратно к Ясеновцу!..

Я решил укрыться в ближайшем подлеске, чтобы спокойно обдумать сложившуюся ситуацию. Для этого мне нужно было перейти пашню. Уже целые сутки я ничего не ел, и голод давал о себе знать все сильнее. Сначала я пополз, но потом решил перебежать пашню. Но едва я сделал первые шаги, как услышал крик одного из усталей, Судара: «Стой! Кто там?» Я встал, будто окаменев. Меня отделяли от головорезов какие-то три сотни метров. Они выпустили в мою сторону несколько пуль и, по всей видимости, решили, что это дерево, а не человек. Еще четверть часа я стоял как вкопанный, пока не убедился, что в мою сторону никто уже не смотрит. Тогда я вновь лег на живот и принялся потихоньку ползти в сторону берега Струга.

Ярко светила луна; в каждом дереве мне чудился человек, каждый шум казался предательским. Продолжая ползти, я увидел перед собой тело. Держа перед собой нож, я подполз к нему и толкнул, но человек никак не отреагировал. Тогда я подумал, что, может быть, это тоже заключенный. Может быть, будучи ранен, он дополз до этого места, где и умер. Следующая мысль, которая меня посетила — забрать его одежду, поскольку моя вся насквозь промокла. Но в этот миг я понял, что человек дышит.

Обхватив руками его голову, я сказал: «Если ты заключенный — не бойся, я тоже сбежал с кожевенной фабрики».

Когда он поднял голову, мы оба тотчас узнали друг друга. Это был не кто иной, как Стоян, который три года

был моим товарищем по лагерю. Его шея и грудь были залиты кровью. Он поведал мне, что здесь кругом бродят усташи; он же не умеет плавать и поэтому потерял всяческую надежду на спасение. Он принял яд, но умереть не получилось: этой ночью он плотно поел, и после приема яда его вырвало. Тогда он взял кусок древесины — единственное, что удалось найти — и начал им резать себе шею. В таком виде я его и нашел.

Стоян отер кровь с шеи, и мы вместе пошли по ниве. На ночь мы укрылись в канаве, набросав на себя кукурузу и ветви деревьев. Там мы вспоминали свои лагерные дни... как вдруг услышали поблизости шаги и голоса. Стоян было захотел бежать, но я удержал его, шепнув, чтобы он не смел и шевельнуться. Усташи перепрыгнули через канаву прямо над нами. Одного-единственного внимательного взгляда вниз им бы хватило, чтобы нас обнаружить. Полчаса спустя они вернулись, снова перепрыгнули канаву и пошли в обратную сторону. Когда они отошли достаточно далеко, мы осторожно выглянули, чтобы узнать, где находимся. В какой-то сотне метров от нас находился усташский бункер. Мороз продрал нас по коже; не знаю, как мы дождались наступления ночи.

Сначала я подумал о том, чтобы переплыть реку со Стояном на плечах, но по зрелом размышлении этот план пришлось отвергнуть. У меня бы просто не хватило на это сил. Поэтому мы ушли в лес под названием Гуштик, расположенный в семи километрах от лагеря. Первым делом мы начали поиск пропитания. Стоян был крестьянским сыном и лучше меня знал, что в лесу съедобно — поэтому главным экономом стал именно он. Есть траву нам было противно, но Стоян рассказал мне, что листья молодых дубков весьма недурны на вкус — особенно если срывать их по утрам, пока еще лежит роса.

Наступил вечер, похолодало. Мы сплели из ветвей и листьев нечто вроде покрывала, накрылись им и так

провели первую общую ночь в лесу. Мы оба были слабы, истощены и собирались тут, в лесу дожидаться ухода усталейшей из Ясеновца. Перед рассветом начался дождь, и мы решили построить жилище, чтобы хоть как-то защититься от непогоды. Около могучего дуба мы свели в круг ветви соседних кустов, скрепили их нарезанной корой — и получили крышу над головой. Впрочем, наша лежанка от этого суше не стала...

На следующий день, когда дождь прекратился, мы решили наловить лягушек. Я не смог поймать ни одной, но зато Стоян был в этом деле настоящий мастер. Нашу добычу мы потрошили, сдирали кожу, делили на две половинки и ели. Так мы немного укрепили свои силы.

Сбрасывая листовки, над нами пролетели два самолета. Из этих листовок мы узнали о выступлении перед народом маршала Тито. Он убеждал, что вся территория страны в ближайшее время будет освобождена от захватчиков и Народно-освободительная армия погонит врагов с нашей земли. Для нас это было событие огромной важности: теперь мы знали, что нам осталось продержаться совсем немного.

По дороге, пролежавшей через лес, часто ходили усталые, поэтому мы всегда вели себя крайне осторожно. Кроме того, мальчик лет примерно двенадцати ежедневно пас в лесу свиней. Так как он носил усташскую шапку, мы вынуждены были скрываться и от него.

На седьмой день нашего пребывания в лесу я почувствовал себя очень плохо. Мало того, что я умирал от голода: меня вдобавок начала трясти лихорадка. К счастью, на следующий день мне стало лучше. Несмотря на то, что мы жестоко страдали от голода и холода, нас ни на мгновение не покидала вера в спасение.

Вечером того дня до нас долетел далекий грохот ужающих по силе взрывов. Мы не знали, что это было. Лишь позже нам стало известно, что усташа при отступ-

лении заминировали оба железнодорожных и автомобильный мосты через Саву и Струг. Кроме того, они заминировали и подожгли село. Некоторые сельчане пошли с ними, те же, кто не хотели уходить, были уничтожены.

Мы со Стояном все так же скрывались в лесу. Мы не знали, что в это самое время, пока мы прячемся в чаще, отряды Народно-освободительной армии уже входят в Ясеновац. Меж тем мы уже были так истощены голодом, холодом и сыростью, что решили на свой страх и риск покинуть наше убежище. Тот пастушонок, который пас свиней, все так же приходил каждое утро, но теперь вместо усташской шапки его голову покрывала самая обыкновенная. В итоге мы со Стояном придумали план: я выйду к этому пастушонку и спрошу у него обо всем — и будь что будет!

Спрятавшись возле дороги, я ждал пастушонка. Когда мы услышали его голос, Стоян остался лежать в укрытии, я же вышел навстречу. Малец едва не дал деру — вероятно, его перепугал мой вид. Я позвал его и сказал, что я учитель из Новски и не знаю, как пройти к Ясеновцу. Пастушонок подошел ко мне поближе. Я добавил, что на меня в Новске напали партизаны и сейчас я хочу попасть к усташам в Ясеновце. Мальчишка посмотрел на меня с удивлением и ответил, что в Ясеновце нет усташей, что там партизаны. У меня перехватило дыхание, но я все же сказал, что это невозможно. Пастушонок молча снял шапку и вывернул ее наизнанку. На внутренней стороне карандашом была нарисована пятиконечная звезда. Паренек сказал: «Не бойтесь, господин учитель, партизаны никому ничего не сделают. Это все усташки ввали. Они хотели вас обмануть».

Пятиконечная звезда, впервые столь близкая ко мне, грубо нарисованная на детской шапке, говорила мне лучше всяких слов: твоим мучениям пришел конец!

Теперь, после сорока четырех месяцев рабства, я вновь становлюсь свободным. Теперь — я более не узник Ясеновца, теперь я человек. Теперь я смогу свободно ходить по городу, читать и писать...

Я позвал Стояна, а пастушку объяснил, что мы беглые пленные. Он обрадовался, раскрыл свою сумку и принялся угощать нас сыром, мясом и хлебом. Вернувшись в село, мы встретили партизана. Впервые в жизни я встретил партизана! Подойдя ближе, я обнял его и расцеловал. Когда партизан узнал, что я бывший пленник лагеря, он предложил мне вскарабкаться к нему на плечи, чтобы не тратить силы на ходьбу. Вслед за мной в партизана вцепился и Стоян, и таким вот образом, буквально повиснув на партизановой шее, мы прибыли к комиссару XXI дивизии. Едва мы закончили рассказывать о наших похождениях, как на стол тут же полетела всевозможная снедь: тут было все, что только можно было пожелать. Поскольку у меня больше не было родительского дома, этот братский прием словно перенес меня в семью. Мы со Стояном стали любимцами борцов XXI сербской дивизии, которые из кожи вон лезли, чтобы только угодить нам во всем.

Наступило 9 мая — день победы над фашизмом. Мы праздновали его вместе со всеми. Стоян был еще очень слаб и не мог ходить, я же собрал все силы и шел в одном ряду с моими товарищами-освободителями. Мне встретилась старушка, которая нам, пленным, приносила газеты. О, сколько раз я проходил этой дорогой перед этими же самыми крестьянами — избитый и униженный! Но в тот день, с пятиконечной звездой на шапке и винтовкой на плече, я ощущал такую силу, что не описать словами.

Когда мы производили торжественный залп в память о погибших товарищах, у меня на глаза навернулись слезы. Я стыдливо отирал их. Это были слезы благодарности

человеку, который поднял героев на борьбу с сатаной — тех самых героев, благодаря которым мы, выжившие пленники, теперь стали людьми. Нужно быть так страшно измученным, униженным и искалеченным, чтобы понять — что значит быть свободным.

Через три дня я попросил комиссара отпустить меня в родные края. И вот я дома — спустя четыре года. Я думал, что это будет возвращение, полное радости — но это было возвращение к разрушенному дому и запустению.

Никто не узнавал меня в городе. Неужели лагерь так изменил меня? Несомненно, но изменились и люди. Нет больше моих товарищей. Кто-то сгинул в лагере, кто-то — в тюрьме.

Я встретил нескольких знакомых, чьи дети, отцы и матери разделили печальную участь моих лагерных товарищей. Но видел я и тех, чьи дети отправляли моих родителей и братьев в лагерь, чтобы они никогда оттуда не вернулись. Кровью запятнаны тарелки, из которых они едят, и кровати, на которых лежат. А сейчас они как ни в чем не бывало пожимают нам руки и даже смеют смотреть нам в лицо, словно говоря: «Забудьте об этом!» Но нет, это никогда не будет забыто, не имеет права оказаться забытым!

Сейчас меня часто спрашивают: правда ли, что в Ясеновце и в самом деле было так страшно? У меня нет ответа на этот вопрос. Но я всегда вспоминаю отца, братьев и еще сотни тысяч несчастных, которые среди ужасов Ясеновца узнали ответ — ценой своих жизней».

Чедомил Хубер:

«Так я остался в лесу один. Звуки стрельбы становились все реже и слабее, затем прекратились вовсе. Кругом царил мир, а я был свободен, под защитой леса и даже не ранен. Этого мне было вполне достаточно. Мне ни на секунду не приходила в голову мысль, что мы, плен-

ные, ликвидировали лагерь. Об этом я задумался только несколько дней спустя.

Идя по лесу, несколько раз я выходил к берегу Савы. Но у меня не хватало храбрости ее переплыть, и я всегда возвращался в глубь леса. Но однажды мне послышались подозрительные звуки, и я подумал, что усташи осаждают лес. Я быстрым шагом пошел вглубь леса, стараясь при этом идти по берегу Савы. Через какое-то время я вышел к участку берега, который показался мне безопасным для переправы. Я разделся до трусов и бросился в реку. На воздухе без одежды было страшно холодно: хоть снег и перестал падать, но ветер и дождь никуда не делись. А вода Савы показалась мне такой теплой и приятной, что я поплыл неожиданно легко и быстро.

Подплыв к другому берегу, я вылез из воды. И только тут заметил, что прямо возле меня на берегу лежал труп какого-то пленника со связанными проволокой руками. От него исходил ужасный смрад, так что я постарался как можно быстрее покинуть берег. Здесь я уже был уверен в том, что я спасен, что меня уже не смогут схватить и убить.

Идя по лесу, я однажды заметил двоих людей, оба были молоды и без одежды. Как оказалось, они тоже бежали из лагеря, так что дальше мы пошли втроем. Выйдя из леса, мы решили зайти в ближайшее поселение, но оно оказалось словно вымершим. Нас мучили холод, голод и жажда, а между тем в поселке мы не могли найти даже достаточного количества соломы, чтобы постелить себе на ночлег. Один из нас, беглец, которого я ранее не знал, то ли от перенапряжения последних дней, то ли от лишений начал бредить. Он то убеждал нас немедленно бежать, хотя сам не мог даже стоять на ногах, то кричал, чтобы мы не смели его трогать, что мы усташи и он не дастся нам в руки.

Наутро, оставив в одном из домов потерявшего рассудок товарища, мы отправились в сторону Орахова. В какой-то момент я еще издали заметил всадника. Он был одет в темные штаны, белую рубашку, а на голове было что-то красное — вероятно, феска. Всадник также заметил меня и поскакал в мою сторону, пустив коня галопом. Я начал отходить к лесу, но он крикнул мне, чтобы я не бежал. Я остановился, всадник подъехал ко мне и тут же спросил, уж не бежавший ли я из лагеря пленный? Я рассказал ему, как обстоят дела. Всадник пообещал, что вскоре вернется к нам с одеждой и едой. Мы договорились, что встретимся выше, на ниве под грушей.

Я вернулся к товарищу, вместе мы пошли к условленному месту встречи. Но из осторожности мы не пошли прямо под грушу, а остановились в стороне. Когда всадник вернулся, он сказал, что мы должны одеться как можно скорее, а времени на еду у нас уже нет. Он объяснил, что мы должны спуститься ниже, к дороге, куда придет его товарищ, а затем они вместе перебросят нас дальше, в безопасное место.

И вот мы сидим в повозке, а маленькие боснийские коньки несут нас галопом вдаль. Вскоре они все были в пене и мыле, но не сдавались и тащили нас дальше. Спустя какое-то время человек, который впервые нас встретил, заявил, что теперь мы покинули Хорватию и находимся в Югославии.

Лишь прибыв на место, мы попробовали грызть твердый, но свежий кукурузный хлеб. Но, как оказалось, мы не могли глотать твердую пищу. Пришлось нам утолять голод молоком. Отдохнув, мы продолжили свой путь в сторону Вриштика. Там нас сдали на руки партизанской страже. Это означало одно — теперь мы, наконец, в полной безопасности.

...Я часто вспоминаю все это время. Это не может просто так стереться из памяти. Да и не должно. Напро-

тив, это нужно сохранить как память о времени, которое никогда больше не должно вернуться. И нужно знать вот что: лагеря не были только лишь местом страданий и мук — они были еще и аренами сражений, сражений за свободу».

Вопрос о количестве жертв Ясеновца волнует умы исследователей еще со времени существования комплекса лагерей. В послевоенной Югославии отношение к этой проблематике было сложным и неоднозначным из-за проводимой политики «братства и единства». Важной частью этой политики было формирование в глазах простого народа образа немцев как единственных виновных в геноциде сербов, евреев и цыган на территории НГХ, в то время как про усташей предлагалось как бы забыть. И это при том, что весь комплекс лагерей Ясеновац управлялся исключительно усташами.

Тем не менее, с момента окончания войны и вплоть до распада Социалистической федеративной республики Югославия приводимые в исследованиях цифры были достаточно красноречивыми. Ни о каком стремлении искусственно занизить количество жертв Ясеновца не могло идти и речи. Например, Государственная комиссия по расследованию преступлений оккупантов и их союзников в 1945 году обнародовала цифру в 600 тысяч жертв, Краевая комиссия по расследованию преступлений оккупантов и их союзников годом спустя сообщила о том, что в Ясеновце оборвались жизни от 500 до 600 тысяч человек. В Военной энциклопедии 1967 года приведена цифра 675 тысяч человек, а в 1971 году эти данные повторила и Энциклопедия Югославии.

Отдельные исследователи — разумеется, речь об этнических сербах — пошли еще дальше. Так, А. Милетич в 1986–87 годах сообщал о 700 тысячах жертв Ясеновца. Годом спустя эту же цифру назвал М. Булайич.

А в 1990 году Р. Булатович опубликовал невероятную цифру — 1 110 929 человек!

Разумеется, исследователи-хорваты (кои, впрочем, было намного меньше сербских) приводили совсем иные цифры. Например, за год до публикации Булатовича будущий первый президент независимой Хорватии Франьо Туджман заявил, что в Ясеновце умерло от 30 до 40 тысяч человек. В 1999 году Комиссия по выявлению жертв войны Республики Хорватия опубликовала поименный список жертв Ясеновца, состоящий из... 2 238 фамилий.

Справедливо ли в данном случае утверждение, что истина — где-то посередине? Наверное, в определенной степени — да. Цифры, которые можно считать «средними», начали появляться в научных публикациях и статьях относительно недавно — уже в XXI веке. Почему только сейчас? Может быть, потому, что современные научные институты в меньшей степени зависят от политики представляющих их государств — их не ограничивает ни политика «братства и единства», ни необходимость получить от агрессоров — немцев и итальянцев — как можно большие денежные выплаты... Идеология начала уступать место непосредственно науке. Музей жертв геноцида в Белграде (Сербия) обнародовал следующий диапазон — от 122 до 130 тысяч жертв. А в 2007 году Мемориальный комплекс Ясеновац представил поименный список жертв, состоящий из 72 193 фамилий.

Откуда же брались ужасающие цифры в 600 — 700 тысяч? Это результат совокупности нескольких факторов. Например, один из них — все люди, убитые в Доня-Градине, на Гранике и некоторых других местах массовых убийств автоматически «приписывались» к жертвам Ясеновца. При этом упускался из виду (или намеренно игнорировался) тот факт, что уже в последние месяцы существования Ясеновца (как и НГХ в целом) транспорты

с пленными отправлялись непосредственно на Граник и Градину, минуя Ясеновац. Как можно считать жертвами Ясеновца людей, которые ни дня не провели в его стенах?...

Не так давно на хорватском интернет-портале «Свободная Далмация» был опубликован материал, призванный объяснить безмерно высокие цифры жертв югославского периода. Ниже — отрывки из этой публикации:

««История — это то, что записано. То, что произошло, но не записано — не история» (Иво Андрич). Наша Конституция говорит нам: Хорватия была антифашистской во Второй мировой войне, а хорваты внесли огромный вклад в победу над фашизмом. Это великая правда малого народа, записанная кровью, выбитая на памятниках истории, занесенная в книги и архивы... Вот пожалуйста, цифры: 41,7% погибших в битве на Сутьеске в 1943 году были далматинцы. А кто такие, говорят нам, носившие повязку с буквой «U» и бывшие с Павеличем? Они уничтожали Хорватию и хорватов. «Центр мира» Нью-Йорк пишет свою историю — ту, которая выгодна ему. Но что это за история?

Именно в Нью-Йорке, кстати, еврейская и сербская общины основали в 1998 году Институт по исследованию Ясеновца — Jasenovac Research Institut (JRI, PO Box 10-0674-Brooklyn, NY 11210.). Его исследования бросают тень на официальный список жертв Ясеновца. Чудовищные фальсификации, имеющие место быть, направлены против Хорватии и хорватов, распространяя национальную, религиозную и политическую ненависть. Самое опасное — то, что этот институт получает различного вида поддержку от Нью-Йорка, а его «правильные» данные включены в школьную программу США и Канады.

Фальсифицировано в данных института практически все. Прежде всего — число жертв Ясеновца. Официальные данные Списка жертв (Victims list), опубликованного

на сайте www.jasenovac.org, выглядят так: 3248 страниц, из них по буквам (хорватской латиницы):

A-94; B-282; C-38; Č-46; Ć-28; D-138; Đ-60; E-20; F-41; G-132; H-63; I-52; J-145; K-295; L-111; M-358; N-83; O-45; P-255; Q-1; R-182; S-254; Š-117; T-116; U-19; V-176; W-4; Y-1; Z-56; Ž-36.

Общее число жертв Ясеновца: около 647 250 человек.

Из них, между тем, следует убрать 75 человек, которые на самом деле являются жертвами злодеяний четников; еще 63 человека, убитых немецкими нацистами в селе Жежевица около Сплита; 29 хорватских партизан, убитых в ходе боев на Неретве и Сутьеске; 57 сербских партизан, убитых в Каштел-Сучурце; 79 жертв бомбардировок церквей в том же Каштел-Сучурце; 75 человек погибли в окрестностях Трогира; и еще от 15 до 18 человек уничтожены в окрестностях Сплита.

Это всего лишь один пример, но даже он показывает, что 396 человек необходимо убрать из списка жертв Ясеновца. Более того, известна наметившаяся тенденция: жертв всех мелких лагерей почему-то приписывают к жертвам Ясеновца.

Если верить цифрам, которые предлагает Институт по исследованию Ясеновца, количество жертв этого концлагеря составляет до 70% всех погибших с 1941 по 1945 на территории всей Югославии и даже тогдашней Италии (Истрия, Риека, Задар, острова Северной Адриатики). В этих списках почему-то присутствуют почти все жертвы немецко-итальянского оккупационного строя, а также почти все четники, погибшие на территории Югославии. И все они якобы погибли в Ясеновце. Что самое удивительное, если верить этому списку, среди жертв Ясеновца можно найти и... усташей. Список вообще изобилует повторяющимися, вымышленными именами, называются неверные даты и места рождения жертв.

Игор Вукич, журналист, публицист и исследователь: «Список жертв Ясеновца составлен на основе списка военных жертв Югославии 1964 года, когда Германия начала выплачивать военные репарации Югославии. Тогда делали все, чтобы увеличить число жертв и, таким образом, получить больше денег. Например, некоторые фамилии повторялись по несколько раз. Не является неожиданностью и то, что многие из списка жертв — просто вымышленные личности. Реальная картина Ясеновца разительно отличается от того, чему нас учили в школах».

По мнению Вукича, в списке жертв Ясеновца множество людей, которые на самом деле умерли от болезней или других причин в Славонии и других регионах Хорватии. Исследования, проведенные Вукичем, основаны на опубликованных в разные времена источниках, исследованию архивов и мнениях сотен выживших пленников лагерей.

«Если верить рассказам выживших узников, все, что происходило в Ясеновце, никак не вяжется со списком его жертв. За первый год существования лагеря в нем было от тысячи до 1300 заключенных. А в официальных списках и документах говорится, что в 1941 году там было уничтожено 10 700 человек. Уже само существование столь значительных отличий в цифрах говорит о необходимости проведения дальнейших исследований» — убежден Вукич.

Доктор Степан Разум, историк, архивист и католический священник: «...Настало время, когда мы должны разрушить миф о Ясеновце. Долг хорватских историков — сказать веское слово в защиту Ясеновца, ведь коммунисты обвинили в геноциде весь хорватский народ. И теперь мы должны доказывать, что значительного числа жертв в Ясеновце не было...

...Те цифры, которые нам преподносят, не находят никакого реального подтверждения. Многие пленники были, например, переправлены в Германию, но при этом почему-то числятся в списках жертв Ясеновца. Ясеновац вообще не был местом массовых убийств...»

Какой вывод о количестве жертв Ясеновца можно сделать из вышеизложенного? На мой взгляд — только один: с большей или меньшей уверенностью можно считать, что речь идет о шестизначном числе. А вот, например, сто это тысяч или семьсот — мы не узнаем уже никогда.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Одним из важнейших условий существования Независимого государства Хорватия в том виде, в каком оно изначально планировалось усташскими властями, было эффективное и массовое проведение политики избавления от нехорватского населения страны и иных «нежелательных элементов», а также лишение их любых гражданских прав и свобод.

Подавляющее большинство нехорватского населения НГХ составляли бошняки-мусульмане и православные сербы. Опираясь на убеждения Анте Старчевича, усташские власти НГХ разработали два разных метода решения «национального вопроса» в отношении бошняков и сербов. Бошняков причислили к хорватской нации, закрепив за ними все гражданские права, в том числе — право на вероисповедание.

В свою очередь, сербы, являясь для усташей «низшей расой», попали под маховик государственных репрессий. Политика геноцида сербов реализовывалась тремя способами: насильственным перекрещиванием в католичество, изгнанием сербского населения за пределы НГХ, а также отправкой в «рабочие» лагеря, бывшие на деле лагерями смерти.

Третий способ оказался наиболее эффективным, поэтому правительство НГХ во главе с Анте Павеличем сделало ставку именно на него. Эволюцию лагерей смерти проследить довольно легко. Начав с плохо приспособленных к требуемым задачам отдельных построек, куда заточались в основном сербы ближайших окрестностей, усташаи уже к лету 1941 года «доработали» систему до создания целых комплексов лагерей, куда направляли сербов, евреев и коммунистов всех национальностей со всей территории НГХ.

Отправка пленных в лагерь смерти — тема, заслуживающая отдельного внимания. Современному человеку может показаться невероятным, что в колонне пленных,

отправляемых в лагеря пешим ходом, на пятьдесят узников мог приходиться всего один конвоир-ушаш. При этом попытки побега были явлением редким. Бывшие пленные лагерей, а также исследователи отмечают две причины этого феномена. Первая — люди верили в справедливость государственного судебного аппарата: не ощущая за собой никакой вины, они были уверены, что их всего лишь проверят и выпустят на свободу. Попытка к бегству рассматривалась ими как нарушение закона, которое могло иметь для них самих и членов их семей куда более тяжкие последствия.

Вторая причина тесно связана с первой. Ушаша убеждали арестованных, что их ведут «на слушание», «на судебное заседание» и так далее. На следующем этапе, когда колонну пленных уже отправляли в лагеря, им говорили, что речь идет всего лишь о кратковременных принудительных работах, по окончании которых их выпустят на свободу. Люди не понимали, что их ждет на самом деле, и поэтому не оказывали никакого сопротивления.

Несмотря на то, что ушашские лагеря изначально создавались по образцу немецких, на деле они функционировали иначе. Прежде всего это касалось отношения к пленным и методов их ликвидации. Огнестрельное оружие практически не использовалось — основными средствами уничтожения пленных были молот, называемый «мацола» (в жаргонной форме — «маца»), нож, штык или любое другое холодное оружие.

Еще одной отличительной чертой ушашских лагерей смерти была особая жестокость, с которой ушаша пытали и убивали пленных. Даже бывалые палачи немецкой и итальянской армий приходили в ужас, наблюдая зверства ушашей. По этой причине немцы и итальянцы нередко даже спасали пленным жизни. Специалисты полагают, что существовало более сотни способов пыток

и умерщвления пленных, которые были придуманы усташами. В личной беседе с членами Товарищества пленных Ясеновца мне довелось услышать мнение, что таких способов было... 270. Не настаивая на достоверности этой цифры, можно, однако, считать историческим фактом другое — усташаи регулярно устраивали «соревнования» по убийству пленных. В «зачет» могло идти как количество убитых за день, так и количество новоизобретенных способов убийства. Отдельный «приз» лагерное начальство присуждало тому усташу, который изобретал наиболее чудовищный и извращенный способ пытки или убийства.

Самым страшным, самым чудовищным «изобретением» усташей следует считать детские лагеря. Это были те же лагеря смерти, но предназначенные исключительно для детей — преимущественно сербских. Только самых крепких и жизнеспособных мальчиков отделяли от остальных и «перевоспитывали», делая из них «новых янычар» — перекрещивали в католичество, давали хорватские имена, одевали в усташскую униформу. Их кормили не в пример лучше остальных (прочих детей, кстати, могли вообще не кормить). Будущих «новых янычар» заставляли забыть свои прежние имена, своих родителей, свою веру; им объясняли, что сербы — существа низшего сорта, заставляли разучивать наизусть усташские песни, воспитывали любовь к усташам и Поглавнику. Все остальные дети в лучшем случае «воспитывались» так называемыми «сестрами милосердия», которые на деле были усташками и обращались с детьми соответственно. В худшем же случае они оказывались предоставлены сами себе, без еды и питья. Те дети, которые выдерживали этот ужас дольше, должны были хоронить умерших. Десятки тысяч детей в возрасте от нескольких дней до четырнадцати лет умерли от истощения, болезней и побоев в лагерях Сисака, Ястребарско, Горня-Рие-

ки, а также в лагерях «общего содержания» — Циглане, Стара-Градишке и других. В некоторых регионах — например, Подкозарье — связь поколений оказалась прервана: во многих деревнях и поселках края ни один ребенок не дожил до конца войны...

Важным признаком, характерным для большинства усташских лагерей смерти, было стремление их организаторов оставить как можно меньше следов своей деятельности. Так, учет пленных либо не велся совсем, либо записи периодически уничтожались. В лагерях Слана и Метайна на острове Паг после проведения массовых ликвидаций тела сбрасывали в море; в лагерях комплекса Ясеновац их сбрасывали в реки или сжигали. В горах Велебита, возле лагеря Ядовно, пленных сбрасывали в естественные отверстия и провалы в скалах — «ямы», после чего или заливали их бетоном, или забрасывали камнями. Все это делалось ради поддержания легенды о «рабочих лагерях» с минимальным количеством «случайных» жертв.

Система лагерей смерти, являвшаяся ключевым инструментом по претворению в жизнь политики «национального вопроса», просуществовала почти столько же, сколько и само НГХ: с апреля 1941 по апрель 1945 годов. Первый такой лагерь — Даница — был основан 15 апреля 1941 года. Последний лагерь — Стара-Градишка, он же лагерь Ясеновац V — был освобожден партизанами 24 апреля 1945 года.

За четыре года своего существования усташские лагеря вкупе с прилегавшими к ним местами массовых ликвидаций унесли жизни около миллиона человек. Это были мужчины, женщины, дети. Это были ученые, священники, торговцы, спортсмены, художники, ремесленники, крестьяне. Это были православные, католики, мусульмане, атеисты. Это были сербы, хорваты, бошняки, словенцы, черногорцы, чехи, словаки, украинцы, рус-

ские, цыгане, евреи, венгры, итальянцы, немцы, поляки, албанцы, австрийцы, грузины, русины, румыны и те, чью национальную принадлежность определить не удалось.

Последнее десятилетие XX и начало XXI века снова ставшая независимой Хорватия встретила возрождением идей усташства, особенно в среде молодежи. Но если в 1930-е годы усташское движение родилось как сопротивление режиму Белграда, то в 1990-х годах его возрождение обрело еще более радикальную форму и оказалось обращено против сербов, проживавших в Хорватии. Очень точно и емко это описал российский историк С. С. Беляков в своей книге «Усташи между фашизмом и этническим национализмом»:

«В 1995-м в результате операций „Блеск“ и „Буря“ хорватская армия ликвидировала созданную хорватскими сербами Республику Сербская Краина и выселила с хорватской территории большую часть сербского населения. Таким образом, современным хорватским националистам удалось в значительной степени достичь тех целей, что ставили перед своими соратниками идеологи Усташского движения».

Деятельность современных хорватских националистов-радикалов, разумеется, затрагивает (пусть и косвенно) лагеря смерти, которые десятилетия назад устраивали их кумиры. Так, несколько раз уничтожалась мемориальная доска на острове Паг; стираются и уничтожаются указатели, ведущие к велебитским ямам, а сами ямы дополнительно маскируются. То есть речь идет о том, что целый пласт народа не только не признает вины за своими предшественниками или за собой, но и считает деятельность усташей достойной подражания и восхищения.

Правительство современной Хорватии, официально осуждая усташское движение (в немалой степени под влиянием Европейского союза), на деле никак не пре-

пятствует его нынешним сторонникам. И до тех пор, пока такое отношение к «новой волне» радикально настроенных националистов будет сохраняться, будет сохраняться и вероятность нового крупного конфликта. Цепочка «1940-е — 1990-е» может пополниться новым звеном.

Может.

Но хочется верить, что без этого обойдется.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ №1. Просьба еврейской религиозной общины от 8 декабря 1941 года о выделении денежных средств на содержание пленных в лагерях Лоборграда, Дзякова и Ясеновца

ПРИЛОЖЕНИЕ №2. Требование великой жупы Врхбосна в Сараеве от 27 декабря 1941 года жупской области Сараево об освобождении Игњята Фишера из концентрационного лагеря Ясеновац

ПРИЛОЖЕНИЕ №3. Из конференции 31 января 1942 года с участием немецких и усташских военных и гражданских представителей о переселении сербов из лагерей НГХ в Сербию

ПРИЛОЖЕНИЕ №4. Оповещение — Хумской жупе в Мостаре

ПРИЛОЖЕНИЕ №5. Приказ Командования военно-воздушных сил от 6 июня 1942 года о запрете на полеты над концентрационным лагерем Ясеновац

ПРИЛОЖЕНИЕ №6. Из доклада Президиума правительства Королевства Югославия в Лондоне от 22 июля 1942 года о положении дел в концентрационном лагере Ясеновац

ПРИЛОЖЕНИЕ №7. Жертвы Югославии, погибшие в лагерях во время Второй мировой войны по данным Комиссии по переписи жертв войны за 1964 год

ПРИЛОЖЕНИЕ №8. Жертвы лагерей НГХ по оценке Музея жертв геноцида, Белград

ПРИЛОЖЕНИЕ №9. Жертвы лагерей Ясеновац и Стара-Градишка по подсчетам и оценкам разных источников, организаций и специалистов

ПРИЛОЖЕНИЕ №10. Жертвы комплекса лагерей Ядовно (включая лагерь в Госпиче, на Велебите и острове Паг)

ПРИЛОЖЕНИЕ №11. Неполный список жертв Ясеновца — вероятно этнических русских

ПРИЛОЖЕНИЕ №12. Неполный список детей с Ко-

зары и Подкозарья, умерших в усташских лагерях

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

Просьба еврейской религиозной общины от 8 декабря 1941 года о выделении денежных средств на содержание пленных в лагерях Лоборграда, Дзякова и Ясеновца

Регистрационный номер документа: гк/G-1659/41

«Мы (члены общины) взяли на себя обязательства по содержанию пленных Лоборграда (около 1500 женщин и детей), Дзякова (около 1200 женщин), а также оказанию помощи в виде отправки дополнительного пайка, лекарств и одеждой пленным Ясеновца (около 4000 мужчин). Поскольку наши собственные средства полностью исчерпаны, обращаемся с просьбой о срочной и неотложной помощи в виде ежемесячных выплат в размере 2 820 000 кун, которые распределяются следующим образом:

1) полное содержание пленных в Лоборграде — 900 000 кун в месяц;

2) полное содержание пленных в Дзякове — 720 000 кун в месяц;

3) дополнительный паек, лекарства и одежда пленным Ясеновца — 1 200 000 кун в месяц;

ИТОГО В МЕСЯЦ — 2 820 000 кун».

ПРИЛОЖЕНИЕ №2

Требование великой жупы Врхбосна в Сараево от 27 декабря 1941 года жупской области Сараево об освобождении Игњята Фишера из концентрационного лагеря Ясеновац

Источник: AVII, a. NDH, k. 180, reg. tor. 51/3.

Регистрационный номер документа: 84/41

Предмет: Фишер Игњац, освобождение из лагеря Сараево, 27 декабря 1941 года

Лично!

Жупской области Сараево на руки главному управляющему

Сараево

«... В этом конкретном случае ситуация следующая: Игњац Фишер, больной пожилой человек 74 лет, получил от Министерства внутренних дел разрешающий документ №48453, но все же вместе с 65-летней супругой был отправлен в лагерь. Совершенно невероятно, чтобы этот немощный старик в свои годы представлял опасность для нашего государства. А даже если и так, в любом конкретном случае Министерство внутренних дел может отозвать упомянутый разрешающий документ.

Принимая во внимание все вышеуказанное, рекомендую немедленно освободить Фишера и его супругу из лагеря и вернуть их в ту же квартиру, из которой они были выселены.

О выполнении вышеуказанного сообщить сюда же в срок до 5 января 1942 года...»

За дом — готов!

Великий жупан: Омерович

ПРИЛОЖЕНИЕ №3

Из конференции 31 января 1942 года с участием немецких и усташских военных и гражданских представителей о переселении сербов из лагерей НГХ в Сербию

Источник: Arhiv VII, Na, mikroteka, London-7, s. 301789—92.

1) Хорватское правительство выразило готовность организовать переселение определенного количества плененных сербов в Сербию;

2) Каждый пленный серб будет переселен вместе со всеми членами семьи;

3) Пленные имеют право забрать с собой в Сербию лишь те личные вещи, которые имеют при себе в лагере. Члены семьи пленного имеют право взять с собой все движимое имущество и деньги. Хорватское правительство обеспечит решение вопроса о переводе кун в динары;

4) Недвижимое имущество семьи пленного, вложенные капиталы и т. д. после переселения принадлежат хорватскому государству, если после переселения на хорватской территории не останется ни одного родственника пленного. Если же у пленного после переселения останутся родственники на хорватской территории, имущество переселившихся членов семьи будет принадлежать оставшимся родственникам;

5) Право на переселение не распространяется на коммунистов и членов повстанческого (народно-освободительного) движения. Такие лица остаются в концентрационных лагерях;

6) Лица, которые подозреваются в причастности к коммунистической и повстанческой деятельности,

но вина их не доказана, передаются в сербскую комендантуру на дальнейшее рассмотрение их личных дел и уточнения данных;

7) Больные или заразные пленные не переселяются. Переселение таковых возможно лишь в отдельных случаях, с согласия врача.

Технически переселение должно осуществляться следующим образом:

1) Средствами передвижения пленных обеспечит хорватское правительство;

2) Члены семей переселяемых пленных будут заранее оповещены о месте и времени сбора и посадки;

3) Сопровождение переселяемых лиц до Земуна предоставляет хорватское правительство, от Земуна до конечной станции — сербское;

4) До хорватской границы питание транспортируемых пленных — за счет хорватского правительства, питание их семей — за свой счет;

5) Лица, не входящие в исходный список переселяемых пленных, но в переселении которых заинтересована сербская комендантура, могут быть переселены на общих основаниях;

6) Список, предоставленный сербской комендантурой, будет сверяться по лагерным картотекам. На основании лагерных картотек список будет разбит на группы (живые, мертвые, коммунисты и др. преступники и т.д.).

В заключение отмечается, что возможность возвращения переселенных сербов в Хорватию полностью исключается. Единичные случаи возвращения переселенных сербов в Хорватию допускаются, если они представляют собой исключительный интерес для Рейха.

ПРИЛОЖЕНИЕ №4

Оповещение — Хумской жупе в Мостаре

Источник: Arhiv VII, a. NDH, k. 190, reg. br. 31/3.

Документ опубликован: 16.02.1942 г. в Мостаре

13.02.1942

Из: Загреб, 13 февраля, 12.40

Немедленно распространить и оповестить по всей территории жупы следующее:

В связи со злоупотреблением служебным положением агента усташской полиции, в связи с недостаточным проявлением дисциплинированности, грубостью, вспыльчивостью и недостойным поведением при исполнении обязанностей, в связи с превышением служебных полномочий следующие лица:

1) Грубешич Владимир, род. 31.01.1902, Копривница, м. прож. Копривница, женат, отец одного ребенка, римокатолик;

2) Герсич Хенрик, род. 30.09.1904, Вышеград, м. прож. Загреб, женат, отец одного ребенка, римокатолик, ранее не судим;

3) Црногай Степан, род. 14.08.1914, Загреб, м. прож. Загреб, не женат, римокатолик, ранее не судим;

4) Рандич Бранко, род. 01.03.1905, Хрелин, м. прож. Баркар, женат, детей не имеет, римокатолик, ранее не судим

—

Отправлены на принудительное пребывание в распределительный и рабочий лагерь в Ясеновце на срок три года на основании Закона об отправке нежелательных и опасных лиц на принудительное пребывание в распределительные и рабочие лагеря от 25 ноября 1941 года за номером CDXXIX 2101 Z 1941.

В Загребе, 9 февраля 1942 года, №2331 — 1942. Из Командования усташской надзорной службы, секция I.

ПРИЛОЖЕНИЕ №5

Приказ Командования военно-воздушных сил от 6 июня 1942 года о запрете на полеты над концентрационным лагерем Ясеновац

Источник: Arhiv VII, a. NDH, k. 128, reg. br. 4/3.

Приказ №120/Секретно

«Полеты над Ясеновцем настоящим запрещаются.

В дальнейшем любой самолет, независимо от задач и целей полета, маршрут которого может пролегать над Ясеновцем или около него, обязан соблюдать дистанцию в минимум 10 км от данного места».

ПРИЛОЖЕНИЕ №6

Из доклада Президиума правительства Королевства Югославия в Лондоне от 22 июля 1942 года о положении дел в концентрационном лагере Ясеновац

Источник: Arhiv VII, a. EV, k. 163, reg. br. 44/4.

«...Среди охраны лагеря много гомосексуалистов. Каждый вечер они выбирают себе по несколько мальчиков или юношей, насилуют их прямо в бараках, а затем убивают.

Зверское обращение с пленными вызвало бунт среди сербов в январе этого года, четники помогли им организовать побег. Усташи подняли в небо авиацию и расстреливали беглецов из самолетов пулеметами. С тех пор сербов больше не отправляют на работы — только евреев.

Досрочно освободиться из лагеря можно было только с помощью немцев. Но это очень дорого стоило. Например, Йован Йовичич, торговец из Тузлы, за освобождение из Ясеновца заплатил два миллиона динаров».

ПРИЛОЖЕНИЕ №7

Территориальная принадлежность лагерей	Число жертв
Лагеря на территории Югославии	89 851
Лагеря Третьего Рейха	24 752
Лагеря других стран-оккупантов	19 861
Всего	134 464

Жертвы Югославии, погибшие в лагерях во время Второй мировой войны по данным Комиссии по переписи жертв войны за 1964 год

Источник: Spisak žrtava rata 1941 — 1945 rođenih na teritoriji Hrvatske, Beograd, 1966., Beograd, 1992. — Žrtve rata 1941 — 1945. godine. Rezultati popisa, Beograd, 1966., Beograd, 1992. — M. Sobolevski, Prešućena istina — žrtve rata na području bivše Jugoslavije 1941.-1945. prema popisu iz 1964. godine, Časopis za suvremenu povijest, god. 25, br. 2—3, Zagreb, 1993.

ПРИЛОЖЕНИЕ №8

Национальность	Число погибших
сербы	101 400 – 106 700
евреи	27 800 – 29 900
цыгане	22 200 – 23 800
хорваты	11 900 – 13 100
мусульмане	1 600 – 1 800
прочие и лица не выясненной национальности	8 900 – 9 500
всего	173 800 – 184 800

Жертвы лагерей НГХ по оценке Музея жертв геноцида, Белград

Источник: D. Cvetković, Stradanje stanovništva NDH u logorima — numeričko određenje, u: V. Geiger, M. Grahek Ravančić, M. Karakaš Obradov (ur.), Logori, zatvori i prisilni rad u Hrvatskoj/Jugoslaviji 1941.-1945./1945.-1951. Zbornik, Zagreb, 2010.

ПРИЛОЖЕНИЕ №9

Источник, тип расчета, год	Число жертв
оценка Государственная комиссия по расследованию преступлений оккупантов и их союзников, 1945	600 000
оценка Краевая комиссия по расследованию преступлений оккупантов и их союзников, 1946	500 000 – 600 000
Военная энциклопедия, 1967 и Энциклопедия Югославии, 1971	675 000
оценка А. Милетич, 1986/1987	700 000
оценка М. Булайич, 1988	700 000
оценка Ф. Туджман, 1989	30 000 – 40 000
подсчет Р. Булатович, 1990	1 110 929
подсчет В. Жерьявич, 1992	85 000
подсчет/оценка Музей жертв геноцида	122 300 – 130 000
поименный список Комиссия по выявлению жертв войны Республики Хорватии, 1999	2 238
поименный список мемориальный комплекс Ясеновац, 2007	72 193

Жертвы лагерей Ясеновац и Стара-Градишка по подсчетам и оценкам разных источников, организаций и специалистов

Источники: Izvještaj Jugoslovenske Državne komisije za utvđivanje zločina okupatora i njihovih pomagača Međunarodnom vojnom sudu u Nürnbergu, Beograd, 1947. — Zločini u logoru Jasenovac, Zagreb, 1946., Jasenovac, 1977., Jasenovac, 1980., Banja Luka, 2000. — Žrtve rata 1941 — 1945. godine. Rezultati popisa, Beograd, 1966., Beograd, 1992. — Spisak žrtava rata 1941 — 1945. Ustaški logor Jasenovac, Beograd, 1992. — Jasenovac. Žrtve rata prema podacima Statističkog zavoda Jugoslavije, prir. M. Visočak i B. Sobica, Zürich — Sarajevo, 1998. — Jasenovac, u:

Enciklopedija Leksikografskog zavoda, 3, Zagreb, 1958. — Koncentracijski logori, u: Enciklopedija Leksikografskog zavoda, 4, Zagreb, 1959. — N. [ikola] Sl. [avica], Ustaše, u: Vojna enciklopedija, 10, Beograd, 1967. — Lj. [ubo] Bn. [Boban], Ustaše, u: Enciklopedija Jugoslavije, 8, Zagreb, 1971. — A. Miletić, Koncentracijski logor Jasenovac 1941—1945. Dokumenta, I — III, Beograd, 1986. i 1987. — M. Bulajić, Ustaški zločini genocida i suđenje Andriji Artukoviću 1986. godine, I — IV, Beograd, 1988.-1989. — F. Tuđman, Bespuća povijesne zbiljnosti. Rasprava o povijesti i filozofiji zločinca, Zagreb, 1989., Zagreb, 1990. — R. Bulatović, Koncentracijski logor Jasenovac, s posebnim osvrtom na Gradinu. Istorijsko-sociološka i antropološka studija, Sarajevo, 1990. — V. Žerjavić, Opsesije i megalomanije oko Jasenovca i Bleiburga. Gubici stanovništva Jugoslavije u drugom svjetskom ratu, Zagreb, 1992. — V. Žerjavić, Manipulacije žrtvama drugoga svjetskog rata 1941.-1945., Časopis za suvremenu povijest, god. 24, br. 3, Zagreb, 1992. — V. Žerjavić, Demografski i ratni gubici Hrvatske u Drugom svjetskom ratu i poraću, Časopis za suvremenu povijest, god. 27, br. 3, Zagreb, 1995. — V. Žerjavić, Population losses in Yugoslavia 1941 — 1945, Zagreb, 1997. — Jasenovac. Koncentracijski logor 1941—1945. Spisak ustaških žrtava identifikovanih do 30. X 1997., I — III, Beograd, 1997 — Jasenovac. Concentration camp 1941—1945. List of victims of ustasas identified up to 30. X 1997., I — III, Beograd, 1997. — Izvješće o radu Komisije za utvrđivanje ratnih i poratnih žrtava od osnutka (11. veljače 1992.) do rujna 1999. godine, Zagreb, rujna 1999. — D. Cvetković, Jasenovac u sistemu stradanja civila u NDH — kvantitativna analiza (ili, ponovo o brojevima), u: Z. Antoni, J. Velimirović (ur.), Jasenovac. Zbornik radova Četvrte međunarodne konferencije o Jasenovcu, Banja Luka, 2007. — D. Cvetković, Stradanje civila Nezavisne Države Hrvatske u logoru Jasenovac, Tokovi istorije, br. 4, Beograd, 2007. — D. Cvetković, Stradanje

stanovništva NDH u logorima — numeričko određenje, u: V. Geiger, M. Grahek Ravančić, M. Karakaš Obradov (ur.), Logori, zatvori i prisilni rad u Hrvatskoj/Jugoslaviji 1941.-1945./1945.-1951. Zbornik, Zagreb, 2010. — Poimenični popis žrtava koncentracijskog logora Jasenovac 1941.-1945., prir. J. Smrekar i Đ. Mihovilović, Jasenovac, 2007. — A. Miletić, NDH — Koncentracioni logor Jasenovac 1941—1945., Beograd, 2010. — A. Miletić, Ubijeni u koncentracionom logoru Jasenovac 1941—1945./The Assassinated in the Jasenovac Concentration Camp 1941—1945., Jagodina, 2011.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 10

Источник, тип расчета, год	Число жертв
оценка М. Люштина, 1942	120 000
оценка Военная энциклопедия, 1967 и Энциклопедия Югославии, 1971	72 000
оценка Ф. Йелич-Бутич, 1977	35 000
оценка/подсчет А. Милетич, 1988	30 000 – 48 000
оценка Д. Затезало, 1989	43 000
оценка М. Першен, 1990	15 000 – 25 000
оценка/подсчет С. Голдштейн, 2001	24 000
оценка Д. Ластавица, 2008	30 000 – 40 000
оценка М. Деверич и И. Фумич, 2008	40 123 (Ядовно – 32 103, Паг – 8 020)

Жертвы комплекса лагерей Ядовно (включая лагеря в Госпице, на Велебите и острове Паг)

Источники: Arhiv Jugoslavije, Beograd, Državna komisija za utvrđivanje zločina okupatora i njihovih pomagača, fasc. 926, 209 — Spisak žrtava rata 1941 — 1945 rođenih na teritoriji Hrvatske, Beograd, 1966., Beograd, 1992. — Žrtve rata 1941 — 1945. godine. Rezultati popisa, Beograd, 1966., Beograd, 1992. — N. Sl. [avica], Ustaše, u: Vojna enciklopedija, 10, Beograd, 1967. — Lj. Bn. [Boban], Ustaše, u: Enciklopedija Jugoslavije, 8, Zagreb, 1971. — F. Jelić-Butić, Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska, Zagreb, 1977. — A. Miletić, Ustaška fabrika smrti 1941—1945, Beograd, 1988. —

M. Peršen, Ustaški logori, Zagreb, 1990. — I. Goldstein, S. Goldstein, Holokaust u Zagrebu, Zagreb, 2001. — Đ. Zatezalo, Jadovno. Kompleks ustaških logora 1941., Knjiga I, Beograd, 2007. — Đ. Zatezalo, Jadovno. Zbornik dokumenata, Knjiga II, Beograd, 2007. — D. Lastavica, Bezdane jame Nezavisne Države Hrvatske ždernjače srpskog naroda 1941.-...?, Beograd, 2008. — M. Deverić, I. Fumić, Hrvatska u logorima 1941.-1945., Zagreb, 2008. — D. Cvetković, Stradanje stanovništva NDH u logorima — numeričko određenje, u: V. Geiger, M. Grahek Ravančić, M. Karakaš Obradov (ur.), Logori, zatvori i prisilni rad u Hrvatskoj/Jugoslaviji 1941.-1945./1945.-1951. Zbornik, Zagreb, 2010.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 11

Фамилия	Имя	Имя отца	Место происхождения	Год рождения
Антипенко	Василий	Илья	Эрдевик (Сербия)	1892
Антохин	Павел	-	Сремска-Митровица (Сербия)	1840
Антохин	Павел	Степан	Белоруссия	1894
Архипов	Станислав	-	Загреб (Хорватия)	1921
Долженко	Владимир	Тихомир	Прибой (Сербия)	1904
Княжинская	Зина	-	Загреб (Хорватия)	1916
Кузьменко	Константин	Василий	Жарково (Сербия)	1899
Николаев	Вячеслав	Леонид	Белград (Сербия)	1917
Новохатный	Анатолий	Евгений	Неготин (Сербия)	1914
Новосельцев	Данила	-	Миличица (Сербия)	1883
Новосельцева	Александра	-	Миличица (Сербия)	1885
Новосельцева	Клавдия	Данила	Миличица (Сербия)	1926
Хузниев	Аркадий	Петр	Суботица (Сербия)	1908
Цибенко	Михаил	Тимофей	Белград (Сербия)	1900

Неполный список жертв Ясеновца — вероятно этнических русских

Источник: www.jasenovac.org

ПРИЛОЖЕНИЕ №12

Неполный список детей с Козары и Подкозарья, умерших в усташских лагерях

Источник: Др Ђуро Затезало «Јадовно — комплекс усташких логора 1941.» Београд 2007

Фамилия, имя, годы жизни, лагерь

Агич Грозда, 1938—1942, Ясеновац
Агич Драгиня, 1932—1942, Ясеновац
Агич Душан, 1940—1942, Ясеновац
Агич Раде, 1936—1942, Ясеновац
Аджич Васо, 1929—1942, Стара-Градишка
Аджич Васо, 1937—1942, Сисак
Аджич Велько, 1928—1942, Ясеновац
Аджич Вид, 1935—1942, Ясеновац
Аджич Вида, 1936—1942, Стара-Градишка
Аджич Вукосава, 1939—1942, Ясеновац
Аджич Дамьян, 1936—1942, Ясеновац
Аджич Даница, 1938—1942, Ясеновац
Аджич Даринка, 1934—1942, Сисак
Аджич Драголюб, 1939—1942, Ясеновац
Аджич Драгоя, 1932—1942, Ясеновац
Аджич Драгоя, 1939—1942, Стара-Градишка
Аджич Йован, 1936—1942, Ястребарско
Аджич Йованка, 1937—1942, Стара-Градишка
Аджич Йово, 1935—1942, Ясеновац
Аджич Мила, 1938—1942, Стара-Градишка
Аджич Миле, 1940—1942, Стара-Градишка
Аджич Милорад, 1928—1942, Ясеновац
Аджич Милорад, 1938—1942, Ясеновац
Аджич Милош, 1929—1942, Стара-Градишка
Аджич Милош, 1938—1942, Сисак

Аджич Мича, 1935—1942, Сисак
Аджич Никола, 1936—1942, Сисак
Аджич Петар, 1933—1942, Ясеновац
Аджич Петра, 1935—1942, Стара-Градишка
Аджич Радойка, 1935—1942, Сисак
Аджич Славко, 1942—1942, Стара-Градишка
Аджич Станко, 1936—1942, Ясеновац
Аджич Станоя, 1936—1942, Ясеновац
Аджич Стевка, 1927—1942, Стара-Градишка
Аджич Стево, 1932—1942, Стара-Градишка
Аджич Стоя, 1932—1942, Сисак
Аджич Стоя, 1932—1942, Ястребарско
Алавук Роса, 1928—1943, Ясеновац
Алавук Станко, 1935—1942, Ясеновац
Алилович Ибро, 1934—1943, Стара-Градишка
Алилович Ифета, 1938—1943, Стара-Градишка
Алилович Расим, 1936—1943, Стара-Градишка
Алилович Хава, 1940—1943, Стара-Градишка
Алилович Шефка, 1932—1943, Стара-Градишка
Алиманович Галеша, 1928—1944, Стара-Градишка
Алиманович Дервиша, 1931—1944, Стара-Градишка
Алиманович Када, 1932—1944, Стара-Градишка
Алиманович Кадира, 1943—1944, Стара-Градишка
Алиманович Кемал, 1941—1944, Стара-Градишка
Алиманович Кемо, 1943—1944, Стара-Градишка
Алиманович Махмут, 1938—1944, Стара-Градишка
Алиманович Мирсада, 1936—1944, Стара-Градишка
Алиманович Муса, 1937—1944, Стара-Градишка
Алиманович Муса, 1937—1944, Стара-Градишка
Алиманович Мухо, 1930—1944, Стара-Градишка
Алиманович Рамо, 1940—1944, Стара-Градишка
Алиманович Расим, 1939—1944, Стара-Градишка
Алиманович Салкан, 1938—1944, Стара-Градишка
Алиманович Сафета, 1944—1944, Стара-Градишка
Алиманович Тофко, 1942—1944, Стара-Градишка

Алиманович Хасния, 1941—1944, Стара-Градишка
Бабич (близнецы, имена неизвестны, отец Мирко Бабич) 1942—1942, Ясеновац
Бабич (ребенок умер до крещения и получения имени, отец Бранко Бабич) 1942—1942, Стара-Градишка
Бабич Ана, 1932—1942, Ясеновац
Бабич Бранко, 1934—1942, Ясеновац
Бабич Бранко, 1937—1942, Ясеновац
Бабич Бьелан, 1928—1942, Ясеновац
Бабич Вая, 1932—1942, Стара-Градишка
Бабич Гойко, 1934—1942, Стара-Градишка
Бабич Грозда, 1928—1942, Стара-Градишка
Бабич Драгиня, 1941—1942, Ясеновац
Бабич Драго, 1930—1942, Ясеновац
Бабич Драгомир, 1930—1942, Ясеновац
Бабич Драгутин, 1929—1942, Стара-Градишка
Бабич Душанка, 1936—1942, Стара-Градишка
Бабич Зорка, 1927—1942, Сисак
Бабич Зорка, 1935—1942, Ясеновац
Бабич Йованка, 1928—1942, Стара-Градишка
Бабич Любица, 1934—1942, Стара-Градишка
Бабич Марица, 1936—1942, Ясеновац
Бабич Милан, 1928—1942, Ясеновац
Бабич Милан, 1929—1942, Ясеновац
Бабич Милан, 1930—1942, Стара-Градишка
Бабич Милан, 1931—1942, Стара-Градишка
Бабич Милан, 1941—1942, Ясеновац
Бабич Милинко, 1939—1942, Ясеновац
Бабич Милка, 1939—1942, Ясеновац
Бабич Милован, 1937—1942, Ясеновац
Бабич Милорад, 1928—1942, Ясеновац
Бабич Милосава, 1939—1942, Ясеновац
Бабич Милутин, 1928—1942, Ясеновац
Бабич Милутин, 1938—1942, Ясеновац
Бабич Миля, 1931—1942, Стара-Градишка

Бабич Миля, 1938—1942, Стара-Градишка
Бабич Мирко, 1928—1942, Ясеновац
Бабич Остоя, 1938—1942, Стара-Градишка
Бабич Остоя, 1940—1942, Ясеновац
Бабич Павле, 1932—1942, Ясеновац
Бабич Петар, 1938—1942, Стара-Градишка
Бабич Петра, 1935—1942, Стара-Градишка
Бабич Радован, 1930—1942, Ясеновац
Бабич Радойка, 1931—1942, Ясеновац
Бабич Радосава, 1939—1942, Стара-Градишка
Бабич Савка, 1939—1942, Ясеновац
Бабич Саво, 1928—1942, Стара-Градишка
Бабич Спасоја, 1940—1942, Ясеновац
Бабич Стана, 1939—1942, Сисак
Бабич Стојан, 1928—1942, Ясеновац
Бабич Стојан, 1938—1942, Ясеновац
Бабич Јња, 1930—1942, Ясеновац
Бабич Йово, 1937—1942, Сисак
Бабич Миля, 1934—1942, Сисак
Бабич Мира, 1938—1942, Сисак
Байич Йованка, 1939—1942, Стара-Градишка
Байич Милорад, 1936—1942, Ясеновац
Байич Радомир, 1934—1942, Ясеновац
Бакич Стоја, 1927—1942, Ясеновац
Балабан Чедомир, 1928—1942, Ясеновац
Балта Душан, 1931—1942, Ясеновац
Баняц Боса, 1936—1942, Ясеновац
Баняц Деса, 1936—1942, Ясеновац
Баняц Драгиня, 1936—1942, Ясеновац
Баняц Зорка, 1928—1944, Сисак
Баняц Мика, 1931—1942, Ясеновац
Баняц Миле, 1936—1942, Ясеновац
Баняц Миленко, 1929—1942, Сисак
Баняц Миля, 1931—1942, Ясеновац
Баняц Мирко, 1938—1942, Ясеновац

Баняц Невенка, 1938—1942, Ясеновац
Баняц Сава, 1930—1942, Ясеновац
Баняц Саван, 1928—1942, Ясеновац
Баняц Стоя, 1942—1942. Сисак
Баришич Милоя, 1933—1942, Стара-Градишка
Баришич Милутин, 1939—1942, Сисак
Баришич Ратко, 1941—1942, Сисак
Баришич Ратко, 1941—1942, Стара-Градишка
Баришич Савка, 1936—1942, Стара-Градишка
Батич Мика, 1934—1942, Ясеновац
Батич Милица, 1940—1942, Ясеновац
Батич Мирко, 1932—1942, Ясеновац
Батич Ягода, 1929—1942, Ясеновац
Батос Бошко, 1933—1942, Ясеновац
Батос Мичо, 1935—1942, Ясеновац
Беганович Азиз, 1941—1944, Стара-Градишка
Беганович Байро, 1934—1944, Стара-Градишка
Беганович Гара, 1931—1944, Стара-Градишка
Беганович Джулага, 1928- 1941, Ясеновац
Беганович Емка, 1936—1944, Стара-Градишка
Беганович Емка, 1937—1944, Стара-Градишка
Беганович Емка, 1943—1944, Стара-Градишка
Беганович Зека, 1937—1944, Стара-Градишка
Беганович Ибрагим, 1931—1941, Ясеновац
Беганович Ибрагим, 1935—1944, Стара-Градишка
Беганович Ибро, 1935—1944, Стара-Градишка
Беганович Ибро, 1941—1944, Стара-Градишка
Беганович Ибро, 1944—1944, Стара-Градишка
Беганович Када, 1937—1944, Стара-Градишка
Беганович Када, 1939—1944, Стара-Градишка
Беганович Када, 1939—1944, Стара-Градишка
Беганович Кадир, 1933—1944, Стара-Градишка
Беганович Кадира, 1935—1944, Стара-Градишка
Беганович Кадиша, 1944—1944, Стара-Градишка
Беганович Касим, 1937—1944, Стара-Градишка

Беганович Касим, 1940—1944, Стара-Градишка
Беганович Месуд, 1939—1944, Стара-Градишка
Беганович Месуд, 1944—1944, Стара-Градишка
Беганович Мина, 1933—1944, Стара-Градишка
Беганович Мина, 1935—1944, Стара-Градишка
Беганович Мирсада, 1943—1944, Стара-Градишка
Беганович Муйо, 1933—1944, Стара-Градишка
Беганович Муса, 1941—1944, Стара-Градишка
Беганович Мухаммед, 1933- 1941, Ясеновац
Беганович Мухира, 1938—1944, Стара-Градишка
Беганович Низа, 1939—1944, Стара-Градишка
Беганович Осман, 1935—1941, Ясеновац
Беганович Салко, 1941—1944, Стара-Градишка
Беганович Самиз, 1929—1944, Стара-Градишка
Беганович Сафет, 1933—1944, Стара-Градишка
Беганович Сафет, 1935—1944, Стара-Градишка
Беганович Селим, 1935—1944, Стара-Градишка
Беганович Смайо, 1937—1944, Стара-Градишка
Беганович Фата, 1931—1944, Стара-Градишка
Беганович Фата, 1941—1944, Стара-Градишка
Беганович Феа, 1927—1944, Стара-Градишка
Беганович Хаиша, 1941—1944, Стара-Градишка
Беганович Хамида, 1927—1944, Ясеновац
Беганович Хатия, 1943—1944, Стара-Градишка
Беганович Шахида, 1942—1944, Стара-Градишка
Беганович Шерифа, 1943—1944, Стара-Градишка
Беганович Шефка, 1933—1944, Стара-Градишка
Беганович Шефка, 1935—1944, Стара-Градишка
Беганович Экрем, 1933—1944, Стара-Градишка
Беганович Экрем, 1938—1941, Ясеновац
Беловук Анка, 1928—1942, Ясеновац
Беловук Анка, 1935—1942, Ясеновац
Беловук Боро, 1936—1942, Ясеновац
Беловук Бранко, 1930—1942, Стара-Градишка
Беловук Вайка, 1930—1942, Стара-Градишка

Беловук Вида, 1938—1942, Ясеновац
Беловук Владо, 1934—1942, Ясеновац
Беловук Вукосава, 1928—1942, Ясеновац
Беловук Гойко, 1933—1942, Ясеновац
Беловук Даница, 1932—1942, Ясеновац
Беловук Даница, 1933—1942, Стара-Градишка
Беловук Даница, 1937—1942, Ясеновац
Беловук Десанка, 1937—1942, Стара-Градишка
Беловук Джоко, 1932—1942, Ясеновац
Беловук Джурадџ, 1933—1942, Ясеновац
Беловук Дмитар, 1934—1942, Ясеновац
Беловук Драган, 1933—1942, Ясеновац
Беловук Драгица, 1938—1942, Ясеновац
Беловук Драгомир, 1928—1942, Ясеновац
Беловук Драгомир, 1931—1942, Ясеновац
Беловук Драгомир, 1933—1942, Ясеновац
Беловук Душан, 1937—1942, Ясеновац
Беловук Живка, 1938—1942, Стара-Градишка
Беловук Живко, 1935—1942, Ясеновац
Беловук Зорка, 1930—1942, Стара-Градишка
Беловук Зорка, 1931—1942, Ясеновац
Беловук Илија, 1935—1942, Ясеновац
Беловук Ђованка, 1930—1942, Ясеновац
Беловук Ђово, 1932—1942, Стара-Градишка
Беловук Маринко, 1938—1942, Ясеновац
Беловук Марица, 1936—1942, Ясеновац
Беловук Марица, 1937—1942, Стара-Градишка
Беловук Марко, 1927—1942, Ясеновац
Беловук Марко, 1938—1942, Ясеновац
Беловук Миладин, 1940—1942, Ясеновац
Беловук Милан, 1928—1942, Ясеновац
Беловук Миленко, 1938—1942, Стара-Градишка
Беловук Миливой, 1937—1942, Ясеновац
Беловук Милица, 1934—1942, Ясеновац
Беловук Милош, 1938—1942, Ясеновац

Беловук Милька, 1927—1942, Ясеновац
Беловук Мирко, 1929—1942, Ясеновац
Беловук Мирко, 1936—1942, Ясеновац
Беловук Михайло, 1934—1942, Ясеновац
Беловук Нада, 1939—1942, Ясеновац
Беловук Невенка, 1927—1942, Стара-Градишка
Беловук Невенка, 1936—1942, Ясеновац
Беловук Нико, 1932—1942, Ясеновац
Беловук Никола, 1930—1942, Ясеновац
Беловук Остоя, 1928—1942, Стара-Градишка
Беловук Панте, 1934—1942, Стара-Градишка
Беловук Перо, 1930—1942, Ясеновац
Беловук Петар, 1936—1942, Ясеновац
Беловук Рада, 1936—1942, Ясеновац
Беловук Раде, 1938—1942, Ясеновац
Беловук Радосава, 1938—1942, Ясеновац
Беловук Райко, 1933—1942, Ясеновац
Беловук Савка, 1939—1942, Стара-Градишка
Беловук Станойка, 1930—1942, Сисак
Беловук Стевка, 1934—1942, Стара-Градишка
Беловук Стево, 1930—1942, Ясеновац
Беловук Урош, 1934—1942, Ясеновац
Бера Радован, 1928—1942, Ясеновац
Биелич Божо, 1938—1942, Сисак
Бижич Душан, 1939—1942, Сисак
Бижич Радойка, 1942—1942, Сисак
Бижич Стоян, 1928—1942, Ясеновац
Благоевич Анка, 1935—1942, Ясеновац
Благоевич Боро, 1936—1942, Ясеновац
Благоевич Десанка, 1937—1942, Ясеновац
Благоевич Драган, 1934—1942, Ясеновац
Благоевич Драган, 1938—1942, Сисак
Благоевич Зора, 1939—1942, Ясеновац
Благоевич Милица, 1939—1942, Сисак
Благоевич Милован, 1938—1942, Ясеновац

Благоевич Милоя, 1941 -1942, Сисак
Благоевич Миля, 1931—1942, Ясеновац
Благоевич Михайло, 1929—1942, Ясеновац
Благоевич Петар, 1930—1942, Сисак
Благоевич Роса, 1938—1942, Ясеновац
Благоевич Стоян, 1928—1942, Ясеновац
Бокан Милан, 1932—1942, Ясеновац
Бокан Миле, 1934—1942, Ясеновац
Боркович Боро, 1936—1942, Сисак
Боркович Бранка, 1936—1942, Ясеновац
Боркович Бранко, 1932—1942, Сисак
Боркович Бранко, 1937—1942, Ясеновац
Боркович Бранко, 1937—1942, Ясеновац
Боркович Бранко, 1938—1942, Ясеновац
Боркович Джурадж, 1935—1942, Сисак
Боркович Джурадж, 1939—1942, Ясеновац
Боркович Душан, 1934—1942, Сисак
Боркович Душан, 1935—1942, Ястребарско
Боркович Душанка, 1929—1942, Ясеновац
Боркович Душанка, 1937—1942, Сисак
Боркович Зорка, 1928—1942, Ясеновац
Боркович Зорка, 1937 -1942, Ясеновац
Боркович Илија, 1939—1942, Ясеновац
Боркович Илија, 1939—1942, Ясеновац
Боркович Илија, 1939—1942, Ясеновац
Боркович Йово, 1936—1942, Ясеновац
Боркович Мара, 1927—1942, Стара-Градишка
Боркович Мара, 1929—1942, Сисак
Боркович Марија, 1940—1942, Стара-Градишка
Боркович Милан, 1941—1942, Ясеновац
Боркович Миле, 1940—1942, Стара-Градишка
Боркович Милева, 1934—1942, Стара-Градишка
Боркович Милица, 1930—1942, Ясеновац
Боркович Милица, 1937—1942, Стара Градишка
Боркович Милица, 1940—1942, Ясеновац

Боркович Милица, 1940—1942, Ясеновац
Боркович Милосава, 1932—1942, Ясеновац
Боркович Милутин, 1941—1942, Сисак
Боркович Миљка, 1933—1942, Сисак
Боркович Миљка, 1937—1942, Ясеновац
Боркович Миљка, 1939—1942, Ясеновац
Боркович Михайло, 1928—1942, Ясеновац
Боркович Нада, 1939—1942, Сисак
Боркович Ненад, 1937—1942, Ясеновац
Боркович Новак, 1936—1942, Ясеновац
Боркович Перса, 1938—1942, Сисак
Боркович Петра, 1936—1942, Сисак
Боркович Радивой, 1940—1942, Стара-Градишка
Боркович Радислав, 1935—1942, Ясеновац
Боркович Радойка, 1930—1942, Стара Градишка
Боркович Радойка, 1937—1942, Ясеновац
Боркович Ранко, 1942—1942, Сисак
Боркович Ратко, 1941—1942, Сисак
Боркович Ратомир, 1930—1942, Стара Градишка
Боркович Ружа, 1940—1942, Сисак
Боркович Славка, 1939—1942, Ясеновац
Боркович Слободан, 1940—1942, Сисак
Боркович Стана, 1936—1942, Сисак
Боркович Стана, 1940—1942, Ясеновац
Боркович Стоя, 1939—1942, Ясеновац
Боркович Тривун, 1940—1942, Ясеновац
Бороевич Бранка, 1934—1942, Ястребарско
Бороевич Милорад, 1938—1942, Ястребарско
Бороевич Перса, 1940—1942, Ястребарско
Бороевич Райко, 1929—1942, Сисак
Бороевич Славка, 1936—1942, Ястребарско
Борянович Анджа, 1933—1942, Ясеновац
Борянович Дмитар, 1928—1942, Ясеновац
Борянович Ружа, 1932—1942, Ясеновац
Босиочич Миля, 1939—1942, Ясеновац

Босиочич Никола, 1938—1942, Ясеновац
Босиочич Пава, 1940—1942, Ясеновац
Бошкович Вида, 1937—1942, Сисак
Бошкович Мира, 1939—1942, Сисак
Боянич Алекса, 1928—1942, Ясеновац
Боянич Бранко, 1937—1942, Ясеновац
Боянич Вид, 1936—1942, Ясеновац
Боянич Вида, 1935—1942, Ясеновац
Боянич Войин, 1930—1942, Ясеновац
Боянич Драгица, 1942—1942, Ясеновац
Боянич Йованка, 1932—1942, Ясеновац
Боянич Йово, 1931—1942, Стара-Градишка
Боянич Любо, 1940—1942, Сисак
Боянич Мара, 1935—1942, Стара-Градишка
Боянич Микайло, 1928—1942, Ясеновац
Боянич Милан, 1928—1942, Ясеновац
Боянич Никола, 1936—1942, Сисак
Боянич Радмила, 1939—1942, Ясеновац
Брекич Марко, 1940—1942, Ясеновац
Брекич Милан, 1938—1942, Ясеновац
Бркич Божидар, 1941—1942, Ясеновац
Бркич Вида, 1940—1942, Стара-Градишка
Бркич Видосава, 1933—1942, Ясеновац
Бркич Драгиня, 1933—1942, Ясеновац
Бркич Лазар, 1937—1942, Ясеновац
Бркич Мара, 1941—1942, Ясеновац
Бркич Райко, 1934—1942, Стара-Градишка
Будимир Ела, 1935—1942, Стара-Градишка
Будимир Зорка, 1941—1943, Сисак
Будимир Милица, 1931—1942, Стара-Градишка
Будимир Перса, 1930—1942, Стара-Градишка
Булич Бранко, 1942—1942, Ясеновац
Булич Грозда, 1939—1942, Ясеновац
Булич Драган, 1930—1942, Ясеновац
Булич Мирко, 1929—1942, Ясеновац

Булич Раде, 1927—1942, Ясеновац
Булич Радойка, 1936—1942, Ясеновац
Булич Стоян, 1936—1942, Ясеновац
Буразор Джурадж, 1940—1942, Ясеновац
Буразор Милка, 1940—1942, Ясеновац
Буразор Роса, 1940—1942, Сисак
Ватреш Здравко, 1941—1942, Сисак
Ватреш Срето, 1940—1942, Ясеновац
Ватреш Стоян, 1936—1942, Ясеновац
Велисав Даринка, 1938—1942, Ясеновац
Верич Боро, 1930—1942, Ясеновац
Верич Зорка, 1941—1942, Ясеновац
Видачковић Мирко, 1936—1942, Сисак
Видачковић Станко, 1938—1942, Сисак
Видовић Гойко 1927—1942, Ясеновац
Видовић Любан, 1938—1942, Ясеновац
Видовић Милан, 1936—1942, Ясеновац
Видовић Милован, 1928—1942, Ясеновац
Видовић Милоя, 1927—1942, Ясеновац
Видовић Нада, 1939—1942, Ясеновац
Видовић Стојка, 1929—1942, Сисак
Влајнич Гроздана, 1928—1942, Ясеновац
Влајнич Йован, 1928—1942, Ясеновац
Влајнич Мара, 1927—1942, Ясеновац
Влајнич Миле, 1942—1943, Ясеновац
Влајнич Милинко, 1930—1942, Ясеновац
Влајнич Мира, 1938—1942, Ясеновац
Влајнич Радосава, 1928—1942, Ясеновац
Влајнич Райко, 1927—1942, Ясеновац
Влајнич Стоян, 1927—1942, Ясеновац
Влајсевић Бошко, 1929—1942, Ясеновац
Водогаз Загорка, 1937—1942, Стара-Градишка
Водогаз Марија, 1929—1942, Стара-Градишка
Вранђеш Марко, 1939—1942, Ясеновац
Вребац Илија, 1930—1942, Ясеновац

Вребац Милица, 1942 — 1942, Ясеновац
Вуйич Анђелија, 1930—1942, Ясеновац
Вуйич Божидар, 1940—1942, Сисак
Вуйич Боро, 1928—1942, Ясеновац
Вуйич Боро, 1940—1942, Сисак
Вуйич Бранко, 1936—1942, Ясеновац
Вуйич Войин, 1930—1942, Стара-Градишка
Вуйич Даница, 1934—1942, Ясеновац
Вуйич Драгољуб, 1940—1942, Сисак
Вуйич Зорка, 1938—1942, Сисак
Вуйич Зорка, 1939—1942, Ясеновац
Вуйич Миле, 1939—1942, Ясеновац
Вуйич Миленко, 1940—1942, Ясеновац
Вуйич Миливой, 1933 -1942, Сисак
Вуйич Милош, 1936—1942, Стара-Градишка
Вуйич Мира, 1936—1942, Стара-Градишка
Вуйич Мирко, 1927—1942, Ясеновац
Вуйич Невенка, 1936—1942, Стара-Градишка
Вуйич Радосава, 1931—1942, Стара-Градишка
Вуйич Роса, 194—1942, Ясеновац
Вуйич Савка, 1932—1942, Ясеновац
Вуйич Стојана, 1932—1942, Ясеновац
Вуйич Урош, 1939—1942, Стара-Градишка
Вукадинович Милка, 1930—1942, Стара-Градишка
Вукич Мара, 1937—1942, Ясеновац
Вукич Мирко, 1930—1942, Ясеновац
Вукич Томо, 1933—1942, Ясеновац
Вукмир Ана, 1936—1942, Ясеновац
Вукмир Душан, 1934—1942, Ясеновац
Вукмир Милка, 1933—1942, Ясеновац
Вукмирович Радойка, 1941—1942, Ясеновац
Вукота Милица, 1934—1942, Ясеновац
Вукота Миља, 1937—1942, Ясеновац
Вурин Душан, 1931—1942, Ясеновац
Вурин Миле, 1939—1942, Ясеновац

Вурин Мирко, 1937—1942, Сисак
Вурин Никола, 1934—1942, Сисак
Вурин Радован, 1942—1942, Ясеновац
Вурин Ратко, 1942—1942, Сисак
Вурин Ратко, 1942—1942, Ясеновац
Вурин Стево, 1933—1942, Ясеновац
Вучен Бранко, 1941—1942, Ясеновац
Вучен Любан, 1932—1942, Ясеновац
Вучен Милева, 1941—1942, Ясеновац
Вучен Миленко, 1927—1942, Ясеновац
Вучен Милорад, 1927—1942, Ясеновац
Вучен Роса, 1929—1942, Ясеновац
Вучен Станко, 1938—1942, Ясеновац
Вучковац Гавро, 1931—1942, Ясеновац
Вучкович Драгиня, 1932—1942, Ясеновац
Вучкович Драгутин, 1939—1942, Ясеновац
Вучкович Зорка, 1928—1942, Ясеновац
Вучкович Йован, 1930—1942, Ясеновац
Вучкович Милорад, 1940—1942, Ясеновац
Вучкович Милутин, 1937—1942, Ясеновац
Вучкович Раде, 1930—1942, Ясеновац
Вучкович Саво, 1942—1942, Ясеновац
Вуянович Бранко, 1939—1942, Ястребарско
Вуясинович Славко, 1937—1942, Ясеновац
Гайич Милева, 1939—1942, Ясеновац
Гайич Милька, 1937—1942, Ясеновац
Гачич Дмитар, 1927—1942, Ясеновац
Гвозден Любан, 1942—1942, Ясеновац
Глигич Драго, 1936—1942, Сисак
Глигич Сава, 1941—1942, Сисак
Глигорич Вукосава, 1940—1942, Ясеновац
Глигорич Перса, 1938—1942, Ясеновац
Гога Бранко, 1937—1942, Ясеновац
Гога Живко, 1936—1942, Ясеновац
Гога Коса, 1927—1942, Сисак

Гога Милойка, 1936—1942, Ясеновац
Гога Мирко, 1929—1942, Ясеновац
Гога Невенка, 1932—1942, Ясеновац
Гога Стана, 1938—1942, Сисак
Гончин Бранко, 1938—1942, Сисак
Гончин Михайло, 1940—1942, Сисак
Грандич Любица, 1936—1942, Стара-Градишка
Граховац Бранко, 1927—1942, Ясеновац
Граховац Душан, 1942—1942, Сисак
Граховац Илија, 1928—1942, Ясеновац
Граховац Милка, 1929—1942, Ясеновац
Грбавац Коса, 1941—1942, Стара-Градишка
Грбавац Момчило, 1936—1942, Стара-Градишка
Грбавац Нада, 1938—1942, Стара-Градишка
Грбавац Райко, 1928—1942, Ясеновац
Грбич Божо, 1941—1942, Сисак
Грбич Даница, 1928—1942, Ясеновац
Грбич Душанка, 1938—1932, Ясеновац
Грбич Живка, 1927—1942, Сисак
Грбич Йока, 1928—1942, Ясеновац
Грбич Миле, 1929—1942, Ясеновац
Грбич Милош, 1927—1942, Ясеновац
Грубешич Алекса, 1929—1942, Ясеновац
Грубешич Анка, 1937—1942, Сисак
Грубешич Богдан, 1936—1942, Ясеновац
Грубешич Боро, 1939—1942, Стара-Градишка
Грубешич Бьелица, 1936—1942, Ясеновац
Грубешич Вида, 1938—1942, Ясеновац
Грубешич Вида, 1939—1942, Стара-Градишка
Грубешич Госпава, 1937—1942, Ясеновац
Грубешич Здравка, 1939—1942, Ясеновац
Грубешич Здравко, 1939—1942, Стара-Градишка
Грубешич Лазар, 1939—1942, Ясеновац
Грубешич Марија, 1931—1942, Ясеновац
Грубешич Миљка, 1930 -1942, Ясеновац

Грубешич Остоя, 1928—1942, Ясеновац
Грубешич Остоя, 1937—1942, Ясеновац
Грубешич Радойка, 1940—1942, Ясеновац
Грубешич Ратко, 1937—1942, Сисак
Грубешич Славко, 1937—1942, Стара-Градишка
Грубешич Стоянка, 1938—1942, Сисак
Губич Бранко, 1931—1942, Ясеновац
Губич Бранко, 1934—1942, Ясеновац
Дамьянович Лука, 1938—1942, Ясеновац
Данилович Мика, 1929—1942, Ясеновац
Данилович Милица, 1931—1942, Ясеновац
Данилович Савка, 1939—1942, Ясеновац
Дедич Байро, 1937—1944, Стара-Градишка
Дедич Ибро, 1935—1944, Стара-Градишка
Дедич Ибро, 1943—1944, Стара-Градишка
Дедич Када, 1933—1944, Стара-Градишка
Дедич Када, 1943—1944, Стара-Градишка
Дедич Када, 1944—1944, Стара-Градишка
Дедич Касим, 1937—1944, Стара-Градишка
Дедич Малке, 1939—1944, Стара-Градишка
Дедич Муса, 1935—1944, Стара-Градишка
Дедич Пепо, 1941—1944, Стара-Градишка
Дедич Расим, 1934—1944, Стара-Градишка
Дедич Салко, 1933—1944, Стара-Градишка
Дедич Семка, 1941—1944, Стара-Градишка
Дедич Смайо, 1931—1944, Стара-Градишка
Дедич Хаша, 1939—1944, Стара-Градишка
Дедич Шабан, 1941—1944, Стара-Градишка
Дедич Шефка, 1927—1944, Стара-Градишка
Деспот Драгиня, 1936—1942, Ясеновац
Деспот Милинко, 1934—1942, Ясеновац
Деспот Неделько, 1932—1942, Стара-Градишка
Деспот Стоя, 1930—1942, Стара-Градишка
Деспотович Йован, 1937—1942, Ясеновац
Джакула Радован, 1935—1942, Ясеновац

Джакула Радосава, 1935—1942, Ясеновац
Джукич Мина, 1927—1942, Ясеновац
Джукич Раде, 1928—1942, Ясеновац
Джукич Райко, 1927—1942, Стара-Градишка
Джукич Савка, 1928—1942, Стара-Градишка
Джурендич Бранко, 1930—1942, Стара-Градишка
Джурендич Душанка, 1928—1942, Ясеновац
Джякович Драгица, 1929—1942, Ясеновац
Димич Драгица, 1931—1942, Ясеновац
Димич Марица, 1942—1942, Сисак
Димич Мирко, 1940—1942, Сисак
Димич Перо, 1930—1942, Ясеновац
Добриевич Драгица, 1930—1942, Ясеновац
Драгич Люба, 1938—1942, Ясеновац
Драгич Милан, 1941—1942, Ясеновац
Драгич Перса, 1940—1942, Ясеновац
Драгичевич Грозда, 1941—1942, Ясеновац
Драгичевич Райко, 1927—1942, Ясеновац
Драгишич Драго, 1932—1942, Стара-Градишка
Драгоевич Душан, 1929—1942, Ясеновац
Драгоевич Милева, 1931—1942, Ясеновац
Драгоевич Сава, 1927—1942, Ясеновац
Дрвеница Остоя, 1937—1942, Сисак
Дрляча Бранко, 1939—1942, Ясеновац
Дугайлич Мирко, 1930—1942, Ясеновац
Дугайлич Раде, 1928—1942, Ясеновац
Дугайлич Радосава, 1939—1943, Ясеновац
Евтенич Драган, 1934—1942, Стара-Градишка
Евтенич Милева, 1938—1942, Стара-Градишка
Евтенич Нада, 1930—1942, Стара-Градишка
Евтенич Станоя, 1935—1942, Стара-Градишка
Елисавац Милка, 1928—1942, Ясеновац
Елчич Любан, 1927—1942, Ясеновац
Ерич Борко, 1939—1942, Сисак
Ерич Миле, 1939—1942, Ясеновац

Ерич Милинко, 1941—1942, Сисак
Ерич Невенка, 1939—1942, Ясеновац
Ерич Стана, 1928—1942, Ясеновац
Жабич Душан, 1935—1942, Ясеновац
Жабич Душанка, 1928—1942, Стара-Градишка
Жабич Любан, 1929—1942, Ясеновац
Жабич Маринко, 1933—1942, Ясеновац
Жабич Миланка, 1930—1942, Стара-Градишка
Жабич Стево, 1936—1942, Стара-Градишка
Живкович Велинка, 1932—1942, Стара-Градишка
Живкович Вукосава, 1939—1942, Стара-Градишка
Живкович Душанка, 1937—1942, Стара-Градишка
Живкович Евросима, 1938—1942, Стара-Градишка
Живкович Ела, 1933—1942, Стара-Градишка
Живкович Йованка, 1941—1942, Стара-Градишка
Жуйич Милинко, 1934—1942, Ясеновац
Жуйич Мира, 1940—1942, Ясеновац
Жуйич Мирко, 1927—1942, Ясеновац
Завишич Анка, 1940—1942, Ясеновац
Завишич Вукашин, 1941—1942, Ясеновац
Завишич Вукосава, 1938—1942, Ясеновац
Завишич Милка, 1940—1942, Ясеновац
Завишич Танкосава, 1938—1942, Ясеновац
Звонар Гойко, 1941—1942, Стара-Градишка
Звонар Миро, 1939—1942, Стара-Градишка
Зец Бошко, 1937—1942, Сисак
Зец Зорка, 1938—1942, Ясеновац
Зец Милан, 1939—1942, Сисак
Зец Райко, 1930—1942, Сисак
Зец Саван, 1937—1942, Ясеновац
Злокапа Микан, 1937—1942, Ясеновац
Злокапа Милорад, 1928—1942, Ясеновац
Злокапа Милорад, 1928—1942, Ясеновац
Злоютро Божо, 1937—1942, Стара-Градишка
Злоютро Бошко, 1931—1942, Ясеновац

Злоютро Бранко, 1932—1942, Ясеновац
Злоютро Владе, 1934—1942, Стара-Градишка
Злоютро Джуро, 1934—1942, Ясеновац
Злоютро Драгиня, 1932—1942, Ясеновац
Злоютро Драголюб, 1939—1942. Стара-Градишка
Злоютро Драголюб, 1941—1942. Стара-Градишка
Злоютро Драгомир, 1939—1942, Стара-Градишка
Злоютро Душан, 1932—1942, Ясеновац
Злоютро Йован, 1939—1942, Ясеновац
Злоютро Йован, 1940—1942, Ясеновац
Злоютро Коса, 1929—1945. Стара-Градишка
Злоютро Мара, 1929—1942, Ясеновац
Злоютро Марија, 1927—1942, Ясеновац
Злоютро Марија, 1939—1942, Сисак
Злоютро Милан, 1930—1942, Ясеновац
Злоютро Милан, 1937—1942. Сисак
Злоютро Миле, 1927—1942, Ясеновац
Злоютро Милка, 1932—1942, Ясеновац
Злоютро Милка, 1935—1942, Ясеновац
Злоютро Милорад, 1937—1942, Ясеновац
Злоютро Михайло, 1935—1942, Ясеновац
Злоютро Мичо, 1938—1942, Ясеновац
Злоютро Нада, 1940—1942, Стара-Градишка
Злоютро Невенка, 1932—1942, Сисак
Злоютро Нико, 1929—1942, Ясеновац
Злоютро Новак, 1933—1942, Ясеновац
Злоютро Перса, 1935—1942, Стара-Градишка
Злоютро Раде, 1939—1942, Ясеновац
Злоютро Радосава, 1930—1942, Ясеновац
Злоютро Райко, 1940—1942, Сисак
Злоютро Ратко, 1941—1942, Сисак
Злоютро Савка, 1936—1942, Ясеновац
Злоютро Славко, 1928—1942, Ясеновац
Злоютро Славко, 1930—1942, Ясеновац
Злоютро Слободан, 1942—1942, Стара-Градишка

Злоютро Стана, 1935—1942, Ясеновац
Злоютро Стоян, 1927—1942, Ясеновац
Злоютро Стоян, 1935—1942, Ясеновац
Злоютро Стоян, 1938—1942, Ясеновац
Змияняц Йованка, 1936—1943, Стара-Градишка
Зорич Божо, 1939—1942, Ясеновац
Зорич Витомир, 1938—1942, Сисак
Зорич Драгица, 1941—1942, Ясеновац
Зорич Драгоя, 1927—1942, Ясеновац
Зорич Йока, 1930—1942, Стара-Градишка
Зорич Милева, 1941—1942, Ясеновац
Зорич Милорад, 1940—1942, Сисак
Зорич Перо, 1938—1942, Ясеновац
Зорич Раде, 1929—1942, Ясеновац
Зрнич Милутин, 1931—1942, Стара-Градишка
Иванович Елка, 1928—1942, Сисак
Иваштанин Вида, 1935—1942, Ясеновац
Иваштанин Милан, 1938—1942, Ясеновац
Иваштанин Тривун, 1936—1942, Ясеновац
Илисич Мара, 1927—1942, Стара-Градишка
Илич Зорка, 1927—1942, Ясеновац
Илич Радойка, 1941—1942, Ясеновац
Йокич Йованка, 1938—1942, Стара-Градишка
Йорданович Даница, 1938—1944, Стара-Градишка
Йорданович Лазо, 1942—1944, Стара-Градишка
Йорданович Стево, 1940—1944, Стара-Градишка
Каран Пантелија, 1928—1942, Ясеновац
Кахрич Аиша, 1935—1944, Стара-Градишка
Кахрич Амиз, 1934—1944, Стара-Градишка
Кахрич Байро, 1930—1944, Стара-Градишка
Кахрич Байро, 1937—1944, Стара-Градишка
Кахрич Байро, 1938—1944, Стара-Градишка
Кахрич Беба, 1942—1944, Стара-Градишка
Кахрич Бего, 1930—1944, Стара-Градишка
Кахрич Бего, 1938—1944, Стара-Градишка

Кахрич Бисера, 1928—1944, Стара-Градишка
Кахрич Бисера, 1941—1944, Стара-Градишка
Кахрич Боса, 1928—1944, Стара-Градишка
Кахрич Дервиша, 1943—1944, Стара-Градишка
Кахрич Емка, 1933—1944, Стара-Градишка
Кахрич Енка, 1941—1944, Стара-Градишка
Кахрич Захида, 1938—1944, Стара-Градишка
Кахрич Ибреша, 1944—1944, Стара-Градишка
Кахрич Када, 1931—1944, Стара-Градишка
Кахрич Када, 1932—1944, Стара-Градишка
Кахрич Када, 1934—1944, Стара-Градишка
Кахрич Када, 1935—1944, Стара-Градишка
Кахрич Када, 1937—1944, Стара-Градишка
Кахрич Када, 1939—1944, Стара-Градишка
Кахрич Када, 1941—1944, Стара-Градишка
Кахрич Када, 1943—1944, Стара-Градишка
Кахрич Када, 1944—1944, Стара-Градишка
Кахрич Кадира, 1928—1944, Стара-Градишка
Кахрич Кадира, 1931—1944, Стара-Градишка
Кахрич Кадира, 1936—1944, Стара-Градишка
Кахрич Калия, 1939—1944, Стара-Градишка
Кахрич Касим, 1930—1944, Стара-Градишка
Кахрич Касим, 1930—1944, Стара-Градишка
Кахрич Касим, 1932—1944, Стара-Градишка
Кахрич Касим, 1936—1944, Стара-Градишка
Кахрич Касим, 1940—1944, Стара-Градишка
Кахрич Касим, 1944—1944, Стара-Градишка
Кахрич Месуд, 1937—1944, Стара-Градишка
Кахрич Мехо, 1932—1944, Стара-Градишка
Кахрич Минка, 1940—1944, Стара-Градишка
Кахрич Минка, 1944—1944, Стара-Градишка
Кахрич Мирсад, 1944—1944, Стара-Градишка
Кахрич Мирсада, 1941—1944, Стара-Градишка
Кахрич Михра, 1931—1944, Стара-Градишка
Кахрич Муса, 1930—1944, Стара-Градишка

Кахрич Мухо, 1941—1944, Стара-Градишка
Кахрич Надир, 1932—1944, Стара-Градишка
Кахрич Надир, 1934—1944, Стара-Градишка
Кахрич Низа, 1932—1944, Стара-Градишка
Кахрич Низа, 1936—1944, Стара-Градишка
Кахрич Низа, 1941—1944, Стара-Градишка
Кахрич Сайо, 1929—1944, Стара-Градишка
Кахрич Салко, 1942—1944, Стара-Градишка
Кахрич Сафет, 1937—1944, Стара-Градишка
Кахрич Сафет, 1939—1944, Стара-Градишка
Кахрич Сафет, 1939—1944, Стара-Градишка
Кахрич Сафет, 1943—1944, Стара-Градишка
Кахрич Сафета, 1932—1944, Стара-Градишка
Кахрич Сафета, 1943—1944, Стара-Градишка
Кахрич Селе, 1941—1944, Стара-Градишка
Кахрич Селе, 1943—1944, Стара-Градишка
Кахрич Селим, 1943—1944, Стара-Градишка
Кахрич Сенан, 1942—1944, Стара-Градишка
Кахрич Сенка, 1927—1944, Стара-Градишка
Кахрич Сенка, 1934—1944, Стара-Градишка
Кахрич Сенка, 1938—1944, Стара-Градишка
Кахрич Смайо, 1928—1944, Стара-Градишка
Кахрич Смайо, 1930—1944, Стара-Градишка
Кахрич Смайо, 1943—1944, Стара-Градишка
Кахрич Смайо, 1943—1944, Стара-Градишка
Кахрич Фадила, 1939—1944, Стара-Градишка
Кахрич Фата, 1934—1944, Стара-Градишка
Кахрич Фата, 1936—1944, Стара-Градишка
Кахрич Фатима, 1935—1944, Стара-Градишка
Кахрич Фейзо, 1928—1944, Стара-Градишка
Кахрич Ферид, 1932—1944, Стара-Градишка
Кахрич Ферид, 1930—1944, Стара-Градишка
Кахрич Хаиша, 1939—1944, Стара-Градишка
Кахрич Хайка, 1941—1944, Стара-Градишка
Кахрич Хайро, 1941—1944, Стара-Градишка

Кахрич Ханча, 1933—1944, Стара-Градишка
Кахрич Хашим, 1933—1944, Стара-Градишка
Кахрич Хая, 1940—1944, Стара-Градишка
Кахрич Шехра, 1935—1944, Стара-Градишка
Качавенда Бошко, 1941—1942, Ясеновац
Качавенда Драгиня, 1940—1941, Стара-Градишка
Качавенда Мирко, 1939—1941, Стара-Градишка
Кевич Драгица, 1942—1942, Стара-Градишка
Кецман Анджелия, 1937—1942, Ясеновац
Кецман Неделько, 1939—1942, Ясеновац
Кеча Милинко, 1937—1942, Ясеновац
Кеча Небойша, 1941—1942, Ясеновац
Кнежевич Илия, 1930—1942, Дзяково
Ковачевич Богдан, 1942—1943, Ясеновац
Ковачевич Драголюб, 1941—1942, Стара-Градишка
Ковачевич Живко, 1937—1942, Ясеновац
Ковачевич Илия, 1930—1942, Стара-Градишка
Ковачевич Милинко, 1935—1942, Ясеновац
Ковачевич Милица, 1927—1942, Ясеновац
Ковачевич Раде, 1928—1942, Ясеновац
Ковачевич Радосава, 1940—1942, Стара-Градишка
Ковачевич Стево, 1934—1942, Ясеновац
Ковачич Благоя, 1940—1942, Ясеновац
Ковачич Здравко, 1938—1942, Ясеновац
Койич Милан, 1927—1942, Ясеновац
Койич Мирко, 1936—1942, Ясеновац
Койич Радосава, 1932—1942, Ясеновац
Койич Ранко, 1931—1942, Ясеновац
Колянин Видосава, 1934—1942, Стара-Градишка
Комосор Деса, 1934—1942, Ясеновац
Комосор Душанка, 1930—1942, Ясеновац
Комосор Любица, 1930—1942, Ясеновац
Кондич Анка, 1938—1942, Ясеновац
Кондич Богдан, 1929—1942, Сисак
Кондич Босилька, 1928—1942, Ясеновац

Кондич Бошко, 1929—1942, Ясеновац
Кондич Владе, 1927—1942, Ясеновац
Кондич Вуйо, 1929—1942, Ясеновац
Кондич Деса, 1938—1942, Сисак
Кондич Живко, 1939—1942, Сисак
Кондич Милан, 1935—1942, Ясеновац
Кондич Милош, 1938—1942, Сисак
Кондич Миля, 1940—1942, Ясеновац
Кондич Мира, 1941—1942, Ясеновац
Кондич Невенка, 1940—1943, Сисак
Кондич Радосава, 1940—1942, Сисак
Кондич Савка, 1940—1942, Ясеновац
Кордич Милутин, 1940—1942, Ясеновац
Корица Нада, 1929—1942, Ясеновац
Корица Перса, 1933—1942, Стара-Градишка
Корица Раде, 1931—1942, Ясеновац
Корица Срджан, 1939—1942, Ясеновац
Корица Станко, 1929—1942, Ясеновац
Корица Углеша, 1927—1942, Ясеновац
Кос Божо, 1930—1942, Ясеновац
Кос Драгоя, 1927—1942, Ясеновац
Кос Драгутин, 1929—1942, Ясеновац
Кос Живана, 1930—1942, Ясеновац
Кос Живко, 1928—1942, Ясеновац
Кос Йово, 1935—1942, Сисак
Кос Люба, 1940—1942, Ясеновац
Кос Маринко, 1938—1942, Сисак
Кос Миле, 1931—1942, Ясеновац
Кос Милинко, 1930—1942, Ясеновац
Кос Милинко, 1936—1942, Ясеновац
Кос Милица, 1941—1942, Сисак
Кос Милош, 1933—1942, Сисак
Кос Милош, 1933—1942, Ясеновац
Кос Миля, 1940—1942, Сисак
Кос Мирко, 1927—1942, Ясеновац

Кос Мирко, 1928—1942, Ясеновац
Кос Мирко, 1933—1942, Ясеновац
Кос Никола, 1936—1942, Ясеновац
Кос Никола, 1937—1943, Сисак
Кос Раде, 1929—1942, Ясеновац
Кос Раде, 1929—1942, Ясеновац
Кос Раде, 1939—1942, Ясеновац
Кос Радосава, 1939—1943, Сисак
Кос Ратко, 1940—1943, Сисак
Кос Роса, 1930—1942, Ясеновац
Кос Саван, 1929—1942, Ясеновац
Кос Свето, 1938—1942, Ясеновац
Кос Стоян, 1928—1942, Ясеновац
Косанович Драгица, 1939—1942, Сисак
Косанович Драго, 1939—1942, Сисак
Костадинович Душанка, 1938—1942, Ясеновац
Костадинович Йово, 1940—1942, Ясеновац
Котур Даринка, 1931—1942, Ясеновац
Котур Душанка, 1929—1942, Ясеновац
Котур Любица, 1935—1942, Ясеновац
Котур Марица, 1930—1942, Стара-Градишка
Котур Милан, 1927—1942, Ясеновац
Котур Милан, 1928—1942, Ясеновац
Котур Милинко, 1932—1944, Ясеновац
Котур Милован, 1929—1942, Ясеновац
Котур Младжан, 1933—1942, Ясеновац
Котур Стайка, 1928—1942, Стара-Градишка
Котур Стево, 1927—1942, Ясеновац
Кочич Миле, 1936—1942, Стара-Градишка
Кочич Раде, 1940—1942, Стара-Градишка
Кочич Ратко, 1940—1942, Стара-Градишка
Кошпич Йово, 1928—1942, Ясеновац
Кошпич Михайло, 1930—1942, Ясеновац
Крняйич Живко, 1934—1942, Ясеновац
Крняйич Лепосавка, 1932—1942, Стара-Градишка

Крнйич Мирко, 1933—1942, Ясеновац
Крнйич Радован, 1934—1942, Стара-Градишка
Крнйич Слободанка, 1930—1942, Стара-Градишка
Лазич Йово, 1940—1942, Ясеновац
Лазич Миля, 1941—1942, Ясеновац
Лазич Невенка, 1940—1942, Ясеновац
Лазич Радослава, 1932—1942, Ясеновац
Лайич Анка, 1932—1942, Ясеновац
Лайич Велько, 1936—1942, Ястребарско
Лайич Даница, 1930—1942, Ясеновац
Лайич Дмитар, 1927—1942, Ясеновац
Лайич Душанка, 1938—1942, Ясеновац
Лайич Здравко, 1934—1942, Ясеновац
Лайич Маринко, 1940—1942, Стара-Градишка
Лайич Савка, 1940—1942, Ястребарско
Лайич Слободан, 1941—1942, Стара-Градишка
Леви Дудо, 1927—1941, Стара-Градишка
Лендич Вайо, 1934—1942, Стара-Градишка
Лендич Любица, 1939—1942, Стара-Градишка
Лендич Светозар, 1937—1942, Стара-Градишка
Лешкович Стана, 1939—1942, Ясеновац
Ловрич Войко, 1927—1942, Ясеновац
Ловрич Миле, 1929—1942, Ясеновац
Ловрич Невенка, 1939—1942, Ясеновац
Лукич Зора, 1932—1942, Ясеновац
Лукич Милан, 1930—1942, Ясеновац
Лукич Милица, 1930—1942, Ясеновац
Лукич Милован, 1934—1942, Ясеновац
Лукич Стойка, 1937—1942, Ясеновац
Лукич Стоя, 1936—1942, Ясеновац
Маджар Радойка, 1939—1942, Сисак
Мазалица Здравка, 1939—1942, Сисак
Максимович Милева, 1940—1942, Ясеновац
Малбашич Джуран, 1934—1942, Ясеновац
Малбашич Здравко, 1940—1942, Сисак

Малбашич Йозо, 1942—1942, Ясеновац
Малбашич Миле, 1927—1942, Стара-Градишка
Малбашич Милена, 1930—1942, Ясеновац
Малбашич Миленко, 1929—1942, Стара-Градишка
Малбашич Милинко, 1928—1942, Ясеновац
Малбашич Миля, 1940—1942, Ясеновац
Малбашич Мира, 1937—1942, Ясеновац
Малбашич Триво, 1935—1942, Ясеновац
Малетич Стана, 1932—1942, Ясеновац
Малинич Милка, 1928—1942, Ясеновац
Мамич Милош, 1928—1942, Ясеновац
Мандич Мара, 1934—1942, Стара-Градишка
Мандич Милка, 1939—1942, Стара-Градишка
Мандич Петар, 1937—1942, Стара-Градишка
Марин Никола, 1928—1942, Сисак
Марин Стоя, 1942—1942, Ясеновац
Маринкович Войка, 1932—1942, Ясеновац
Маринкович Славко, 1928—1942, Ясеновац
Марич Вида, 1939—1942. Ясеновац
Марич Владо, 1928—1942. Стара-Градишка
Марич Ела, 1936—1942, Сисак
Марич Ела, 1937—1942. Ясеновац
Марич Йово, 1937—1942, Стара-Градишка
Марич Милка, 1942—1942. Стара-Градишка
Марич Михайло, 1930—1942. Сисак
Марич Мишо, 1939—1942, Стара-Градишка
Марич Никола, 1940—1942, Стара-Градишка
Марич Станоя, 1934—1942. Сисак
Марчета Елена, 1933—1942, Ясеновац
Марчета Нада, 1937—1942, Стара-Градишка
Марчета Радован, 1928—1942, Ясеновац
Марчета Ягода, 1931—1942, Ясеновац
Марьянович Велько, 1929—1942, Ясеновац
Марьянович Вид, 1938—1944, Сисак
Марьянович Милован, 1936—1944, Сисак

Марьянович Нада, 1940—1942, Ясеновац
Марьянович Роса, 1929—1942, Ясеновац
Марьянович Сава, 1938—1942, Ясеновац
Марьянович Свето, 1939—1942, Ясеновац
Матавуль Боро, 1940—1942, Стара-Градишка
Матаруга Добрила, 1938—1942, Сисак
Матаруга Драгутин, 1930—1942, Стара-Градишка
Матаруга Драгутин, 1936—1942, Сисак
Матаруга Душанка, 1930—1942, Стара-Градишка
Матаруга Ела, 1940—1942, Сисак
Матаруга Живко, 1934—1942, Стара-Градишка
Матаруга Йелисавка, 1932—1942, Стара-Градишка
Матаруга Марица, 1934—1943, Ясеновац
Матаруга Мария, 1927—1942, Ясеновац
Матаруга Милинко, 1938—1942, Стара-Градишка
Матаруга Милинко, 1939—1942, Ясеновац
Матаруга Милка, 1928—1942, Ясеновац
Матаруга Милован, 1938—1943, Ясеновац
Матаруга Милутин, 1928—1942, Стара-Градишка
Матаруга Мира, 1934—1942, Стара-Градишка
Матаруга Ольга, 1931—1942, Сисак
Матаруга Ольга, 1942—1943, Ясеновац
Матаруга Остоя, 1935—1943, Ясеновац
Матаруга Ратко, 1942—1942, Сисак
Матаругич Бошко, 1929—1942, Стара-Градишка
Матаругич Веселка, 1938—1942, Сисак
Матаругич Десанка, 1939—1942, Стара-Градишка
Матаругич Драгиня, 1936—1942, Стара-Градишка
Матаругич Мара, 1937—1942, Стара-Градишка
Матаругич Миле, 1940—1942, Стара-Градишка
Матаругич Милован, 1936—1942, Сисак
Матаругич Миля, 1938—1942, Стара-Градишка
Матаругич Миля, 1940—1942, Стара-Градишка
Матаругич Раде, 1936—1942, Стара-Градишка
Мацура Вуя, 1938—1942, Ясеновац

Мацура Живко, 1942—1942, Ясеновац
Мацура Здравко, 1940—1942, Ясеновац
Мацура Милан, 1938—1942, Ясеновац
Мацура Милка, 1938—1942, Ясеновац
Мацура Милка, 1939—1942, Стара-Градишка
Мацура Милорад, 1936—1942, Ясеновац
Мацура Мирко, 1927—1942, Ясеновац
Мацура Неджо, 1940—1942, Ясеновац
Машич Бисера, 1935—1944, Стара-Градишка
Машич Мина, 1933—1944, Стара-Градишка
Машич Низа, 1943—1944, Стара-Градишка
Машич Сафета, 1941—1944, Стара-Градишка
Машич Экрем, 1937—1944, Стара-Градишка
Меджед Душан, 1928—1942, Ясеновац
Меджед Милан, 1933—1942, Ясеновац
Меджед Новак, 1934—1942, Ясеновац
Меджед Савка, 1930—1942, Ясеновац
Меджед Спасоја, 1928—1942, Ясеновац
Меджед Стево, 1936—1942, Ясеновац
Мемич Реджеп, 1931—1945, Ясеновац
Меорак Давид, 1928—1942, Стара-Градишка
Милакович Йово, 1934—1942, Сисак
Милакович Мира, 1936—1942, Сисак
Миланкович Анджа, 1932—1942, Ясеновац
Миланкович Божо, 1930—1942, Ясеновац
Миланкович Йела, 1934—1942, Ясеновац
Миланкович Радован, 1938—1942, Ясеновац
Миланкович Стана, 1936—1942, Ясеновац
Миланкович Стево, 1936—1942, Ясеновац
Милеуснич Анка, 1929—1942, Ясеновац
Милешич Бранко, 1929—1942, Ясеновац
Милешич Милева, 1939—1942, Ясеновац
Милешич Саво, 1930—1942, Ясеновац
Миливојц Анджа, 1927—1942, Стара-Градишка
Миливојц Драгољуб, 1939—1942, Сисак

Миливояц Люба, 1929—1942, Стара-Градишка
Миливояц Мария, 1927—1942, Ясеновац
Миливояц Миле, 1938—1942, Стара-Градишка
Миливояц Милева, 1937—1944, Стара-Градишка
Миливояц Милица, 1931—1942, Стара-Градишка
Миливояц Миля, 1928—1942, Стара-Градишка
Миливояц Ранко, 1937—1942, Стара-Градишка
Миливояц Ружа, 1939—1944, Стара-Градишка
Мишинович Миленко, 1927—1942, Ясеновац
Милич Драго, 1939—1942, Сисак
Милич Миле, 1928—1942, Ясеновац
Милич Радойка, 1941—1942, Сисак
Милошевич Божо, 1928—1942, Ясеновац
Милошевич Бранка, 1928—1942, Ясеновац
Милошевич Бранко, 1930—1942, Ясеновац
Милошевич Зорка, 1934—1942, Стара-Градишка
Милошевич Любомир, 1932—1942, Ясеновац
Милошевич Марко, 1930—1942, Ясеновац
Милошевич Мила, 1928—1942, Ясеновац
Милошевич Милан, 1930—1942, Стара-Градишка
Милошевич Милка, 1941—1942, Стара-Градишка
Милошевич Мирко, 1935—1942, Стара-Градишка
Милошевич Мирко, 1938—1942, Ясеновац
Милошевич Младжен, 1930—1942, Ясеновац
Милошевич Нада, 1938—1942, Ясеновац
Милошевич Пелка, 1928—1942, Ясеновац
Милошевич Ратко, 1940—1942, Стара-Градишка
Милуш Ела, 1928—1942, Ясеновац
Милуш Милош, 1932—1942, Ясеновац
Милянович Илия, 1932—1942, Ясеновац
Милятович Велько, 1941—1942, Сисак
Милятович Йованка, 1930—1942, Ясеновац
Мирич Анджа, 1935—1942, Ясеновац
Мирич Божо, 1938—1942, Стара-Градишка
Мирич Милан, 1930—1942, Ясеновац

Мирич Милорад, 1934—1942, Ясеновац
Мирич Никола, 1938—1942, Ясеновац
Мирич Стана, 1938—1942, Сисак
Мирянич Стево, 1942—1942, Стара-Градишка
Мисирача Душанка, 1939—1942, Ясеновац
Мисирача Милка, 1937—1942, Ясеновац
Мисирача Радосава, 1939—1942, Сисак
Монтиљяс Кармела, 1938—1941, Стара-Градишка
Мракович Божо, 1942—1942, Ясеновац
Мракович Коста, 1941—1942, Ясеновац
Мршич Милева, 1934—1942, Сисак
Мунижаба Драго, 1933—1942, Ясеновац
Мунижаба Райко, 1932—1942, Ясеновац
Мунижаба Ратко, 1930—1942, Ясеновац
Никич Владо, 1938—1943, Ясеновац
Николич Радивой, 1928—1942, Ясеновац
Нинич Миля, 1937—1942, Ясеновац
Нинич Мирко, 1939—1942, Сисак
Нинич Перо, 1942—1942, Стара-Градишка
Нинич Ратко, 1941—1942, Ясеновац
Нинич Стоян, 1931—1942, Стара-Градишка
Нинкович Милка, 1940—1942, Стара-Градишка
Новакович Перо, 1928—1942, Ясеновац
Обрадович Вукосава, 1930—1942, Ясеновац
Обрадович Миленко, 1933—1942, Ясеновац
Обучина Мария, 1935—1942, Сисак
Обучина Милан, 1932—1942, Ясеновац
Обучина Милена, 1934—1942, Сисак
Обучина Милка, 1937—1942, Сисак
Обучина Стана, 1940—1942, Ясеновац
Омерович Аиша, 1940—1943, Стара-Градишка
Омерович Ибрагим, 1943—1944, Стара-Градишка
Омерович Кадира, 1937—1944, Стара-Градишка
Омерович Кила, 1940—1944, Стара-Градишка
Омерович Мина, 1939—1944, Стара-Градишка

Омерович Низа, 1936—1944, Стара-Градишка
Омерович Салкан, 1941—1944, Стара-Градишка
Омерович Сафет, 1941—1943, Стара-Градишка
Омерович Сафета, 1942—1944, Стара-Градишка
Омерович Смайо, 1944—1944, Стара-Градишка
Омерович Фата, 1936—1943, Стара-Градишка
Омерович Шериф, 1938—1944, Стара-Градишка
Омерович Шефко, 1935—1943, Стара-Градишка
Омерович Эмин, 1944—1944, Стара-Градишка
Орлич Джуро, 1932—1942, Ясеновац
Остойич Божидар, 1929—1942, Ясеновац
Остойич Вукосава, 1938—1942, Ясеновац
Остойич Любан, 1927—1942, Ясеновац
Остойич Милица, 1935—1942, Ясеновац
Остойич Стоян, 1927—1942, Ясеновац
Павич Боя, 1935—1942, Стара-Градишка
Павич Драгиня, 1932—1942, Стара-Градишка
Павич Мара, 1937—1942, Стара-Градишка
Павич Милена, 1930—1942, Стара-Градишка
Павич Милка, 1930—1942, Ясеновац
Павич Петар, 1936—1942, Сисак
Павкович Ана, 1928—1942, Ясеновац
Павкович Драго, 1932—1942, Ясеновац
Павкович Елка, 1929—1944, Стара-Градишка
Павкович Люба, 1931—1944, Стара-Градишка
Павкович Милева, 1928—1944, Стара-Градишка
Павкович Милован, 1934—1942, Ясеновац
Павкович Младжен, 1931—1942, Ясеновац
Павкович Нада, 1938—1944, Стара-Градишка
Павкович Слободан, 1933—1942, Ясеновац
Панич Елена, 1935—1942, Стара-Градишка
Панич Здравко, 1933—1942, Стара-Градишка
Панич Урош, 1927—1942, Стара-Градишка
Папич Мария, 1940—1942, Ясеновац
Параш Гойко, 1934—1942, Ясеновац

Параш Драгољуб, 1939—1942, Јасеновац
Параш Милинко, 1932—1942, Јасеновац
Параш Милинко, 1938—1942, Јасеновац
Пашич Каде, 1934—1943, Стара-Градишка
Пейич Веселка, 1935—1942, Стара-Градишка
Пекич Ана, 1938—1942, Сисак
Пекич Бошко, 1938—1942, Јасеновац
Пекич Вера, 1929—1942, Јасеновац
Пекич Любан, 1935—1942, Сисак
Пекич Марија, 1930—1942, Јасеновац
Пекич Милева, 1932—1942, Јасеновац
Пекич Милош, 1927—1942, Јасеновац
Пекич Мичо, 1937—1942, Јасеновац
Пекич Раде, 1934—1942, Јасеновац
Пекич Стана, 1927—1942, Јасеновац
Петкович Боса, 1936—1942, Јасеновац
Петкович Владо, 1937—1942, Јасеновац
Петкович Милка, 1939—1942, Јасеновац
Петкович Милош, 1941—1942, Јасеновац
Петкович Чедомир, 1939—1942, Јасеновац
Петрак Бранко, 1928—1942, Јасеновац
Петрак Мара, 1938—1942, Јасеновац
Петрак Станко, 1940—1942, Јасеновац
Петровић Вука, 1937—1942, Јасеновац
Петровић Живко, 1927—1942, Јасеновац
Петровић Нада, 1938—1942, Јасеновац
Петрушић Стана, 1940—1942, Сисак
Печанин Владо, 1940—1942, Стара-Градишка
Печанин Марта, 1938—1942, Стара-Градишка
Печанин Милан, 1937—1942, Јасеновац
Печанин Михајло, 1929—1942, Јасеновац
Пилиповић Вида, 1938—1942, Стара-Градишка
Пилиповић Гойко, 1927—1942, Јасеновац
Пилиповић Джуро, 1930—1942, Јасеновац
Пилиповић Драгица, 1940—1942, Стара-Градишка

Пилипович Драгољуб, 1938—1945, Јасеновац
Пилипович Душан, 1937—1942, Јасеновац
Пилипович Душан, 1940—1942, Јасеновац
Пилипович Душанка, 1937—1945, Јасеновац
Пилипович Ела, 1933—1942, Јасеновац
Пилипович Мара, 1935—1942, Јасеновац
Пилипович Милорад, 1932—1942, Јасеновац
Пилипович Мира, 1936—1945, Јасеновац
Пилипович Томо, 1927—1945, Јасеновац
Попович Анка, 1934—1942, Сисак
Попович Бранко, 1938—1942, Јасеновац
Попович Вид, 1937—1942, Сисак
Попович Видосава, 1931—1942, Стара-Градишка
Попович Влайко, 1938—1942, Јасеновац
Попович Гойко, 1936—1942, Јасеновац
Попович Дара, 1936—1942, Јасеновац
Попович Джуро, 1930—1942, Сисак
Попович Драгица, 1928—1942, Јасеновац
Попович Зора, 1941—1942, Јасеновац
Попович Ђован, 1941—1942, Јасеновац
Попович Ђован, 1941—1942, Јасеновац
Попович Милан, 1932—1942, Сисак
Попович Милан, 1937—1942, Јасеновац
Попович Милан, 1940—1942, Јасеновац
Попович Мирко, 1928—1942, Јасеновац
Попович Новак, 1938—1942, Јасеновац
Попович Остоя, 1931—1942, Јасеновац
Попович Остоя, 1935—1942, Стара-Градишка
Попович Радован, 1928—1942, Стара-Градишка
Попович Радосава, 1938—1942, Јасеновац
Попович Роса, 1940—1942, Јасеновац
Попович Саван, 1930—1942, Јасеновац
Попович Савка, 1932—1942, Јасеновац
Попович Савка, 1936—1942, Јасеновац
Попович Саво, 1938—1942, Стара-Градишка

Попович Слободан, 1937—1942, Ясеновац
Попович Стайка, 1934 -1942, Ясеновац
Попович Станоя, 1936—1942, Ясеновац
Попович Тиосава, 1935—1942, Сисак
Попович Яня, 1938—1942, Сисак
Пралица Алекса, 1927—1942, Ясеновац
Пралица Милан, 1929—1942, Ясеновац
Пралица Милош, 1927—1942, Сисак
Пралица Милош, 1939—1942, Ясеновац
Пралица Мичо, 1939—1942, Ясеновац
Пралица Невенка, 1929—1942, Ясеновац
Пралица Янко, 1942—1942, Ясеновац
Прелич Вида, 1939—1942, Стара-Градишка
Прибич Лепа, 1928—1942, Ясеновац
Прибич Милан, 1929—1942, Ясеновац
Придорац Касим, 1941—1943, Стара-Градишка
Придорац Расим, 1939—1943, Стара-Градишка
Придорац Сафет, 1938—1943, Стара-Градишка
Проданович Боголюб, 1937—1942, Ясеновац
Проданович Гойко, 1930—1942, Ясеновац
Проданович Дарко, 1938—1942, Ясеновац
Проданович Джуро, 1929—1942, Ясеновац
Проданович Джуро, 1933—1942, Ясеновац
Проданович Елена, 1927—1945, Лепоглава
Проданович Живко, 1935—1942, Ясеновац
Проданович Милован, 1934—1943, Ясеновац
Проданович Мирко, 1941—1942, Сисак
Проданович Никола, 1928—1942, Ясеновац
Проданович Яндре, 1930—1942, Ясеновац
Пролич Драган, 1931—1942, Стара-Градишка
Пролич Радойица, 1941—1942, Ясеновац
Пролич Ратко, 1941—1942, Стара-Градишка
Пролич Цвета, 1927—1942, Ясеновац
Пуджа Любан, 1931—1942, Ясеновац
Пуджа Невенка, 1936—1942, Ясеновац

Пузавац Миля, 1937—1942, Ясеновац
Пузавац Стоян, 1928—1942, Ясеновац
Пуляревич Зорица, 1939—1942, Ясеновац
Пуляревич Милош, 1939—1942, Ясеновац
Пуляревич Миля, 1940—1942, Ясеновац
Пуляревич Миодраг, 1940—1942, Ясеновац
Раданович Милан, 1937—1942, Ясеновац
Радманович Бранко, 1933—1942, Ясеновац
Радманович Бранко, 1941—1942, Ясеновац
Радманович Милан, 1935—1942, Ясеновац
Радманович Милан, 1942—1942, Ясеновац
Радманович Раде, 1940—1942, Ясеновац
Радманович Ранко, 1942—1942, Ясеновац
Радманович Смиля, 1939—1942, Ясеновац
Радманович Стоян, 1937—1942, Ясеновац
Радуйко Сава, 1934—1942, Ясеновац
Радулович Васо, 1940—1942, Ясеновац
Радулович Коса, 1938—1942, Сисак
Радулович Сока, 1937—1942, Сисак
Радулович Яндре, 1933—1942, Сисак
Ранилович Йово, 1938—1942, Ясеновац
Раца Милева, 1931—1944, Стара-Градишка
Рачич Перо, 1927—1942, Ясеновац
Рашим Смиля, 1936—1942, Ясеновац
Рашич Божо, 1934—1942, Ясеновац
Рашич Даница, 1929—1942, Ясеновац
Рашич Даница, 1939—1942, Ясеновац
Рашич Джуро, 1935—1942, Ясеновац
Рашич Душан, 1936—1942, Ясеновац
Рашич Живко, 1934—1942, Ясеновац
Рашич Илия, 1936—1942, Ясеновац
Рашич Йово, 1937—1945, Ясеновац
Рашич Лепа, 1935—1942, Ясеновац
Рашич Мара, 1939—1942, Ясеновац
Рашич Милица, 1928—1942, Ясеновац

Рашич Милка, 1938—1942, Ясеновац
Рашич Милован, 1935—1942, Ясеновац
Рашич Милош, 1933—1942, Ясеновац
Рашич Нада, 1941—1945, Ясеновац
Рашич Нада, 1942—1944, Ясеновац
Рашич Ольга, 1930—1942, Ясеновац
Рашич Радован, 1938—1942, Ясеновац
Рашич Янко, 1929—1942, Ясеновац
Рашкович Зорка, 1938—1942, Стара-Градишка
Рељанович Душан, 1932—1942, Ясеновац
Рељанович Лазо, 1930—1942, Ясеновац
Репайич Богданка, 1927—1942, Ясеновац
Репайич Драгица, 1928—1942, Ясеновац
Репайич Душанка, 1930—1942, Ясеновац
Репайич Ранко, 1935—1942, Ясеновац
Репайич Славко, 1929—1942, Ясеновац
Репайич Станко, 1930—1942, Ясеновац
Репайич Стево, 1938—1942, Ясеновац
Ризванович Бура, 1931—1944, Стара-Градишка
Ризванович Када, 1935—1944, Стара-Градишка
Ризванович Пуза, 1933—1944, Стара-Градишка
Ризванович Расим, 1937—1944, Стара-Градишка
Ристич Драго, 1941—1942, Ясеновац
Ристич Милан, 1931—1942, Ясеновац
Родич Воислав, 1938—1942, Сисак
Родич Драгиня, 1940—1942, Сисак
Родич Милева, 1928—1942, Ясеновац
Родич Милка, 1940—1942, Ясеновац
Родич Станко, 1932—1942, Ясеновац
Розенраух Сушана, 1935—1942, Стара-Градишка
Рокич Велько, 1930—1942, Ясеновац
Рокич Даница, 1936—1942, Сисак
Рокич Милинко, 1931—1942, Ясеновац
Ромич Милица, 1939—1942, Сисак
Ромич Миля, 1937—1942, Сисак

Ромич Ратко, 1941—1942, Сисак
Рончевич Драган, 1939—1942, Сисак
Рончевич Драгица, 1941—1942, Сисак
Рончевич Миле, 1937—1943, Сисак
Рончевич Мирко, 1939—1942, Сисак
Русмир Милан, 1939—1942, Сисак
Рустич Видосава, 1933—1942, Сисак
Рустич Милева, 1939—1942, Ясеновац
Ручнов Елена, 1937—1942, Ясеновац
Ручнов Чедо, 1938—1942, Ясеновац
Саванович Драгица, 1930—1942, Ясеновац
Саванович Душан, 1937—1942, Ясеновац
Саванович Йован, 1939—1942, Ясеновац
Саванович Йованка, 1939—1942, Ясеновац
Саванович Софиа, 1938—1942, Ясеновац
Савич Божо, 1927—1942, Ясеновац
Савкович Миле, 1935—1942, Стара-Градишка
Савкович Милева, 1938—1942, Ясеновац
Савкович Ратко, 1940—1942, Ясеновац
Саджак Драгомир, 1936—1942, Ясеновац
Самардџия Анка, 1927—1942, Ясеновац
Самардџия Анка, 1941—1942, Ясеновац
Самардџия Босилька, 1937—1942, Ясеновац
Самардџия Бранко, 1936—1942, Сисак
Самардџия Васкрсия, 1935—1942, Стара-Градишка
Самардџия Веселка, 1928—1942, Сисак
Самардџия Вид, 1941—1942, Ясеновац
Самардџия Вида, 1936—1942, Сисак
Самардџия Видосава, 1936—1942, Стара-Градишка
Самардџия Вукосава, 1937—1942, Ясеновац
Самардџия Джурадџ, 1927—1942, Стара-Градишка
Самардџия Драган, 1927—1942, Ясеновац
Самардџия Драгиня, 1928—1942, Ясеновац
Самардџия Драгиня, 1935—1942, Сисак
Самардџия Драже, 1932—1942, Сисак

Самардџија Живка, 1939—1942, Јасеновац
Самардџија Ђован, 1935—1942, Сисак
Самардџија Ђово, 1936—1942, Сисак
Самардџија Марија, 1929—1942, Јасеновац
Самардџија Марија, 1941—1942, Јасеновац
Самардџија Милица, 1934—1942, Сисак
Самардџија Милорад, 1935—1942, Јасеновац
Самардџија Миља, 1927—1942, Јасеновац
Самардџија Миолька, 1937—1942, Сисак
Самардџија Мирко, 1939—1942, Сисак
Самардџија Мирко, 1939—1942, Јасеновац
Самардџија Ненад, 1939—1942, Јасеновац
Самардџија Перса, 1936—1942, Јасеновац
Самардџија Петар, 1931—1942, Сисак
Самардџија Петар, 1938—1942, Сисак
Самардџија Петра, 1928—1942, Јасеновац
Самардџија Петра, 1930—1942, Сисак
Самардџија Петра, 1940—1942, Јасеновац
Самардџија Рада, 1933—1942, Јасеновац
Самардџија Радойка, 1942—1942, Јасеновац
Самардџија Ратко, 1940—1942, Јасеновац
Самардџија Савка, 1937—1942, Јасеновац
Самардџија Стана, 1939—1942, Сисак
Самардџија Станко, 1930—1942, Сисак
Самардџија Стоја, 1936—1942, Сисак
Самардџија Јаков, 1935—1942, Сисак
Секулич Войин, 1927—1942, Јасеновац
Секулич Марко, 1928—1942, Јасеновац
Секулич Радойка, 1939—1942, Јастребарско
Секулич Саво, 1927—1942, Јасеновац
Селак Драгомир, 1935—1942, Јасеновац
Селак Ђованка, 1938—1942, Стара-Градишка
Селак Мара, 1941—1942, Јасеновац
Селак Марија, 1941—1942, Јасеновац
Селак Милош, 1939—1942, Јасеновац

Селак Нада, 1937—1942, Ясеновац
Селак Остоя, 1941—1942, Ясеновац
Селак Раде, 1935—1942, Стара-Градишка
Селак Ранка, 1935—1942, Ясеновац
Симатович Радослава, 1939—1942, Сисак
Скопляк Анка, 1937—1942, Ясеновац
Скопляк Богдан, 1933—1942, Ясеновац
Скопляк Грозда, 1937—1942, Ясеновац
Скопляк Душан, 1939—1942, Ясеновац
Скопляк Коса, 1940—1942, Ясеновац
Скопляк Милка, 1935—1942, Ясеновац
Скопляк Раде, 1934—1942, Ясеновац
Скопляк Роса, 1938—1942, Ясеновац
Скопляк Стоян, 1933—1942, Ясеновац
Скробич Симо, 1930—1942, Ясеновац
Скробич Стево, 1931—1942, Ясеновац
Сладоевич Владо, 1932—1945, Стара-Градишка
Слиепац Драгоя, 1930—1942, Ясеновац
Слиепац Ранко, 1941—1942, Ясеновац
Слиепчевич Даница, 1930—1942, Ясеновац
Слиепчевич Зора, 1938—1942, Ясеновац
Слиепчевич Мара, 1938—1942, Стара-Градишка
Слиепчевич Михайло, 1935—1942, Ясеновац
Слиепчевич Роса, 1942—1942, Стара-Градишка
Слиепчевич Смиля, 1939—1942, Сисак
Слиепчевич Смиля, 1939—1942, Ясеновац
Слиепчевич Станко, 1932—1942, Ясеновац
Стамболия Радован, 1931—1942, Сисак
Станич Радован, 1928—1942, Ястребарско
Станоевич Бранка, 1938—1942, Стара-Градишка
Станоевич Миле, 1936—1942, Стара-Градишка
Станоевич Ружа, 1934—1942, Стара-Градишка
Стойкович Гордана, 1942—1942, Ясеновац
Стойкович Милан, 1939—1942, Ясеновац
Стойнич Бранко, 1941—1942, Ясеновац

Стойнич Джоко, 1941—1942, Ясеновац
Стойнич Драган, 1930—1942, Ясеновац
Стойнич Драгоя, 1930—1942, Ясеновац
Стойнич Душан, 1938—1942, Ясеновац
Стойнич Здравко, 1930—1942, Ясеновац
Стойнич Йово, 1938—1942, Ясеновац
Стойнич Мариян, 1930—1942, Ясеновац
Стойнич Миладин, 1936—1942, Ясеновац
Стойнич Милан, 1929—1942, Ясеновац
Стойнич Милутин, 1931—1942, Ясеновац
Стойнич Невенка, 1935—1942, Ясеновац
Стойнич Петар, 1940—1942, Ясеновац
Стойнич Петра, 1940—1942, Ясеновац
Стойнич Раде, 1927—1942, Ясеновац
Стойнич Симо, 1938—1942, Ясеновац
Стойнич Стойка, 1932—1942, Ясеновац
Стойнич Остоя, 1940—1942, Стара-Градишка
Стореба Деса, 1935—1942, Ясеновац
Стоякович Велько, 1939—1942, Ясеновац
Стоякович Владе, 1930—1942, Ясеновац
Стоякович Милан, 1940—1942, Ясеновац
Стоякович Ратко, 1941—1943, Стара-Градишка
Ступар Драгиня, 1928—1942, Стара-Градишка
Ступар Мирослав, 1930—1942, Стара-Градишка
Ступар Раде, 1927—1942, Ясеновац
Суботич Савка, 1941—1942, Ясеновац
Сузич Драгица, 1930—1942, Ясеновац
Сузич Мирко, 1934—1942, Ясеновац
Суљич Калия, 1939—1944, Стара-Градишка
Суљич Месуд, 1941—1944, Стара-Градишка
Суљич Омер, 1927—1944, Стара-Градишка
Суљич Салим, 1943—1944, Стара-Градишка
Суљич Салко, 1937—1944, Стара-Градишка
Танич Драго, 1942—1942, Ястребарско
Танич Мара, 1937—1942, Ястребарско

Танич Мика, 1935—1942, Ястребарско
Тенджерич Бора, 1928—1942, Стара-Градишка
Тенджерич Борислава, 1930—1942, Стара-Градишка
Тенджерич Бранка, 1933—1942, Ясеновац
Тенджерич Бранко, 1940—1942, Ясеновац
Тенджерич Веселка, 1928—1942, Ясеновац
Тенджерич Видосава, 1939—1942, Ясеновац
Тенджерич Гойко, 1939—1942, Ясеновац
Тенджерич Драгица, 1937—1942, Ясеновац
Тенджерич Драголюб, 1940—1942, Стара-Градишка
Тенджерич Драгомир, 1928—1942, Ясеновац
Тенджерич Елисава, 1932—1942, Стара-Градишка
Тенджерич Коса, 1927—1942, Стара-Градишка
Тенджерич Коса, 1941—1942, Ясеновац
Тенджерич Милан, 1933—1942, Ясеновац
Тенджерич Милева, 1930—1942, Ясеновац
Тенджерич Милка, 1930—1942, Ясеновац
Тенджерич Мица, 1929—1942, Стара-Градишка
Тенджерич Нада, 1934—1942, Ясеновац
Тенджерич Никола, 1938—1942, Ясеновац
Тенджерич Петра, 1934—1942, Ясеновац
Тенджерич Рада, 1930—1942, Стара-Градишка
Тенджерич Радивой, 1929—1942, Ясеновац
Тенджерич Радивой, 1936—1942, Ясеновац
Тенджерич Радован, 1929—1942, Ясеновац
Тенджерич Ружица, 1935—1942, Стара-Градишка
Тенджерич Симеуна, 1937—1942, Ясеновац
Тенджерич Славко, 1936—1942, Ясеновац
Тенджерич Станоя, 1939—1942, Ясеновац
Тимарац Мара, 1933—1942, Ясеновац
Тимарац Сава, 1935—1942, Ясеновац
Тирамац Радойка, 1931—1942, Ясеновац
Тица Милка, 1941—1942, Ясеновац
Толягич Войо, 1943—1945, Стара-Градишка
Толягич Милка, 1940—1945, Стара-Градишка

Толягич Мирко, 1938—1945, Стара-Градишка
Томас Миле, 1942—1943, Ясеновац
Томас Роса, 1928—1942, Ясеновац
Томаш Благодя, 1939—1942, Ясеновац
Томаш Драголюб, 1937—1942, Сисак
Томаш Никола, 1941—1942, Сисак
Томич Любо, 1934—1944, Стара-Градишка
Тороман Велимир, 1927—1942, Ясеновац
Тороман Драгоя, 1927—1942, Ясеновац
Тороман Миле, 1928—1942, Ясеновац
Тороман Милка, 1932—1942, Сисак
Тороман Мирко, 1927—1942, Ясеновац
Трамошлянин Милош, 1929—1942, Ясеновац
Трбоевич Душан, 1927—1942, Ясеновац
Тривич Аница, 1941—1942, Сисак
Тривич Велько, 1935—1942, Сисак
Тривич Вида, 1932—1942, Стара-Градишка
Тривич Душанка, 1937—1942, Сисак
Тривич Миля, 1940—1942, Сисак
Тривич Сава, 1939—1942, Сисак
Тривич Станоя, 1934—1942, Стара-Градишка
Тркуля Джуро, 1927—1942, Ясеновац
Трубарац Анджа, 1939—1942, Ясеновац
Трубарац Боса, 1940—1942, Ясеновац
Трубарац Владо, 1927—1942, Ясеновац
Трубарац Гойко, 1927—1942, Ясеновац
Трубарац Зорка, 1941—1942, Ясеновац
Трубарац Милинко, 1942—1942, Ясеновац
Трубарац Милка, 1935—1942, Ясеновац
Трубарац Миодраг, 1938—1942, Ясеновац
Трубарац Ранко, 1929—1942, Ясеновац
Трубарац Слободанка, 1931—1942, Ясеновац
Трубарац Стана, 1940—1942, Ясеновац
Тубин Райко, 1935—1942, Ясеновац
Тубин Спасоя, 1938—1942, Ясеновац

Тубица Анджа, 1930—1942, Ясеновац
Тубица Драголюб, 1929—1942, Ясеновац
Тубица Душан, 1929—1942, Ясеновац
Тубица Милорад, 1927—1942, Ясеновац
Тубица Младжо, 1937—1942, Ясеновац
Тубица Раде, 1939—1942, Ясеновац
Тубица Роса, 1931—1942, Ясеновац
Тубич Даница, 1931—1942, Ясеновац
Тубич Десанка, 1932—1942, Стара-Градишка
Тубич Драго, 1935—1942, Стара-Градишка
Угренович Деса, 1936 -1942, Ясеновац
Угренович Здравко, 1933—1942, Ясеновац
Угренович Зора, 1935—1942, Ясеновац
Угренович Любо, 1927—1942, Ясеновац
Угренович Милан, 1936—1942, Ясеновац
Угренович Милева, 1931—1942, Ясеновац
Угренович Миленко, 1929—1942, Ясеновац
Угренович Мирко, 1928—1942, Ясеновац
Угренович Михайло, 1934—1942, Ясеновац
Угренович Смиля, 1932—1942, Ясеновац
Угрица Миле, 1929—1942, Ясеновац
Угрица Милорад, 1927—1942, Ясеновац
Ферхатович Авдо, 1930—1944, Стара-Градишка
Ферхатович Алиа, 1937—1944, Стара-Градишка
Ферхатович Када, 1943—1944, Стара-Градишка
Ферхатович Касим, 1941—1944, Стара-Градишка
Ферхатович Мишко, 1941—1944, Стара-Градишка
Ферхатович Надир, 1944—1944, Стара-Градишка
Ферхатович Наза, 1939—1944, Стара-Градишка
Ферхатович Сафет, 1943—1944, Стара-Градишка
Ферхатович Шефка, 1928—1944, Стара-Градишка
Француз Мария, 1934—1942, Сисак
Француз Мирко, 1939—1942, Стара-Градишка
Хавич Сида, 1927—1942, Ясеновац
Халилович Авдо, 1932—1944, Стара-Градишка

Халилович Адем, 1932—1944, Стара-Градишка
Халилович Байро, 1935—1944, Стара-Градишка
Халилович Байро, 1942—1944, Стара-Градишка
Халилович Беба, 1939—1944, Стара-Градишка
Халилович Бего, 1930—1944, Стара-Градишка
Халилович Бего, 1933—1944, Стара-Градишка
Халилович Бехия, 1934—1944, Стара-Градишка
Халилович Бисера, 1940—1944, Стара-Градишка
Халилович Джибо, 1932—1944, Стара-Градишка
Халилович Зеха, 1938—1944, Стара-Градишка
Халилович Ибро, 1941—1944, Стара-Градишка
Халилович Кадир, 1936—1944, Стара-Градишка
Халилович Кадира, 1936—1944, Стара-Градишка
Халилович Кадуша, 1940—1944, Стара-Градишка
Халилович Калия, 1934—1944, Стара-Градишка
Халилович Махмут, 1930—1944, Стара-Градишка
Халилович Меиса, 1936—1944, Стара-Градишка
Халилович Мина, 1935—1944, Стара-Градишка
Халилович Мина, 1936—1944, Стара-Градишка
Халилович Муса, 1938—1944, Стара-Градишка
Халилович Неджиб, 1934—1944, Стара-Градишка
Халилович Низа, 1936—1944, Стара-Градишка
Халилович Осман, 1939—1944, Стара-Градишка
Халилович Рамадан, 1938—1944, Стара-Градишка
Халилович Рамо, 1943—1944, Стара-Градишка
Халилович Расим, 1938—1944, Стара-Градишка
Халилович Сабид, 1934—1944, Стара-Градишка
Халилович Салкан, 1930—1944, Стара-Градишка
Халилович Салкан, 1934—1944, Стара-Градишка
Халилович Салкия, 1932—1944, Стара-Градишка
Халилович Салко, 1937—1944, Стара-Градишка
Халилович Сафета, 1934—1944, Стара-Градишка
Халилович Сенка, 1941—1944, Стара-Градишка
Халилович Тима, 1942—1944, Стара-Градишка
Халилович Фатима, 1938—1944, Стара-Градишка

Халилович Хасан, 1944—1944, Стара-Градишка
Халилович Шефко, 1938—1944, Стара-Градишка
Халилович Шехида, 1936—1944, Стара-Градишка
Халилович Шехра, 1944—1944, Стара-Градишка
Халилович Эмира, 1939—1944, Стара-Градишка
Халилович Эсма, 1933—1944, Стара-Градишка
Хасанович Аиша, 1934—1943, Стара-Градишка
Хасанович Бисера, 1941—1943, Стара-Градишка
Хасанович Ибрагим, 1929—1943, Стара-Градишка
Хасанович Ибреша, 1940—1943, Стара-Градишка
Хасанович Ибро, 1937—1943, Стара-Градишка
Хасанович Махмут, 1941—1943, Стара-Градишка
Хасанович Мехмет, 1940—1943, Стара-Градишка
Хасанович Надир, 1933—1943, Стара-Градишка
Хасанович Салко, 1940—1943, Стара-Градишка
Хасанович Хава, 1938—1943, Стара-Градишка
Хасанович Хасния, 1940—1943, Стара-Градишка
Хрњак Душан, 1935—1942, Ясеновац
Хрњак Миле, 1937—1942, Ясеновац
Хрњак Милутин, 1927—1942, Ясеновац
Хрњак Мира 1939—1942, Ясеновац
Хусич Афиза, 1940—1943, Стара-Градишка
Хусич Махмут, 1928—1943, Стара-Градишка
Хусич Мехо, 1937—1943, Стара-Градишка
Хусич Низа, 1932—1943, Стара-Градишка
Хусич Расим, 1935—1943, Стара-Градишка
Хусич Сеня, 1934—1943, Ясеновац
Хусич Фатима, 1941—1943, Стара-Градишка
Цвиетич Джуро, 1930—1942, Ясеновац
Цвиетич Душан, 1929—1942, Ясеновац
Цвиетич Миле, 1929—1942, Ясеновац
Цвийич Елена, 1934—1942, Стара-Градишка
Цвийич Лука, 1941—1942, Сисак
Цвийич Милан, 1939—1942, Сисак
Цвийич Перо, 1937—1942, Сисак

Цвийич Стоя, 1936—1942, Стара-Градишка
Црленица Вида, 1931—1942, Стара-Градишка
Црленица Гойко, 1929—1942, Стара-Градишка
Црленица Драган, 1927—1942, Стара-Градишка
Црленица Зорка, 1933—1942, Стара-Градишка
Црногорац Неманя, 1929—1944, Сисак
Црногорац Стоян, 1935—1942, Ясеновац
Чаджо Анка, 1939—1942, Ясеновац
Чаджо Гойко, 1939—1942, Ясеновац
Чаджо Миля, 1938—1942, Ясеновац
Чаджо Мичо, 1928—1942, Ясеновац
Чаджо Младжо, 1930—1942, Ясеновац
Чаджо Срето, 1927—1942, Ясеновац
Чекич Борко, 1928—1942, Ясеновац
Чекич Бошко, 1934—1942, Ясеновац
Чекич Веселка, 1938—1942, Ясеновац
Чекич Джуя, 1934—1942, Ясеновац
Чекич Живко, 1937—1942, Ясеновац
Чекич Коса, 1932—1942, Ясеновац
Чекич Любан, 1937 — 1942, Ясеновац
Чекич Любица, 1938—1942, Ясеновац
Чекич Мира, 1934—1942, Ясеновац
Чекич Стоя, 1930—1942, Ясеновац
Чекич Цвета, 1928—1942, Ясеновац
Челица Бошко, 1931—1942, Ясеновац
Челица Гойко, 1930—1942, Ясеновац
Челица Славко, 1933—1942, Ясеновац
Челица Слободанка, 1935—1942, Ясеновац
Чибиц Милош, 1942—1942, Ясеновац
Чирич Анджа, 1941—1942, Стара-Градишка
Чирич Борислава, 1935—1942, Ясеновац
Чирич Борислава, 1935—1942, Ясеновац
Чирич Бранко, 1939—1942, Ясеновац
Чирич Видосава, 1938—1942, Ясеновац
Чирич Даница, 1932—1942, Сисак

Чирич Душан, 1940—1942, Ясеновац
Чирич Душанка, 1940—1942, Ясеновац
Чирич Елица, 1929—1942, Ясеновац
Чирич Здравко, 1931—1942, Ясеновац
Чирич Коста, 1939—1942, Ясеновац
Чирич Лука, 1931—1942, Ясеновац
Чирич Лука, 1931—1942, Ясеновац
Чирич Мара, 1928—1942, Ясеновац
Чирич Мара, 1928—1942, Ясеновац
Чирич Мара, 1940—1942, Ясеновац
Чирич Марица, 1935—1942, Ясеновац
Чирич Милка, 1928—1942, Сисак
Чирич Мирко, 1928—1942, Ясеновац
Чирич Мирко, 1928—1942, Ясеновац
Чирич Михайло, 1938—1942, Ясеновац
Чирич Нада, 1939—1942, Ясеновац
Чирич Пава, 1929—1942, Ясеновац
Чирич Перо, 1938—1942, Стара-Градишка
Чирич Рада, 1935—1942, Ясеновац
Чирич Радойка, 1938—1942, Стара-Градишка
Чирич Славко, 1928—1942, Ясеновац
Чирич Станка, 1932—1942, Стара-Градишка
Чолич Миля, 1940—1942, Ясеновац
Чолич Стоя, 1941—1942, Ясеновац
Чуйич Милан, 1934—1942, Стара-Градишка
Чуйич Нада, 1930—1942, Стара-Градишка
Чук Мара, 1940—1942, Ясеновац
Чук Марко, 1941—1942, Сисак
Чургуз Драгутин, 1938—1942, Ясеновац
Чургуз Милинко, 1927—1942, Ясеновац
Чургуз Миля, 1936—1942, Ясеновац
Чургуз Смиля, 1934—1942, Ясеновац
Чурич Михайло, 1941—1942, Ясеновац
Чурчия Анка, 1937—1942, Ясеновац
Шарич Алиа, 1934—1944, Стара-Градишка

Шарич Байро, 1930—1944, Стара-Градишка
Шарич Бисера, 1933—1944, Стара-Градишка
Шарич Ибро, 1944—1944, Стара-Градишка
Шарич Када, 1933—1944, Стара-Градишка
Шарич Када, 1944—1944, Стара-Градишка
Шарич Кадир, 1928—1944, Стара-Градишка
Шарич Кадира, 1935—1944, Стара-Градишка
Шарич Касим, 1937—1944, Стара-Градишка
Шарич Кемо, 1942—1944, Стара-Градишка
Шарич Мирко, 1940—1942, Ясеновац
Шарич Мишко, 1928—1944, Стара-Градишка
Шарич Муса, 1942 - 1944, Стара-Градишка
Шарич Сафет, 1932—1944, Стара-Градишка
Шарич Смайо, 1936—1944, Стара-Градишка
Шарич Фата, 1933—1943, Стара-Градишка
Шарич Фатима, 1940—1944, Стара-Градишка
Шарич Хаиша, 1938—1944, Стара-Градишка
Шарич Халида, 1928—1944, Стара-Градишка
Шарич Шиша, 1933—1944, Стара-Градишка
Шаркан Божо, 1933—1942, Стара-Градишка
Шаркан Десанка, 1930—1942, Стара-Градишка
Шаркан Мара, 1935—1942, Стара-Градишка
Шаркан Нада, 1935—1942, Стара-Градишка
Шаркан Невенка, 1928—1942, Стара-Градишка
Шаркан Райко, 1934—1942, Стара-Градишка
Шврака Петар, 1939—1943, Сисак
Шекерац Душанка, 1938—1942, Ясеновац
Шестич Миодраг, 1940—1942, Стара-Градишка
Шешум Драгослав, 1938—1942, Сисак
Шешум Остоя, 1939—1942, Ясеновац
Шиник Богдо, 1931—1942, Стара-Градишка
Шиник Божана, 1937—1942, Сисак
Шиник Босилька, 1937—1942, Стара-Градишка
Шиник Видосава, 1934—1942, Ясеновац
Шиник Воислав, 1937—1942, Стара-Градишка

Шиник Гойко, 1927—1942, Стара-Градишка
Шиник Джоко, 1938—1942, Стара-Градишка
Шиник Драгомир, 1928—1942, Стара-Градишка
Шиник Драгослав, 1936—1942, Ясеновац
Шиник Драгутин, 1933—1942, Стара-Градишка
Шиник Драгутин, 1941—1942, Сисак
Шиник Душанка, 1933—1942, Стара-Градишка
Шиник Ела, 1940—1942, Стара-Градишка
Шиник Живко, 1941—1942, Стара-Градишка
Шиник Здравка, 1938—1942, Стара-Градишка
Шиник Зорка, 1936—1942, Ясеновац
Шиник Зорка, 1941—1942, Ясеновац
Шиник Йованка, 1940—1942, Сисак
Шиник Йово, 1940—1942, Стара-Градишка
Шиник Косана, 1935—1942, Стара-Градишка
Шиник Лазо, 1939—1942, Сисак
Шиник Марица, 1931—1942, Ясеновац
Шиник Марко, 1931—1942, Стара-Градишка
Шиник Милан, 1939—1942, Стара-Градишка
Шиник Миленко, 1938—1942, Стара-Градишка
Шиник Миливой, 1938—1942, Сисак
Шиник Милка, 1937—1942, Сисак
Шиник Милка, 1940—1942, Стара-Градишка
Шиник Мира, 1929—1942, Стара-Градишка
Шиник Младен, 1932—1942, Ясеновац
Шиник Невенка, 1940—1942, Сисак
Шиник Перо, 1941—1942, Стара-Градишка
Шиник Радосава, 1932—1942, Ясеновац
Шиник Райко, 1938—1942, Ясеновац
Шиник Саво, 1933—1942, Ясеновац
Шиник Слободан, 1940—1942, Стара-Градишка
Шиник Спасое, 1934—1942, Ясеновац
Шиник Стойна, 1928—1942, Ясеновац
Шипка Боголюб, 1936—1942, Стара-Градишка
Шипка Босилька, 1936—1942, Ясеновац

Шипка Вуйо, 1938—1942, Стара-Градишка
Шипка Драгослав, 1938—1942, Стара-Градишка
Шипка Радослав, 1941—1942, Стара-Градишка
Шливар Бранко, 1935—1943, Сисак
Шливар Милан, 1933—1942, Сисак
Шливар Радислав, 1938—1942, Ясеновац
Шмитран Богдан, 1937—1942, Стара-Градишка
Шмитран Драгутин, 1934—1942, Стара-Градишка
Шмитран Нико, 1932—1942, Стара-Градишка
Шокчевич Анка, 1932—1942, Ясеновац
Шокчевич Василия, 1930—1942, Ясеновац
Шокчевич Веса, 1935—1942, Ясеновац
Шокчевич Веселка, 1932—1942, Ясеновац
Шокчевич Вида, 1936—1942, Ясеновац
Шокчевич Видосава, 1936—1942, Ясеновац
Шокчевич Вукосава, 1938—1942, Ясеновац
Шокчевич Драган, 1941—1942, Стара-Градишка
Шокчевич Драгица, 1940—1942, Ясеновац
Шокчевич Драголюб, 1934—1942, Ясеновац
Шокчевич Живка, 1940—1942, Ясеновац
Шокчевич Зорка, 1938—1942, Сисак
Шокчевич Илия, 1937—1942, Стара-Градишка
Шокчевич Йованка, 1941—1942, Стара-Градишка
Шокчевич Марко, 1936—1942, Ясеновац
Шокчевич Милован, 1928—1942, Ясеновац
Шокчевич Миля, 1940—1942, Ясеновац
Шокчевич Ружа, 1940—1942, Сисак
Шокчевич Савка, 1937—1942, Ясеновац
Шокчевич Славко, 1939—1942, Ясеновац
Шокчевич Стоя, 1941—1942, Стара-Градишка
Шпанович Вукашин, 1930—1942, Ясеновац
Шпаньич Анка, 1937—1942, Ясеновац
Шпаньич Бранка, 1934—1942, Стара-Градишка
Шпаньич Бранко, 1932—1942, Стара-Градишка
Шпаньич Бранко, 1937—1942, Сисак

Шпаньич Вида, 1937—1942, Ясеновац
Шпаньич Владо, 1939—1942, Сисак
Шпаньич Дара, 1939—1942, Ясеновац
Шпаньич Дара, 1941—1942, Сисак
Шпаньич Душанка, 1933—1942, Ясеновац
Шпаньич Ела, 1934—1942, Ясеновац
Шпаньич Елена, 1937—1942, Сисак
Шпаньич Елка, 1939—1942, Ясеновац
Шпаньич Живко, 1935—1942, Сисак
Шпаньич Здравко, 1938—1942, Ясеновац
Шпаньич Зорка, 1939—1942, Ясеновац
Шпаньич Йока, 1932—1942, Стара-Градишка
Шпаньич Любомир, 1931—1942, Ясеновац
Шпаньич Мария, 1928—1942, Ясеновац
Шпаньич Мария, 1932—1942, Ясеновац
Шпаньич Милосава, 1939—1942, Ясеновац
Шпаньич Милька, 1935—1942, Ясеновац
Шпаньич Миля, 1933—1942, Ясеновац
Шпаньич Миодраг, 1933—1942, Ясеновац
Шпаньич Мира, 1937—1942, Ясеновац
Шпаньич Мира, 1939—1942, Ясеновац
Шпаньич Младен, 1934—1942, Сисак
Шпаньич Раде, 1938—1942, Стара-Градишка
Шпаньич Радосава, 1935—1942, Ясеновац
Шпаньич Ранко, 1935—1942, Ясеновац
Шпаньич Слободан, 1939—1942, Сисак
Шпица Мишо, 1927—1942, Ясеновац
Шпицтайн Гидо, 1935—1941, Стара-Градишка
Шпицтайн Инка, 1933—1941, Стара-Градишка
Шувак Десанка, 1940—1942, Ясеновац
Шувак Душанка, 1928—1942, Ясеновац
Шувак Йован, 1935—1942, Ясеновац
Шувак Криста, 1934—1942, Ясеновац
Шувак Лука, 1933—1942, Ясеновац
Шувак Мария, 1932—1942, Ясеновац

Шувак Милан, 1939—1942, Ясеновац
Шувак Милан, 1939—1942, Ясеновац
Шувак Невенка, 1930—1942, Ясеновац
Шувак Раде, 1928—1945, Ясеновац
Шувак Райко, 1930—1942, Ясеновац
Шувак Стайка, 1930—1942, Ясеновац
Шувак Стоян, 1928—1942, Ясеновац
Шувак Стоян, 1930—1942, Ясеновац
Шуица Мица, 1937—1942, Ясеновац
Шуица Радосава, 1939—1942, Ясеновац
Шумоня Гойко, 1927—1942, Ясеновац
Шумоня Мирко, 1927—1942, Ясеновац
Шурлан Радмила, 1940—1942, Ясеновац
Шушњар Даница, 1936—1942, Стара-Градишка
Шушњар Нада, 1931—1942, Стара-Градишка
Шушњар Савка, 1938—1942, Стара-Градишка
Эчим Деса, 1931—1942, Ясеновац
Эчим Драгица, 1942—1942, Стара-Градишка
Янкович Богданка, 1930—1942, Ясеновац
Янкович Божо, 1938—1942, Ясеновац
Янкович Божо, 1940—1942, Сисак
Янкович Владе, 1935—1943, Ясеновац
Янкович Даница, 1941—1942, Ясеновац
Янкович Душанка, 1937—1942, Ясеновац
Янкович Ела, 1937—1942, Ясеновац
Янкович Живко, 1936—1942, Ясеновац
Янкович Живко, 1937—1942, Сисак
Янкович Зора, 1940—1942, Ясеновац
Янкович Ковилька, 1937—1942, Ясеновац
Янкович Лепа, 1937—1942, Ясеновац
Янкович Любица, 1940—1942, Ясеновац
Янкович Мара, 1935—1942, Ясеновац
Янкович Марица, 1933—1942, Ясеновац
Янкович Марица, 1938—1942, Сисак
Янкович Марица, 1942—1942, Сисак

Янкович Милан, 1927—1942, Ясеновац
Янкович Милан, 1935—1942, Ясеновац
Янкович Милан, 1942—1942, Ясеновац
Янкович Милинко, 1932—1942, Ясеновац
Янкович Милица, 1930—1942, Ясеновац
Янкович Милица, 1940—1942, Ясеновац
Янкович Милован, 1931—1942, Ясеновац
Янкович Миля, 1929—1942, Ясеновац
Янкович Мирко, 1932—1942, Сисак
Янкович Мирко, 1938—1942, Сисак
Янкович Нада, 1939—1942, Стара-Градишка
Янкович Никола, 1932—1942, Ясеновац
Янкович Радован, 1940—1942, Ясеновац
Янкович Райко, 1932—1942, Ясеновац
Янкович Ранко, 1932—1942, Ясеновац
Янкович Роса, 1941—1942, Ясеновац
Янкович Сава, 1927—1942, Ясеновац
Янкович Славко, 1941—1942, Ясеновац
Янкович Ягода, 1942—1942, Ясеновац
Яњич Велько, 1934—1942, Ясеновац
Яњанин Драган, 1931—1942, Сисак

Оглавление

ВСТУПЛЕНИЕ	3
ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ УСТАШСКОГО ДВИЖЕНИЯ	19
ОБРАЗОВАНИЕ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА ХОРВАТИЯ	41
ОБЩЕЕ ОБ УСТАШСКИХ ЛАГЕРЯХ: КЛАССИФИКАЦИЯ, УСТРОЙСТВО, ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ	59
ДЕТИ В УСТАШСКИХ ЛАГЕРЯХ СМЕРТИ	75
ОТДЕЛЬНЫЕ УСТАШСКИЕ ЛАГЕРЯ СМЕРТИ ...	109
ДАНИЦА	111
КЕРЕСТИНЕЦ	117
ТЕНЯ	132
ВИЛЛА «ЛУБУРИЧ»	137
ЦАПРАГ	138
КРУШЧИЦА	140
ЦИГЛАНА — ПРИЕДОР	143
ЯСТРЕБАРСКО	146
СИСАК	158
ЛЕПОГЛАВА	162
КОМПЛЕКС ЛАГЕРЕЙ СМЕРТИ ГОСПИЧ — ЯДОВНО — ПАГ	167
ВВЕДЕНИЕ	169
ГОСПИЧ	171
ЯДОВНО	175
СЛАНА И МЕТАЙНА	203
СТУПАЧИНОВО	235
ОВЧАРА	238

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	242
КОМПЛЕКС ЛАГЕРЕЙ СМЕРТИ ЯСЕНОВАЦ	245
ВВЕДЕНИЕ	247
ЯСЕНОВАЦ I (БРОЧИЦЕ)	255
ЯСЕНОВАЦ II (КРАПЪЕ)	257
ЯСЕНОВАЦ III (ЦИГЛАНА)	260
ЯСЕНОВАЦ IV (КОЖАРА)	267
ЯСЕНОВАЦ V (СТАРА-ГРАДИШКА)	269
ДЖЯКОВО	281
ОБЩЕЕ О ЯСЕНОВЦЕ: ОРГАНИЗАЦИЯ, ФАКТЫ И МНЕНИЯ, ПРЕКРАЩЕНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ	291
ПОСЛЕСЛОВИЕ	365
ПРИЛОЖЕНИЯ	373
ПРИЛОЖЕНИЕ №1	377
ПРИЛОЖЕНИЕ №2	378
ПРИЛОЖЕНИЕ №3	379
ПРИЛОЖЕНИЕ №4	381
ПРИЛОЖЕНИЕ №5	383
ПРИЛОЖЕНИЕ №6	384
ПРИЛОЖЕНИЕ №7	385
ПРИЛОЖЕНИЕ №8	386
ПРИЛОЖЕНИЕ №9	387
ПРИЛОЖЕНИЕ №10	390
ПРИЛОЖЕНИЕ №11	392
ПРИЛОЖЕНИЕ №12	393

Никита Леонтьев

Усташские лагеря смерти в Независимом
государстве Хорватия в 1941–1945 гг.

Никита Владимирович Леонтьев (1985 г., Москва) — автор ряда публикаций о культуре, истории, традициях и современной жизни южнославянских стран (стран бывшей Югославии и Болгарии). Автор переводов на русский язык отрывков из произведений южнославянских писателей и поэтов. Автор книги «Ветер с Балкан».

Перед Вами — вторая книга балканиста-любителя Н. Леонтьева, в которой автор рассказывает об усташских лагерях смерти в одном из спутников гитлеровской Германии — Независимом государстве Хорватии — в годы Второй мировой войны.

ISBN 978-5-4498-8589-0



Rideró

Rideró.ru — издай
книгу бесплатно!